

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

Российское монголоведение

Бюллетень VI

Москва
ИВ РАН
2012

УДК 94(517.3)+015
ББК 63(5Мон)
Р765

Редакционная коллегия:

В. В. Грайворонский (ответственный редактор)
К. В. Орлова (составитель)
А. Д. Пюрбеев
Р. Б. Рыбаков
А. Д. Цендина

Р765 **Российское монголоведение. Бюллетень VI** / Отв. ред.
В. В. Грайворонский. – М.: Институт востоковедения РАН,
2012. – 282 с.

ISBN 978-5-89282-466-8

Сборник, посвященный приоритетным направлениям монголо-
ведения в России, призван ознакомить читателей с последними
изысканиями востоковедов и научной деятельностью монголовед-
ных центров России.

Основными авторами Бюллетеня являются ведущие исследо-
ватели отечественного востоковедения. Статьи написаны в русле
основных научных приоритетов и с позиций современного монголо-
ведения, для которого историко-культурные проблемы монголо-
язычных народов существенны и несут как чисто научное, так и
общеисторическое практическое значение.

УДК 94(517.3)+015
ББК 63(5Мон)

ISBN 978-5-89282-466-8

© Институт востоковедения РАН, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

О сборнике 5

I. Центры монголоведения в России

<i>Грайворонский В.В.</i> О развитии монголоведения в Институте востоковедения РАН (2000–2009).....	7
<i>Кульганек И.В., Евдокимова Т.Ю.</i> Классическое монголоведение в Санкт-Петербурге	25
<i>Пюрбеев Г.Ц.</i> О монголоведных исследованиях в Институте языкознания РАН (2004–2008).....	48
<i>Скородумова Л.Г.</i> О новом центре монголоведения	56
<i>Очирова Н.Г.</i> Монголоведение в Калмыкии: история и современность (на примере КИГИ РАН)	59
<i>Самдан А.А.</i> Монголоведные исследования в Туве	71

II. История и филология

<i>Дмитриев С.В.</i> К вопросу об уйгурском генезисе топонимики Каракорума	80
<i>Чимитдоржиев Ш.Б., Чимитдоржиева Л.Ш.</i> Материалы Омского архива по русско-джунгарским отношениям в XVIII в.	109
<i>Бадмаева Е.Н.</i> Буддийское духовенство в Калмыкии в 20-е годы XX в.	128
<i>Орловская М.Н.</i> Монгольская версия Hsiao-Ching (Китайский канон сыновнего почтения)	137
<i>Гольман М.И.</i> Российско-монгольские отношения на подъеме	144
<i>Серен П.С.</i> Лексика свадебного обряда языка цэнгэльских тувинцев Монголии (по материалам полевого исследования) ...	151

III. Российские востоковеды и монголоведы

<i>Скородумова Л.Г.</i> К юбилею К.Н. Яцковской.....	157
<i>Рошин С.К.</i> К 80-летию Ш.Г. Надирова.....	168

<i>Амоголонова Д.Д.</i> Постигание Востока: религия, власть, этничность в пространстве традиционной монгольской культуры (к юбилею Т.Д. Скрынниковой).....	171
<i>Дамбуева П.П.</i> К юбилею А.А. Дарбеевой.....	180
<i>Очиров У.Б.</i> Вклад К.Н. Максимова в развитие исторического калмыковедения.....	189

IV. Памяти ученых

<i>Алпатов В.М.</i> В.М. Солнцев и алтайское языкознание.....	198
<i>Кузьмин Ю.В.</i> Н.П. Шастина – историк, источниковед, историограф новой и новейшей истории Монголии.....	203
<i>Раднаев В.Э.</i> К 100-летию со дня рождения Г.И. Михайлова.....	217
<i>Гарри И.Р.</i> К 80-летию Р.Е. Пубаева (1928–1991).....	227
<i>Пюрбеев Г.Ц.</i> К 80-летию З.В. Шеверниной (1929–2002).....	243
<i>Раднаев В.Э.</i> Монголовед-лингвист Д.А. Алексеев и его классификация частей речи в бурятском языке (к 100-летию со дня рождения Д.А. Алексеева).....	247
<i>Яцковская К.Н.</i> К 100-летию со дня рождения Э.М. Мурзаева (1908–1998).....	255

V. Библиография

Основные публикации Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН за 2003–2009 гг.	279
---	-----

О СБОРНИКЕ

Бюллетень № 6 «Российское монголоведение» – это регулярный сборник, посвященный приоритетным направлениям монголоведения в России. Это издание призвано знакомить читателей с последними изысканиями востоковедов, с научной деятельностью монголоведных центров России за последние пять лет. С этой точки зрения Бюллетень представляется не только чрезвычайно полезным, но и весьма актуальным и важным.

Основными авторами Бюллетеня являются исследователи, работающие в ведущих востоковедных центрах России. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монгольских народов существенны и несут как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

Бюллетень № 6 «Российское монголоведение» состоит из четырех разделов. Первый раздел освещает деятельность монголоведных центров – в Москве (Институт востоковедения РАН, Институт языкознания РАН), Санкт-Петербурге (Институт восточных рукописей РАН, восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета), Калмыкии (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН), Туве (Тувинский институт гуманитарных исследований при правительстве Республики), а также образованному в 2006 г. монголоведному центру в Институте восточных культур и античности в Российском государственном гуманитарном университете.

Вторая часть сборника включает статьи ведущих ученых – М.Н. Орловской «Монгольская версия Hsiao-Ching (Китайский канон сыновнего почтения)»; Ш.Б. Чимитдоржиева, Л.Ш. Чимитдоржиевой «Материалы Омского архива по русско-джунгарским отношениям в XVIII в.»; М.И. Гольмана «Российско-монгольские отношения на подъеме»; Е.Н. Бадмаевой «Буддийское духовенство и власть в Калмыкии в XX в.»; П.С. Серен «Лексика свадебного обряда цэнгэльских тувинцев Монголии (материалы полевого исследования)».

Третий раздел Бюллетеня освещает научную деятельность известных монголоведов, юбилеи которых отмечались в 2008–2009 гг., – Т.Д. Скрынниковой, К.Н. Яцковской, Ш.Г. Надирова, А.А. Дарбеевой, К.Н. Максимова.

Мемориальная часть Бюллетеня посвящена памяти известных востоковедов и монголоведов, внесших значительный вклад в разви-

тие монголистики. Сюда вошли статьи о Д.А. Алексееве, Г.И. Михайлове, Э.М. Мурзаеве, Р.Е. Пубаеве, З.В. Шеверниной, Н.П. Шастиной.

Наконец, в последнем разделе Бюллетеня – Библиография – публикуются основные работы Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН за 2003–2009 гг.

Бюллетень предназначен для монголоведов, востоковедов и широкого круга специалистов и читателей, интересующихся историей и культурой монголоязычных народов.

I. Центры монголоведения в России

В.В. Грайворонский

О РАЗВИТИИ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН (2000–2009)

Институт востоковедения РАН – старейшее научное учреждение в области ориенталистики в России, в 2008 г. исполнилось 190 лет со дня основания Азиатского музея (1818) в Санкт-Петербурге. В 1931 г. Азиатский музей был преобразован в Институт востоковедения АН СССР и в 1950 г. переведен в Москву. На протяжении всего почти 200-летнего периода существования Института востоковедения монголоведение было и остается одним из традиционных, важных направлений востоковедных исследований. За истекшие десятилетия, особенно во второй половине XX, в России появились и получили развитие монголоведческие центры в других городах – Иркутске, Улан-Удэ, Новосибирске, Элисте и др. Однако Институт востоковедения РАН по-прежнему сохраняет статус головного учреждения в этой области науки, служит базой для российской части Комиссии РАН и АН Монголии по сотрудничеству в области общественных наук, Общества монголоведов РАН. В ИВ РАН проводятся международные и национальные конференции, «круглые столы», симпозиумы монголоведов и востоковедов («Владимирцовские чтения» и др.), выходят ряд периодических изданий, в которых монголоведческая тематика представлена достаточно широко (журналы «Восток (Oriens)», «Азия и Африка сегодня», «Altaica», бюллетень «Российское монголоведение» и др.)

Цель настоящей статьи – ознакомить научную и более широкую общественность России и других стран с основными результатами научно-исследовательской деятельности монголоведов Института

востоковедения за последние годы (2000–2009), преимущественно на примере сектора Монголии.

Монголоведческие исследования на регулярной, плановой основе ведутся в Отделе Кореи и Монголии, Отделе языков народов Азии и Африки, Отделе литератур народов Азии, Отделе истории Востока. Кроме этого, отдельные темы, связанные с Монголией и монголоязычными народами России (буряты, калмыки) и Китая, отношениями между Россией, Монголией и Китаем, разрабатываются в некоторых других подразделениях, в частности, в Отделе Китая и др.

По состоянию на конец 2009 – начало 2010 гг., в ИВ РАН работали не менее 15 монголоведов, китаеведов и других востоковедов, которые в той или иной степени занимались исследованиями в области истории и современного развития Монголии и монгольских народов.

В настоящее время монголоведческие исследования в ИВ РАН ведутся по следующим основным направлениям: средневековая, новая и новейшая история, политика, экономика, культура, религия, международное положение и внешняя политика Монголии, история и современное состояние отношений между Россией и Монголией, древние и современные языки и литература Монголии и монголоязычных народов России (буряты, калмыки), публикация и изучение археологических, письменных исторических и литературных памятников, издание сборников архивных документов по истории русско-монгольских и советско-монгольских отношений, издание собрания сочинений выдающегося российского монголоведа акад. Б.Я. Владимирцова, история и современное развитие отечественного и мирового монголоведения, преимущественно в США и Европе и др.

Наибольшее число монголоведов сосредоточено в секторе Монголии Отдела Кореи и Монголии – 8 человек, в том числе 5 докторов и 3 кандидата наук.

На протяжении многих лет в секторе Монголии плодотворно трудятся известные монголоведы старшего поколения с.н.с., к.и.н. Г.И.Слесарчук, гл.н.с., д.и.н. М.И. Гольман, вед.н.с., д.и.н., к.э.н. С.К. Рощин, с.н.с., к.э.н. Ш.Г. Надиров, гл.н.с., д.п.н., к.э.н. Г.С. Яскина, а также зав. сектором, д.и.н. В.В. Грайворонский, с.н.с., к.и.н. Е.В. Бойкова, с.н.с., д.и.н. К.В. Орлова. Кроме них, в секторе в разные годы работали и продолжают сотрудничать д.и.н., проф. С.Г. Лузянин, д.филол.н. А.Д. Цендина, д.п.н. А.С. Железняков, к.и.н. С.Б. Намсараева, к.э.н. М.Б. Мещанинов.

Многие из вышеперечисленных направлений монголоведческих исследований с разной степенью охвата и глубины разрабатываются в рамках сектора Монголии. Основная его специализация – изучение новейшей истории Монголии XX – начала XXI вв., современного международного положения и внешней политики Монголии, российско-монгольских отношений, развития политической системы, экономики, социальной сферы, культуры, религии и науки Монголии, а также мирового и отечественного монголоведения. Первостепенное внимание уделяется изучению хода и результатов политических, экономических, социальных и других реформ, которые осуществляются в Монголии после мирной демократической революции 1990 г.

Наиболее крупным, коллективным трудом историков и экономистов сектора в последние годы стала монография «История Монголии. XX век», изданная в многотомной серии «История стран Востока. XX век»¹. В числе ее авторов – Е.В. Бойкова, А.С. Железняков, М.И. Гольман, В.В. Грайворонский, С.Г. Лузянин, Ш.Г. Надиров, С.К. Рощин, Г.С. Яскина. Ответственный редактор – Г.С. Яскина. В составлении именного, хронологического и географического указателей принимали участие К.В. Орлова и М.Б. Мещанинов.

Монография представляет собой первое в отечественном монголоведении фундаментальное, обобщающее исследование истории Монголии на протяжении всего XX века, выполненное на основе изучения большого массива опубликованных и новых документальных, статистических, архивных и других материалов и литературы с учетом тех революционных преобразований, которые произошли в России и Монголии в конце 1980-х – начале 1990-х годов. В книге на основе новых подходов в хронологической последовательности освещены основные этапы и ключевые события сложной, противоречивой истории Монголии, которая была непосредственно и тесно связана с драматической историей России и Советского Союза в XX веке, особенности перехода Монголии от прежней, в основе своей советской, модели развития к новой модели, основанной на современных рыночных отношениях и демократии. Монография получила положительные отзывы в России, Монголии и других странах. Крайне ограниченный тираж (300 экз.) быстро разошелся и уже стал библиографической редкостью.

Среди индивидуальных работ на малоисследованные, дискуссионные сюжеты истории Монголии первой половины XX века следует отметить монографии известного российского монголоведа, экономиста и историка **С.К. Рощина** – «Политическая история Монголии

(1921–1940 гг.)», «Маршал Монголии Х. Чойбалсан. Штрихи биографии», «П. Гэндэн. Монгольский национальный лидер. Штрихи биографии»². В этих работах автор на основе глубокого изучения официальных документов и архивных материалов, многие из которых впервые введены им в научный оборот, по-новому подошел и осветил ряд ключевых событий политической истории Монголии и советско-монгольских отношений в сложные, противоречивые 1920–1930-е и последующие годы, по-новому оценил место и роль многих известных политических деятелей Монголии того периода, в том числе Д. Сухэ-Батора, Д. Бодо, Э. Ринчино, Х. Чойбалсана, П. Гэндэна и др. Обращает на себя внимание, что С.К. Рощин, который раньше преимущественно специализировался на экономической тематике и опубликовал несколько монографий о формировании и развитии социалистического уклада в экономике МНР, развитии сельского хозяйства МНР, в последние годы полностью переключился на углубленное изучение истории Монголии и советско-монгольских отношений в первой половине XX века и добился заметных успехов в этом деле. С.К. Рощин внес существенный вклад в научную разработку ряда актуальных проблем политической истории Монголии и советско-монгольских отношений в 1920–1930-е годы. Большая его заслуга также в развитии относительно нового направления в современном российском монголоведении – написания политических портретов видных политических деятелей Монголии первой половины XX века, роль которых в советской и монгольской марксистской историографии оценивалась неоднозначно. Работы С.К. Рощина вызвали большой интерес и получили положительные отзывы в России, Монголии и других странах. В настоящее время С.К. Рощин пишет новую работу о месте и роли Д. Сухэ-Батора в революционном движении и общественно-политической жизни Монголии в конце 1910-х – начале 1920-х годов.

Одним из приоритетных направлений работы сектора Монголии является изучение хода и результатов трансформационных процессов в политической, социально-экономической и культурной жизни Монголии с конца 1980-х годов и до настоящего времени. Среди первых крупных работ, посвященных изучению этих сложных, противоречивых процессов, прежде всего, следует отметить серию монографий и научных статей известного монголоведа и востоковеда широкого профиля **Г.С. Яскиной**, в том числе монографии «Монголия: смена модели развития. Политические и экономические реформы», «Монголия: день сегодняшний (политика, экономика, культура)»,

«Экономические реформы в Монголии: социальные аспекты», «Аграрный сектор экономики Монголии на подступах к рынку», «Монголия и внешний мир» и др.³

Г.С. Яскина является одним из ведущих российских монголоведов-первопроходцев, которые, несмотря на многочисленные трудности, связанные с переходным периодом в России и Монголии, крушением прежней идеологии и методологии, недостатком материалов и информации, активно взялась за разработку широкого круга политических, экономических, социальных, культурных и международных проблем переходного периода Монголии от старой модели развития к многопартийной политической системе, рыночной экономике, демократическим формам правления и открытой внешней политике.

В монографии «Монголия и внешний мир» с учетом опыта и уроков исторического прошлого Г.С. Яскина обстоятельно рассмотрела историю и современное состояние отношений Монголии с Россией/СССР, Китаем, США, Японией и другими странами Азии и Европы в конце XX – начале XXI вв. Ее монография была и остается первым комплексным исследованием международного положения и внешней политики Монголии, выполненное российским ученым после 1990 г.

Ее труды хорошо известны и получили высокую оценку специалистов в России, Монголии и других странах. Следует также отметить, что круг научных интересов Г.С. Яскиной не ограничивается только Монголией и монголоведением. Обладая богатым опытом и обширными знаниями как востоковед, историк, экономист и политолог широкого профиля Г.С. Яскина опубликовала несколько монографий о политических и экономических реформах в Республике Корея, Вьетнаме, Эстонии и др. Недавно вышла из печати и привлекла внимание специалистов ее новая, крупная монография о теоретических и практических проблемах демократизации политических систем в странах Азии⁴.

Ход и первые результаты реформирования социальной сферы Монголии в 1990–2006 гг. впервые стали предметом специального исследования в монографии **В.В. Грайворонского** «Реформы в социальной сфере современной Монголии»⁵. На фоне общей характеристики основных тенденций политического и социально-экономического развития Монголии после 1990 г. в работе проанализированы основные пути и результаты реформ в социальной сфере, включая образование, здравоохранение, науку, культуру, жилищно-комму-

нальное хозяйство, социальное обеспечение и социальную помощь. Показаны принципы, основные направления и особенности социальной политики монгольского государства в сложный, переходный период, позиции главных противоборствующих политических партий, масштабы и острота таких социальных проблем, как бедность, безработица, преступность, проституция, детская беспризорность, коррупция, алкоголизм и др. Кроме этого, в монографии рассмотрена проблема номадизма в современной Монголии и ее влияние на состояние и перспективы решения социально-экономических проблем монгольских животноводов-кочевников (аратов). Показаны также направления, объемы и значение помощи основных стран-доноров и международного сообщества в решении социальных проблем в Монголии.

Новым и перспективным направлением в развитии не только монголоведения, но и востоковедения в целом, является сравнительное изучение путей, стратегии, хода и результатов реформирования политических и социально-экономических систем в России, Монголии и Китае, в том числе в региональном разрезе на примере монголоязычных народов. Как известно, эти страны избрали разные пути преобразования однотипной, в основе своей советской, социалистической общественно-политической и социально-экономической системы, накопили 20–30-летний опыт системных преобразований и к настоящему времени пришли с различными результатами. В рамках этого направления в 2009 г. В.В. Грайворонский завершил новое исследование «Уровень жизни населения Бурятии (Россия), Монголии и Внутренней Монголии (Китай) в 1990–2008 гг.». В этой работе автор на основе широкого использования официальных и труднодоступных статистических, социологических, экономических и других данных впервые в отечественном и мировом монголоведении предпринял попытку выявить и сопоставить основные изменения основных показателей уровня жизни населения и развития человеческого потенциала в Монголии и в указанных регионах России и Китая.

Проблемы истории и современного состояния русско/советско/российско-монгольских отношений всегда занимали и продолжают занимать одно из приоритетных мест в научно-исследовательской работе монголоведов Института. Среди крупных работ по истории русско-монголо-китайских отношений в первой половине XX века, выполненных в ИВ РАН и вышедших в начале 2000-х годов, следует отметить монографию известного российского политолога **С.Г. Лужина** «Россия – Монголии – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг.», которая выдержала два

издания⁶. Автор на базе преимущественно малоизвестных, неопубликованных архивных документов и новых подходов внес существенный вклад в углубление исследования «монгольского вопроса» во внешней политике России, его места и роли в русско/советско-китайских отношениях, политики СССР и Коминтерна в МНР и монгольских районах Китая, а также проблемы международного признания МНР в качестве независимого и суверенного государства в указанный период.

Продолжается издание многотомного собрания архивных документов по истории русско-монгольских отношений в XVII веке, начатое еще в 1950-е годы⁷. В 1950–2000 гг. со значительными перерывами, вызванными прежде всего недостаточным финансированием, вышли из печати четыре тома «Русско-монгольских отношений», охватывающие период с 1609 г. по 1691 г. В настоящее время готовится к изданию заключительный, пятый том. В связи с изданием этой серии следует особо отметить большой, многолетний и кропотливый труд известного археографа и историка **Г.И. Слесарчук**, которая на протяжении более 50 лет беспрерывно является основным составителем большинства сборников архивных документов. Введение в научный оборот большого массива новых архивных материалов по истории русско-монгольских отношений в XVII в., несомненно, является крупным достижением и ценным вкладом в отечественное и мировое монголоведение и востоковедение. На основе изучения архивных документов Г.И. Слесарчук неоднократно выступала с докладами на международных и национальных конгрессах и конференциях монголоведов и опубликовала ряд научных статей.

Сотрудники сектора **Г.И. Слесарчук**, **А.С. Железняков**, **В.В. Грайворонский** в разное время и в разной степени принимали участие в составлении и подготовке к изданию сборников архивных документов «Коминтерн и Монголия»⁸, «Монголия в документах ВКП (б) (1920–1952)»⁹, «Монголо-советские культурные и научно-технические связи (1921–1960 гг.)»¹⁰, «Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946)»¹¹. Трудно переоценить огромное научное и политическое значение этих публикаций для изучения подлинной истории политических, военных, экономических, культурных, научных и других отношений между Россией/СССР и Монголией, для определения реального места и роли России/СССР в исторических судьбах Монголии и монгольского народа в XX веке.

Е.В. Бойкова на базе малоизвестных материалов и архивных документов русских военных экспедиций в Монголию во второй по-

ловине XIX – начале XX вв., за исключением широко известных экспедиций Н.М. Пржевальского и П.К. Козлова, подготовила монографию «Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX – начало XX вв.)», в которой впервые в отечественном монголоведении в обобщенном виде показала ценный вклад ряда малоизвестных русских военных исследователей в изучение географии, природных условий, истории и этнографии Монголии в указанный период.

Различные аспекты истории и современных российско-монгольских отношений, как правило, рассматриваются также во многих упомянутых и неупомянутых коллективных и индивидуальных работах сотрудников сектора.

Важная особенность современных исследований российских монголоведов состоит в том, что если раньше, до начала 1990-х годов, сложная, неоднозначная, нередко драматическая, история взаимоотношений между Россией/СССР и Монголией в XX веке освещалась с явным акцентом на позитивные стороны этих отношений, то в настоящее время исследования ведутся, во-первых, более объективно и всесторонне, с учетом тех радикальных изменений, которые произошли в наших странах за последние 20 лет, во-вторых, с учетом новых, ранее неизвестных фактов и архивных материалов, а также новых подходов к оценке многих исторических событий и деятелей прошлого, в-третьих, в тесном сотрудничестве с современными монгольскими историками, экономистами, филологами и другими обществоведами.

Институт востоковедения РАН сотрудничает с несколькими институтами Академии наук Монголии, в том числе Институтом международных исследований, Институтом истории, Институтом языка и литературы, а также с такими международными научными учреждениями в Улан-Баторе, как Международная ассоциация монголоведения, Международный институт ЮНЕСКО по изучению кочевых цивилизаций и др.

В 2001 г. монголоеды-историки и экономисты ИВ РАН совместно с коллегами из Института международных исследований АН Монголии (ИМИ АНМ) опубликовали совместный сборник статей «Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке»¹². Главные особенности этого сборника состояли в том, что это был первый опыт совместного труда российских и монгольских историков после тех радикальных преобразований, которые произошли в обеих странах в конце 1980-х – начале 1990-х годов, во-

вторых, российские и монгольские авторы, свободные от прежних жестких идеологических рамок и схем, открыто изложили свои позиции по ряду спорных и малоисследованных проблем двусторонних отношений в XX в. Сборник получил положительные отзывы в России, Монголии и других странах.

В 2006–2008 гг. совместный коллектив ведущих ученых этих же институтов, опираясь на первый положительный опыт сотрудничества, в относительно сжатые сроки, сумел подготовить к изданию новый крупный совместный труд – коллективную монографию «Россия и Монголия на пути стратегического партнерства»¹³. Совместный проект возглавили бывший директор Института востоковедения РАН, д.и.н. Р.Б. Рыбаков и директор Института международных исследований АН Монголии, д.и.н., проф. Л. Хайсандай. В коллектив исполнителей вошли: от ИВ РАН – к.и.н. Е.В.Бойкова, д.и.н. М.И. Гольман, д.и.н. В.В. Грайворонский, к.э.н. М.Б. Мещанинов, к.э.н. Ш.Г. Надиров, д.п.н. Г.С. Яскина, Г.М. Кузнецова; от ИМИ АНМ – д.и.н. проф. Л. Хайсандай, д.и.н., проф. О. Батсайхан, к.и.н. А. Буянтогс, д.и.н., проф. С. Дамдинсурэн, к.и.н. К. Дэмбэрэл, к.и.н. А. Нямдолжин, к.и.н. Л. Оюунгэрэл, к.и.н. Д. Шурху, магистр Ж. Орхон, Т. Мижитова.

Научное и практическое значение этого труда, прежде всего, состоит в том, что до последнего времени в российской литературе отсутствовало комплексное, обобщающее исследование сложного процесса обновления и развития традиционных дружественных двусторонних отношений в переходный период от старой, советской модели взаимоотношений к новой, основанной на приоритете национальных интересов, равноправии и взаимной выгоде. Отсутствовало четкое представление о периодизации, основных вехах и ключевых событиях на пути обновления договорно-правовой базы этих отношений, становления и совершенствования нового механизма взаимодействия, о периодах спада и подъема, достижениях и актуальных проблемах сотрудничества, о необходимости подъема его на качественно новый уровень – стратегического партнерства.

Проведенное исследование основных тенденций, современного состояния и перспектив развития комплекса политических, торгово-экономических, культурных, научных и других отношений между Россией и Монголией с 1990 г. до 2009 г., показало, что существенный спад в двусторонних отношениях, который имел место в начале 1990-х годов, был в основном преодолен уже к началу XXI века, после чего наступила фаза постепенной активизации многопланового

сотрудничества. На уровне руководства России и Монголии был определен и начал реализовываться совместный курс на подъем традиционных, дружественных, добрососедских отношений на качественно новый уровень – стратегического партнерства в новых исторических условиях, для которого имеются объективные предпосылки, взаимная заинтересованность и хорошие перспективы.

Помимо вышеназванных работ, современные проблемы развития экономики Монголии и торгово-экономических отношений между Россией, Монголией, Китаем и другими странами исследуются также в работах Г.С. Яскиной, В.В. Грайворонского, М.Б. Мещанинова¹⁴. В 2008 г. молодой экономист М.Б. Мещанинов защитил кандидатскую диссертацию (научный руководитель – Г.С. Яскина) и опубликовал интересную монографию на актуальную и малоисследованную тему о современном состоянии и перспективах приграничного и регионального сотрудничества между Россией и Монголией¹⁵.

Одним из традиционных и важных направлений монголоведческих исследований в ИВ РАН по-прежнему остается изучение и публикация исторических и литературных памятников монгольских народов. В 1998 г. был опубликован ценный юридический памятник XVII века – «Цааджин бичиг «Монгольское уложение», составлявший основу цинского законодательства для монголов¹⁶ в период пребывания Монголии в составе Цинского Китая. Этот памятник был переведен со старомонгольского языка на русский и вместе с комментариями подготовлен к печати известным российским монголоведом **С.Д. Дылыковым** еще в 1980-е годы.

В начале 2000-х годов эта традиция была продолжена и обогащена работами **А.Д. Цендиной** и **К.В. Орловой**. А.Д. Цендина перевела со старомонгольского на русский и вместе с введениями и комментариями опубликовала несколько ценных исторических сочинений, в том числе историко-религиозный памятник начала XIX века «История Эрдэни-Дзу», повествующий об истории проникновения и распространения буддизма в Монголии на примере первого и самого крупного буддийского монастыря Эрдэни-Дзу, построенного в 1586–1587 гг.¹⁷ Кроме этого, она перевела со старомонгольского на русский и в сотрудничестве с А.Г. Сазыкиным опубликовала редкое историко-религиозно-литературное сочинение – автобиографические путевые заметки известного российского и бурятского буддийского деятеля конца XIX – первой трети XX вв., одного из учителей Далай-

ламы XIII, хамбо-ламы Агвана Доржиева, изложенные им в стихотворной форме¹⁸.

А.Д. Цендина и **А.С. Железняков** подготовили и опубликовали ценное издание «История в трудах ученых лам», в которое одновременно вошли три историко-философских сочинения монгольских ученых лам, в том числе «Конечная причина религий в Монголии» Эрдэнэпила (начало XX в., перевод со старомонгольского на русский Ринчена, Самбу и А.Д. Цендиной, впервые введено в научный оборот), «Золотое сказание» анонимного автора (XVII в., перевод Г.С. Гороховой и А.Д. Цендиной), «Хрустальное зеркало» Джамбадорджи (XIX в., перевод Б.И. Короля и А.Д. Цендиной)¹⁹. На основе изучения указанных и других сочинений монгольских лам и ученых А.С. Железняков в предисловии к сборнику предпринял интересную попытку в обобщенной форме представить «Монгольский взгляд на историю»²⁰. В частности, он пришел к выводу: «В контексте рождения, расцвета и заката историографии трудов монгольских лам прослеживается логика конструирования мировой истории кочевниками, что может стать подспорьем не только для корректного сравнения отношения монголов к своему прошлому с тем, как это прошлое воспринимается со стороны, но и для выявления в целом существенных расхождений в развитии исторической мысли у кочевых и оседлых народов»²¹.

Благодаря своей основательной филологической подготовке и глубоким знаниям старомонгольского, тибетского и нескольких европейских языков А.Д. Цендина подготовила и успешно защитила докторскую диссертацию на актуальную и малоисследованную тему «Структурные и сюжетно-стилистические особенности монгольских летописей»²². Научная новизна и ценность этой работы состоит, прежде всего, в том, что в ней впервые в мировом монголоведении предложены новые теоретические принципы исследования и описания монгольских летописей и литературы. При этом А.Д. Цендина исследовала монгольские летописи с точки зрения литературной формы, проследила стадии ее эволюции в XVII-XIX вв., выявила и показала элементы влияния индийской, тибетской, китайской и других культурных традиций, их соотношение и роль в процессе становления монгольской литературы.

К.В. Орлова осуществила первый перевод с ойратского языка на русский малоизвестного исторического памятника «Золотые четки. Основание монастыря «Преисполненный благословенного белого лотоса, ниспускающего лучи золотого солнца религии» (Западная

Монголия), и вместе с введением и комментариями подготовила его к печати.

Одним из традиционных и важных направлений монголоведческих исследований в ИВ РАН продолжает оставаться изучение монголоведения на Западе, в том числе США, Великобритании, Франции, Германии и других европейских странах. На протяжении многих лет это направление последовательно и успешно развивает **М.И. Гольман**, опубликовавший за последние годы ряд работ, в том числе обстоятельную монографию «Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества). 50-е – середина 90-х годов XX века»²³. В книге впервые в отечественном монголоведении и востоковедении в обобщенном, систематизированном виде подробно освещена деятельность основных научных и образовательных учреждений и обществ, а также ряда известных западных востоковедов и монголоведов, которые вели и продолжают вести исследования в области истории, языка, культуры, политики, экономики Монголии и монголоязычных народов России и Китая во второй половине XX века до 1990 г. Книга снабжена большим количеством ценных биографических справок и комментариев, содержит обширную библиографию по западному монголоведению в указанный период, которая сама по себе представляет самостоятельную научную ценность.

В рассматриваемый период была проделана большая работа по составлению библиографий работ российских монголоведов и востоковедов по Монголии. На этом направлении, которое до конца XX века заметно отставало от общего хода развития отечественного монголоведения, прежде всего, следует отметить работы **Е.В. Бойковой**, в том числе «Библиографию по российскому монголоведению (1946–1998)», опубликованную в серии «Международная библиография по монголоведению», издаваемой Международной ассоциацией монголоведения (МАМ, штаб-квартира в г. Улан-Баторе), и «Библиографию отечественных работ по монголоведению. 1946–2000 гг.», изданную в Москве²⁴. Главное достоинство «Библиографии отечественных работ по монголоведению» состоит в том, что, она является, во-первых, первой систематизированной библиографией по монголоведению, изданной в России за последние 40 с лишним лет, а, во-вторых, несмотря на отдельные пробелы, она стала наиболее полным перечнем монографий и научных статей российских монголоведов и обществоведов по Монголии, опубликованных за последние 55 лет XX века. Библиография охватила около 9 тысяч наименований научных работ в области филологии, истории, археологии, этнологии, эконо-

мики, образования, здравоохранения, религиоведения, культурологии, искусствоведения, физкультуры и спорта Монголии, а также ряд работ общего характера, справочных и библиографических изданий.

Общее количество трудов и широкий охват всех аспектов общественных наук о Монголии и монголах, вошедших в библиографию, наглядно свидетельствуют о том, что современное российское монголоведение не только не слабеет, а, наоборот, несмотря на известные трудности с финансированием, информационном и кадровым обеспечением институтов РАН, продолжает развиваться относительно быстрыми темпами по всем основным направлениям не только в таких традиционных центрах, как Москва, Санкт-Петербург, Иркутск, Улан-Удэ, Новосибирск, но и в новых центрах (Элиста, Кызыл, Владивосток и др.).

На этом же направлении следует также отметить библиографию «Описание монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся на территории Калмыкии», подготовленную **К.В. Орловой**²⁵. Она же подготовила и опубликовала интересное, обстоятельное исследование «История христианизации калмыков. Середина XVII – начало XX вв.»²⁶, на базе которого успешно защитила докторскую диссертацию. В монографии на основе архивных материалов, часть из которых впервые переведена ею со старомонгольского языка на русский язык и введена в научный оборот, а также обширной светской и православно-церковной литературы, прослежена более чем 200-летняя история христианизации калмыков, начавшаяся после их откочевки из Западной Монголии и вхождения в состав Российского государства в XVII в., и прерванная Октябрьской революцией 1917 г. Работа получила положительные отклики не только в академических кругах России, но и в Русской православной церкви.

В указанные годы по инициативе монголоведов Института были организованы несколько крупных научных мероприятий, в том числе общероссийская конференция «Владимирцовские чтения – V» (2000), российско-монгольская научная конференция «Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций» (г. Звенигород, 2001), двусторонний «круглый стол» «Россия и Монголия на пути к стратегическому партнерству» (Москва, ИВ РАН, 2007), «круглый стол» о характере и последствиях беспорядков, имевших место в Улан-Баторе 1 июля 2008 г. и др. Большинство монголоведов сектора активно участвуют в различных международных и российских, межинститутских и внутриинститутских научных конференциях, «круглых столах» и симпозиумах по актуальным проблемам восто-

коведения и современной политики, выступают в качестве экспертов в СМИ, сети Интернет, на страницах газет, журналов и других изданий. В секторе регулярно организуются встречи с монгольскими коллегами, приезжающими в научные командировки в Москву. Сотрудники сектора Монголии часто оказывают содействие в подготовке и защите кандидатских и докторских диссертаций монгольских ученых.

При содействии ряда ведущих монголоведческих центров России в секторе подготовлен к изданию очередная бюллетень «Российское монголоведение» № 6, в котором дается ценная информация о развитии монголоведения в Москве, Санкт-Петербурге, Элисте, Кызыле и других городах, о жизни и творческой деятельности многих отечественных монголоведов и востоковедов, как ушедших из жизни, так и ныне здравствующих. Планируется проведение очередной общероссийской научной конференции «Владимирские чтения –VI».

Монголоеды Института с благодарностью отмечают деятельность **Р.Б. Рыбакова**, бывшего директора ИВ РАН, президента Общества монголоведов РАН, заместителя председателя российской части Комиссии по сотрудничеству РАН и АН Монголии в области общественных наук, вице-президента Международной ассоциации монголоведов, который постоянно уделял внимание и оказывал содействие в развитии монголоведения в ИВ РАН и научных сотрудничества между РАН и АНМ и продолжает это делать в настоящее время.

Помимо сектора Монголии отдельные монголоведческие исследования или работы, в той или иной степени связанные с Монголией и монгольскими народами России и Китая, ведутся также в Отделе Китая, Отделе истории Востока, Отделе общих проблем Востока и др.

В Отделе языков стран Азии и Африки на протяжении более 50 лет плодотворно работает известный специалист по монгольскому языку XIII–XIV вв., гл.н.с., д.филол.н. **М.Н. Орловская**, автор более 100 научных работ²⁷. Теоретические и прикладные проблемы монгольского языкознания разрабатывают в своих работах д.филол.н. проф. **Н.В. Солнцева**²⁸, вед.н.с., д.филол.н. **С.А. Крылов**, автор монографии «Теоретическая грамматика монгольского языка и смежные вопросы общей лингвистики»²⁹. В Отделе литератур народов Востока в течение более 40 лет вплоть до ухода на пенсию в 2007 г. плодотворно трудилась с.н.с., к.филол.н. **К.Н. Яцковская**, автор более 100 опубликованных работ³⁰.

Существенный вклад в разработку проблематики, связанной с историей взаимоотношений между Россией, Китаем и Монголией в начале XX в., ролью барона Унгерна фон Штернберга в истории Монголии в 1920–1921 гг., внес китаевед **Е.А. Белов**³¹. Среди исторических и историографических работ другого известного китаеведа **А.Н. Хохлова** заметное место занимают разделы в коллективных монографиях и статьи о роли Кяхты в русско-монголо-китайской торговле во второй половине XIX в., об отечественных монголоведах (А.В. Игумнов, А.М. Позднеев, Б.Я. Владимирцов и др.), и китаеведах, занимавшихся изучением Монголии (Н.Я. Бичурин и др.)³².

Заведующий Отделом истории Востока, известный тюрколог к.и.н. **Д.Д. Васильев** на протяжении ряда лет занимается изучением тюркских памятников на территории Южной Сибири и Монголии, он является членом Научного совета Международного института ЮНЕСКО по изучению кочевых цивилизаций в Улан-Баторе, оказывает содействие в развитии научных связей между востоковедами России и Монголии³³.

Основатель отечественной школы социоестественной истории, д.филол.н., проф. **Э.С. Кульпин** на примере Золотой Орды исследует историю взаимоотношений человека, общества и природы, кочевых и оседлых народов Евразии³⁴. Проблемы истории взаимоотношений тюркских и монгольских народов в период Монгольской империи и Юаньской династии в Китае в средние века и в более позднее время разрабатывает в своих работах д.и.н. **А.Ш. Кадырбаев**³⁵.

Резюмируя вышеизложенное, напрашивается вывод, что, несмотря на объективные и субъективные трудности, связанные с общими насущными проблемами развития общественных и гуманитарных наук в России, монголоведение в Институте востоковедения РАН продолжает развиваться как одно из традиционных и важных направлений отечественного востоковедения, ИВ РАН сохраняет традиционные позиции головного центра комплексного монголоведения в России.

¹ История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007.

² Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999; он же. Маршал Монголии Х. Чойбалсан. Штрихи биографии. М., 2005; он же. П. Гэндэн. Монгольский национальный лидер. Штрихи биографии / ИВ РАН. Улан-Батор: Агиймаа, 2008.

³ Яскина Г.С. Экономические реформы в Монголии: социальные аспекты. СПб., 1993; Монголия: смена модели развития. Политические и экономические

реформы. М., 1994; Монголия: день сегодняшний (политика, экономика, культура). Улан-Батор, 1997; Аграрный сектор Монголии на подступах к рынку. М., ИВ РАН, 1998; Монголия и внешний мир. М.: ИВ РАН, 2002.

⁴ Яскина Г.С. Процесс демократизации политических систем в странах Азии. М., 2009.

⁵ Грайворонский В.В. Реформы в социальной сфере современной Монголии. М.: ИВ РАН, 2007.

⁶ Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ИДВ, 2000; то же, 2-е изд, доп. М., 2003.

⁷ Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сборник документов. Т.1. Составители: Л.М. Гагаулина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. Отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М., 1959. Т.2 (1636–1654). Сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. Отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М., 1974. Т. 3 (1654–1685). Сост. Г.И. Слесарчук, отв. ред. Н.Ф. Демидова М., 1996; Т.4 (1685–1691) Сост. Г.И. Слесарчук, отв. ред. Н.Ф. Демидова. М., 2000.

⁸ Коминтерн ба Монгол (Баримтын эмхтгэл) (Коминтерн и Монголия. Сборник документов). Улан-Батор, 1996 (на монг. яз.).

⁹ Монголын тухай БХК(б)-ын баримт бичигт (1920–1952). (Баримтын эмхтгэл). (Монголия в документах ВКП (б). Сборник документов). Т. 1. 1920–1932 гг. Улан-Батор, 2002; Т. 2. 1933–1952 гг. Улан-Батор, 2005

¹⁰ Монгол-зөвлөлтийн соёл, шинжлэх ухаан, техникийн харилцаа. Баримт бичгийн эмхтгэл (1921–1960). 1 боть. (Монголо-русские культурные и научно-технические отношения. Сборник документов (1921–1960 гг. Т. 1). Улан-Батор, 2000.

¹¹ Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911–1946) Сборник документов. В 2 частях. Москва; Улан-Удэ. 2008.

¹² Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М.: ИВ РАН, 2001.

¹³ Россия и Монголия на пути стратегического партнерства. М.: ИВ РАН (рукопись).

¹⁴ См., напр., История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007.

¹⁵ Мещанинов М.Б. Регионы Российской Федерации в торгово-экономическом сотрудничестве с Монголией. М., «Экономика». 2008.

¹⁶ Цааджин бичиг «Монгольское уложение». Цинское законодательство для монголов. 1627–1694 гг. Введение, монгольский текст, транслитерация монгольского текста, перевод и комментарий С.Д. Дылькова. М.: Восточная литература, 1998.

¹⁷ История Эрдэни-дзу. Факсимиле рукописи. Перевод с монгольского, введение, комментарий и приложения А.Д. Цендиной. М.: Восточная литература, 1999.

¹⁸ Агван Доржиев. Занимательные заметки. Описание путешествия вокруг света (Автобиография). Факсимиле рукописи. Пер. с монгольского, транслитерация, предисловие, комментарии, глоссарий и указатели А.Д. Цендиной. // Памятники письменности Востока СХХХIII. М.: Восточная литература, 2003 (совместно с А.Г. Сазыкиным).

¹⁹ История в трудах ученых лам. Составители и редакторы А.С. Железняков, А.Д. Цендина. Товарищество научных изданий КМК. М., 2005.

²⁰ Там же, с. 5–18.

²¹ Там же, с. 5.

²² Цендина А.Д. Структурные и сюжетно-стилистические особенности монгольских летописей 17–19 вв. М.: ИВ РАН, 2004.

²³ Гольман М.И. Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества). 50-е середина 90-х годов XX века. М.: ИВ РАН, 2004.

²⁴ Бойкова Е.В. Монгол судлалын олон улсын ном зүй. International Bibliography on Mongolian Studies. Ulaanbaatar. 2002; Библиография отечественных работ по монголоведению. 1946–2000 гг. М.: Восточная литература, 2003.

²⁵ Орлова К.В. Описание монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся в фондах Калмыкии. Бюллетень Общества востоковедов РАН. № 5. М.: ИВ РАН, 2002.

²⁶ Орлова К.В. История христианизации калмыков. Середина XVII – начало XX вв. М.: Восточная литература, 2006.

²⁷ Орловская М.Н. Язык «Алтан тобчи». М.: Восточная литература, 1984; Язык монгольских текстов XIII–XIV веков. М.: ИВ РАН, 1999.

²⁸ Солнцев В.М., Солнцева Н.В. Обозначение понятия «человек» в монгольских языках и ряде языков Юго-Восточной Азии (к вопросу о дальних связях монгольских языков) // VI Международный конгресс монголоведов. Доклады российской делегации. Ч.1. М., 1992 и др.

²⁹ Крылов С.А. Теоретическая грамматика монгольского языка и смежные вопросы общей лингвистики. Ч. 1. Морфемика, морфонология, элементы фонологической трансформаторики (в свете общей теории морфологических и морфонологических моделей). М., 2004.

³⁰ О вкладе К.Н. Яцковской в российское монголоведение см. статью Л.Г. Скороумовой в этом сборнике.

³¹ Белов Е.А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М., ИВ РАН. 1999; Барон Унгерн фон Штернберг. Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 гг. М., Аграф; ИВ РАН, 2003.

³² Хохлов А.Н. А.В. Игумнов – составитель первого в России большого монгольско-русского словаря. // VI Международный конгресс монголоведов. Доклады российской делегации. Ч. 1. М., 1992; Б.Я. Владимирцов в оценке коллег-востоковедов // Владимирцовские чтения III. Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции. М., 1995.; Н.Я. Бичурин и его труды о Монголии и Китае первой половины XIX в. (Некоторые вопросы источниковедения). Материалы конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.Я. Бичурина. Ч. 1. М., 1977; Кяхта и кяхтинская торговля (20-е годы XVIII в. – середина XIX в. // Бурятия XVII – начала XX вв. Экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск, 1989.

³³ Васильев Д.Д. Тюркская руническая надпись. Хэнтэй 1 // Советская этнография. 1978. № 3. М.; Васильев Д.Д., Горелик М.В., Кляшторный С.Г. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии //

Из истории Золотой Орды. Казань, 1993; Васильев Д.Д. и др. Атлас древностей Монголии, изданный В.В. Радловым. Сост., перевод на турецкий яз., предисловие. Анкара, Тика, 1995 и др.

³⁴ Кульпин-Губайдуллин Э.С. Золотая Орда. М.: Московский лицей, 1998; М.: URSS, 2007.

³⁵ См., напр. Кадырбаев А.Ш. «Юань-ши» как источник по истории кераитов и найманов // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. 1976–1977. М., 1984.

И.В. Кульганек, Т.Ю. Евдокимова

КЛАССИЧЕСКОЕ МОНГОЛОВЕДЕНИЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Классическое монголоведение сформировалось в Санкт-Петербургском Императорском университете на Восточном факультете в середине XIX в. Оно обозначало такой тип монголоведной науки, который базировался на методологии изучения культуры, истории, языка монгольских народов с использованием оригинальных письменных источников на восточных языках.

Зарождение монголоведения в России связано с политическими и экономическими интересами государства в Сибири, на Дальнем Востоке и в Центральной Азии. Предыстория отечественной монголоведной науки уходит своими корнями к русским посольствам, направляемым к монгольским ханам*. В соответствии с известным указом 1701 г. Петра I о необходимости отправки молодых людей в Тобольск для изучения монгольского языка вскоре стали появляться в Иркутске и Забайкалье (Верхнеудинске, Нерчинске, Посольске) школы с преподаванием монгольского языка, большая роль в организации которых принадлежала блестящему знатоку монгольского и бурятского языков, автору и составителю первых русско-монгольских разговорников и словарей, учителю основоположника российского монголоведения О.М. Ковалевского¹ – А.Н. Игумнову².

Новый этап российского монголоведения связан с учреждением в 1818 г. Азиатского музея³, преобразованного в 1931 г. в Институт востоковедения АН СССР, ставшего главным востоковедным центром России⁴. Источниковедческой базой Азиатского музея явились восточные письменные коллекции Кунсткамеры, библиотека и архив Российской Императорской академии наук. В 1864 г. в Азиатский

* Истории известны имена В. Тюменца, И. Петлина, К. Корякина, С. Греченина, П. Семенова, Д. Копылова, Р. Старкова, Я. Тупальского, П. Маврова, Эверга-Избранта Идеса, возглавлявших в XVI-XVII вв. посольства в Монголию и Китай, а также имена купцов С.Лангусова, И.Савватеева, Г.Осколкова, первыми проложивших торговые караванные пути в эти края. Об этом см.: Сазыкин А.Г. Введение // Валеев Р.М., Ермакова Т.В., Кульганек И.В. и др. Монголовед О.М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878). Казань, 2004. С. 5–8 (далее: Монголовед Ковалевский...).

музей поступила большая коллекция изданных трудов и рукописных материалов из Азиатского Департамента Министерства иностранных дел⁵. Они содержали сведения о монгольских народах. Среди них были статьи академика Т.З. Байера о «мунгальском языке»; записи Г.Д. Мессершмидта, путешествовавшего по Сибири в 1720–1727 гг.; труды Г.Ф. Миллера⁶, совершившего в 1733–1743 гг. по поручению Академии наук экспедицию в Сибирь, и первым, кстати, записавшего фольклор селенгинских бурят; материалы И.Э. Фишера⁷, который провел в Сибири 9 лет и привез богатейший архив, состоявший из летописей и документов миссионеров; работы П. Палласа⁸, путешествовавшего по Забайкалью в 70-е годы XVIII в.; материалы его переводчика – И. Иерига. Все эти документы до настоящего времени находятся в Архиве востоковедов Института восточных рукописей Российской Академии наук (ИВР РАН/СПбФ ИВ РАН). Институт восточных рукописей РАН является подлинной сокровищницей культур народов Востока. Здесь хранятся уникальные рукописи и старопечатные книги на 60-ти восточных языках.

С Азиатским музеем связана научная деятельность И.Я. Шмидта⁹ – крупнейшего монголоведа и тибетолога первой половины XIX в., посвятившего свою жизнь изучению монгольских письменных памятников, внесшего крупный вклад в становление и развитие научного монголоведения в России, академика Российской Академии наук с 1829 г., перу которого принадлежат первые филологические исследования монгольских текстов¹⁰, грамматика монгольского языка и монгольско-русский словарь¹¹.

Большую роль в развитии востоковедения сыграло создание Русского Археологического общества (1846) и Русского Географического общества (1851), имевших собственные издания¹², в которых содержались специальные разделы по восточной археологии, истории Сибири и стран Дальнего Востока. В них постоянно печатались материалы по Монголии и переводы с монгольского языка.

Особое место в истории монголоведения занимала деятельность Пекинской духовной миссии, впервые отправившейся в Китай в 1714 г. С ней связаны значительные успехи в изучении истории и языков Монголии. Она дала русскому востоковедению таких замечательных ученых как И. Рассохин¹³ и Н.Я. Бичурин¹⁴.

Непосредственным прообразом монгольской кафедры Санкт-Петербургского Императорского университета была учрежденная 25 июля 1833 г. кафедра монгольского языка в Казанском государственном университете, явившаяся первой подобной кафедрой в России и Европе. Ее возглавил выдающийся впоследствии монголовед,

ректор Казанского Университета, декан историко-филологического факультета Варшавского университета, почетный член Парижского Азиатского общества, действительный член Общества северных древностей Копенгагена, действительный член Московского общества истории и древностей российских, член-корреспондент Академии наук в Санкт-Петербурге – О.М. Ковалевский¹⁵. основополагающие труды О.М. Ковалевского и А.В. Попова, легшие в основу учебного процесса¹⁶, не потеряли своего методического и научного значения до настоящего времени.

В 1854–1855 г. в соответствии с указами Николая I «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском Университете», и несколько позже – «О создании факультета восточных языков...»¹⁷ произошло слияние восточных отделений Казанского и Санкт-Петербургского университетов¹⁸. Это ознаменовало новый, классический период – «золотой век» российского монголоведения.

Первоначально на факультете насчитывалось четыре разряда, в один из которых – монголо-калмыцко-маньчжурский¹⁹, входила кафедра монгольского и калмыцкого языков. Первым заведующим кафедрой был А.В. Попов²⁰, на ней он проработал два года²¹. В это время кафедра имела заметную калмыцкую ориентацию, о чем говорят учебные планы, читанные курсы, ежегодные экспедиции студентов в калмыцкие степи. Это объяснялось научными приоритетами заведующего кафедрой, который большое внимание уделял изучению ойратской письменности, разговорного калмыцкого языка, фольклорных памятников калмыков. На кафедре читались курсы по этимологии, синтаксису, истории письменности монгольского языка, а также исторический курс, охватывавший большой период времени существования монгольского государства – от эпохи Чингис-хана до середины XIX в.²²

При заведовании кафедрой К.Ф. Голстунским (1860–1899), по его представлению китайско-маньчжурский и монголо-калмыцкий разряды были объединены в один: китайско-маньчжуро-монгольский, что мотивировалось политической и экономической общностью Монголии, Китая и Маньчжурии²³. К.Ф. Голстунский большое внимание уделял собиранию и изучению калмыцкого эпоса и письменных памятников. Он открыл научному миру несколько новых песен монголо-ойратского героического эпоса «Джангар», калмыцкую версию повестей о Гэсэр-хане, об Убаши хун-тайджи. Среди ценнейших рукописей, привезенных им из командировок в калмыцкие степи и поступивших в библиотеку Восточного факультета, был известный памятник монгольской письменности «Улигэрун ном». Большое зна-

чение для изучения правовых норм у монголов и калмыков имела его докторская диссертация о монголо-ойратских законах 1860 г.²⁴

На кафедру монгольского и калмыцкого языков постоянно приглашались в качестве преподавателей носители монгольских языков. Первым работал на кафедре Галсан Гомбоев, неоднократно совершавший лингвистические и фольклорные экспедиции для сбора языкового материала²⁵. За свои труды²⁶ он был избран членом-корреспондентом восточного отделения Императорского Археологического общества. Его сменил калмык Доржи Кутузов, не раз руководивший практикой студентов в Калмыкии и подаривший библиотеке факультета большое количество монгольских рукописей и ксилографов²⁷. После него в должности лектора работал бурят Александр (Сультим) Александрович Бадмаев, известный врач-лама Агинской Степной Думы. Его брат Петр (Жамсаран) Александрович Бадмаев²⁸ сочетал в течение трех лет (1890–1893) работу в Азиатском Департаменте Министерства иностранных дел с преподаванием на кафедре. В это же время разговорный монгольский язык преподавал на кафедре протоиерей Николай Нилович Доржеев.

Заметный след в науке оставил А.М. Позднеев²⁹, выдающийся ученый-фольклорист, литературовед и историк, собиратель монгольских рукописей, посвятивший многие годы своей жизни преподавательской работе, возглавивший кафедру после К.Ф. Голстунского. Труды его не потеряли своей значимости до настоящего времени³⁰.

Привезенная им из двух поездок в Монголию коллекция книг, насчитывавшая более двухсот экземпляров, ценнейшим сочинением которой явился знаменитый 108-томный «Ганджур» – свод переводов на монгольский язык сочинений, приписываемых Будде, составленный при Лигдан-хане в XVII в., явился основой рукописного монгольского фонда библиотеки Восточного факультета, который получил впоследствии название «Позднеевский фонд». При нем на китайско-маньчжурско-монгольском разряде учились трое способных студентов: В.Л. Котвич³¹, Г.Ц. Цыбиков³² и А.Д. Руднев³³, ставшие впоследствии крупными монголооведами.

В.Л. Котвич проработал на кафедре более 30 лет, ведя большую преподавательскую и научную работу³⁴. Круг его научных интересов был необычайно широк. Ему принадлежит инициатива организации и руководства большого проекта по собиранию, изучению и публикации цикла песен калмыцкого эпоса «Джангар», осуществленного студентами в 1908 г., основным среди которых был Номто Очиров³⁵, в то время студент кафедры, записавший в русской академической транскрипции, разработанной отечественными лингвистами-ориен-

талистами, 10 песен от знаменитого исполнителя-рапсода того времени Элян Овла³⁶. Позже они были изданы литографическим способом в Санкт-Петербурге³⁷. Это событие получило широкий научный резонанс, так как явилось первым изданием целого цикла песен, а не отрывочных его фрагментов, как раньше³⁸. В.Л. Котвичем было записано и издано большое количество загадок и пословиц³⁹. Его учениками были Б.Я. Владимирцов, С.А. Козин, Б. Ринчин, Ц.-Д. Номинханов, М. Левицкий. В их научной судьбе В.Л. Котвич принимал активное участие⁴⁰. Благодаря его заинтересованному руководству известным монголоведом стал А.В. Бурдуков⁴¹.

Г.Ц. Цыбиков⁴² по заданию Русского географического общества, совершил научный подвиг, предприняв путешествие в Тибет (1899–1902), за что был награжден премией им. Н.М. Пржевальского. На кафедре монгольского языка Г.Ц. Цыбикову работать не пришлось: почти сразу после окончания университета он уехал по приглашению своего учителя А.М. Позднеева во Владивосток, где проработал почти пятнадцать лет сначала лектором, затем – доцентом и, наконец – профессором в Восточном Институте. Он перевел на монгольский язык курс лекций по истории монгольской литературы А.М. Позднеева. Г.Ц. Цыбиков является автором ряда учебных пособий и фундаментальных трудов по монголоведению, получивших признание в отечественной и зарубежной ориенталистике⁴³.

Третьим студентом, подававшим большие надежды и оправдавшим их впоследствии, был А.Д. Руднев⁴⁴, открывший новое направление в монголоведении – диалектологию, в дальнейшем блестяще продолженное Б.Я. Владимирцовым. Этой проблеме посвящены две его монографии⁴⁵. Ему принадлежит заслуга изучения монгольского языка в тесной связи с проблемами алтаистики. А.Д. Руднев вводит новые курсы: «Образцы народного творчества», «Основы разговорного языка», «Введение в изучение бурятских говоров», «Опыт сравнительного обозрения монгольских наречий», «Введение в монголоведение»⁴⁶.

А.Д. Руднев совершил несколько научных экспедиций по Монголии, Бурятии, Калмыкии и привез большое количество рукописей (145 единиц) и вещевого материала (17 коллекций, 230 единиц), которые находятся сейчас в библиотеке Восточного факультета СПбГУ, Архиве востоковедов при ИВР РАН и в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамере). Он записал и проанализировал 121 мелодию монгольских песен⁴⁷.

В 1907–1908 гг. в качестве лектора работал на кафедре Ц.Ж. Жамцарано⁴⁸, в то время – вольнослушатель Санкт-Петербургского университета, впоследствии бурятский ученый-исследователь и собира-

тель монгольязычного фольклора, крупный общественно-политический деятель, подготовивший и издавший вместе с А.Д. Рудневым шесть томов фольклорных текстов в академической транскрипции⁴⁹.

С 1908 по 1917 гг. на кафедре работал Б.Б. Барадийн, бурятский ученый, собиратель фольклора, к тому времени – выпускник санскритского отделения Восточного факультета, совершивший научное путешествие в Монголию и Тибет (1905–1909)⁵⁰, за что был удостоен Русским императорским Географическим обществом премии имени Н.М. Пржевальского. За время преподавания на факультете, Б.Б. Барадийным были опубликованы новаторские научные статьи по истории, культуре и религии монголов и тибетцев, основанные, главным образом, на материалах, полученных им в путешествиях по Монголии и Тибету⁵¹.

Таким образом, к 90-м годам XIX в. на кафедре была создана внушительная источниковая база для преподавания монгольского и калмыцкого языков, имелись необходимые учебные пособия, осуществлялась не только преподавательская деятельность, но и велась серьезная научная работа по многим новым направлениям отечественной монголистики.

В начале XX в. содержание преподавания и научной деятельности монголоведов приняло новое лингвистическое направление, ориентированное на изучение живых говоров монгольских языков, что значительно расширило рамки существовавшего до того времени представления о литературном монгольском языке. Это повлекло за собой разработку новых учебных программ, что явилось причиной разделения в 1907 г. китайско-маньчжурско-монгольского разряда на китайско-маньчжурский и монголо-маньчжуро-татарский⁵². Выделение последнего было оправдано стремлением к научной постановке преподавания языков алтайской группы, в которую входили тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки. Студенты этого разряда могли выбрать один язык как основной, а другие языки изучать как дополнительные. Обязательным для всех становился курс «Введение в языкознание»⁵³.

Отличие в формировании новых разрядов от предыдущих, которые были созданы в 1864 г., заключалось в концептуальной установке, исходившей не из общности истории, политики и экономического устройства стран, а из их языковой общности. Тематика студенческих работ, выполненных по прежнему разряду, носила историко-филологический характер. Подтверждением этому являются названия студенческих работ, например: «Причины падения Юаньской династии», «История Монголии за первые 20 лет правления Цзян

луня», «Исторический очерк деятельности Заяя Пандиты, его влияние на распространение буддизма у ойратов», «Критическое обозрение источников (преимущественно монгольских и калмыцких) по истории ойратов с древнейших времен до первой половины XVI в.», «Описание Сэцэнхановского аймака, по “Илэтхэл шастир” и [сведениям] европейских путешественников», «Религия монголов в XIII в.», «Жизнеописание Чингис-хана по летописям Алтан Тобчи и Саган Сэцэна», «Перевод двух первых дзюаней из “Юань-чао-би-ши”» в транскрипции А.М. Позднеева⁵⁴.

С выделением нового разряда, студенты стали привлекаться к транскрипционным записям текстов на различных диалектах монгольских языков, переводам на русский язык лингвистических работ (главным образом Г.И. Рамштедта), составлениям таблиц о распространении различных диалектов, характере их особенностей.

В течение XIX – начала XX вв., монголоведение из новой научной отрасли, истоками которой являлся сбор письменных памятников, написание первых грамматик, словарей, хрестоматий, превратилось в фундаментальную науку, располагавшую как громадным материалом по языку, культуре, литературе, истории, политике, этнографии, религии монгольязычных народов, так и большим количеством учебных пособий по изучению разных аспектов преподаваемых дисциплин. Кроме того, сформировался круг специалистов, разработавших многие направления монголоведения и занявших лидирующие позиции в мировой науке.

К началу XX в. монголоведение развилось в самостоятельную науку. Два научных петербургских центра – Азиатский музей и Восточный факультет СПбГУ настолько сблизились, что стало можно говорить о едином петербургском центре российского монголоведения.

В сложные годы начала XX в., периода частых реорганизаций и смены руководства в научных и образовательных учреждениях, преподавание монгольского языка в Ленинграде осуществлялось в составе ФОНа (1919–1925), ЯМФАКа (1925–1929), ФИЛа (1929), ЛИЛИ-ЛИФЛИ (1933–1937), ЛИЖВЯ (1933–1936).

Во главе отечественной монголистики стоял Б.Я. Владимирцов⁵⁵, представитель русской классической школы востоковедения, академик, ученый, соединивший в себе исследователя многих монголоведных направлений, заслуженно считающийся основоположником и главой отечественного монголоведения. В круг его научных интересов входили исследования по истории, филологии, этнографии и монгольскому языкознанию. По каждой отрасли монголоведения он оставил основополагающие труды⁵⁶. В Азиатском музее он

занимался описанием коллекций монгольских и ойратских рукописей, в Университете был задействован на курсах лингвистической специализации – вел практические занятия по тексту «Истории Санаан Сэцэна», монгольским текстам китайского переводного романа.

В XX в. расширяется тематика монголоведных исследований в каждой ее области. С 30-х годов наметилось, а с 50-х годов получило дальнейшее развитие разделение истории, этнографии, философии, филологии на ряд более узких специальностей. Филология разделилась на литературоведение и языкознание. В качестве особого исторического направления сформировались историография и источниковедение. Если в XIX в. преобладало введение в научный оборот не известных ранее письменных источников, полевых экспедиционных данных, проведение историко-филологических исследований синтетического плана, то в XX в., особенно в его второй половине, появляется много работ, поднимающих частные, конкретные проблемы, предлагавших иные подходы и решение задач. Классическое монголоведение сосредоточилось в Ленинграде–Санкт-Петербурге на филологическом направлении.

Главными достижениями отечественной монголистики XX в. явились исследования по истории средневековой и современной монгольской литературы, публикация основных письменных и фольклорных памятников, создание новых грамматик, словарей, проведение каталогизации имеющегося рукописного наследия монгольских народов.

В XX веке в Институте востоковедения АН СССР в Ленинграде (позже – в Ленинградском Отделении Института востоковедения АН СССР) работало более тридцати монголоведов, среди них известные ученые: С.А. Козин, Н.Н. Поппе, А.В. Бурдуков, а также В.А. Казакевич, А.Ю. Якубовский, Г.Н. Румянцев, В.Д. Якимов, С.Д. Дылыков, А.И. Воробьева, Е.П. Лебедева, О.В. Иванова, К.Н. Артемов, М.И. Губянский, Т.А. Бурдукова, Н.П. Шастина, Б.И. Панкратов, Л.С. Пучковский, Т.П. Горегляд, А.П. Конаков, И.И. Иориш, А.Г. Сазыкин. Именно им обязано во многом монголоведение своими успехами.

В 30-е годы в Институте работало более десятка специалистов–монголоведов. В.А. Казакевич, занимался топонимикой и историей Монголии. Подготовил к изданию известную монгольскую летопись XVII в. «Эрдэнийн Тобчи», перевел монографию Б. Лауфера «Очерк монгольской литературы», подготовил материалы по революционному движению 1911 г. А.Ю. Якубовский, внес вклад в разработку вопросов социальной истории монголов. Наиболее известна его кни-

га о возникновении, развитии и упадке Золотой Орды (в соавторстве с акад. Б. Дюрековым). Ц.Ж. Жамцарано работал в ИВ АН СССР с 1932 г. Издал девять томов образцов народной словесности монгольских племен, готовил к изданию свод монгольских законов XVII–XVIII веков «Халха Джирум». Г.Н. Румянцев, знаток монгольского, ойратского, тибетского языков, автор более 60 научных трудов. Занимался бурятскими летописями и материалами по истории ойратов, подготовил к печати с переводом и комментариями ойратский текст биографии Зая-пандиты, сводный текст Саган Сэцэна «Эрдэнийн Тобчи». А.В. Бурдуков служил в Институте в 30-е годы на договорных началах. Сотрудник журнала «Современная Монголия»⁵⁷, составил монгольско-русский и русско-монгольский словари. В.Д. Якимов, сотрудник Института в 1937–1941 гг., занимался вопросами новейшей истории Монголии, проблемами буддизма, сотрудничал в журнале «Современная Монголия» (под псевдонимом В.Даурский). С.А.Козин⁵⁸, академик, ведущий специалист XX века в области монгольской филологии, оставивший после себя фундаментальные труды по основным историко-эпическим письменным памятникам монголоязычных народов: «Сокровенному сказанию», «Гэсэру», «Джангару»⁵⁹, и несколько десятков научных статей по различным вопросам монгольского литературоведения и текстологии. В Азиатском музее в 1924, 1927–1932 гг. заведовал архивом. В 1944 г. после второго открытия Восточного факультета С.А. Козин возглавил его, став деканом и одновременно – первым заведующим кафедрой монгольской филологии. В то же время он являлся заведующим монгольским кабинетом в Ленинградском отделении ИВ АН СССР. С.Д. Дылыков, историк Монголии, был аспирантом ИВ АН СССР в 1934–1938 гг. Позже работал в Москве, где издал памятник монгольского права «Халха-Джирум». А.И. Воробьева, монголист-филолог, занималась языкознанием. Занималась переводом летописи «Алтан Тобчи». Ею изданы «Очерки по истории синтаксиса монгольского языка». Е.П. Лебедева, специалист в области маньчжуро-тунгусской лингвистики, работала в монгольском кабинете в 1938–1940 гг., принимала участие в составлении монгольско-русского словаря. О.В. Иванова, монголовед-филолог, работала в монгольском кабинете в 1939–1940 гг. над составлением монгольско-русского словаря, участвовала в экспедиции по Бурятии, готовила к изданию бурятскую летопись «Бичихан записке». К.Н. Артемов, историк Монголии, работал в Монгольском кабинете в 1936–1940 гг., принимал участие в составлении монгольско-русского словаря. Б.Б. Барадийн работал над созданием новой письменности у бурят.

За время работы в Институте издал сборник по бурятской и тибетской народной литературе, несколько очерков об этнографии тибетского и монгольского народов. М.И. Тубянский, монголовед, индолог, тибетолог, занимался буддийским логическим трактатом «Ньяяправеша». Опубликовал статьи о монгольском календаре, «пастьбищном зимовании» скота в Монголии, о монгольской культуре «дореволюционного периода». Н.Н. Поппе, известный монголовед, тюрколог, литературовед, лингвист, работал в Институте до июня 1942 г. заведующим монгольским кабинетом. Занимался социолингвистическими проблемами Восточной Сибири, являлся руководителем коллективной работы по составлению «Большого монгольско-русского литературного словаря», написал ряд значительных для монголоведения работ⁶⁰. Послевоенная жизнь его проходила на Западе.

В 30-е годы аспирантами ИВ АН СССР были Гомбоджав-Мерген, Д.Д. Амоголонов, С. Балдан, А.Д. Калинин, Т.К. Алексеева, Е.М. Залкинд А.М. Хамгашалов.

Гомбоджав-Мерген изучал историю Центральной Азии, издавал монгольские письменные памятники, исследовал памятник исторической литературы «Цагаан туух». Д.Д. Амоголонов подготовил орфографический словарь и проект перехода бурятского языка с латинского на русский алфавит. А.М. Хамгашалов работал над темой «Бурятско-монгольская поэтика». Издал в 1940 г. монографию о бурят-монгольском стихосложении, принимал участие в составлении литературной хрестоматии на монгольском языке. С. Балдан учился в аспирантуре с 1932 г. по специальности монгольская литература. А.Д. Калинин – автор более 30 работ по новейшей истории Монголии. Печатался в журнале «Современная Монголия» под псевдонимом Эрдэни-Очир. Т.К. Алексеева – этнограф-монголовед. Занималась обработкой шаманского фольклора, собранного ею в Бурятии. Е.М. Залкинд – автор более 60 научных трудов по этногенезу и этнической истории бурят, обычному праву, хозяйству бурят, феодализму в Бурятии и Сибири.

Все сотрудники и аспиранты довоенного периода принимали участие в составлении «Большого монгольско-русского литературного словаря». Работа продолжалась пять лет (1937–1941) и завершилась подготовкой к печати рукописи (200 а.л.). Однако война помешала осуществлению издания. В целом довоенный период был плодотворным: богатым по количеству специалистов, результативным по широте разработанных проблем.

Не многие из монголоведов продолжили работу в послевоенные годы.

Т.А. Бурдукова сделала описание фольклорных коллекций Ц.Ж. Жамцарано, составила учебник по синьцзян-ойратскому письменному языку, учебник по современному калмыцкому языку, ею собран материал по истории монгольской литературы, переведены многочисленные рассказы и повести современных монгольских авторов. Н.П. Шастина работала в монгольском кабинете с 1947 по 1951 гг., затем с переводом Института в Москву, переехала туда. Издала монгольские летописи «Шара Туджи», «Алтан Тобчи», занималась историей Монголии и российско-монгольскими политическими связями. Б.И. Панкратов сочетал знание монгольского, маньчжурского, китайского, тибетского языков, собрал ценный материал по языкам Внутренней Монголии, текст «Сокровенного сказания», исследовал дагурский язык, составил монгольско-русский словарь (30 а.л.).

В послевоенные годы в основном деятельность сотрудников Института сосредоточилась на описании монгольских рукописей, т.е. в том направлении, которому уделялось основное внимание еще со времен создания Азиатского музея и первых лет существования Института востоковедения АН СССР. Л.С. Пучковский был главным сотрудником этого направления в 50-е годы. Большое значение для науки имеют его каталог «Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения» и объемная статья «Монгольская феодальная историография XIII–XVII вв.». Т.П. Горегляд занималась каталогизацией монгольских рукописей и ксилографов. А.П. Конаков работал в Институте над словарем. И.И. Иориш изучал историю российского монголоведения. Основным трудом его является каталог «Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда. История, право, экономика».

В 50-е годы в аспирантуре Ленинградского Отделения Института востоковедения АН СССР учились молодые монголоведы, ставшие в дальнейшем выдающимися учеными. Среди них монгольский академик, филолог и писатель Ц. Дамдинсүрэн; бурятский фольклорист Н.О. Шаракшинова; лингвист, заведующий Кафедрой монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ Д.А. Алексеев.

Новый этап в монголоведении Отделения начался в 70-е годы XX в.

А.Г. Сазыкин, кандидат филологических наук, знаток монгольского рукописного фонда, проработавший в ИВР РАН с 1971 вплоть до своей кончины в 2005 г., является на сегодняшний день научным авторитетом и одной из главных фигур мирового монголоведения. Он издал десять монографий (три соавторские). Ему принадлежат: «Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоко-

ведения Академии наук СССР» в трех томах, «Каталог бурятских ксилографированных и литографированных изданий из коллекций Санкт-Петербурга», «Раднабхадра. «Лунный свет»: История рабджам Зая-пандиты», «История Чойджид-дагины», «Видения буддийского ада», «Монгольские переводы «Манджушри-нама-сангити» др. И.В. Кульганек, канд. филол. наук, монголовед-филолог, работает в ИВР РАН с 1979 г. Имеет шесть монографий (четыре соавторские) и более 70 научных статей. Основные научные интересы лежат в области поэтики монгольского фольклора, переводоведения, истории науки. Основными ее трудами являются «Каталог монголоязычных фольклорных материалов из Архива востоковедов СПбФ ИВ РАН» и «Мир монгольской народной песни». С бурятскими, татарскими и российскими коллегами ею подготовлены и изданы материалы из научного наследия монголоведов О.М. Ковалевского, Ц.Ж. Жамцарано, С.А. Кондратьева. В качестве научного редактора подготовила 13 сборников и монографий, в том числе 6 выпусков журнала «Mongolica» и 5 сборников научных статей. Н.С. Яхонтова, канд. филол. наук, монголовед-лингвист, работает после окончания аспирантуры в ИВР РАН с 1983 года. Имеет 2 монографии: «Ойратский литературный язык XVII века», «Ойратская версия “Истории о Молонтойне”» и более 40 научных статей. Область научных интересов – монгольская филология. В.Л. Успенский, монголовед-тибетолог, историк, работал в ИВР РАН с 1984 по 2007 гг. Издал в Японии (в соавторстве) Каталог коллекции монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся в библиотеке Восточного факультета СПбГУ, и книгу о маньчжурском принце Юньли. Защитил докторскую диссертацию на тему «Тибетский буддизм в Пекине при династии Цин (1644–1911) в культурно-историческом контексте эпохи». Основные направления научной работы – каталогизация и изучение буддийской литературы на тибетском и монгольском языках, история Монголии, история и идеология тибетского буддизма. В 2007 г. перешла на работу в СПбГУ. Т.Ю. Евдокимова, работает в ИВР РАН с 1982 г., занимается монголо-тибетскими литературными связями, работает над памятником «Букет Белых Лотосов». Ею издано около 20 научных статей. С.С. Сабрукова, монголовед-тибетолог, работает в ИВР РАН с 2007 г. в Тибетском фонде. Защитила диссертацию на тему: «“Бодхичарьяватара” Шантидевы в тибето-монгольской литературной традиции».

С начала 70-х годов аспирантуру и докторантуру ИВР РАН закончили более десяти монголоведов, многие из них, после защиты кандидатских и докторских диссертаций работают в различных мон-

головедных центрах России. (Т.Д. Скрынникова, К.В. Орлова, Д.Н. Музраева, Н.В. Цыремпилов, П.О. Рыкин, Б.С. Задваев, Ю.И. Елихина).

На протяжении всей истории существования двух монголоведных центров в Санкт-Петербурге – Института восточных рукописей РАН и Санкт-Петербургского государственного университета, их связывают крепкие узы совместной работы и сотрудничества. Сотрудники ИВР РАН читают монголоведные курсы на Восточном факультете СПбГУ. В довоенный период все монголоведные дисциплины преподавались на тюрко-монгольской кафедре Ленинградского государственного университета, которую до 1942 г. возглавлял тюрколог Н.Д. Дмитриев. Несколько лет старописьменный монгольский язык преподавал автор монгольско-русского, бурят-монгольско-русского, бурятского орфографического словарей⁶¹ К.М. Черемисов⁶².

С.А. Козин преподавал в Университете старописьменный монгольский язык, читал курсы: «Введение в монголоведение», «История монгольской письменности» и ряд других предметов. Работавший в это же время на кафедре В.М. Надеяев, видный лингвист, доктор филологических наук, снс Института языкознания АН СССР (ИЛИ РАН), прочитал ряд спецкурсов, в том числе: «Сокровенное сказание», «Квадратная письменность», «Традиционная грамматика монгольского языка». А.В. Бурдуков преподавал на кафедре разговорные монгольский и калмыцкий языки, занимался проблемами монгольской лексики и фразеологии, обработкой собранных им монгольских пословиц и поговорок.

На середину XX в. приходится преподавательская деятельность Т.А. Бурдуковой. Она вела занятия по монгольской каллиграфии, старописьменному монгольскому и калмыцкому «ясному» письму, разговорному монгольскому языку, современному калмыцкому языку. Сразу после войны начал свою преподавательскую деятельность Д.А. Алексеев⁶³. Он имел более 40 научных трудов по лингвистическим проблемам: синтаксису сложного предложения, диалектам бурятского языка, грамматике бурятского языка, наречиям, послелогам, частицам в бурятском языке, читал курсы: «Бурятский язык», «Сравнительная грамматика монгольских языков», «Бурятская диалектология», вел практические занятия по старописьменному и разговорному монгольскому языку. Под его руководством успешно прошли учебу в Университете и аспирантуре целевые студенты и аспиранты из Бурятии, проявившие себя как видные специалисты у себя на Родине. Среди них: Б.Б. Бадараев, Л.Д. Бадмаева; Р.Л. Балдаев, Е.В. Баранникова, Д.И. Бураев, И.Д. Бураев, Г.О. Галданова, Х.Ж. Гармаева, К.М. Герасимова, Г.Б. Дагданов, Д.Б. Дашиев, Г.С. Ду-

гарова-Монтгомери, В.И. Золхоев, В.Э. Раднаев, А.Б. Соктоев, Г.О. Туденов, М.П. Хомонов, В.Б. Цыремпилов, Л.Д. Шагдаров.

Л.С. Пучковский, работавший в то время над описанием монгольских рукописей Института⁶⁴, прочел спецкурс по монгольскому источниковедению. А.П.Конаков на протяжении восьми лет читал курсы «Введение в монголоведение», «История монголоведения», кроме того, он вел занятия по старописьменному монгольскому языку.

С 60-х годов XX в. на кафедре монгольской филологии работали: Л.К. Герасимович, З.К. Касьяненко, Е.А. Кузьменков, в настоящее время работают: П.Л. Гроховский, Б.М. Нармаев, К.В. Алексеев, Е.Н. Афонина, А.В. Попов, Н.П. Бьерке, М.П. Петрова, В.Л. Успенский.

В 1973–1987 гг. кафедру возглавляла Л.К. Герасимович. Ею были разработаны и прочитаны курсы по старой и современной монгольской литературе: «История монгольской литературы начала XIII – XX вв.» и «Монгольская литература 1921–1990 гг.», подготовлен ряд спецкурсов: «Творчество современного монгольского писателя Ц. Дамдинсүрэн», «Монгольская поэтика». Л.К.Герасимович – автор четырех монографий⁶⁵.

С 1956 по 2007 гг. на кафедре работала З.К. Касьяненко. Она вела преподавание старописьменного и современного монгольского языка, читала курсы: «Введение в монголоведение», «История монголоведения», «История монгольской письменности», «Синтаксис монгольского языка». Она является автором учебника «Современный монгольский язык»⁶⁶, книги «Каталог монгольского Ганджура»⁶⁷. Основное направление научных исследований З.К. Касьяненко – лингвистика, источниковедение, текстология, история науки: ей принадлежит более 40 статей на русском, английском, немецком, монгольском языках.

В эти годы на кафедру приглашались преподаватели других кафедр, научных учреждений Санкт-Петербурга, Монголии и зарубежья. В 1968–1969 гг. разговорный монгольский язык вели преподаватели из Монголии: Момо и Лувсандорж, в это же время стажировался на кафедре известный монгольский лингвист Ш. Лувсанвандан, который прочел несколько лекций по грамматике монгольского языка. Сотрудник Венгерской Академии наук Д. Кара, приехавший в научные командировки в ИВР РАН в 1970, 1971, 1974–1976 гг., давал студентам кафедры монгольской филологии консультации по текстологии письменных монгольских памятников. Известный монгольский ученый-филолог, историк, Б. Содном, провел в 1969 г. встречу со студентами по теме «История монголоведения в Монголии»; академик Ц. Дамдинсүрэн во время своих неодно-

кратных приездов в Санкт-Петербург с научными целями в 1960–1970-х гг. прочитал несколько лекций по монгольской филологии. В 1970 г. приглашался для чтения лекций о «Сокровенном сказании», сотрудник ЛО ИВ АН СССР Б.И. Панкратов.

В 1984–1986 гг. сотрудники кафедры индийской филологии Восточного факультета читали на кафедре монгольской филологии спецкурсы: В.Г. Эрман – по санскритской литературе, Н.В. Гуров – по индийской литературе. В 80-е годы приглашался для чтения спецкурса по сравнительному языкознанию алтайских языков зав. Сектором алтайских языков Института языкознания АН СССР Д.М. Насилов. В 1972 г. на кафедру монгольской филологии было переведено с кафедры китайской филологии тибетское отделение, все основные тибетологические дисциплины на котором с 1958 г. вел Б.И. Кузнецов (1931–1985), выпускник кафедры китайской филологии, аспирант Б.И. Панкратова, доцент кафедр китайской, затем – монгольской филологии. Эта реорганизация была предпринята с целью дать студентам–монголоведам второе: тибетологическое образование, чтобы они могли работать как в области тибетской, так и монгольской филологии. Б.И. Кузнецов читал следующие курсы: «Введение в тибетскую филологию», «Тибетский язык», «Тибетская литература», «История буддизма», «Современный тибетский язык», «Тибетские ксилографы»⁶⁸. Одним из учеников Б.И. Кузнецова и его последователем стал Б.М. Нармаев, возглавлявший кафедру с 2000 по 2002 гг. В настоящее время он читает курсы: «Тибетский классический язык», «Тибетская литература», спецкурс «Литературные версии эпоса “Гэсэр”», Введение в тибетскую филологию». Б.М. Нармаев – автор более 30-ти научных статей по средневековым тибетской, монгольской, ойратской литературам, руководитель более 50-ти курсовых и дипломных работ.

С 1976 по 2007 гг. на кафедре монгольской филологии работал её выпускник доц. Е.А. Кузьменков. Главное направление его научных исследований – лингвистика. С 1991 по 2001 гг. он возглавлял кафедру, читал курсы: «Современный монгольский язык», «Теоретическая грамматика монгольского языка», «Диалектология», «Сравнительно-историческая грамматика монгольских языков». Е.А. Кузьменков – автор двух монографий⁶⁹ и около 70-ти печатных работ.

С 1987 г. на кафедре работает М.П. Петрова. Ею читаются базовые курсы «История монгольской литературы XIX – XX вв.», «Современный монгольский язык», спецкурсы «Монгольская поэзия 1980–1990 гг. XX века», «Современная монгольская поэзия». Доц. М.П. Петрова – автор учебного пособия по монгольскому языку⁷⁰, 25-ти научных

статей по истории развития средневековой и современной монгольской литературы, художественных переводов монгольских авторов и научных переводов зарубежных монголоведов.

В 1990 г. был принят в штат кафедры К.В. Алексеев. Он читает курсы: «Старописьменный монгольский язык», «Тибетский классический язык», «Монгольская средневековая литература», «Тибетская литература», «Тибетская агиографическая литература», «Введение в монголоведение». Старший преподаватель К.В. Алексеев – автор каталога рукописей коллекции О.М. Ковалевского, находящейся в Вильнюсе⁷¹, более 15-ти научных статей по вопросам тибетской и монгольской средневековых литератур.

С 1999 г. в должности доцента работает Н.П. Бьерке (Биткеева). Она преподает современный монгольский язык, читает курс «Монгольская литература» и спецкурс «Творчество монгольского поэта XIX в. Д. Равжи». Автор монографии⁷² и 10-ти научных статей по средневековой монгольской литературе.

С 2003 г. по 2008 г. кафедрой возглавлял доц. П.Л. Гроховский. В настоящее время он читает курсы: «Тибетский классический язык», «Теоретическая грамматика тибетского языка», спецкурсы «Введение в буддизм», «Буддийская каноническая литература». Им подготовлено и издано учебное пособие по канонической буддийской литературе⁷³.

Кафедра монгольской филологии активно поддерживает научные связи с монголоведными центрами Санкт-Петербурга, российскими центрами в Бурятии, Калмыкии, международными – в Монголии, Венгрии, Китае, Внутренней Монголии, США, Германии, Великобритании, Японии, Чехии, Польше, Швеции. Студенты регулярно посылаются на годичную стажировку в Монгольский государственный университет. С 1966 г. на кафедре действует Студенческое Научное Общество. Продолжают приглашаться на кафедру для чтения спецкурсов сотрудники других кафедр и различных научных учреждений Санкт-Петербурга, Монголии. С 1976 по 2006 гг. регулярно читала спецкурс по этнографии Монголии снс Института антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Л.Л. Викторова. С 1999 г. приглашается на кафедру для чтения спецкурса по истории искусства Центральной Азии снс Отдела Востока Государственного Эрмитажа Ю.И. Елихина. С 2003 г. читает курс «Монгольский фольклор» и спецкурс «Поэтика монгольского фольклора» снс ИВР РАН И.В. Кульганек. В 1997–2001 гг. на тибетском отделении кафедры впервые было введено преподавание разговорного тибетского языка и его диалектов, которое обеспечивалось снс Сектора Дальнего Востока ИВР РАН. Р.Н. Крапивиной. С 2003 г. преподава-

ние современного разговорного тибетского языка на тибето-монгольском и монголо-тибетском отделениях кафедры осуществляется доцентом Е.Н. Афоной.

В 2008 г. в результате реорганизации кафедра монгольской филологии была расширена и переименована в кафедру монголоведения и тибетологии. В нее вошли преподаватели кафедры истории стран Дальнего Востока доц. А.В. Попов и доц. Е.Н. Афоина; приглашена для чтения курса по теоретической грамматике монгольского языка и руководства ряда курсовых работ Н.С. Яхонтова; принят в штат на постоянную работу В.Л. Успенский, который стал читать курсы по диалектологии и по истории монгольской литературы. С 2009 г. он возглавил кафедру. Курс санскрита обеспечивает к. филол. н., доц. С.С. Тавастшерна.

В настоящее время на кафедре монголоведения и тибетологии обучается 20 человек. Главной задачей кафедры является теоретическое углубление и методическое усовершенствование преподавания разработанных курсов, сохранение и развитие научных связей с образовательными и научными востоковедными учреждениями в России и за рубежом.

Основными направлениями монголоведения в ИВР РАН и в СПбГУ остаются те же, что существовали в классическом монголоведении: археографическая работа (каталогизация, описание, составление справочников по рукописным фондам), историографическая (публикация письменных памятников с транскрипцией, переводом, комментариями), текстологическая (исследование памятников из фондов Института и Университета), лингвистическая (исследование языка монгольских и ойратских письменных памятников, литературоведческая (исследование средневековой и современной монгольской литературы и фольклора).

Основные результаты работы по монголоведению последних десятилетий ИВР РАН и СПбГУ отражены в более чем тридцати монографиях, сотнях научных статей. Источниками для монголоведов являются рукописи и ксилографы рукописного фонда ИВР РАН и библиотеки Восточного факультета СПбГУ – самых крупных хранилищ монгольских книг в Санкт-Петербурге и за пределами Монголии, в которых представлены все жанры письменного наследия монголов: народная словесность, художественная литература, произведения по истории, праву, официальные и административно-хозяйственные документы, личные документы и письма, буддийская каноническая, неканоническая, культовая и обрядовая литература, конфессиональный фольклор, сочинения по филологии, географии, астрономии, медицине, астрологии и др. В каждой рубрике есть уни-

кальные произведения, которые являются ценнейшими памятниками монгольской словесности.

ИВР РАН и СПбГУ продолжают оставаться центрами монголоведения России, в которых хранится рукописное наследие монгольских народов и архивные материалы отечественных ученых, а также ведутся высокопрофессиональные историко-филологические исследования и преподавание разнообразных монголоведных дисциплин на современном научном уровне.

¹ См. о нем: Монголовед О.М. Ковалевский...; Наследие монголоведа О.М. Ковалевского и современность. Казань. 2002 (далее Наследие монголоведа...); Шапов Г.Ф. Профессор О.М. Ковалевский. Очерк жизни и научной деятельности. Казань, 1983; Полянская О.Н. Профессор О.М. Ковалевский и Бурятия (1-я половина XIX века). Улан-Удэ, 2001.

² Чимитдоржиев Ш.Б. Игумнов А.В. // Российские монголоеды (XVIII–начало XX вв.). Улан-Удэ, 1997, с. 10–18 (далее: Российские монголоеды...); Пучковский Л.С. Александр Васильевич Игумнов (1761–1843) // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1960. Сб. 3, с. 166–195.

³ Днем создания Азиатского музея принято считать 18 ноября 1818 г., когда вышло распоряжение президента АН С.С. Уварова об организации Восточного кабинета для хранения медалей, рукописей и восточных книг. Хранителем кабинета был назначен академик Х.Д. Френ. Он и предложил для кабинета название «Азиатский музей». См. об этом: Базиянц А., Кузнецова Н., Кулагина Л. Азиатский музей-Институт востоковедения АН СССР. 1818–1968. М., 1969, с. 17.

⁴ В 1956 г. Институт востоковедения АН СССР был переведен в Москву, в Ленинграде остался его филиал.

⁵ СПбФА РАН. Ф. 152. Оп. 1. Д. 5. Л.120. Цит. по: Улымжиев Д.Б. Монголоведение в России во второй половине XIX – первой половине XX вв.: петербургская школа монголоведов. Улан-Удэ, 1997, с. 42.

⁶ Основной труд: Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел от начала, а особенно от покорения всех Российской державой по сии времена. СПб., 1750.

⁷ Основной труд: Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.

⁸ Основной труд: Pallas P.G. Samlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. SPb., 1776.

⁹ См. о нем: Гармаева Х. Шмидт Я.И. // Российские монголоеды..., с. 19–24.

¹⁰ Geshichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses. Verfasst von Ssanang Ssetsen Chutgtaidschi der Ordus. St.-Petersburg. 1829; Die Bogda Gasssar chan's des Vertilgere der Wützel der zehn Übel in zehn Gegenden. St.-Petersburg, 1834.

¹¹ Grammatik der mongolischen Sprache. St-Petersburg, 1831; Монголо-немецко-русский словарь. СПб., 1835.

¹² Сибирский вестник (выходил с 1818); Азиатский вестник (выходил с 1827). Труды восточного отделения Археологического общества (выходили с 1846); Записки восточного отделения Русского Археологического общества (выходили с 1855).

¹³ О нем см.: Таранович В.П. И. Рассохин и его труды по китаеведению // Советское востоковедение. Т. 3. 1945.

¹⁴ Хохлов А.Н. Духовная миссия в Пекине и начало российского монголоведения (Путешествия и труды Н.Я.Бичурина) // Монголовед О.М.Ковалевский... С. 9–42; Шастина Н.П. Значение трудов Н.Я. Бичурина для российского монголоведения // Очерки по истории русского востоковедения. Вып.2. М., 1956, с. 194–195; Н.Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (К 200-летию со дня рождения) // Материалы конференции. Ч. 1. М., 1977; Горбачев З.И. Рукописное наследие Иакинфа Бичурина // Ученые записки Ленинградского университета. Серия востоковедных наук. Вып. 4. Л., 1954.

¹⁵ См. об этом: Валеев Р.М. Казанское востоковедение: история и развитие (XIX в. – 20 гг. XX в.). Казань, 1998, с. 142–158; он же. Формирование и развитие казанского университетского востоковедения: разряд восточной словесности Казанского университета (1807–1855) // Монголовед О.М.Ковалевский..., с. 73–94. (далее Формирование...).

¹⁶ Ковалевский О.М. Монгольская хрестоматия. Казань. 1836–1837; Буддийская космология. Казань. 1837; «Монгольско-русско-французский словарь». Т. 1–3. Казань, 1844–1848; Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань. 1835; Попов А.В. Монгольская хрестоматия для начинающих обучаться монгольскому языку. Казань, 1836; Попов А.В. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1848.

¹⁷ Валеев Р.М. Формирование..., с. 88.

¹⁸ Там же, с. 87–88.

¹⁹ ЦГИА ЛО. Ф. 14. Оп.1. Д. 15273, с. 2. Цит. по: Касьяненко З.К. Монголоведение в Санкт-Петербургском университете (1855–1917) // Культура Монголии в средние века и новое время. Улан-Удэ, 1986, с. 141.

²⁰ Кафедра монгольской и калмыцкой словесности СПбГУ предназначалась О.М. Ковалевскому. См. об этом: ГИАЛО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 5508, с. 6. Однако он был назначен на пост ректора Казанского университета, что, вероятно, связано с невозможностью его переезда в СПб., поскольку он оставался в статусе политического ссыльного из Вильно в Казань за участие в противоправительственной организации «Филоматов и филаретов».

²¹ ГИАЛО. Ф. 14. Оп.1. Д. 5508, с. 1–80. Цит. по: Касьяненко З.К. Монголоведение в Санкт-Петербургском университете... С. 144. По другим сведениям, А.В. Попов покинул Санкт-Петербург в 1860 г. См. об этом: Улымжиев Д.Б., Шифман А.И. Гомбоев Галсан..., с. 34.

²² Касьяненко З.К. Монголоведение в Санкт-Петербургском университете... С. 145.

²³ ЦГИАЛО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15503, с. 52.

²⁴ Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хун-тайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб., 1880.

²⁵ В одной из таких поездок произошла встреча Г. Гомбоева со Л.Н. Толстым, имевшая для обоих большое значение. Этой встрече предшествовали трагические для Г. Гомбоева события: при возвращении из одной из экспедиций по калмыцким степям на него напали разбойники. По прибытии в Казань он был помещен в клинику, где и произошла встреча со студентом юридического факультета Л.Н. Толстым. См. об этом: Линдер И. Толстой и шахматы. М. 1960 г. Цит. по: Улымжиев Д., Шифман А.И. Галсан Гомбоев... С. 42, с.Д. Серебряный считает, что «факт знакомства Льва Николаевича Толстого и Галсан Гомбоева в казанской клинике требует более документированных доказательств». См. об этом: Серебряный С.Д. Лев Толстой и буддизм // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. № 1. Улан-Удэ. 2007, с. 18–30.

²⁶ «Алтан тобчи», монгольская летопись в подлинном тексте и переводе // Труды ВОИРАО. Т.6. СПб., 1858; Сказания об Убаши-хунтайджи и его войнах с ойратами (текст и перевод) // Труды ВОИРАО. Ч. 6. СПб., 1858; Арджи-Бурджи, монгольская повесть. Перевод. СПб., 1858; Сидди-Кур. Собрание монгольских сказок // Этнографический сборник. Вып. 6. СПб., 1864 и др.

²⁷ ЦГИАЛО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15610, с. 54.

²⁸ См. о нем: Чимитдоржиев Ш.Б. Бадмаев П.А. // Российские монголоеды... С. 75.

²⁹ См. о нем: Улымжиев Д.Б. Монголоведение в России... С. 76–106; Герасимович Л.К. Позднеев А.М. // Российские монголоеды... С. 79–86 (далее: Позднеев А.М...).

³⁰ Позднеев А.М. Образцы народной литературы монгольских племен. СПб., 1881; Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ», подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы по истории Халхи с 1636 по 1736 годы. СПб., 1896; Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб., 1907; Лекции по истории монгольской литературы, читанные в 1895/1896 acad. году. СПб., 1896–1908; Монголия и монголы. СПб., 1896; Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу // Записки русского географического общества. Отделение этнографии. Т. XVI. СПб., 1887; Буддийский катехизис. СПб., 1898; Калмыцко-русский словарь. СПб., 1911; Учебник тибетской медицины. СПб., 1908; Героическая поэма калмыков с приложением вновь отысканной и впервые издаваемой третьей главы в оригинальном калмыцком тексте. Редактировал А. Позднеев, член Совета министров народного просвещения, профессор и директор Практической Восточной Академии // Императорское общество востоковедения. № 7. СПб., 1911.

³¹ См. о нем: Улымжиев Д.Б. Монголоведение в России..., с.126–156; Архив АН СССР. Т. 4, с. 277–278; Цыремпилов В. Котвич Вл.Л. // Российские монголоеды... С. 100–104.

³² См. о нем: Цыбиков Б., Заятуев Г.-Н. Цыбиков Гомбожаб // Российские монголоеды... С. 105–110.

³³ См. о нем: Касьяненко З.К. Руднев А.Д. // Российские монголоеды... С. 111–116.

³⁴ Наиболее значительные работы В.Л. Котвича этого периода следующие: Лекции по грамматике монгольского языка, читанные приват-доцентом Санкт-Пе-

тербургского университета В.Л. Котвичем. СПб., 1902; Монгольские надписи в Эрдэни-цзу // Сб. Музея антропологии и этнографии при Российской академии наук. Т. 5. Ч. 1. Пг., 1918; Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб., 1914; Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. // Известия Российской академии наук. № 12–15, 16–18. Пг., 1919.

³⁵ Номто Очиров – видный калмыцкий ученый и общественный деятель был незаслуженно забыт, и его имя недавно вернулось в сокровищницу духовности калмыцкого народа. См. о нем: Ученые исследователи Калмыкии (XVII – начало XX вв.). Элиста, 2006, с. 164–179; Очиров Н. Живая старина. Из литературного наследия. Элиста, 2006.

³⁶ Элян Овла является основоположником одной из исполнительских школ «Джангара», заключавшейся в строгом следовании канонам традиции. См. об Элян Овла: Биткеев Н.Ц. Джангарчи. Элиста, 2000.

³⁷ Джангар. СПб., 1910. В.Л.Котвич лично встречался с Элян Овла, выверил транскрипцию Н.Очирова, записал от него еще одну новую песню. Материалы об этом хранятся в СПбФА РАН. Ф. 761. Оп. 2. Д. 20.

³⁸ Пюрбеев Г.Ц. Из истории и публикации калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Бюллетень общества монголоведов РАН. М., 1993, с. 59.

³⁹ Котвич В.Л. Калмыцкие загадки и пословицы. СПб., 1905.

⁴⁰ Личные качества В.Л. Котвича проявляются в его переписке с А.В. Бурдуковым в связи с отправкой на практику в Монголию Б.Я. Владимирцова. В своем письме он писал: «...Я очень прошу Вас, многоуважаемый Алексей Васильевич, оказать ему дружеский прием и помочь Вашей опытностью и знанием местных условий...» (СПбОА РАН. Ф.761. Оп. 2. Д. 24. Л. 66. Цит по: Улымжиев Д.Б. Монголоведение в России... С. 129. О том же говорит и письмо студентов перед отъездом его во Львов: «Мы, студенты-калмыки Института живых восточных языков, оценивая Ваши долгие научные труды в деле поднятия культурного уровня среди отсталых, забытых, брошенных нас, калмыков, от имени всего калмыцкого народа выражаем глубокую благодарность, ибо мы знаем, что никто из калмыков не будет отрицать этого. С отъездом Вас мы теряем незаменимого учителя, но надеемся, что связь между нами не будет прервана, и Ваши научные труды, несомненно, помогут возрождению калмыцкого народа» (Там же, с. 65).

⁴¹ См. о нем: Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. М., 1969; Даревская Е.М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков. Иркутск, 1994.

⁴² См. о нем: Заятуев Г.-Н. Цыбиков Гомбожаб // Российские монголоеды... С. 106–110.

⁴³ Цыбиков Г. Буддист-паломник у святынь Тибета. Пг., 1918; Пособие для изучения монгольского языка. Владивосток. 1907; Лам-рим чэн-по / Предисл. Г. Цыбикова. Владивосток, 1910; Цыбиков Г. Образцы монгольских деловых бумаг. Владивосток, 1915.

⁴⁴ См. о нем: Решетов А.М. Андрей Дмитриевич Руднев (1878–1958) // Altaica-IX. М., 2004, с. 133–164; Касьяненко З.К. Руднев А.Д. // Российские монголоеды... С. 111–116; Улымжиев Д.Б. Монголоведение в России... С. 160–170.

⁴⁵ Руднев А.Д. Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб., 1911; Руднев А.Д. Хори-бурятский говор. Вып. 1. Пг., 1913–1914. Вып. 2. Тексты. СПб., 1913. Вып. 3. Перевод и примечания. СПб., 1913–1914.

⁴⁶ Там же. Д. 15771, с. 10; Д. 15794, с. 15; Д. 15858, с. 7.

⁴⁷ Руднев А.Д. Мелодии монгольских племен // Записки Имп. РГО. Т. XXXIV. Сборник в честь семидесятилетия Г.Н. Потанина. СПб., 1909, с. 395–430.

⁴⁸ См. о нем: Решетов А.М. Наука и политика в судьбе Ц.Ж. Жамцарано // Orient. Вып. 2–3. СПб., 1998, с. 55; он же. О переписке Ц.Ж. Жамцарано с С.Ф. Ольденбургом // Там же, с. 56–89; он же: Библиография основных работ Ц.Ж. Жамцарано // Там же, с. 90–92; Цибилов Б., Заятуев Г.-Н. Жамцарано Цыбен // Российские монголоведы... С. 133–139; Цибилов Б., Чимитдоржиев Ш.Б. Цыбен Жамцарано. Улан-Удэ, 1997; Сб. Цыбен Жамцарано. Жизнь и деятельность доклады и тезисы научной конференции, посвященной 110-летию выдающегося ученого, общественного и научного деятеля бурят-монгольского и халха-монгольского народов Цыбена Жамцарановича Жамцарано. Улан-Удэ. 1991 (далее: Цыбен Жамцарано. Жизнь и деятельность...).

⁴⁹ Образцы монгольской литературы. Вып. 1. СПб., 1908; Материалы по изучению устной литературы монгольских племен // ЗВОРАО. Т. 17. СПб., 1907; Произведения народной словесности бурят. СПб., 1913.

⁵⁰ Впоследствии дневник путешествия Б.Б. Барадийна был опубликован. См.: Амдо-Монголия. Дневник путешествия буддийского паломника-буряты по Халха-Монголии, Алашани и Северо-Восточной окраине Тибета-Амдо. Улан-Удэ, 2000.

⁵¹ Барадийн Б. Путешествие в Лавран. 1905–1907 гг. // Известия РГО. Т. 44. Вып. 4. СПб., 1908; Цам Миларайбы (из жизни Лаврана // Записки РГО по отд. этнографии. Т. 34. СПб., 1908; Заметки о путешествии (1905–1907) в северо-восточную окраину Тибета // Живая старина. Вып. 1. СПб., 1908; Отрывки из бурятской народной литературы. Тексты. СПб., 1910.

⁵² ЦГИАЛО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 15811, с. 80.

⁵³ Там же, с. 124.

⁵⁴ Там же. Д. 15301, с. 39; Д. 16932, с. 110; Д. 15301, с. 39; Д. 15779, с. 135; Д. 15671.С 41; Д. 15695, с. 1; Д. 15736, с. 76; Д. 15694, с. 41; Д. 15730, с. 41.

⁵⁵ См. о нем: Шастина Н.П. Б.Я. Владимирцов // Российские монголоведы... С. 140–144 (далее Владимирцов...); Златкин И.Я., Михайлов Г.И. Академик Борис Яковлевич Владимирцов. К 100-летию со дня рождения // Народы Азии и Африки. № 6. М., 1984; Улымжиев Д.Б. Монголоведение в России... С. 182–211.

⁵⁶ Основные работы Б.Я. Владимирцова: Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934; Монголо-ойратский героический эпос. Пг.-М., 1923; Монгольский сборник рассказов из Pancatantra. Пг., 1921; Монгольская литература // Литература Востока. Вып. 2. СПб., 1920; Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия). Л., 1926; Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи. Л., 1927; Сравнительная грамматика монгольского языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.

⁵⁷ А.В. Бурдуковым было издано более 18 статей в журналах «Живая старина», «Современная Монголия» и др.

⁵⁸ См. о нем: Герасимович Л.К. Козин С.А. // Российские монголоведы... С. 126–132.

⁵⁹ Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Юань-чао-би-ши. Монгольский обыденный сборник. Т.1. Введение и изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии. М.-Л., 1941; Гесериада. Сказание о милостливом Гесер-Мерген-хане, искоренителе десяти зол в десяти странах света. Перевод, вступит. Статья и комментарии автора. Л., 1935; Джангариада. Героическая поэма калмыков. Введение и изучение памятника, перевод торгоутской версии автора. М.-Л., 1940.

⁶⁰ Поппе Н.Н. Грамматика монгольского языка. Л., 1937; Квадратная письменность. Л., 1941; Монгольский словарь Мукаддимат аль-Адаб». Л., 1936.

⁶¹ Бурят-монгольский русский словарь /сост. К.М. Черемисов. М., 1951; Краткий русско-бурят-монгольский словарь / Сост. К.М. Черемисов. Улан-Удэ, 1941; Орфографический словарь бурятского языка. Улан-Удэ. 1962, Орфографический словарь заимствованных из русского языка слов. Улан-Удэ, 1956; Бурятско-русский словарь. 44 000 слов / Сост. К.М. Черемисов. М., 1973.

⁶² См. о нем: Ученые исследователи бурятского Института общественных наук СО РАН. Улан-Удэ, 1997, с. 224.

⁶³ См. о нем: Ученые-исследователи Бурятского Института общественных наук СО РАН. Улан-Удэ. 1997, с. 9–10; Матхеев Б.В., Хомонов М.П. Лингвист Д.А. Алексеев (К 50летию со дня рождения) // Свет над Байкалом. № 1. Улан-Удэ, 1959; Матхеев Б.В. Юбилей лингвиста-бурятоведа // газ. «Правда Бурятии». 24. XII. 1958.

⁶⁴ Пучковский Л.С. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Ч. I. Л., 1957.

⁶⁵ Герасимович Л.К. Литература Монгольской Народной Республики (1921–1964 гг.). Л., 1965; Монгольское стихосложение. Л., 1975; Литература Монгольской Народной Республики 1965–1985 гг. Очерки прозы. Л., 1991; Монгольская литература XIII – начала XX вв. (материалы к лекциям). Элиста, 2006.

⁶⁶ Касьяненко З.К. Современный монгольский язык. Л., 1966.

⁶⁷ Касьяненко З.К. Каталог Ганджура. М., 1993.

⁶⁸ Нармаев Б.Н. О преподавании тибетского языка в Петербургском-Ленинградском университете //Тезисы Всесоюзной буддологической конференции (Москва, ноябрь 1987 г.). М., 1987, с. 124–126.

⁶⁹ Глагол в монгольском языке. Л., 1984; Фонологическая система монгольского языка. СПб., 2004.

⁷⁰ Петрова М.П. Монгольский язык, Ч.1-2. СПб., 2004.

⁷¹ Алексеев К.В., Яхонтов К.С. Каталог китайских, монгольских, маньчжурских рукописей и ксилографов Вильнюсского университета. Коллекция О.М. Ковалевского. СПб., 1992.

⁷² Бьерке Н.П. Поэзия Д.Равжи. Элиста, 2006.

⁷³ Гроховский П.Л. Буддийская каноническая литература. Ч. 1, 2. СПб., 2002.

Г.Ц. Пюрбеев

О МОНГОЛОВЕДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
В ИНСТИТУТЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
(2004–2008)

Группа монгольских языков в Институте языкознания РАН (ИЯ РАН) существует более 50 лет. Она сыграла важную роль в развитии отечественной монголистики. За этот период сотрудниками группы было выполнено немало индивидуальных и коллективных работ, представляющих большое значение для теории и практики монгольского и восточного языкознания. Группа внесла серьезный вклад в научное сотрудничество с Монголией и в подготовку кадров лингвистов для Калмыкии, Бурятии и Монголии. Труды монголистов Института получили широкое признание в России и зарубежных странах, где изучаются монгольские языки.

Основными направлениями научной деятельности группы являются: сравнительно-исторические, типологические, грамматические и лексикологические исследования; лингвистические контакты между алтайскими языками, создание лингвистических баз данных; язык фольклорных и письменных памятников различных периодов; лексикография, терминология, фразеология и ономастика монгольских языков; лингвокультурологическое изучение монгольских языков; исследование национально-культурной специфики языковой картины мира монгольских народов.

Проблематика указанных направлений находит конкретное отражение в научных проектах и реализуется в исследованиях сотрудников, а также аспирантов и докторантов группы монгольских языков. Большое внимание уделяется подготовке кадров монголистов через аспирантуру и докторантуру Института.

В штате группы состоит три научных сотрудника: доктора наук (Пюрбеев Г.Ц., Дамбуева П.П.) и кандидат наук (Грунтов И.А.). При выполнении исследовательских проектов научных фондов привлекаются ученые из других академических учреждений и вузов (КИГИ РАН, ИВ РАН, КГУ и др.).

С 2006 г. сотрудники группы работают над совместным международным проектом РГНФ – МинОКН Монголии «Большой русско-монгольской словарь» в 4-х томах, т.1, 2006–2009. Российский кол-

лектив: Пюрбеев Г.Ц., Дамбуева П.П., Грунтов И.А., Омакаева Э.У. (КИГИ РАН), Уланова А. Э.-Г. (Академия ФСБ) – выполняет русскую часть Словаря. К настоящему времени разработаны словарные статьи на 12 букв, от А до О. Все они значительно пополнены новыми словами, словосочетаниями и терминами, вошедшими в современный русский язык за последние 10–15 лет. Авторы выполняли различные виды лексикографической работы: вели сбор материала по разным источникам, включая словари на онлайн, давали семантическое толкование заглавных слов, их грамматическую и стилистическую характеристику, осуществляли компьютерный набор текста словарных статей.

По теме проекта Г.Ц. Пюрбеев и Э.У. Омакаева опубликовали 3 статьи и выступили с 2 докладами на научных конференциях. С целью обсуждения состояния работы над совместной темой руководитель российского коллектива Г.Ц. Пюрбеев дважды выезжал в Улан-Батор в Институт языка и литературы АНМ.

В 2004–2006 гг. И.А. Грунтов, Г.Ц. Пюрбеев (рук.) вместе с С.А. Крыловым (ИВ РАН) в рамках проекта РГНФ работали над созданием электронной базы данных «Многоаспектный тезаурус по современной монгольской лексике». Полученные результаты имеют теоретическое и практическое значение и найдут применение в двуязычной компьютерной лексикографии.

Наряду с коллективными трудами сотрудники группы работают над индивидуальными темами. Д.ф.н. Г.Ц. Пюрбеев занимается исследованием языка монгольского памятника права XVIII в. «Халхаджирум». Им подготовлены и опубликованы статьи по лексике, фразеологии, терминологии и синтаксису данного законодательного памятника. Продолжается лингвокультурологическое изучение калмыцкого героического эпоса. Пюрбеевым Г.Ц. издана монография «Джангр» дуулвр. Соил болн келн (Элиста, 2004), написанная на калмыцком языке. В книге на материале лексики исследуется традиционная культура калмыков и своеобразие языка эпоса.

За указанный период автором опубликовано более 30 статей, обзоров и рецензий, в том числе в журналах «Известия РАН», «Вопросы филологии», «Восток (Oriens)», в фундаментальных трудах издательской фирмы «Восточная литература» и «Языки славянской культуры», 3 статьи опубликованы в зарубежных изданиях на английском языке.

В группе монгольских языков ведется большая работа по подготовке кадров молодых ученых. Под научным руководством проф. Г.Ц. Пюрбеева защищены 4 кандидатские диссертации: Бембеев Е.В.

Лингвистическое описание памятника старокалмыцкой (ойратской) письменности «Сказание о хождении в Тибетскую страну Малодербетовского База-бакши», (2004); Хонинов В.Н. Калмыцкие топонимы на территории Астраханской области (2005); Голубева Е.В. Национально-культурная специфика картины мира в калмыцком языке (2006); Дугэрсурэнгийн Аюш (Монголия). Функционирование категории падежа в современном монгольском языке, 2006 и 1 докторская: Мушаев В.Н. Структура и семантика калмыцкого предложения (2005).

Завершила работу над докторской диссертацией Олядыкова Л.Б. Тема ее исследования: «Калмыцкая безэквивалентная лексика и фразеология в русских переводах произведений Давида Кугультинова». Докторант В.Н. Хонинов разрабатывает проблемы калмыцкой ономастики, аспирантка Таяева Б.В. занимается лингвокультурологическим анализом калмыцких благопожеланий.

Г.Ц. Пюрбеев выступал с докладом на 4 международных и 4 всероссийских научных конференциях (ICANAS, Москва, 2004), «Диалог культур и цивилизаций» (Улан-Батор, 2004), (PIAC, Москва, 2005), Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 2006); Международный семинар «Проблемы синтаксиса монгольских языков» (Мюнхен, 2008), «Тенишевские чтения» (Москва, 2005–2007); «Этнокультурная концептосфера: общее, специфичное, уникальное» (Элиста, 2006); «Теоретические и социокультурные аспекты функционирования современных монгольских языков».(Элиста, 2007); «Востоковедные чтения-2008 (Москва, ИВ РАН).

За вклад в монгольско-российское научное сотрудничество Г.Ц. Пюрбеев награжден в 2006 г. орденом «Серебряная звезда» Академии Юмжагийн Цэдэнбала, почетным знаком АН Монголии «Хубилай хан – основатель Монгольской Академии наук», медалью «800-летие Великого Монгольского государства».

Основные публикации Г.Ц. Пюрбеева в 2004–2008 гг.:

- Лексико-семантическое поле судьбы в монгольских языках // Всемирный конгресс востоковедов. ИВ РАН, М., 14–17 авг. 2004, (на русск. и англ. языках).
- Действие интонационного фактора в предложении монгольских языков // Семиотика. Лингвистика. Поэтика. К столетию со дня рождения А.А. Реформатского. Языки славянской культуры, М., 2004.
- Эпическая стилистика: опыт исследования // Монголоведение. № 3. Элиста, 2004.

Исследования по социальной антропологии калмыков XX века // Altaica-IX. М., 2004.

Social structure and economic activities of the Population in the Nomadic State // International conference «Dialog between Cultures and Civilizations». Ulaanbaatar, 2004.

«Жангр» дуулвр. Сойл болн келн (Язык и культура по материалам эпоса «Джангар». Монография на калмыцком языке. Элиста, 2004.

Важный источник по истории буддизма в Монголии // Altaica-X, М., 2005.

Заметки об издании сводного текста калмыцкого эпоса «Джангар» в Китае // Б.Х. Тодаева – исследователь монгольских языков. Элиста, 2005.

Реализация характеризующей функции номинации персонажей русских и монгольских волшебных сказок (соавт. С. Мунхтуя) // Алтайское языкознание и восточная филология. Памяти Э.Р. Тенишева. М., 2005.

Syntactic Features of the Mongolian Dictionary “Mukhaddimat Al-Adab” // Kinship in the Altaic World. Proceedings of the 48th Permanent International Altaistic Conference. Moscow 10–15 July, 2005.

Монгольские улыбки как невербальные средства общения // IX Международный конгресс монголоведов. Докл. российской делегации. М., 2006.

Антропоцентричность картины мира в калмыцких фразеологизмах (соавт. Е.В.Голубева) // Там же.

«Смех» в калмыцком художественном тексте (по роману К. Эрендженова «Береги огонь») // Этнокультурная концептосфера: общее, специфичное, уникальное. Элиста, 2006.

Мир Давида Кугультинова: о калмыцком языке поэмы «Бунт разума» // Аспекты алтайского языкознания. Материалы Тенишевских чтений – 2007. М., 2007.

Об одной неизвестной монгольской рукописи из Библиотеки АН Грузии // Серия «Монголоведение». № 4. Элиста, 2008.

О новом монгольско-российском проекте «Большой русско-монгольский словарь» // Теоретические и социокультурные аспекты функционирования современных монгольских языков. Элиста, 2007.

Об иноязычной лексике в «Большом русско-монгольском словаре» // «Теегин герел» (Свет в степи). № 6. Элиста, 2007.

Лексикон жестов-улыбок в монгольской лингвокультуре // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики.

Материалы постоянно действующего семинара. Вып. 2. Элиста, 2008.

Названия лиц по должности, званию и социальному положению в монгольском памятнике права 18 в. «Халха джирум» // Вопросы алтайской филологии. Памяти Э.Р. Тенишева. М., 2008.

По программе «Интеграция науки и высшей школы» монголисты Института тесно сотрудничают с Калмыцким университетом и КИГИ РАН (Пюрбеев Г.Ц.), Бурятским университетом (Дамбуева П.П.) и РГГУ (Грунтов И.А.). Они ведут преподавательскую деятельность, выступают с докладами на спецсеминарах, участвуют в работе диссертационных советов в качестве членов и выступают официальными оппонентами.

Д.ф.н. Дамбуева Полина Петровна специализируется в области теории грамматики, типологии грамматических категорий, сопоставительного изучения русского и бурятского языков. Она автор монографий «Средства выражения категории модальности в современном бурятском и русском языке» и «Категория модальности в современном бурятском языке», в которых дается типология модальных значений, выявляется своеобразие средств и способов выражения модальности в монгольских языках, обусловленные преобладанием агглютинации, морфологическими свойствами этих языков, а также экстралингвистическими факторами. Дамбуевой П.П. опубликованы статьи по теории залога в монгольских языках. Основные положения, касающиеся залогов в монгольских языках, изложены автором в докладе на международной алтаистической конференции в Москве: On the category of voice in present day Buryat language // Permanent International Altaistic Conference. 48-th meeting. July 10–15, 2005. Wiesbaden, 2006. Категория залога в монгольских языках, по мнению исследователя, имеет непоследовательно корреляционный характер, в связи с чем предлагается рассматривать её в широком контексте, позволяющем включать большие корпусы языковых фактов, не вписывающихся в традиционную теорию залога. В статье «Пассивные и активные залоговые конструкции в современном бурятском языке» // Бертагаевские чтения. Элиста, 2006. речь идет о системообразующем характере противопоставления актив/пассив. Основываясь на тотальном характере этого противопоставления, автор впервые вводит в оппозицию актив/пассив причастия на *-аатай*, *-оотой*, *-өөтэй*, *-этэй*, дает их морфологическую, семантическую и синтаксическую

характеристики, подробно описывает регулярные, а также неканонические средства выражения пассива.

О каузативном, взаимном, совместном залогах в монгольских языках автор докладывала на международной конференции «Каузативные конструкции в монгольских языках». 50-th PIAK-meeting. Казань, 2007. В связи с обсуждением проблемы многозначности показателей каузатива устанавливаются критерии разграничения одинаково оформленных каузативных и пассивных оборотов. В статье «Взаимные и совместные залоги в современном бурятском языке» // Материалы международной научной конференции. Чита, – говорится о семантическом сходстве реципрока и социатива, основанном на том, что в обоих случаях речь идет об одновременном действии двух и более субъектов; рассматриваются частные значения названных залогов: значения множественности, одновременности, итеративности, кратности действия и др.; делается вывод о двойственном характере аффиксов каузатива, реципрока и социатива, которые изменяют лексическое значение исходного глагола.

В статье «Средства выражения рефлексива в бурятском языке» // Вопросы алтайской филологии. Тенишевские чтения. Москва, 2008 – впервые дается описание грамматических, лексических, лексико-синтаксических средств выражения рефлексивного значения в монгольских языках.

П.П. Дамбуева занимается также исследованием лексики, семантики и проблем лексикографии, о чем свидетельствуют следующие ее публикации: «Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х томах» // Реферативный журнал. М., 2005; «О метафорическом использовании слов в бурятском языке» // 49-th PIAK-meeting. Berlin. 2006; «Вспомогательные глаголы в монгольских языках» // Владимирцовские чтения. ИВ РАН. М., 2006; «Актуальные проблемы монголоведения» // Реферативный журнал. М., 2006; «Лексическое выражение модальности в произведениях героического эпоса «Гэсэр» и «Джангар» // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики. Вып.2. Элиста, 2008.

П.П. Дамбуева сотрудничает с Федеральным институтом развития образования в г. Москве, участвуя в проектах по составлению учебных программ для российских образовательных учреждений с родным и русским языками обучения. В 2007 г. она удостоена звания «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия».

К.ф.н. Грунтов Илья Александрович специализируется в следующих областях: алтайское сравнительно-историческое языкознание, историческая грамматика монгольских и других алтайских языков,

падежные системы алтайских языков, лингвистические контакты между алтайскими языками, язык среднемонгольских памятников, этимологический анализ монгольской лексики, лексикография, семантическая типология, создание лингвистических баз данных.

И.А.Грунтов – автор единственного в Интернете сайта, посвященного лингвистическим проблемам пяти языковых групп алтайской семьи (тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской, корейской и японской) Monumenta Altaica (<http://altaica.ru>). Он возглавляет работу по созданию электронной базы данных по памятникам среднемонгольского языка, участвует в проекте по созданию базы данных кодирования семантических ролей в уральских и алтайских языках. В Институте восточных культур РГГУ И.А. Грунтов читает курсы лекций по теоретической грамматике монгольского языка и диалектам монгольского языка. Его доклад «О создании электронной базы данных по памятникам монгольских языков» получил первое место на конкурсе докладов молодых монголистов в посольстве Монголии в России в мае 2006 г.

Основные публикации И.А. Грунтова в 2004–2008 гг.:

- Исследования по алтайским языкам в сети Интернет // Т.А. Бертагаев. К 100-летию со дня рождения. Материалы Бертагаевских чтений. Элиста, 2005.
- Проблемы этимологизации монгольских основ на *l- // Владимирцовские чтения – V. М., 2006.
- Бурятский язык // Большая Российская Энциклопедия. Т. 4. М. 2006.
- Хамниганский язык // Энциклопедия «Языки народов Российской Федерации и соседних государств». Т. III. М., 2005.
- Развитие прамонгольского гортанного спиранта *h- в начальной позиции в языке памятника монгольского языка XIV века словаря Мукаддимат ал-адаб // Аспекты компаративистики – 1. Orientalia et Classica VI. М., 2005.
- О создании электронной базы данных по памятникам монгольских языков // Историческое развитие Монголии и монголо-русские отношения. М., 2006.
- Общее наследие и заимствования. Древнейшие тюрко-монгольские заимствования: обязательны ли радикальные решения? // Проблемы исторического развития монгольских языков. Материалы международной научной конференции. СПб., 2007.
- Вариативность тюркского глагольного управления в свете вопросов общей теории семантических ролей // Казань и алтайская цивили-

зация: 50-я ежегодная международная научная алтаистическая конференция Труды и материалы. Казань, 2007 (в соавторстве с Грунтовой Е.С.).

Проект базы данных: Поверхностное выражение семантических ролей и локализации в уральских и алтайских языках» // Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К.Е. Майтинской, Москва, 2007 (в соавторстве с Агранат Т.Б.).

«Каталог семантических переходов» – база данных по типологии семантических изменений // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2007». М., 2007.

О НОВОМ ЦЕНТРЕ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ

В 2005 г. в Российском государственном гуманитарном университете (г. Москва) открылось новое направление обучения студентов по специальности «монголо-тибетская филология».

Специализация «монголо-тибетская филология» ставит своей целью подготовку специалистов в области филологии, истории и культуры Монголии и Тибета. На протяжении всего курса обучения студенты получают глубокие знания монгольского и тибетского (современного и классического) языков, позволяющие вести работу как в учреждениях практического направления, так и в научных институтах, занимающихся изучением проблем культурного наследия, современного положения монголов и тибетцев. Подготовка специалистов по данному профилю предполагает сбалансированное ведение курсов, связанных с современностью и историческим прошлым этих народов.

Особое внимание уделяется чтению лекций по таким проблемам как: алтайская языковая общность, кочевые цивилизации Центральной Азии, эпическое творчество народов Центральной Азии, письменное наследие тибетцев и монголов, шаманские и бонские культы, особенности северной (центральноазиатской) ветви буддийского вероучения.

Кроме того, ежегодно силами преподавателей РГГУ совместно с Посольством Монголии в России проводятся всероссийские межвузовские студенческие научно-практические конференции на тему «История и культура монгольских народов», которые помогают консолидировать сообщество отечественного монголоведения, обогащают научный и преподавательский опыт.

Специализация «монголо-тибетская филология» относится к кафедре Южной и Центральной Азии в составе Института восточных культур и античности РГГУ. Эта кафедра объединяет исследователей Индии, Ирана, Монголии, Тибета, специалистов-тюркологов, что позволяет студентам наряду с углубленным изучением языков (санскритского, персидского, тибетского, монгольского, тюркского, арабского и др.) отдельных стран и народов овладеть сравнительно-историческим методом изучения восточных культур, получить фун-

даментальную университетскую подготовку по истории, литературе, религии.

Институт восточных культур и античности – единственное в своем роде учебно-научное подразделение Российского государственного гуманитарного университета. Отметивший в 2004 г. свой 10-летний юбилей Институт органически объединил в себе науку и образование, изучение Востока и преподавание многих востоковедных дисциплин с исследованием и преподаванием греческой и римской античности. Наши студенты имеют редкую возможность знакомиться на занятиях с последними научными достижениями своих учителей, среди которых – ученые с мировыми именами, члены-корреспонденты РАН, профессора, доктора и кандидаты наук.

Говоря об особенностях подготовки студентов в нашем Институте следует прежде всего подчеркнуть фундаментальный, поистинне университетский характер преподавания, что позволяет не только преподавать будущим востоковедам и античникам определенную сумму необходимых знаний и умений, в первую очередь умение работать с текстами соответствующей традиции, но и научить их самостоятельно мыслить¹.

Монголоведение в РГГУ представлено также Центром семиотики и типологии фольклора, который возглавляет С.Ю. Неклюдов. Под руководством Сергея Юрьевича молодые специалисты занимаются исследованием монгольского фольклора с проведением ежегодных летних экспедиций в Монголию, с целью записей фольклорных текстов у носителей языка.

В Институте восточных культур и античности непрерывно ведется научная работа. В частности, в 2007 г. в издательстве РГГУ в серии «Труды восточных культур и античности» XII под грифом «Orientalia et Classica»² вышла книга А.Д. Цендиной «Монгольские летописи XVII–XIX веков. Повествовательные традиции». В 2008 г. в издательской форме «Восточная литература» РАН профессор А. Цендина выпустила фундаментальный сборник статей и материалов, посвященный 100-летию со дня рождения академика Ц. Дамдинсурэна. В этом же издательстве Л.Г. Скородумова выпустила «Современный монголо-русский тематический словарь» в соавторстве с Д. Ульзийсайханом. Преподавательским коллективом уделяется также большое внимание совершенствованию методики преподавания монголоведения и тибетологии с учетом уникальности нашего учебного заведения. Мы ставим перед собой задачу подготовить специалистов, прежде всего, по классическому монголоведению с источниковедческим уклоном со знанием тибетского языка и куль-

туры. Для чтения курсов учебной программы привлекаются лучшие специалисты из разных научных учреждений не только Москвы, но и других городов. Надеемся, что подготовив такие кадры, нам удастся хотя бы частично компенсировать недостаток монголоведов классического направления, в которых столь нуждается сегодня Москва.

Вместе с тем мы уверены, что и к любой другой деятельности (переводческой, преподавательской, научной, практической) после окончания РГГУ монголисты будут готовы хорошо и ни в чем не уступят своим сверстникам, выпускникам других университетов как в нашей стране, так и за рубежом.

¹ Использованы материалы сайта www.rsuh.ru

Н.Г. Очирова

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ В КАЛМЫКИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ КИГИ РАН)*

Несмотря на сравнительно небольшой срок, монголоведение в Калмыкии, в частности, в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН, уже имеет свою историю и сложившиеся традиции.

Институт продолжает славные традиции отечественного востоковедения, зародившегося два столетия назад и ставшего признанным направлением мировой науки. В многолетней деятельности института плодотворным явилось сочетание богатейшего опыта русской науки и национальных традиций мышления, что позволило заложить новые исследовательские подходы, сформировать основные научные направления.

Следует заметить, что традиционная проблематика сегодня приобрела комплексный характер и рассматривается на широком культурно-историческом фоне. В настоящее время в институте представлены все приоритетные отрасли современной гуманитарной науки: история, филология, социология, политология и экология.

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН по праву считается одним из российских востоковедческих центров, в котором проводятся научные изыскания, посвященные закономерностям исторического развития народов Центральной Азии, Калмыкии и соседних регионов Юга России, Поволжья в их взаимодействии, особенностям их этногенеза и этнографии, проблемам археологии и экологии Калмыкии и исторических мест обитания предков калмыков, истории и современного состояния языков и литератур, письменного наследия, религии, фольклора, эпического творчества монголоязычных этносов, социально-политического развития и этнокультурного взаимодействия народов Евразии.

Поэтому не случайно в 1997 г. на базе КИГИ РАН был проведен I организационно-научный съезд отечественных востоковедов, по

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез».

решению которого в Элисте был создан Монголоведный научный центр, что явилось признанием Института как одного из координаторов исследований в области монголистики.

Первая калмыцкая научная интеллигенция и последующие поколения ученых воспитывались на трудах известных и менее известных, порой забытых российских ориенталистов. Как известно, у истоков зарождения калмыцкого монголоведения стояли выдающиеся монголоеды О.М. Ковалевский (1800–1878) и А.В. Попов (1808–1865). С их именами связано учреждение в Казанском университете в июле 1833 года первой в Европе и России кафедры монгольского языка¹.

В том же 1833 г. в программы духовных семинарий Астрахани и Саратова был введен калмыцкий язык. А в январе 1845 г. в Казанской Духовной Академии была открыта кафедра монгольско-калмыцкого языка, просуществовавшая до 1854 г.² С Казанью связано имя и другого известного монголоведа А.А. Бобровникова, автора «Монгольско-калмыцкой грамматики» (1849).

В 1855 г. центр научного монголоведения переместился в Санкт-Петербург, где была открыта кафедра монгольского и калмыцкого языков на факультете восточных языков СПбГУ (ныне кафедра монгольской и тибетской филологии СПбГУ), которая и поныне держит пальму первенства в деле подготовки высококвалифицированных кадров монголоведов. Активная деятельность ученых-монголоведов К.Ф. Голстунского, А.М. Позднеева, публикация памятников, словарей, научных работ во 2-й половине XIX в. способствовали тому, что монголоведение к началу XX в. стало одной из ведущих отраслей отечественного востоковедения.

Новые страницы в истории российского монголоведения XX в. связаны с именами профессора В.Л. Котвича, академика Б.Я. Владимирцова, профессора Г.И. Рамstedта, академика С.А. Козина, которые в своих знаменитых трудах, на которых училось и учится не одно поколение монголоведов, рассматривали на общемонгольском фоне проблемы калмыцкого языка и фольклора.

Поэтому представляется вполне закономерным, что после создания в 1941 г. в Калмыкии специального научно-исследовательского учреждения монголоведческая тематика становится одним из ведущих направлений работы Института. К сожалению, начавшаяся в июне 1941 г. Великая Отечественная война и последовавшая в 1943 г. насильственная депортация калмыцкого народа в восточные районы Сибири прервали научную деятельность Института, которая была возобновлена только в 1957 г.

В 1960-е годы в институте работали известные ученые, заложившие основы различных направлений монголоведческих исследований (д.ф.н. Ц.-Д. Номинханов, д.и.н. У.Э. Эрдниев, д.ф.н. И.К. Илишкин, д.ф.н. Д.А. Павлов, д.ф.н. А.Ш. Кичиков, д.ф.н. П.Ц. Биткеев, к.ф.н. Б.Д. Муниев, к.ф.н. А.В. Бадмаев и др.). И все же многие исследования были связаны именно с филологическими изысканиями в русле «классического» монголоведения. Заслуги старшего поколения монголоведов-филологов определяются постановкой научных задач, добросовестным эмпирическим описанием материала, вводом в научный оборот неопубликованных источников. В то же время необходимо учитывать связь данного этапа в развитии науки с культурно-историческими условиями и идеологией ушедшей эпохи.

Вторым, наиболее плодотворным, этапом в развитии монголоведения в Калмыкии стали 1970-е годы. Большую роль в активизации монголоведческих исследований сыграла проведенная в 1972 г. в Элисте на базе КНИИЯЛИ Всесоюзная научная конференция по алтаистике и монголоведению, приуроченная к 100-летию со дня рождения известного ученого-алтаиста В.Л. Котвича. Калмыцкий НИИЯЛИ становится по сути признанным научным центром не только калмыковедческих исследований, но и общих проблем монголоведения и алтаистики.

Создание в 1977 г. в Институте сектора монголоведения как отдельного структурного подразделения дало новый импульс развитию монголоведческих исследований. Так, появилась возможность выйти за рамки чисто калмыковедческих проблем и перейти к общемонголоведческим исследованиям сравнительно-типологического характера в области языка, фольклора, литературы и этнографии. Возглавил сектор известный монголовед П.Ц. Биткеев, ныне профессор, работающий в Калмыцком государственном университете. Впоследствии сектор был преобразован в отдел, костяк которого составили выпускники кафедры монгольской филологии восточного факультета Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета.

В настоящее время в связи с расширением тематики и объема исследований отдел монголоведения преобразован в Центр монголоведения и тибетологии, в котором традиционно разрабатываются три основных направления: 1) сравнительно-типологическое исследование монгольских языков и тибетского языка; 2) филологический анализ старописьменных памятников; 3) комплексное изучение фольклора, этнографии, религии и культуры монгольских народов.

Накоплены значительные научные результаты, собран богатый фактический материал. Актуальные проблемы, связанные со станов-

лением и развитием монголоведения в Калмыкии, не раз анализировались в работах П.Ц. Биткеева, Н.Г. Очировой, Э.У. Омакаевой³.

Лингвистами с самого начала успешно исследовались проблемы фонетики, фонологии, морфонологии, морфологии, лексикологии, синтаксиса монгольских языков в синхронии и диахронии. Результатами работы в этом направлении явились «Калмыцко-монгольско-русский словарь», изданный в 1986 г., тематические сборники научных трудов («Исследования по монгольской филологии», «Вопросы грамматической системы монгольских языков», «Исследования по грамматике и лексике монгольских языков», «Монголоведные исследования», «Проблемы монгольской филологии», «Филологические исследования старописьменных памятников»).

С 2002 г. Центром монголоведения и тибетологии издается новое серийное издание «Монголоведение». Вышло уже четыре номера, в настоящее время готовится к изданию пятый выпуск «Монголоведения».

В Центре активно ведутся лексико-грамматические исследования. Так, в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» выполнен научный проект «Грамматический строй калмыцкого языка в сравнительно-историческом и сопоставительно-типологическом освещении» под руководством к.ф.н. Э.У. Омакаевой. В рамках данной программы фундаментальных исследований к.ф.н. Н.Н. Убушаевым подготовлена и опубликована научная монография «Диалектная система калмыцкого языка»⁴, в которой впервые в монголоведении создана цельная картина становления и развития диалектной системы калмыцкого языка, выявляются фонетические и морфологические особенности калмыцких говоров.

Исследователи-лингвисты плодотворно работают и над проблемами совершенствования орфографии современного калмыцкого языка. Научная концепция наших ученых по этому вопросу отражена в изданных в 2001 г. «Орфографических правилах и орфографическом словаре калмыцкого языка»⁵.

В центре внимания монголоведов находятся как традиционные, «классические» темы (язык, литература, письменные памятники, история и этнография, включая источниковедение и историографию), так и новые, находящиеся на стыке наук.

Монголоведами института ведется большая кропотливая работа по сбору редких рукописей. Коллекция письменных памятников насчитывает свыше 1000 единиц хранения. Проводится большая работа по их описанию и систематизации. Издано «Описание монгольских и ойратских рукописей, хранящихся на территории Калмыкии» д.и.н.

К.В. Орловой⁶, готовится к изданию «Каталог тибетских рукописей и ксилографов рукописного фонда КИГИ РАН» к.ф.н. Д.Н. Музраевой. В Институте началось издание серии «Наше наследие», включающей публикации старописьменных памятников. Первой книгой, подготовленной из коллекций КИГИ РАН, стало издание монгольской версии известного популярного буддийского сочинения «Повесть о Лунной кукушке»⁷. Исследования памятников, хранящихся в научном архиве КИГИ РАН, проводятся в филологическом и философском аспектах; к изучению редких рукописей привлечены научные сотрудники, прошедшие обучение в школах при тибетских монастырях в Индии.

Ведется сбор и описание рукописей, хранящихся в частных коллекциях и хурулах (храмах) республики. В этой связи следует сказать, что после 20-летнего перерыва в Институте возобновились комплексные научные экспедиции по территории Калмыкии. В результате работы экспедиций КИГИ РАН в различные районы республики в 2000–2008 гг. был собран богатый диалектологический, фольклорный, этнографический материал, были выявлены в частных и хурульных коллекциях сочинения на тибетском и ойратском письменном языке, что является большим достижением, так как считалось, что у населения рукописи, особенно на ойратском языке, не сохранились. В 2006 г. при поддержке РГНФ состоялась экспедиция по ряду районов Калмыкии с целью выявления буддийских письменных памятников в общественных и частных коллекциях; сделаны электронные копии большей части вновь выявленных памятников, некоторые из которых являются уникальными. По результатам данной экспедиции подготовлен к печати каталог выявленных на территории шести районов Республики Калмыкия тибетских, монгольских и ойратских рукописей и ксилографов. Конечной целью такой поисковой работы является создание сводного каталога всех письменных памятников, хранящихся на территории Калмыкии. Открытие новых хурулов и молельных домов способствует этой работе, т.к. население обычно передает в хурул семейные реликвии, принадлежавшие репрессированным священнослужителям.

Создание музея традиционной калмыцкой культуры им. Заяпандиты в 1999 г. в стенах нашего института явилось практическим результатом этнологических, культурологических исследований и научно-поисковых экспедиций, проводимых Институтом. В 2003–2005 гг. этнологи, социологи, политологи КИГИ РАН под руководством к.пол.н. Н.Г. Очировой участвовали в проекте «Этнокультурное взаимодействие народов Юга России», включенном в Программу

фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

Изучение этнографии монгольских народов, в том числе калмыков, – одно из важных направлений монголоведческих исследований в Институте. Обобщающим и на сегодняшний день пока единственным исследованием является монография У.Э. Эрдниева «Калмыки», служащая своего рода энциклопедией традиционного быта калмыков и выдержавшая уже три издания.

Специальные исследования, посвященные различным разделам этнологических исследований в области монголоведения и калмыковедения, отмечены в последние десятилетия. Результатом многолетних поисковых экспедиций и комплексных научных изысканий стала монография д.и.н. Г.О. Авляева, в которой автор исследовал этногенетические проблемы калмыков и их предков – ойратов – во взаимосвязи с проблемами происхождения монголоязычных народов в целом⁸. Этногенетические аспекты ставились и в работах А.Г. Митирова⁹. Этнологами Института ведутся и специальные исследования в области материальной культуры калмыков. Так, в работе, посвященной традиционным поселениям и жилищу, на основе широкого круга источников исследованы проблемы закономерностей и способов перехода от традиционного кочевого жилища к стационарному, этнических характеристик, формирующих культурное пространство¹⁰. Комплексные исследования материальной культуры (жилища, одежды) во взаимосвязи с традиционными представлениями позволили этнологам с новых позиций изучить проблемы народного костюма калмыков¹¹.

Проблемам религии и духовной культуры калмыцкого народа посвящены работы Э.П. Бакаевой по буддийским верованиям и этноспецифической форме буддизма калмыков, А.Н. Басхаева по истории буддийской церкви в XX в., С.Г. Батыревой¹² о старокалмыцком народно-декоративном и буддийском искусстве XVII – начала XX в., а также отражении народных традиций в творчестве современных художников и способах трансляции их в музейном пространстве.

Двухвековую историю насчитывает исследование «Джангара» – героического эпоса калмыцкого народа. Джангароведами Института внесен определенный вклад в изучение сюжетов, циклов эпоса, эпического творчества джангарчи и их певческого мастерства, а также в изучение основных образов героев эпоса, поэтических особенностей, эпических формул в сравнительно-типологическом исследовании региональных версий «Джангара». В результате скрупулезной работы над рукописями восстановлены тексты 25 песен эпоса и изданы

в Москве в 1978 г. Осуществлен перевод на русский язык текстов 24 песен «Джангара».

За последние годы вышли в свет два тома книги «Джангар». Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов» в переложении с письменного ойратского языка на современный калмыцкий язык Б.Х. Тодаевой. Издание является первой в РФ публикацией героического эпоса синьцзянских ойратов (калмыков). Работа представляет ценный труд по изучению специфики и закономерностей эпического творчества, вопросов генезиса и историзма эпоса, его композиционной структуры и художественной формы. В настоящее время находится в печати заключительный, третий том синьцзянской версии «Джангара».

Силами исследователей в институте собран уникальный фольклорный фонд, включающий все жанры устного народного творчества калмыков. Он является ценнейшим источником для исследования фольклорного наследия и сказительского мастерства народа.

В разные годы фольклористами института были изданы монографические исследования Э.Б. Овалова, посвященные сравнительно-типологическим исследованиям проблем эволюции образной системы, мотивов, сюжетов и поэтики эпоса «Джангар», его версий и ряда героических произведений монголов, калмыков и бурятов; Т.Г. Басанговой (Борджановой)¹³, посвященные обрядовой поэзии калмыков, и др. Вышла в свет книга «Пословицы, поговорки и загадки калмыков Поволжья и ойратов Синьцзяна» (сост. к.ф.н. Тодаева Б.Х.)¹⁴. В настоящее время ведется работа по подготовке к изданию «Свода калмыцкого фольклора» в 12-ти томах.

Коллектив исследователей завершил работу над томом «Калмыки», который готовится для серии «Народы и культуры», издаваемой Институтом этнологи и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН. Это фундаментальный труд, знакомящий читателя с богатой материальной и духовной культурой калмыков в прошлом и настоящем. Кроме того, этнологи нашего института участвуют в проекте по созданию атласа «Монгольские народы: история, культура, современное общество».

В рамках одного из приоритетных направлений исследований КИГИ РАН – исторического – обращается серьезное внимание на разработку дискуссионных проблем, не имеющих пока однозначного решения в исторической науке. Так, например, усилия историков института направлены на выработку новых подходов к изучению отдельных этапов истории калмыцкого народа как в отдаленном прошлом, так и в годы советской власти. Ликвидация «белых пятен», восстановление исторической справедливости, объективная оценка прошлого и современности остаются важной задачей историков Ин-

ститута. Историками института в научный оборот введено значительное количество архивных документов, ранее недоступных, позволивших по-новому оценить известные события и процессы, выдвинуть принципиально иные идеи и оценки в понимании социальной трансформации и модернизации общественных процессов.

Этногенез и этническая история монгольских народов, в частности ранняя история ойратов и происхождение калмыцкого народа вызывают всегда неизменный интерес исследователей. Хорошо известны работы д.и.н. Г.О. Авляева, к.и.н. А.Г. Митирова, к.и.н. В.П. Санчирова и др., отличающихся высоким уровнем источниковедческого анализа. Несмотря на это, остаются спорными многие вопросы происхождения монгольских этносов, в том числе калмыцкого. Д.и.н., профессор К.Н. Максимов на монографическом уровне исследовал историю калмыцкой государственности. В его специальных исследованиях¹⁵ также на основе ранее не известных источников и исходя из новых исследовательских подходов исследована история репрессий в Калмыкии и проблемы истории Великой Отечественной войны в Калмыкии.

В настоящее время историки Института под руководством проф. К.Н. Максимова завершили разработку фундаментальной темы «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней». В преддверии празднования 400-летия добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства Институт считает важным осуществить данное многотомное издание.

Большой интерес представляет проблема кочевничества. Одной из организационных форм научного поиска в данном направлении явилось проведение Институтом в 2001 г. Международной конференции «Кочевая цивилизация Великой степи: современный контекст и историческая перспектива».

Центром этносоциальных исследований КИГИ РАН реализован проект «Изучение системы традиционного природопользования населения аридной зоны Евразии» (рук. к.полит.н. Очирова Н.Г.) в рамках Программы фундаментальных исследований Южного научного центра РАН «Развитие технологий мониторинга, экосистемное моделирование и прогнозирование при изучении природных ресурсов в условиях аридного климата». Осуществлен сбор и анализ статистических сведений об историческом опыте хозяйствования населения аридной зоны Евразии (на примере Калмыкии). Были рассмотрены вопросы о роли и значении традиционных знаний, религии, языка и других социокультурных аспектов в традиционном природопользовании населения аридных территорий. Также прове-

дены обобщение и анализ экологических традиций буддизма, культурно-исторического опыта народов, проживающих на территории Калмыкии, исследований традиционного опыта кочевого пастбищного животноводства. В настоящее время ведется разработка программы мониторинга по исследуемой проблематике.

КИГИ РАН тесно сотрудничает со многими крупнейшими зарубежными монголоведческими, китаеведческими и тибетологическими центрами. Отношения России со странами Востока насчитывают более тысячи лет. И во все времена особое внимание придавалось установлению контактов с далекими Монголией и Китаем. Калмыки, добровольно войдя в состав России в начале XVII в., внесли свой вклад в становление и развитие российско-монгольских и российско-китайских отношений. Очень важно, что мы сохранили, а сейчас укрепили традиционные дружеские отношения с академиями наук Монголии и Китая, с научными учреждениями других стран. Институт участвует на постоянной основе в работе Комиссии по научному сотрудничеству между РАН и АН Монголии, в области общественных проблем в Комиссии по монгольским и тибетским делам (Тайвань) и т.д.

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН имеет налаженные связи с востоковедными центрами Монголии, Китая, Японии, Германии, Франции, США, Чехии, Польши и других стран. Ученые Института регулярно принимают участие в международных научных форумах, проводимых за рубежом. В 2005 г. директор КИГИ РАН, к.полит.н. Очирова Н.Г. и ведущий научный сотрудник отдела истории, к.и.н. Санчиров В.П. приняли участие в работе международной научной конференции «Геополитические отношения между современной Монголией и соседними азиатскими странами: Монголия и Россия» (Тайвань, г. Тайбэй). В КИГИ РАН регулярно проходят стажировку ученые из Китая, Монголии, Японии, Польши, Германии и др.

Эффективность использования библиотечных, архивных, музейных и рукописных коллекций КИГИ РАН в востоковедных областях знания, в которых работают сотрудники Института и представители других научных коллективов Калмыкии, России, зарубежных стран, подтверждается введением в научный оборот, особенно в последние годы, новых, ранее неизвестных архивных документов, редких рукописей и ксилографов на восточных языках, полевых материалов и других важных источников.

Отдаленность Республики Калмыкия от родственных монголоязычных народов не дает возможности нашим ученым достаточно

часто встречаться со своими монгольскими коллегами. Тем не менее, монголоеды КИГИ РАН регулярно принимают участие в международных конгрессах монголоедов, проводимых Международной ассоциацией монголоедов раз в 5 лет в Улан-Баторе.

В 2007 г. осуществилось заветное желание калмыцких лингвистов, историков, этнографов, фольклористов поработать со своими коллегами в совместных экспедициях на территории Монголии. В августе 2007 г. при поддержке РГНФ состоялась российско-монгольская экспедиция к ойратам Монголии, в состав которой вошли ученые КИГИ РАН и КГУ и наши коллеги из Института языка и литературы АН Монголии. В 2008 г. также при поддержке РГНФ проведена международная научная экспедиция в Монголию «Лингвоэтнографический ландшафт современной Монголии в структурно-типологическом ракурсе: западномонгольские локальные традиции», посвященная 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Научная экспедиция состоялась совместно с Общественной организацией «Тод номын гэрэл» (Монголия), маршрут пролегал по трем аймакам Западной Монголии: Баян-Улгий, Ховд, Увс. Ученым удалось провести опрос и зафиксировать на электронные носители уникальные фольклорные и этнографические материалы. Этому способствовал фестиваль «Наследие Алтая» (25–28 июля 2008 г.) и выставка, в которых участвовали представители пяти аймаков Западной Монголии. Членами экспедиции собрано значительное количество сведений по материальной культуре ойратов Монголии.

В целом работа экспедиций по фиксации современной культуры родственных калмыкам ойратских народов Монголии представляется значимой в аспекте изучения трансформирующегося общества ойратов, которые в культурном отношении все более сближаются с восточными монголами. Вместе с тем, оставаясь до настоящего времени в своем большинстве кочевниками, ойраты сохраняют уникальный слой культуры, связанный с кочевым скотоводством, что позволяет также привлекать собранные материалы для сравнительно-типологических исследований.

КИГИ РАН участвует в международных проектах: «Литература монголов XX века» (совместно с Институтом языка и литературы АН Монголии); «Археология Евразии» (Евразийское Отделение Германского археологического Института), а также в российском научном проекте «Большая Российская Энциклопедия (Республика Калмыкия)».

В республике ведется подготовка к празднованию 400-летия добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства, в которой значительная часть работы возложена на Институт.

Таким образом, одна из специфических черт современной монголоедной науки в Калмыкии состоит в ее комплексной направленности. Период узкой специализации, дифференциации дисциплин остался в прошлом.

Ученые Института состоят в престижных зарубежных научных обществах: Урало-алтайском научном обществе (Германия), Постоянной международной алтаистической конференции (США), Международной ассоциации монголоедов (Монголия), Международной ассоциации тибетологических исследований (Нидерланды) и др.

В настоящее время коллектив института состоит из высококвалифицированных ученых разных поколений, имеет стабильный состав, отличается сплоченностью и творческим настроением. Институту удалось сохранить преемственность в науке.

Сейчас на смену старшему поколению монголоедов приходит новое, которому предстоит решать целый ряд сложных теоретических вопросов как новых, так и «старых», нуждающихся в дальнейшем научном осмыслении и переосмыслении. Большую роль в научном становлении молодых исследователей играют регулярно проводимые школы (конференции) молодых ученых. Регулярно (раз в два года) в Элисте на базе КИГИ РАН проводится межрегиональная конференция «Молодежь в науке: проблемы, поиски, перспективы», в рамках которой проводятся мастер-классы ведущих ученых-монголоедов, методологическая и общетеоретическая ценность которых состоит не только в том, что углубляются наши познания в различных областях современной востоковедческой науки, но и в том, что приходит осознание настоятельной необходимости научного обобщения достижений отечественной ориенталистики, анализа ее методологических основ, применения современных методов исследования, в том числе компьютерных.

Сегодня в условиях глобализации очень важно сохранить традиции научных школ, подготовки специалистов, расширять научное сотрудничество востоковедов с целью сохранения фундаментальных направлений, активизировать работу по каталогизации, сохранению и переводу на электронные носители фонда источников.

¹ Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX–20-е годы XX в.). Казань, 1998.

² Успенский В.Л. Монголоедование в Казанской Духовной Академии // *Mongolica* III. СПб., 1994, с. 11–17.

МОНГОЛОВЕДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТУВЕ

Историю монголоведных исследований в Туве можно условно разделить на два этапа – исторический и современный. Последний этап, в свою очередь, также можно разделить в хронологическом порядке на два периода – 1) с 1945 – по 1970 гг.; 2) с 1970 г. – по настоящее время.

На первом этапе, который приходится на годы Тувинской Народной Республики (1921–1944), проводились работы по архивизации сохранившихся документов из канцелярий амбын-нойона и правителей хошунов Тувы, написанных на одном из официальных языков Цинской империи – старомонгольском письменном языке.

Начиная с 1945 г. учеными только что созданного Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (НИИЯЛИ) велась работа по сбору образцов монгольского фольклора, существовавших в устном виде среди тувинского народа, а также фиксировались исторические предания и легенды (напр. легенды об ойратском Амарсане, хотогойтском Чингунджаве и др.). Тувинцы были хорошо знакомы с литературными произведениями монголов дореволюционного периода, о чем свидетельствуют многочисленные рукописи и ксилографы на старомонгольском языке, хранящиеся в настоящее время в рукописном фонде Тувинского института гуманитарных исследований (ТИГИ) и Национальном музее Республики Тыва. Собираемыми фольклора в разных районах Тувы было записано огромное количество сохранившихся в памяти тувинского народа монгольских эпосов, сказок, песен и т.д. В частности, в результате кропотливой собирательской работы в 1963 г. вышел в свет монгольский эпос «Ачыты Кезер-Мерген» на тувинском языке, изданный Д.С. Кууларом.

Одновременно с этим началась переводческая деятельность, вызванная необходимостью перевода исторических документов Цинского периода Тувы и вплоть до 1930 г., когда был создан тувинский национальный алфавит на основе латинской письменности. Известно, что тувинцы в течение долгого времени пользовались старописьменным монгольским языком. Первое знакомство предков современных тувинцев с монгольской письменностью произошло, по всей вероят-

³ Биткеев П.Ц. Монголоведение в Калмыкии // Развитие науки в Калмыцкой АССР. Элиста, 1981, с. 85–94; Очирова Н.Г. Современное состояние монголоведения в Калмыкии // Монголоведение. № 1. Элиста, 2002, с. 9–14; Oмакаева E. General Survey of Mongol Studies in Kalmykia // Mongolica. An International annual of Mongol Studies. Vol. 10 (31), 2000. A Special Issue Containing the Papers of the 7-th International Congress of Mongolists. Vol. II. UB. P. 421–426.

⁴ Убушаев Н.Н. Диалектная система калмыцкого языка. Элиста, 2006.

⁵ Орфографические правила и орфографический словарь калмыцкого языка. Элиста, 2001.

⁶ Орлова К.В. Описание монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся на территории Калмыкии. М., 2005.

⁷ Повесть о Лунной кукушке. Монгольская версия. Факсимиле ксилографа. Предисл., транслит., пер., глоссарий и приложение Д.Н. Музраевой. Элиста, 2004.

⁸ Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. Москва-Элиста, 1991; он же. Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд. Элиста, 2002.

⁹ Митиров А.Г. Ойраты – калмыки. Века и поколения. Элиста, 1998; он же. Истоки. Элиста, 2002.

¹⁰ Бакаева Э.П., Сангаджиев Ю.И. Культура жилища: этнические традиции и современные приоритеты у калмыков. Элиста, 2005.

¹¹ Бакаева Э.П. Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста, 2008.

¹² Бакаева Э.П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста, 1994; Baкаева E. Buddhism (Lamaism) in Kalmykia / Antropology and Archeology of Eurasia. Winter 2000–2001. Vol. 39, N 3. New York, 2001; она же. Добуддийские верования калмыков. Элиста, 2003; Басхаев А.Н. Буддийская церковь в Калмыкии: 1900–1943 гг. Элиста, 2007; Батырева С.Г. Образная память предков. Живопись Г. Рокчинского во времени и пространстве калмыцкой традиционной культуры. Элиста, 2004; она же. Старокалмыцкое искусство XVII– начала XX вв. Опыт историко-культурной реконструкции. М., 2005; она же. Музей традиционной культуры в системе образования. Элиста, 2007; она же. Народно-декоративное искусство калмыков. Элиста, 2007.

¹³ Овалов Э.Б. Поэма о поражении свирепого Хара Киняса в эпосе «Джангар». Основные образы и поэтические особенности. Элиста, 2006; он же. Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов (опыт сравнительно-типологического исследования). Элиста, 2004; он же. Сюжетно-стилевые традиции в эпосе «Джангар» и его версиях. Элиста, 2008; Борджанова Т.Г. Магическая поэзия калмыков. Исследование и материалы. Элиста, 1999; она же. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста, 2007.

¹⁴ Пословицы, поговорки и загадки калмыков Поволжья и ойратов Синьцзяна. Элиста, 2007.

¹⁵ Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М., 2007; он же. Трагедия народа: репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М., 2004.

ности, в XIII–XIV вв., то есть, практически сразу же после появления письменности у самих монголов. Об этом говорят «многочисленные находки иероглифических и монгольских надписей на уйгурском алфавите на скалах, обелисках и на других предметах (например, на посуде...)» на территории Тувы¹. Более широкому распространению монгольского языка и письменности способствовало вхождение тувинских племен во второй половине XVIII в. в состав Цинской империи. Тувинские чиновники должны были вести официальную документацию при переписке с маньчжурским наместником в Улясутае на монгольском языке. Историк В.И. Дулов отмечал: «Официальная документация велась на монгольском языке, наличие специальных низших чиновников (бижээчи – писарь) в местном и центральном аппарате говорит о большом делопроизводстве в хошунных и сомонных канцеляриях»².

Немаловажную роль в распространении старописьменного монгольского языка среди тувинцев сыграл буддизм. В монастырских школах изучались наряду с другими предметами монгольский и тибетский языки. Таким образом, более широкое хождение старомонгольский письменный язык получил в XVIII в., «после чего вплоть до создания тувинской национальной письменности это был почти единственный вид письменности, использовавшейся тувинцами»³.

В переводческую деятельность были вовлечены известные государственные деятели Тувы как Алексей Баир⁴, Седип-оол Танов⁵ и др., прекрасно владевшие старомонгольской письменностью. Помимо перевода делопроизводственных документов, переводились и буддийские сутры как, например, «Улгэрийн далай» («Море притч»), осуществленный бывшим ламой Лундупом Оюном.

В конце 1950-х годов в Туву по распределению в областной краеведческий музей прибыл, тогда еще молодой, бурятский специалист П.Б. Балданжапов, который впоследствии стал одним из известных ученых в области монгольской историографии. Он первым обратил внимание на наличие у тувинского народа исторических летописей и хроник на старомонгольском языке. Случайная находка летом 1956 г. школьниками запрятанных в пещере рукописей и ксилографов на монгольском и тибетском языках, «представлявших чью-то личную библиотеку», среди которых оказалась историческая летопись, стал практически его первым шагом для дальнейшего изучения историко-литературных памятников тувинцев и монгольских историографических сочинений. Оригинал исторической летописи, названная П.Б. Балданжаповым как «Хроника Олзей-Очура», на сегодня, к сожалению, нами в хранилищах музея не

обнаружена. Возможно, как это ни грустно, следует констатировать о том, что она утрачена для тувинского народа. Сохранился только перевод на русский язык, сделанный П.Б. Балданжаповым и обширное к нему примечание.

В статье, которая хранится в рукописном фонде ТИГИ, П.Б. Балданжапов, основываясь на тех фактах, которые изложены в источнике, рассматривает политическое и социальное положение дореволюционной Тувы. В конце он отмечает, что «среди тувинского народа с давних времен бытовала историческая литература, и история дореволюционной Тувы богата неопубликованными источниками»⁶. П.Б. Балданжапов не называя и также без выходных данных, что значительно затрудняет его идентификацию, дает описание рукописи, в которой «излагаются и освещаются факты из истории монгольских племен – хотогойтов, дурбэтов, мингатов и маньчжурского завоевания Западной Монголии. Поэтому она (рукопись – А.С.) имеет большое значение и для истории монгольского народа»⁷.

Начиная с 1970-х годов в Туве приступили к подготовке своих специалистов по монголоведению, что, несомненно, характеризует новый качественный уровень исследований по монголоведению и смежной с ней проблематикой. В 1975 г. после окончания Монгольского государственного университета в Тувинский НИИЯЛИ были приняты К.А. Бичелдей, ставший впоследствии доктором филологических наук, академиком РАЕН, а также Б.С. Сонам, окончивший вышеназванное учебное заведение с красным дипломом. К.А. Бичелдей является автором многих работ, в том числе монографий «Гласные тувинского языка в потоке речи». Ч. 1, 2 (Кызыл, 1988); «Фарингализация в тувинском языке» (М., 2002); «Теоретические проблемы фонетики современного тувинского языка» (М., 2002) и др.

За свою недолгую жизнь Б.С. Сонам помимо изучения лексических особенностей монгольского языка юго-восточных части Тувы, занимался собиранием монгольского фольклора в Туве и интересовался спрятанными в укромных местах во время гонений на религию рукописями и ксилографами на монгольском и тибетском языках. В 1982 г. во время поездки в Бай-Тайгинский район им была обнаружена небольшая рукопись на старомонгольском языке под названием «История ханов от имени неба завладевших временем. О том, как [была] унаследована служба управления Урянхая». Оригинал и описание этой рукописи, с транслитерацией, переводом, обширными примечаниями и приложением, а также некоторым разбором грамматических особенностей текста хранится в рукописном фонде ТИГИ.

Выпускница восточного факультета Ленинградского университета А.Э.-Г. Уланова, принятая в 1975 г. младшим научным сотрудником в ТНИИЯЛИ, занималась исследованием монгольского языка юго-восточной Тувы. В 1988 г. в Бурятском институте общественных наук СО РАН она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Особенности монгольского языка юго-восточной Тувы», где подробно рассмотрела фонетические, лексические и грамматические особенности монгольского языка приграничных районов Тувы. А.Э.-Г. Уланова является автором более 20 научных публикаций по названной теме.

В следующем, 1976 г. переводом из Бурятского комплексного НИИ СО РАН был принят в сектор литературы и фольклора ТНИИЯЛИ к.филол.н. Г.О. Туденов. В 1982 г. он вернулся в родной институт, преобразованный в Бурятский институт общественных наук СО РАН (ныне Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН), где работал до конца своей жизни. Во время работы в ТНИИЯЛИ Г.О. Туденов изучал монголоязычную тувинскую литературу. Результатом его научных изысканий стала статья «О тувинской литературе дооктябрьского периода на старописьменном монгольском языке», опубликованная в сборнике «Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока» (Новосибирск, 1983). Немного ранее эта работа с некоторыми сокращениями была переведена на тувинский язык и опубликована в литературном альманахе «Улуг-Хем»⁸. В статье предпринята попытка анализа сочинений летописного характера на старомонгольском языке тувинских авторов. Подчеркивая о том, что они во многом близки к монгольским средневековым летописям, автор тем не менее писал: «Во многих из них (исторических хрониках и летописях. – А.С.) усматривается авторская установка на художественность, образность стиля и сюжетность»⁹.

Также в этот период продолжилась работа по переводу материалов с монгольского языка. Одним из известных переводчиков, знатком старомонгольской письменности был К.Т. Аракчаа, который в детстве учился в Гандан-хурээ г. Улан-Батора. Он ввел в научный оборот большое количество исторических документов, относящихся к истории Тувы дореволюционного периода. Кроме того, он перевел на тувинский язык такие известные произведения современных монгольских авторов как «Прозрачный Тамир» Ч. Лодойдамбы, вышедший в 1976 г. и переизданный второй раз в 2005 г., «Хрустальное зеркало» Ш. Нацагдоржа (1993) и др. Также сюда можно отнести Г.Б. Санчаа, который более чем за полувековую переводческую деятельность перевел большое количество книг с монгольского языка.

В 1982 г. была принята на работу в ТНИИЯЛИ выпускница восточного факультета Ленинградского государственного университета по специальности «История Монголии» М.В. Монгуш. Во время работы в институте она специализировалась по этнографии тувинцев, истории религии Тувы и Монголии, в 1989 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме: «Ламаизм в Туве (историко-этнографическое исследование)». В 1993 г. М.В. Монгуш выиграла грант американского фонда Джона Д. и Кетрин МакАртуров и смогла осуществить научную командировку в Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, где посетила проживающих там этнических тувинцев. Это стало толчком для дальнейшего изучения этнодисперсных групп тувинцев, проживающих в зарубежной Азии. В своей монографии «Тувинцы Монголии и Китая» автор обобщая, в основном, накопленный в отечественной науке материал сопоставляет и анализирует этноязыковую ситуацию, этническое самосознание, материальную и духовную культуру зарубежных этнических тувинцев.

Нишу в фольклористике заняла А.С. Донгак, поступившая в 1985 г. в ТНИИЯЛИ после окончания восточного факультета ЛГУ. Она исследует бытование в тувинском фольклоре заимствований из монгольской, тибето-индийской литературы, таких как рассказы из «Панчатантры», сказки о «Арджи-Бурджи-хане», «Бигармиджиде» и др. Эти и другие произведения прочно войдя в тувинский фольклор, с одной стороны, обогатили его новым содержанием и формой, а с другой, сохраняя оригинальные свойства, «тем не менее приобрели на новой для них национальной почве свежий облик по многим качествам – в сюжете, стилистике, поэтике и т.д.»¹⁰. В 2004 г. Донгак А.С. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Сюжеты и мотивы «обрамленных повестей» в тувинской сказочной традиции» в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

В 1990 г. Правительство Тувинской АССР и Министерство образования, культуры и науки Монголии заключили договор по обмену студентов. В тот же год в Монгольский государственный университет были направлены четыре студента, а в Тувинский госпединститут, соответственно, четыре этнических тувинца из Монголии. И в середине 1990-х годов после окончания МонГУ были приняты в ТНИИЯЛИ в сектор языка и письменности А.А. Самдан и Л.К. Хертек.

В 1997 г. усилиями директора ТНИИЯЛИ Ч.М. Доржу было создано новое структурное подразделение – сектор восточных рукописей, куда перевелись Б. Баярсайхан, А.С. Донгак, С.Ч. Донгак, А.А. Самдан, Л.К. Хертек и др. Первоначально в основную задачу сектора ставилась систематизация монгольских и тибетских рукописей и ксило-

графов научного архива института, перевод памятников монгольской литературы, источников по истории Тувы и т.д. Так, по инициативе Ч.М. Доржу и усилиями сотрудников сектора был осуществлен перевод на тувинский язык «Сокровенного сказания монголов» («Тайной истории монголов») в прочтении монгольского академика Ц. Дамдинсүрэна. Книга вызвала огромный интерес в научных и общественных кругах. В предисловии издания помещена статья Ч.М. Доржу «Сокровище монгольской историографии», где он разобрал названия племен и имен, встречающихся в «Сокровенном сказании», привлекая известные источники – «Сборник летописей» Рашид ад-Дина, «Золотое сказание» Лувсанданзана (XVII в.), работы российских, монгольских ученых, а также тувинский фольклор. Перевод снабжен комментариями, в основном, источниковедческого характера. Выход перевода стал катализатором интереса ученых и общественности к эпохе Чингисхана, к периоду образования Монгольского государства, этимологии названия племен, топонимов и т.д.

В 2002 г. А.А. Самдан защитила кандидатскую диссертацию по теме «Монголоязычные источники по истории Тувы» в Институте востоковедения РАН. В исследовании рассмотрены письменные памятники, относящиеся к проблемам истории тувинского народа, объединенные по языковому признаку и историческому периоду (XIII–XIX вв.). Помимо известных средневековых монгольских летописей проанализированы монголоязычные источники тувинских авторов, которые датируются концом XIX – началом XX вв. Тувинские летописи по содержанию охватывают широкий спектр вопросов истории Тувы Цинского периода. Они дают сравнительно широкую картину социально-политической жизни, сложившейся в Туве после завоевания ее маньчжурами.

Собрание монгольских рукописей и ксилографов занимает особое место в истории и культуре тувинцев. В настоящее время памятники монгольской письменности хранятся в ЦГА РТ (в основном, делопроизводственные документы), рукописи и ксилографы – Национальном музее РТ и рукописном фонде ТИГИ. В 1980-х годах дирекция музея активно сотрудничала с научными учреждениями г. Ленинграда. Были приглашены специалисты по каталогизации тибетских и монгольских рукописей и ксилографов. В своем отчете искусствовед, сотрудник Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина О.В. Горохова писала, что в собрании музея насчитывается приблизительно 30000 единиц хранения тибетских и монгольских рукописей и ксилографов. За три года работы в Туве «ей и тогда младшему научному сотруднику Ленинградского Государст-

венного музея истории, религии и атеизма, тибетологу А.А. Терентьеву удалось обработать около 1100 единиц хранения»¹¹. Вместе с ними работал и известный монголовед А.Г. Сазыкин. Он в течение трех сезонов практически закончил работу над составлением каталога монгольского фонда музея, и результаты его исследований были опубликованы в различных научных изданиях России и за рубежом¹². В 1995 г. по договору научный сотрудник музея Убсанурского аймака Монголии Т. Бямбадорж повторно после А.Г. Сазыкина частично описал монгольское собрание музея, но ничего нового он не внес.

В 2004 г. А.А. Самдан выпустила каталог монгольских рукописей и ксилографов рукописного фонда ТИГИ¹³, который насчитывает 288 единиц хранения. В собрании представлены известные в монголоведческой науке произведения тибетских, китайских и монгольских авторов и переводчиков. Также «имеются исторические источники, относящиеся к истории Тувы начала XX в.: переписи имущества китайских торговых точек, переписи населения и скота Тувы, судебные постановления и различные документы периода ТНР»¹⁴.

В 2006 г. в институте был организован круглый стол «Монгольская империя и народы Саяно-Алтая», посвященный 800-летию образования Монгольского государства. С приветственной речью выступил Генеральный консул Монголии в г. Кызыле Ч. Сумаахуу. Он отметил, что в 2005 г. на сессии Генеральной ассамблеи ООН была принята резолюция о праздновании 800-летия со дня образования Единого монгольского государства и призывала всех членов ООН, ее специализированных, межправительственных и неправительственных организаций, ученых-исследователей принять активное участие в мероприятиях, посвященных этой дате. В качестве соавторов этого документа выступают около 30 стран, в том числе Австрия, США, Россия, Турция, Германия, Франция, Индия, Казахстан и др. В работе круглого стола выступили около двадцати ученых с различными докладами. Материалы круглого стола ждут своей публикации.

Помимо работ ученых, получивших профессиональную подготовку в области изучения Монголии можно выделить направление, связанное с исследованием этнических тувинцев, проживающих на территории Монголии. Данный вопрос всегда вызывал интерес у тувинских ученых. В разные годы тувинские историки Ю.Л. Аранчын, М.Х. Маннай-оол, Е.В. Айыжы, филологи Д.А. Монгуш, П.С. Серен и др. посетили компактно проживающих этнических тувинцев в Баян-Олгийском, Кобдоском и Хубсугульском аймаках Монголии. Им на-

писаны статьи¹⁵, очерки¹⁶ и монографии¹⁷. Также можно выделить работу известного тувиноведа, доктора филологических наук Б.И. Татаринцева «Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику», которая здесь уже упоминалась. В монографии помимо определения в тувинской лексике слов-монголизмов также «установлены языки-источники¹⁸ и периодизация монголизмов»¹⁹. Последние, с одной стороны, обогатили тувинскую лексику, а с другой – подверглись влиянию «в соответствии со спецификой потребностей носителей данного (тувинского. – А.С.) языка и особенностями его лексической системы»²⁰.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что монголоведческие изыскания в Туве в основном рассматриваются в рамках тувиноведения, что, прежде всего, связано с научно-исследовательскими задачами института. В настоящее время назрела необходимость изучения огромного количества архивных документов на старомонгольском письменном языке, касающихся истории Тувы Цинского периода и вплоть до 1930 г. с целью их введения в научный оборот и, соответственно, публикации. Также учитывая огромный интерес общественности к периоду Чингис-хана и Монгольского государства необходимо продолжить переводы средневековых летописей монгольских авторов на тувинский язык.

¹ Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 151.

² Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы (XIX – начала XX вв.). М., 1956. С. 25.

³ Татаринцев Б.И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл, 1976, с. 9.

⁴ Алексей Ширинмеевич Баир партийный работник, был Председателем Совета Министров ТНР с 1938 по 1941 гг.

⁵ Седип-оол Токпак-оолович Танов обучался в КУТВе, работал председателем правления Тувинской центральной кооперации (Тувценкоопа). С 1931 по 1935 был назначен послом ТНР в СССР. По возвращении домой работал министром культуры ТНР.

⁶ Рукописный фонд ТИГИ № 280, с. 21.

⁷ Национальный архив Республики Тыва. Д. 160, с.15.

⁸ Туденов Г.О. Тывага революция мурнунда моол дылда төөгү литературлуг бижимел тураскаалдар // Улуг-Хем. Кызыл, 1981. № 46, с.180–184.

⁹ О тувинской литературе дооктябрьского периода на старописьменном монгольском языке // Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1983, с.261.

¹⁰ Донгак А.С. Тувинский цикл сказок о царевиче Мигир-Мижите // Ученые записки Тувинского института гуманитарных исследований. Вып. XIX. Кызыл, 2002, с. 234.

¹¹ Самдан А.А. Монгольские рукописи и ксилографы научного архива Тувинского института гуманитарных исследований (ТИГИ). М., 2004, с. 4.

¹² Сазыкин А.Г. Собрание монгольских рукописей и ксилографов из фондов Тувинского республиканского краеведческого музея им. 60 богатырей (Кызыл) // Тюркские и монгольские письменные памятники. Текстологические и культурологические аспекты исследования. М., 1992; Sazykin A.G. Catalogue of the Mongol manuscripts and xylographs preserved in the library of the Tuvan ethnological museum “Sixty heroes” (Kyzyl) // Acta Orientalia Academia Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1994. Т. 47 (3). F. 3.

¹³ Самдан А.А. Монгольские рукописи и ксилографы научного архива Тувинского института гуманитарных исследований (ТИГИ). М., 2004.

¹⁴ Там же, с. 8.

¹⁵ Аранчын Ю.Л. Новые этнографические и филологические материалы из Северо-Западной Монголии // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1975. Вып. 17, с. 212–218; Маннай-оол М.Х. Тувинцы Монголии: Традиции и современность // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1995. Вып. 18, с. 56–62; Маннай-оол М.Х. Дархаты: Некоторые этнографические данные // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1995. Вып.18, с. 62–67; Монгуш Д.А. О языке тувинцев Северо-Западной Монголии // Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983, с. 127–145 и др.

¹⁶ Серен П.С. Моолда тываларның чаңчылдары. Кызыл, 2000; Серен П.С. Монголын тувачуудын ёс заншил. Кызыл, 2004.; Серен П.С. Моолда Сенгел тываларның чаңчылдары. Кызыл, 2006.

¹⁷ Айыжы Е.В. Тувинцы Кобдоского аймака Монголии: этничность и культура. Кызыл, 2007.

¹⁸ Основными источниками монгольских заимствований, по мнению Б.И. Татаринцева, являются: 1. Среднемонгольский язык (XIII–XV); 2. Восточномонгольские диалекты халхаского типа и современный монгольский язык; 3. Ойратские диалекты; 4. Старописьменный монгольский язык (см.: Татаринцев Б.И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл, 1976, с. 102).

¹⁹ Татаринцев Б.И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл, 1976, с. 126.

²⁰ Там же, с. 127.

II. История и филология

С.В. Дмитриев

К ВОПРОСУ ОБ УЙГУРСКОМ ГЕНЕЗИСЕ ТОПНИМИКИ КАРАКОРУМА

В первые годы существования Монгольской империи, в правление Чингис-хана (1162–1227, провозглашен великим ханом в 1206 г.), резиденция великого хана, по всей видимости, была типичной ставкой кочевого правителя – он не был склонен связывать себя постройкой зданий, и, вероятно, не считал это нужным и достойным правителя монголов¹. К тому же, на долю основателя империи пришлось не так уж много спокойных лет, когда он не был занят войнами и походами. Однако уже в правление его сына Угэдэя (1186–1241, великий хан с 1229 г.) влияние представителей оседлых народов, вошедших в состав империи, на правящую прослойку кочевников значительно усилилось, следствием чего, в частности, стало начало строительства в 1235 г. города Каракорума², провозглашенного столицей империи³.

Каракорум уже довольно давно стал предметом внимания ученых⁴. Тем не менее, обстоятельства, определившие выбор названия столицы и места для этого масштабного строительства, насколько нам известно, в значительной степени остаются вопросами, изученными явно недостаточно. При этом, ответ на данный вопрос смог бы, вероятно, прояснить некоторые аспекты раннеимперской идеологии монгольского государства, так как столица, особенно не наследуемая, а основанная – это в первую очередь яркий символ того, как правитель представляет себе свою власть и государство, их облик и цели.

По поводу времени основания столицы между исследователями есть некоторые разногласия. Чаще всего за такую дату принимается 1235 г., когда, согласно *Юань ши* («Истории [династии] Юань»), там

был построен дворец Вань-ань гун 萬安宮 (Дворец десяти тысяч спокойствий), а сам город был обнесен стеной⁵. Однако ряд исследователей предлагают более раннюю дату⁶, основываясь преимущественно на том, что не позднее, чем в 40-х гг. XIV в., существовала традиция, согласно которой место будущей столицы было выбрано самим Чингис-ханом в 1220 г. Об этом сообщается в тексте стелы, поставленной в Каракоруме в 1346 г.⁷, а также в *Юань ши*⁸.

Нам такая датировка кажется несколько сомнительной. В пользу того, что эта традиция достаточно поздняя, свидетельствует то обстоятельство, что ни в одном более раннем источнике эта история не изложена. Учитывая важность вопроса, это кажется более чем странным. Вполне вероятно и объяснимо, что потомкам, для которых Чингис-хан уже окончательно и бесповоротно стал божеством и культурным героем, казалось невероятным, чтобы основание столицы могло произойти без его участия, следствием чего и стала выработка этой версии, не основанной, таким образом, на каких-нибудь реальных фактах.

В принципе, нет ничего невозможного в том, чтобы Чингис-хан каким-то образом отмечал эти в высшей степени благоприятные для кочевника земли, даже останавливался здесь, тем более, что, по ряду свидетельств, до того здесь нередко разбивали лагерь правители найманов⁹ и керейтов¹⁰. Нельзя полностью исключать и возможности, что, как полагает Поль Пеллио, где-то в этом районе мог размещаться лагерь жён и домочадцев Чингис-хана во время его похода в Среднюю Азию¹¹, хотя никаких оснований для этого предположения нет. Но нам кажется, что даже если всё это и имело место, то с идеологической и политической точки зрения это совсем не то же самое, что основание крупного города¹², позиционируемого как имперская столица во вполне оседлом смысле этого слова.

Археологическое изучение Каракорума экспедицией С.В. Киселева в 1948–1949 гг. показало, что действительно есть ряд свидетельств тому, что город был построен не на пустом месте – в насыпном холме, на котором ок. 1235 г. был возведен знаменитый дворец Угэдэя, были найдены остатки буддийской кумирни, стиль фресок которой, по мнению С.В. Киселева, относится «к XII в. или, скорее, к началу XIII в.»¹³. Исследователь, полагая, что «буддийские миссионеры, несомненно, проникли в эти далекие места лишь в связи с основанием поселения, и не простого поселения»¹⁴, делает вывод, что кумирня была построена во времена Чингис-хана и доказывает, что уже при нём Каракорум представлял собой крупный город. Этот аргумент трудно признать убедительным. Во-первых, активность

буддийских миссионеров не надо недооценивать, известно, что, например, среди тех же найманов и керейтов буддизм, как и христианство несторианского толка, имели значительное распространение гораздо раньше их подчинения Чингис-ханом. Не надо забывать и о более ранних временах Уйгурского каганата, когда в этих местах, в непосредственной близости от столицы империи, Орду-балыка (его развалины, известные как Кара-балгасун («Черное городище»), находятся в 27 км к северо-западу от Каракорума), проживало немало буддистов. Нет ничего удивительного в том, что буддийские миссионеры, например, возвели часовню (размеры разрушенного храма установить невозможно) в ставке их кочевого покровителя, более того, именно таким образом они всегда и поступали, хотя, конечно, чаще всего храм был приспособлен к кочевому быту и не был стационарным. Но в данном случае их задача облегчалась тем, что, как мы уже говорили, долина Орхона, питаемая множеством рек и ручьёв, стекающих со склонов Хангая, предоставляет в высшей степени благоприятные условия для кочевников, и в таком месте лагерь кочевого правителя мог долго оставаться на одном месте, не перемещаясь, что делало оправданным строительство небольших постоянных сооружений, которые не могли следовать за перекочевками, но зато позволяли использовать гораздо более внушительные средства религиозной пропаганды, например, те же настенные росписи. Во-вторых, фрагменты фресок¹⁵, как нам кажется, слишком малы, чтобы с уверенностью датировать их по стилистическим особенностям, тем более, что такая датировка, как известно, в виду исключительной устойчивости традиции в буддийской религиозной живописи, представляет большие трудности даже для полностью сохранившихся изображений.

Наконец, кажется более чем странным, чтобы Угэдэй, как полагает С.В. Киселев, приказал для постройки своего дворца разрушить буддийский храм, тем более построенный совсем недавно, при его отце. Религиозная терпимость монгольских правителей весьма известна, как и то, что даже во время войн они по возможности избегали разрушать храмы любых религий. Тем более странным был бы такой поступок в мирное время, в столице империи, значительную часть населения которой составляли буддисты. В такой ситуации можно было бы себе представить разрушение часовни с целью постройки на его месте более обширного храма, но постройка на её месте дворца была бы свидетельством откровенно антибуддийской политики Угэдэя, о чём у нас нет никаких данных даже в мусульманских источниках (которые, конечно, с большим удовольствием отме-

тили бы даже малейшую враждебность великого хана к «язычникам», если бы она имела место). Скорее всего, кумирня, из которой происходят найденные фрагменты фресок, была построена из сырцового кирпича и разрушена задолго до возведения дворца, так что ко времени Угэдэя представляла собой оплывший до неузнаваемости глиняный холм, из которого строители дворца брали грунт для насыпки холма. Это, к слову, также говорит о том, что кумирня, скорее всего, изначально находилась не на месте дворца, как думает С.В. Киселев, а неподалеку от него.

Таким образом, как текстовые, так и археологические аргументы основания Каракорума, как столицы империи, при Чингис-хане не кажутся нам вполне убедительными, и потому мы считаем более правильным считать реальным основателем города Угэдэя, при котором в городе началось масштабное строительство императорской резиденции и городских укреплений.

Происхождение названия города представляет собой отдельную интересную проблему. Впервые это имя появляется у Плано Карпини, в форме *Caracoron*¹⁶, Гийом Рубрук, проведший в городе немало времени и оставивший его подробное описание, называет его *Carachorum* или *Caracorum*¹⁷, Джувейни и Рашид ад-Дин пишут *Qarā-Qōrūm* и *Qarā-Qōrūm*¹⁸, в форме *Qara-Qorum* (合*刺*爾*魯*麻) топоним встречается в «Сокровенном сказании монголов»¹⁹. В *Юань ши* город называется Хэ-линь 和林²⁰. Топоним «Каракорум» в «полной» версии встречается лишь однажды и обозначает некую реку Халахэлинь-хэ 哈刺和林河, протекающую к западу от города, по которой, по мнению автора главы, он и был назван²¹. На самом деле, к западу от Каракорума протекает р. Орхон, чьё название хорошо известно по источникам и неизменно по крайней мере с VII-VIII в., и с лингвистической точки зрения ни в коей мере не может быть передано как Хэлинь. Как полагает Поль Пеллио, это объясняется тем, что авторы *Юань ши* основывались на дневниках некоего Чжан Дэ-хуэя 張德輝, посетившего Каракорум в 1247–1248, который пишет, что там, посреди широкой равнины, «есть хэлиньское урочище» (чжун цзи Хэлинь-чуань е 中即和林川也)²². Авторы династийной истории, по мнению Пеллио, неправильно поняли слово *чуань*, которое в данном контексте правильно переводить не как «река», а как «долина, урочище». Более того, здесь вовсе не идет речь о том, что город был назван по имени этой долины – имеется в виду просто долина, на которой расположен город, долина Каракорума.

Впрочем, топоним Хэлинь встречается в источниках, касающихся и не только монгольского времени. В «Стеле о заслугах идикутов

Гаочан-ванов» (*И-ду-ху Гаочан-ван ши-сюнь бэй* 赤都護高昌王世勳碑)²³, основном источнике по истории правящего дома уйгурского Турфанского княжества в монгольскую эпоху, в части, посвященной происхождению уйгуров, их былой славе и родным местам, сказано: «В землях уйгуров есть горы Хэлинь 和淋山, [из которых] вытекают две реки, [одна] называется Ту-ху-ла 秃忽剌 (Тола – С.Д.), [вторая] называется Сюэ-лин-гэ 薛靈哥 (Селенга – С.Д.)»²⁴. Горы Хэлинь упоминаются в тексте стелы ещё несколько раз, каждый раз выступая как один из ключевых топонимов «колыбели» уйгуров и района расположения столицы каганата. О похожей традиции сообщает персидский историк Джувейни (1226–1283): когда-то, по его словам, уйгуры жили на берегах реки Орхон, которая течёт с гор Каракорум, по которым названа столица Угэдэя. Первый легендарный каган уйгуров родился в месте, находящемся между реками Тола и Селенга, которая тоже берет своё начало в горах Каракорум²⁵; о горах Каракорум в древних землях уйгуров, от которых происходит название столицы великих ханов, говорит и Рашид ад-Дин²⁶.

Именно от этого уйгурского топонима, по-видимому, и происходит название города, и поэтому, естественно, само слово имеет тюркское происхождение. По-тюркски *qorum* (уйг. Goro[^]) значит «скалы, валун, сокровище²⁷», в таком значении слово отмечено, в частности, у Махмуда Кашгарского²⁸, «Чёрные скалы» – действительно вполне подходящее имя для горы (или гор)²⁹. То есть, столица монгольской империи, расположенная всего в 27 км к юго-востоку от разрушенной киргизами столицы Уйгурского каганата, Ордубалыка, выше по течению р. Орхон, получила своё название от неких Черных гор, важного традиционного топонима, тесно связанного с периодом величия Уйгурской империи.

Видимо, учитывая сведения, что с этих гор стекают Орхон и Селенга, горы Каракорум можно отождествить с современными Хангайскими горами, или, по крайней мере, с какой-то их частью. Впрочем, нельзя не отметить, что Тола берет своё начало не в Хангае, как сказано в стеле идикутов, а в Хэнтэе, примерно в 500 км к северо-востоку от долины Орхона, и впадает в Орхон лишь в конце своего пути. Конечно, можно считать, что это просто ошибка, вызванная тем, что турфанские уйгуры, слишком давно не видевшие земель предков (турфанское княжество было основано в середине IX в. уйгурами, покинувшими родные степи под ударами енисейских киргизов), перепутали Тола с Орхоном, который, кстати, в тексте стелы ни разу не упоминается. Джувейни, бывавший в Каракоруме, такой ошибки не делает. Но он делает другую: ведь, собственно говоря, не

существует никакого междуречья Селенги и Тола, так как их разделяет Орхон. Вероятнее всего, многое из того, что кажется нам ошибками и неточностями, объясняется тем, что гидронимы той эпохи могут не полностью совпадать с современными, одна и та же река могла называться по-разному на разных участках её течения, и не исключено, что современные их названия являются прежде всего следствием унификации, проведенной при составлении современных географических карт, которые, таким образом, не стоит считать истиной в последней инстанции, особенно при изучении надписей, составленных гораздо раньше. В одном, впрочем, можно быть уверенным – как бы ни назывались реки, текущие в окрестностях Каракорума, абсолютное большинство из них стекает с Хангайских гор, так что, видимо, мы всё же можем с большой долей уверенности отождествить эти горы с Черными горами, Каракорумом.

Именно к тюркскому слову *qorum* восходят китайские и монгольские транскрипции названия города. Попытки «найти оригинальное монгольское название» Каракорума, которые нередко предпринимаются, таким образом, лишены смысла, поскольку никакого оригинального монгольского названия, скорее всего, никогда не существовало, город изначально назывался тюркским словом, игравшим важную роль в тюркской, а точнее уйгурской космогонии.

Об этом свидетельствуют и сами «реконструкции», которые переводятся совершенно иначе, нежели исходное тюркское понятие: так, слово *хорин* HoRJa, входящее в название города Хар Хорин (на которое, казалось бы, указывает китайское *Хэлинь*), ныне находящегося неподалёку от развалин Каракорума (этот вариант названия города считал правильным о. Иакинф Бичурин³⁰) переводится как «двадцать, небольшая группа»³¹. Никакого отношения к горам этот топоним не имеет и представляет собой не более чем попытку чисто фонетически, а не по смыслу, адаптировать слово «Каракорум» к монгольскому языку. Кажущееся сходство китайского *хэлинь* и монгольского *хорин* ложно и объясняется тем, что в китайском языке нет звука *p*, в средневековом китайском языке также отсутствовали финалы *-ум* или *-ом*³².

Иногда встречающийся вариант «Хар Хорум» по-монгольски и вовсе не имеет смысла, так как слово *хорум* (*хурам*, *хором* HoRo[^]) переводится как «мгновение, краткий миг»³³. Фактически, это просто уйгурское словосочетание, прочтённое по правилам монгольской фонетики, не делающей различия между «к» и «х», которое в монгольском языке самостоятельного смысла, подходящего к данной

ситуации, не имеет. В такой ситуации использование монгольской формы кажется ненужным и совершенно излишним.

Почему же было выбрано именно это название, и почему столица была основана именно здесь? С.В. Киселев, как и ряд других исследователей, считает решающим фактором «тучные пастбища и плодороднейшие земли, в сочетании с наиболее благоприятным в Центральной Монголии микроклиматом»³⁴. Конечно, этот фактор нельзя недооценивать. Кочевник в течение всей своей жизни в огромной, значительно большей, чем земледелец, степени, зависит от климата и капризов природы, кочевое государство зависит от них не меньше. Именно поэтому долина Орхона издавна стала ключевым регионом монгольской степи, центром и основой кочевых империй. Однако не все, и не всегда, может быть объяснено только материальной стороной дела. Рассмотрим, что нам известно о долине Орхона и её роли в истории кочевых империй.

Первыми известными нам свидетельствами того, что этот регион начинает играть особенную роль в Великой степи, можно считать погребальные памятники Кошо-Цайдама, относящиеся к последнему периоду существования государства орхонских тюрков (Восточнотюркский каганат, 689–745). В этих памятниках неоднократно упоминается основа мощи тюрков, т.н. Отюкэнская чернь (*Ötükäñ jыш*). В Большой надписи Бильге-кагана (683/684 – 734, правил с 716 г.) тюрки называются «народом священной Отюкэнской черни (*Ыдук Ötükäñ jыш будун*)»³⁵, в Малой надписи говорится, что «Отюкэнская чернь была именно страной, в которой можно было созидать племенной союз»³⁶, и что только там тюркский народ находится в безопасности и может процветать³⁷. Однако Отюкэн не является абстрактной «землей обетованной», как иногда считается. В надписи Тоньюкука, советника Бильге-кагана, рассказывается, как именно тюркский народ поселился в этих местах. По приказу кагана, Тоньюкук привел «к лесу Отюкэн» войско, и здесь были разбиты огузы (уйгуры), пришедшие «по реке Тогла»³⁸; одной из своих заслуг Тоньюкук считает то, что он «привел тюркский народ в землю Отюкэн и ...сам... избрал местом жительства землю Отюкэн, (услышав об этом – С.Д.) пришли к нам южные народы, западные, северные и восточные народы»³⁹. Исходя из того, что в связи с битвой в Отюкэнском лесу упоминается река Тогла (Тола), а также учитывая факт, что сами вышеуказанные памятники были найдены на восточном берегу Орхона, примерно в 35 км к северу от Каракорума, логично предположить, что именно эти места и надо понимать под Отюкэнской чернью.

Остановимся несколько подробнее на значении топонима. Отюкэн, вероятнее всего, можно связать с монгольским *Этуген* (*Etügen*, *Ötügen* FdokEnI), встречающимся в «Сокровенном сказании», где слово обозначает Мать-Землю, второе по значимости божество после Неба-Тэнгри⁴⁰. Слово *jыш* В.В. Радлов переводит как «горы, покрытые лесом», «чернь»⁴¹. Интересно, что в надписи Тоньюкука словосочетание «Отюкэнская чернь», ставшее устойчивым выражением к моменту написания надписи Бильге-кагана, ещё не является таковым⁴², Отюкэн именуется «землей» (*jav*) или «лесом» (*jышкаp*). Значение слова *jыш* достаточно явно перекликается с современным монгольским словом *хангай* Heekgek, которое, помимо того, что обозначает горы, с которых стекает Орхон и Селенга, является производным от слова *ханах* НепоееО («быть удовлетворенным, довольным, полным»⁴³) и обозначает вообще горы, покрытые лесом, с мягким климатом и изобилующие всем необходимым для жизни человека и его стад – водой, растительностью и дичью⁴⁴.

В 744–745 гг., вскоре после смерти Бильге-кагана, как мы знаем из китайских и уйгурских источников, Восточнотюркский каганат был сокрушен коалицией уйгуров, карлуков и басмылов, и был основан Уйгурский каганат⁴⁵. Центром каганата стала долина Орхона, где в правление Элетмиш Бильге-кагана (Мояньчжо 唐廷華 китайских источников) (правил в 747–759 гг.) была выстроена столица империи, Орду-балык, что не мешало кагану в летнее время вести кочевой образ жизни. В Терхинской надписи, найденной в 1957 г. у р. Терхингол, в северо-западной части Хангайских гор и датирующейся 753–756 гг., считающейся самой ранней из известных надписей эпохи Уйгурского каганата, довольно подробно сообщается об основании города и организации жизни двора в новых землях:

«Я... повелел поставить (свою) ставку на западной окраине Отюкэна, в верховьях (реки) Тез. Там, в год барса (750 г. – С.Д.) и в год змеи (753 г. – С.Д.), я провёл два лета. В год дракона (752 г. – С.Д.) я провёл лето посередине Отюкэна, к западу от священной вершины Сюнгюз Башкан. Я повелел поставить здесь (свою) ставку и возвести здесь стены. Свои вечные (букв.: тысячелетние и десятилетиячные) письмены и знаки здесь на плоском камне я повелел вырезать (букв.: создать) на грузном камне я повелел воздвигнуть. Так как (мне) благоволило голубое Небо, что наверху, так как (меня) взлелеяла бурая Земля, что внизу, то были созданы мой эль и мои установления. Народы, обитающие впереди (на востоке) там, где восходит солнце, и народы, обитающие позади (на западе), там, где восходит луна, народы (всех) четырёх углов света отдают (мне свои)

силы, а мои враги утратили свою долю... Среди восьми (рек) мой скот и мои пашни. Восемь (рек), Селенга, Орхон, Тола радуют меня. По (рекам) Карга и Бургу, в той стране, я поселяюсь – переселяюсь (кочую) по двум моим рекам. В моих летних кочевьях, на западном краю северного склона Отюкэна, к востоку от верховьев (реки) Тез (здесь) я поселяюсь – переселяюсь... я учредил свою ставку посредине Отюкэна, к западу от священной вершины Сюнгюз-Башкан»⁴⁶.

К сожалению, С.Г. Кляшторный не приводит никаких данных, которые позволили бы установить этимологию названия «священной вершины Сюнгюз Башкан (*süñüz başqan yduq baş*)»⁴⁷. Тот же топоним упоминается и в более поздней надписи из Могон Шине Усу (т.н. «Селенгинский камень»), найденной финской экспедицией в 1909 г.⁴⁸. Эта надпись, где повествование идет тоже от лица Элетмиш Бильгекагана, местами дословно совпадает с Терхинской стелой, что позволяет иногда использовать две надписи для чтения поврежденных фрагментов текста. В 9 строке восточной стороны стелы также говорится о строительстве каганом дворца в Отюкэне⁴⁹, как переводит Рамстедт, «к западу от священного источника» (*im westen von der Heiligen quelle*)⁵⁰. В переводе Рамстедта *Сюнгюз башкан* не упоминается, так как часть текста испорчена, но весь фрагмент (*...inüz başi anda yduq baş kidintä*) настолько напоминает текст Терхинской надписи, что можно предположить, что речь идет об одном и том же⁵¹. Нам кажется, что, хотя перевод С.Г. Кляшторного («вершина») совершенно оправдан, перевод Рамстедта добавляет некоторые необходимые оттенки, впрочем, совершенно непонятные без комментария. Дело в том, что *баиш*, согласно Радлову, это «голова, верхняя часть, начало»⁵², таким образом, Кляшторный предпочел выбрать второе значение, а Рамстедт – третье, при этом, к сожалению, не объяснив, что имеет в виду не обычный родник, а именно нечто, связанное с истоком, началом. Думаю, что в данном случае имеет смысл помнить об обоих значениях, не исключено, что имеется ввиду вершина, определенным образом ассоциировавшаяся с происхождением уйгуров. К сожалению, никакой поясняющей информации у нас нет.

В китайских источниках сообщается, что первый уйгурский каган, свергнувший кагана тюрков, «поселился в былых землях тюрков, разместил свою резиденцию между [горой] Удэцзяньшань 烏德謙山 и [рекой] Куньхэ 昆河»⁵³. Тюркские прообразы китайских транскрипций топонимов в данном фрагменте, как кажется, определяются достаточно легко, это «горы» Отюкэн и река Орхон, таким образом, данная информация полностью соответствует данным цитировавшихся выше надписей Элетмиш Бильгекагана.

Несмотря на плохую сохранность многих фрагментов, эпиграфический корпус эпохи раннего каганата позволяет с известной долей уверенности реконструировать исторические представления уйгуров этого периода. Согласно этим представлениям, первое уйгурское царство, основателями которого были три кагана которые «двести⁵⁴ лет на царстве сидели» (сохранились имена двух из них, Йолыг-кагана и Буман-кагана⁵⁵), после чего оно погибло под ударами иноземцев. Интересно, что Бумын-каган в качестве первопретка и основателя государства упоминается и в уже анализировавшейся нами большой надписи Бильгекагана⁵⁶, сообщается там и о крушении этого первого тюркского государства и его закабалении «табгачами» (китайцами)⁵⁷. Это позволяет частично ассоциировать это полуполюгендарное государство с первым Тюркским каганатом (551–630) и говорит о том, что историческая память уйгуров было частично заимствованной у тюрков, так как по китайским источникам нам известно, что предки уйгуров, теле, не только не играли значительной роли в управлении первым каганатом, но и примерно с 600 г. находились в состоянии перманентного восстания против его власти⁵⁸. За этим первым царством последовало второе, просуществовавшее 80 лет. Судя по тому, что в Терхинской надписи Элетмиш Бильгекаган называет правителей этого государства «моими предками»⁵⁹, они были из рода Яглакар. После падения этого царства прошло семьдесят лет⁶⁰, после чего на престол взойшёл Элетмиш Бильгекаган, славный основатель нового каганата.

Вероятно, это второе государство уйгуров можно сблизить с теми огузами, которых орхонские тюрки, по приведенному нами выше сообщению надписи Тоньюкука, разбили в Отюкэне. По сообщениям китайских источников нам известно, что примерно с 40-х гг. VII в. уйгуры выходят на первый план среди токуз-огузов, их вождь Тумиду называл себя каганом и имел в степи большое влияние. В начале 80-х гг. VII в. уйгуры были разбиты (видимо, это и есть сражение в Отюкэне, описанное в надписи Тоньюкука) усилившимися восточными тюрками⁶¹ и были вынуждены покинуть свои кочевья на долгие десятилетия, ожидая удобного случая для ответного удара.

К сожалению, в источниках этого времени довольно мало информации о том, что уйгуры считали своей прародиной. Судя по всему, второе уйгурское государство в основном охватывало, как сказано в Терхинской надписи, «Отюкэнский эль и окружающие его эли ... на реке Орхон»⁶². Это совпадает с сообщением надписи Тоньюкука, что разбитые им огузы пришли «по реке Тогла (т.е. Тола. – С.Д.)»⁶³. Значит, основание в долине Орхона столицы, Орду-

балыка, и размещение там центра мощи Уйгурского каганата, помимо того, что позволяло использовать находящиеся там тучные пастбища, знаменовало победу уйгуров над врагом и возвращение на земли предков, с которых эти враги их когда-то изгнали. Заметна разница в характере описания Отюкэна в орхонских и уйгурских надписях – Бильге-каган и Тоньюкук подчеркивают скорее хозяйственное и политическое значение региона для процветания тюркского государства, а в надписях Элетмиш Бильге-кагана начинает фигурировать священная вершина *Сюнгюз башкан*, весь регион обретает сакральные черты. Очевидно, что все эти представления, довольно разработанная система оригинальной сакральной топонимики, не могли бы сложиться за несколько лет, прошедших после победы над тюрками. Со значительной долей уверенности можно заключить, что уйгуры считали Отюкэн своей исконной, наследственной землей, а каганы орхонских тюрок основали здесь свою ставку в первую очередь потому, что прекрасно понимали, сколько преимуществ получает степная держава, которая контролирует такие благодатные земли.

После примерно века бурной и славной истории, в 840 г. Уйгурский каганат пал под ударами енисейских киргизов и уйгуры были снова вынуждены оставить долину Орхона, бежав к границам Китая, в Ганьчжоу, или в Турфан, на юго-западные рубежи своей бывшей империи. Орду-балык, один из первых (если не первый) крупный город в полном смысле этого слова⁶⁴, возведенный в монгольских степях, был сожжен и обезлюдел. По сообщению Джувейни, к монгольскому времени развалины, видимо, пользовались у местных жителей дурной славой, поскольку место было известно под композитным тюрко-монгольским названием Ма'у-балык, что может быть переведено как «Плохой город»⁶⁵. Топоним «Утикан», перекликающийся с «Отюкэн», упоминает Рашид ад-Дин в качестве названия одной из десяти рек, текущих в исконных землях уйгуров, неподалеку от горы Каракорум⁶⁶. По всей видимости, это самый поздний, уже сильно искаженный отголосок этого географически-идеологического концепта, почти полностью забытого в степи к моменту воцарения Чингис-хана.

После падения каганата долина Орхона надолго исчезает из исторических хроник. Фактически, вплоть до монгольского времени эти места, вовсе не потерявшие своей природной притягательности для кочевников, не играют сколь либо важной роли в истории региона. Нам известен лишь один эпизод, который позволяет утверждать, что память о роли Отюкэна в становлении империй пусть и ослабела,

но не исчезла полностью. В *Ляо ши* 遼史 («История [династии Ляо]») ⁶⁷ читаем:

«В девятом месяце [третьего года эры правления под девизом Тянь-цзань 天贊⁶⁸] (924 г. – С. Д.) [в день] *бин-шэнь* (33-й день цикла – С. Д.) [император разбил лагерь] близ древнего уйгурского города⁶⁹, [приказал] вырезать камень с описанием [своих] заслуг. [В день] *гэн-цзы* (37-й день. – С. Д.) молился солнцу в лесу Тайлинь⁷⁰ ... [В день] *дин-сы* (54-й день. – С. Д.) [приказал] зачерпнуть воды из Цзиньхэ 金河 (Орхон – С. Д.), взять камней с горы У-шань 烏山, приказал на носилках доставить их к Желтой реке⁷¹ и горе Муешань⁷², чтобы обозначить мысль, [что эти] гора и река [как бы] являются ко двору, [дабы выразить покорность] океану и Пику предков (т.е. Муешань. – С. Д.)... В день *цзя-цзы* (1-й день. – С. Д.) повелел стереть [надписи] на древней стеле Би-э кагана 黠戛可汗 (Бильге-каган. – С. Д.), и написать [на ней] о своих⁷³ заслугах киданьскими, тюркскими и китайскими знаками»⁷⁴.

В этом чрезвычайно интересном сообщении наше внимание привлекает два обстоятельства. Во-первых, упоминание У-шаня, то есть Чёрных гор (или Чёрной горы) выступающих, вместе с Орхоном, в роли главного сакрального объекта, связываемого с Уйгурским каганатом. Более чем вероятно, что мы имеем дело с китайским переводом топонима Каракорум, тогда, если принять на веру, что запись в *Ляо ши* основана на раннелаяоских источниках, то это первое из известных нам упоминание этого сакрального топонима, отсутствующего в надписях орхонских тюрок и уйгурских каганов. Во-вторых, обращает на себя внимание описываемая во фрагменте концепция своеобразной «кражи» основателем династии Ляо имперской мощи давно сгинувшего Уйгурского каганата, осуществленной посредством переноса к священным местам киданьского правящего дома камней, взятых с сакральной горы уйгуров и воды из их священной реки.

Для продолжения нашего исследования вернемся к уже упоминавшейся нами стеле, посвященной заслугам рода идикутов. Из известных нам источников, именно в ней полнее всего излагается концепция происхождения уйгуров и возникновения Уйгурского каганата, а также описывается сакральная география орхонского региона.

«В землях уйгуров есть горы Хэлинь, [из которой] вытекают две реки, [одна] называется Ту-ху-ла, [вторая] называется Сюэ-лин-гэ. Однажды ночью небесный свет снизошёл на дерево между двумя реками. Люди пошли туда и осмотрели его. Дерево породило нарост, подобный беременному человеческому телу, и оттуда был постоянно

виден свет. По прошествии девяти месяцев и десяти дней нарост раздрался, были обретены пять младенцев, [люди] взяли их выкармливать, тот, который был самым младшим [из них]⁷⁵, звался Уданы Буку-каган 兀單卜古可罕⁷⁶. Так как он был силен, то сумел завладеть людьми, землями и полями своего народа и стал их правителем. [Его власть] передавалась [по наследству] на протяжении [правления] более чем сорока правителей, всего 520 лет, и вот Алиби Биликэ 阿力秘畢立可⁷⁷ взшел на престол как идикут-каган, идикут – это наименование вождей этого государства. [Он] много сражался с танцами, это продолжалось долго, а потом решили заключить мир и породниться, чтобы [дать] отдохнуть народу и распустить войска. Тогда [император] Тан отдал принцессу Золотой лотос (*Цзинь-лянь гун-чжу* 金蓮公主)⁷⁸ в жены сыну кагана, Гэли-тегину⁷⁹ 葛勒的斤. Они поселились [близ] Хэлиня, в Бели-болида 別力斡力答⁸⁰, так называется гора где они обычно живут. Ещё [там] есть гора, которая называется Тяньгэлигань-даха 天哥里干答哈⁸¹, что значит «Небесная чудесная гора». На юге есть скалистая гора, называемая Худэ-даха 胡的答哈⁸², что значит «Счастливая гора». Танский посол вместе со специалистом по геомантии прибыл в это государство, [и тот] сказал: «Процветание и сила Хэлиня – из-за того, что есть эта гора. Удали или разрушь эту гору, чтобы ослабить их». Тогда [посол] заявил кагану следующее: «Поскольку был заключен брак, у [нас] есть просьба к кагану, согласиться ли он? Камни Счастливой горы, в Вашем государстве ни негде применить их [с пользой], а в Тан – это вещь, которую редко видят». [И каган] согласился на это. Камни были столь велики, что их невозможно было сдвинуть, [тогда] танец приказал развести огонь и раскалить их, брызгать [на раскаленные камни] вином и уксусом, [так] раскололи камни на мелкие кусочки и унесли их на носилках. [После этого] птицы и звери в государстве горестно рыдали из-за этого, через семь дней каган скончался. Начиная с этого времени в государстве было много бедствий и зловедущих знамений, народу негде было спокойно жить, из тех, кто наследовал трон, многие сгнули. Поэтому все переселились [в земли] к востоку от Цзяочжоу 交州, в Бешбалык 别失八里⁸³, поселились и стали править Цзяочжоу. Цзяочжоу это нынешнее Гаочанское княжество 高昌国⁸⁴.

На что прежде всего нужно обратить внимание в этом тексте? Прежде всего, здесь впервые подробно объясняется концепция, так сказать, «имперского *фэншуйя*», зависимости процветания и силы государства от священных гор, согласно которой, если разрушить эти священные горы, то вместе с ними неминуемо погибнет и государство. Отголоски этой концепции мы видели в *Ляо ши*, но здесь она из-

ложена максимально полно. Также стоит отметить, что Хэлинь, Каракорум, становится почти синонимом не только долины Орхона, но и Уйгурского государства вообще.

Нет никакого сомнения, что в этом отрывке отразились исторические представления турфанских уйгуров, в том виде, в каком они сформировались у них ко времени создания стелы, спустя пятьсот лет после того, как их предки покинули долину Орхона. Видно, насколько сильно они отличаются от того, что мы видели на надписях уйгурских каганов: правители каганата приобрели черты легендарных первопредков, забыта победа над орхонскими тюрками, забыто само название Отюкэна, полностью замещенное Каракорумом.

Что касается линии чудесного рождения Буку-хана и его правления, то трудно сказать, что послужило основой этой легенды – в известных нам легендарных традициях о происхождении тюрков этот, или напоминающий его персонаж не упоминается. Невозможно установить, основана ли эта легенда на традиции, восходящей к временам Уйгурского каганата или более ранней, которая по тем или иным причинам не была отражена в эпиграфических памятниках, или речь идет о сюжете, выработанном уйгурами уже в Турфане.

Однако, в целом именно эту историю происхождения уйгуров и Уйгурского государства, или её чуть более раннюю версию, без всякого сомнения, рассказывали уйгурские сановники, призванные Чингис-ханом учить монгольских принцев своей письменности и принципам построения оседлого государства, в которых степные воители были не очень сильны⁸⁵. Были такие советники и у Угэдэя⁸⁶.

То, что эта история существовала примерно в том же виде в царствование Угэдэя, подтверждает следующий любопытный пассаж из Джувейни, который мы приведем лишь частично, обращая внимание, прежде всего, на те его части, которые касаются интересующих нас вопросов:

«По мнению уйгуров, их поколения появились и выросли на берегах Орхона, чьи истоки стекают с горы, которую они называют Каракорум. Город, построенный Каганом (Угэдэем. – С.Д.) в настоящее время, так же назван по этой горе. Тридцать рек имеют свои истоки на ней, вдоль каждой реки жил отдельный народ, уйгуры составляли две группы на Орхоне. Когда их число выросло, то остальные народы выбрали себе правителя из них и согласились быть покорными ему. И так продолжалось на протяжении пятисот лет, до появления Буку-хана. Теперь говорят, что Буку-хан был Афрасиаб⁸⁷, и там есть руины колодца, и также большой камень на вершине холма близ Каракорума, и говорят, что это колодец Биджана⁸⁸. Также

там есть руины города и дворца на берегу этой реки, чьё имя Орду-балык, хотя сейчас он называется Ма'у балык. Вне руин дворца, напротив ворот, лежат камни с выгравированными на них надписями, которые мы видели сами. Во время правления Кагана эти камни были подняты, и был найден колодец, и в колодце большая каменная плита, с письменами, выгравированными на ней. Был отдан приказ, что все должны явиться, чтобы прочесть письма, но никто не мог прочесть их. Затем из Хитая были доставлены люди, которые зовутся *Каман*, это было их письмо, то, что было выгравировано на камне, [и вот, что там было написано]⁸⁹: «В это время две реки Каракорума, одна называемая Тугла, и другая Селенге, текли рядом в месте, называемом Камланджу, и близко друг от друга между этими двумя реками стояли два дерева... Между этими двумя деревьями возник большой курган, и свет снизошёл на него с неба, что ни день, курган становился больше. Увидев это странное место, уйгурские племена были полны изумления, и с почтением и смирением приблизились они к кургану, они слышали сладкие и приятные звуки, похожие на пение. И каждую ночь свет освещал пространство на тридцать шагов вокруг кургана, и точно также, как беременная женщина в момент своего разрешения, открылась дверь, и внутри оказались пять комнат, похожих на шатры, в каждой сидел мальчик, напротив рта каждого мальчик была подвешена трубка с молоком, как необходимо, а над шатром была натянута серебряная сеть. Вожди племени пришли посмотреть на это чуд, и в знак почтения преклонили колени верности... Они дали каждому мальчику имя: старшего назвали Сонкур-тегин, второго Котур-тегин, третьего Тюкен-тегин, четвертого Ор-тегин и пятого Буку-тегин»⁹⁰. Далее в надписи, по утверждению Джувейни, рассказывалось о том, как уйгуры приняли решение выбрать одного из братьев своим правителем, и выбрали Буку-хана. Явившаяся ему во сне чудесная девица отвела его к горе, где он обосновался, и с помощью братьев создал могучую державу. После этого он выстроил столицу Орду-балык, всё его правление прошло под знаком божественного покровительства, духи нередко являлись к нему во сне и давали наставления⁹¹.

Как мы видим, рассказанное Джувейни полностью совпадает с тем, что мы видели на стеле идикутов, за исключением того, что в изложении персидского историка почти ничего не говорится о священных горах и их влиянии на государство.

В сущности, особенное отношение кочевников к горам отмечено далеко не только у уйгуров, это общее свойство степняков. И в наше время в местах обитания монголов редкая возвышенность, будь то

небольшой холмик или самая труднодоступная горная вершина, не украшена *ово* – пирамидой, сложенной из камней, в которую каждый проходящий добавляет свой камень в знак почтения к божеству. С горой Бурхан-халдун тесно переплетена история жизни Чингис-хана⁹², на ней он спасся во время набега меркитов, похитивших его жену Борте, после чего завещал своим потомкам приносить горе жертвы⁹³, неподалеку от неё он, и некоторые его наследники, нашли своё последнее пристанище⁹⁴. Таким образом, у рода Борджигин было всё необходимое для создания собственной системы сакральной географии вокруг Бурхан-халдуна, и, судя по приведенным нами сообщениям из «Сокровенного сказания», при Чингис-хане были сделаны первые шаги к её формированию. Для этого были и экономические предпосылки – пастбища вокруг горы Бурхан-халдун, одной из Хэнтэйских гор, ценились очень высоко, горы были покрыты лесами и изобиловали дичью, земли в достаточной степени орошались водами Онона и Керулена, с которыми была неразрывно связан вся славная история клана Борджигин. Однако Угэдэй предпочел этим землям, на которых он родился и вырос, долину Орхона, расположенную более чем в пятистах километрах к юго-западу. Почему?

Исходя из всего, что было сказано ранее, можно выдвинуть гипотезу, что в правление Угэдэя и, вероятно, его первых преемников великие ханы Монгольской империи находились под сильнейшим влиянием своих уйгурских сановников, которые во многом, что касается организации государства, стали для них учителями. В частности, судя по всему, великие ханы находились под влиянием их рассказов о величии Уйгурского каганата (каковое, не исключено, в этих рассказах было несколько преувеличено) и хотели видеть в Монгольском государстве его наследника, которому предназначено создать новую степную империю, равных которой давно не существовало. Очевидно, Угэдэй также находился под влиянием сакрально-политических концепций турфанских уйгуров, их представлений об определяющей важности гор и других природных объектов в судьбе империи, тем более что эти представления вполне соответствовали верованиям монголов. Именно в результате всего этого им было принято решение об основании столицы своей империи в непосредственной близости от столицы Уйгурского каганата, под сенью гор, которые уйгуры называли Каракорумом. Вероятно, он считал, что эти горы, в честь которых к тому же была названа столица, должны принести его империи великую силу и удачу, которую они когда-то дали, как утверждали его советники, Уйгурскому каганату. Думается, что именно эти основания, а не тучные пастбища (которые, конеч-

но, тоже сыграли свою роль), привели к тому, что центром Монгольской империи стала долина Орхона, а не освещенная именем Чингис-хана гора Бурхан-халдун, которой суждено было стать только некрополем Борджигинов.

Конец этого «уйгурского периода» в истории Монгольской империи связан с именем Хубилая (1215–1294, великий хан с 1260 г.). Около 1251–1252 г. Хубилай, младший брат великого хана Мункэ (1209–1259, великий хан с 1251 г.), был назначен ответственным за управление северокитайскими провинциями империи⁹⁵. В 1256 г. он решил обзавестись собственной резиденцией поближе к Китаю и поручил своему советнику Лю Бин-чжуну 劉秉忠 (1216–1274)⁹⁶ найти, исходя из принципов китайской геомантии, благоприятное место, разработать план города и выстроить его, что и было сделано. Новый город, названный Кайпином 開平 (позже нередко упоминается под названием Шанду 上都, Верхняя столица), был построен в степях в 350 км к северу от совр. Пекина, неподалёку от озера Долон-нор (местность Зуннайман-сумэ в 35 км к северо-западу от совр. г. Долунь на юго-востоке Внутренней Монголии), в 1260 г. именно здесь Хубилай был провозглашён великим ханом⁹⁷. Его младший брат Ариг-Буга, также провозглашённый великим ханом при поддержке части монгольской знати, недовольной явной склонностью Хубилая к китайской культуре, занял Каракорум, но это ему не помогло: Хубилай приказал прекратить поставлять в столицу зерно, поэтому вскоре там начался голод⁹⁸, Ариг-Бога оставил Каракорум и вскоре был побежден.

В 1264 г. столица официально была перенесена из Каракорума уже в сам Китай, в бывшую столицу династии Цзинь (1115–1234), получившую название Даду 大都 (Великая столица)⁹⁹, современный Пекин. Планирование нового города было снова поручено Лю Бин-чжуну, работы начались в 1267 г., в 1274 г. завершено строительство стен дворцового комплекса, к 1276 г. возведены городские стены, к 1285 г. город был полностью построен¹⁰⁰. Окончательный отказ от «уйгурской парадигмы» в пользу «китайской» был ознаменован принятием Хубилаем в 1271 году нового, китайского названия династии и государства, Юань 元 («праначало»)¹⁰¹. Правившие до него каганы получают храмовые имена по китайскому образцу. Связь имперской идеологии с кочевыми традициями всё больше ослабевает, усиливается влияние китайской культуры, с помощью китайских сановников формируется государство управляющееся согласно многовековым принципам китайской администрации и делопроизводства.

После переноса столицы в Каракоруме была размещена ставка военного губернатора северных провинций, *сюань-вэй сы* 宣慰司¹⁰². Во время войны Хубилая и Кайду (1230–1301)¹⁰³ и связанной с этим смуты Каракорум неоднократно переходил из рук в руки, в 1295 г. город был разграблен и сожжен императорской армией¹⁰⁴. В 1312 г. Каракорум был переименован в Хэнин 和寧 («Гармония и мир»)¹⁰⁵: вероятно, к этому времени тюркское название уже не употреблялось, переименование было основано на китайском варианте, Хэлинь. «Уйгурская парадигма» и связанные с ней идеологические построения были окончательно забыты, по крайней мере в императорском дворце.

После падения династии Юань в 1368 г., сын последнего императора Тогон-Гимура, умершего в 1370 г. в юго-восточной Монголии, пытался укрепиться в Каракоруме, но не преуспел – город, скорее всего, уже почти заброшенный, был взят минскими войсками и сожжён¹⁰⁶. Память о столице Угэдэя потускнела, само её имя было быстро забыто монголами: Санан-сэцэн, ордосский историк XVII в., трижды упоминает город в своей хронике – один раз под сильно искаженным именем *Хорум хан балгас* («ханское городище Корум»)¹⁰⁷; и дважды – под китайским названием Хэнин¹⁰⁸, что показывает, насколько мало ясности по этому вопросу было даже у самых образованных монголов того времени.

В 1585 г. к югу от Каракорума халхаский хан Абатай (1534–1588, хан с 1554 г.) построил монастырь Эрдени-цзу. В хронике XIX в., посвященной истории монастыря, сказано, что он был построен «у северного склона горы, поросшей наверху лесом, под названием Шарга-Адзарга (Sir)Г fejr) t, «светло-гнедой жеребец»¹⁰⁹ – С.Д.), там, где вступил на ханский престол третий сын Чингис-хана Угэдэй-ноён-хан, а затем жил Тогон-Тэмур-хан, на месте городища под названием Хагучин-тахай (Hegocia Deei, «старая подкова»¹¹⁰ – С.Д.)»¹¹¹. Из приведённой цитаты видно, что, хотя воспоминания о столице великих ханов не исчезли полностью, вся топонимика этих мест изменилась до неузнаваемости. Мы не знаем, почему Абатай-хан выбрал для основания монастыря именно это место, но, скорее всего, в данном случае главную роль сыграли именно тучные пастбища долины Орхона, которые гарантировали монастырю богатство и процветание. Крайне маловероятно, чтобы им двигало какое-нибудь особое уважение к столице своих предков (по крайней мере, оно не помешало строителям Эрдени-цзу разбирать руины Каракорума, чтобы использовать камень, в том числе стелы с ханскими указами, для возведения

монастырских построек¹¹²; напротив, не исключено, что именно наличие близости от местоположения будущего монастыря больших запасов строительных материалов могло повлиять на выбор места) и тем более желание использовать волшебную силу священных гор. Все идеи, которыми руководствовался Угэдэй при строительстве своей столицы, ушли в прошлое вместе с его уйгурскими советниками.

¹ Нам известен только один памятник монгольской дворцово-городской архитектуры, постройка которого может быть датирована несколько более ранним временем, чем строительство Каракорума – это т.н. город на р. Хирхира в Забайкалье (Киселев С.В., Евтюхова Л.А. и др. Древнемонгольские города. М., 1965, с. 23–58), который исследовавший его С.В. Киселев датирует эпохой зарождения монгольского государства. По его мнению, к 1225 г. город, принадлежавший Есункэ, сыну младшего брата Чингис-хана Джочи-Хасара, был уже в основном построен (Ibid. С. 56). Однако, во-первых, город пока изучен далеко не полностью, а предложенная датировка, помимо особенностей архитектуры зданий, главным образом основана на предположении, что именно неподалёку от него изначально находился т.н. Чингисов камень, поставленный, как считается, около 1224–1225 г. в честь награждения Есункэ за победу в состязании лучников. Это предположение вряд ли может быть убедительно доказано, потому что уже в 1818 г., когда поступили первые сведения о камне, он находился не на своём изначальном месте, а в Нерчинском заводе (Ibid. С. 53); все сведения местных жителей, которые ассоциируют его с городом на р. Хирхире, были получены не ранее середины, а в основном уже в конце XIX в. (Кузнецов А.К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Владивосток, 1925. С. 56]), а в данном случае мнение старожилов вряд ли может считаться весомым аргументом; таким образом, вопрос датировки города ещё рано считать закрытым. Во-вторых, даже если постройка города и относится ко времени, которым его датирует С.В. Киселев, что более чем вероятно, то это не принципиально раньше Каракорума, и всё-таки его идеологическое, политическое и экономическое значение в общеимперском масштабе было невелико (как и размеры города – площадь, более или менее компактно застроенная, составляет около 600 на 1000 м, укрепленная цитадель, в которой находился дворец, представляет собой прямоугольник всего 100 на 110 м (см. Киселев С.В., Евтюхова Л.А. и др. Op. cit. С. 24–25), это скорее дворец, окруженный жилищами челяди и необходимых для нужд владельца ремесленников (возможно, пленных, захваченных в Средней Азии), нежели город в полном смысле этого слова), хотя и показывает проявляющуюся склонность некоторых монгольских владетельных князей к комфорту своих оседлых подданных.

² Руины города находятся в совр. Убур-Хангайском аймаке Монголии, в 320 км к юго-западу от Улан-Батора.

³ Сун Лянь, Ван Вэй и др. Юань ши (История Юань). – Эрши-лю ши (Двадцать шесть династийных историй). Хайнань, 1996, Т. 5. Цз. 2, с. 41.

⁴ Подробнее об истории изучения города и попытках установить его местонахождение см. Bretschneider E. Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. I–II. London, 1888. Vol. I. P. 122–123, note 304; Киселев С.В., Евтюхова Л.А. и др. Op. cit. С. 126–131.

⁵ Сун Лянь, Ван Вэй и др. Op. cit. Цз. 2, с. 4.

⁶ См. например, Киселев С.В., Евтюхова Л.А. и др. Op. cit. С. 132–133.

⁷ Фрагменты этой стелы, написанной на монгольском и китайском языках, были обнаружены В.В. Радловым во время экспедиции 1890–1891 гг., организованной вскоре после установления местоположения древней монгольской столицы сибирским краеведом Н.М. Ядринцевым в 1889 г. (Ядринцев Н.М. Путешествие на верховье Орхона и к развалинам Каракорума // Известия Русского географического общества. Т. XXVI, Вып. 1, СПб., 1890). Два монгольских фрагмента стелы, которую Радлов датировал временем правления Мункэ (1209–1259, великий хан с 1251 г.) были опубликованы в 1892 г. (Радлов В.В. Атлас древностей Монголии. Труды Орхонской экспедиции. Вып. I, СПб, 1892. Илл. 41]). В 1912 г. развалины Каракорума посетил В. Л. Котвич, ему удалось обнаружить ещё три фрагмента стелы, с надписями на монгольском языке на одной стороне и на китайском – на другой. Он установил, что китайский текст стелы содержится в собрании сочинений известного юаньского поэта Сюй Ю-жэнь 許有壬 (1287–1364) (его биография см. Сун Лянь, Ван Вэй и др. Op. cit. Цз. 182, с. 333), чьё имя можно найти на сохранившихся фрагментах. Текст датирован 1346 г., монгольская версия, по всей видимости, является переводом китайского текста. В полном варианте, содержащемся в собрании сочинений, текст озаглавлен Чи цы Син-Юань гэ бэй 勅賜興元閣碑 «Стела, пожалованная, согласно императорскому декрету, ступе Прорастающей Юань» (Сюй Ю-Жэнь. Чжи-чжэн цзи (Собрание, [составленное в годы правления под девизом] Чжи-чжэн)]. – Сы-ку цюаньшу (Собрание книг четырёх хранилищ), Тайбэй, 1986. Т. 1211. Цз. 45, с. 323–324) и повествует о том, что в 1256 г. хан Мункэ повелел построить в Каракоруме ступу в пять этажей высотой 300 чи (93,5 м), в 1311 г. она была отремонтирована, в 1342 г. император приказал снова обновить её. По завершении работ, в 1346 г., ступа была названа Син-Юань гэ, «Ступа Прорастающей Юань», а Сюй Ю-жэню было приказано составить по этому поводу надпись для памятной стелы. Также об истории изучения надписи см. Pelliot P. Note sur Karakorum // Journal Asiatique. Т. CCVI (1925. № 1), перевод и подробный комментарий китайского текста и сохранившихся монгольских фрагментов см. Cleaves F. W. The Sino-Mongolian Inscription of 1346 // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 15. 1952. P. 1–123.

⁸ Сун Лянь, Ван Вэй и др. Op. cit. Цз. 58, с. 124.

⁹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. А.К. Арндса, Л.А. Хетагурова. М.-Л., Т. III: 1946; Т. I, ч. 1–2: 1952; Т. II: 1960. Т. I, ч. 1, с. 136.

¹⁰ Wyngaert Anastasius van den. Sinica Fransiscana, vol. I: Itinera et Relationes Fratrum Minorum Saeculi XIII et XIV, Firenze-Quaracchi, 1929. P. 207; Рашид ад-Дин. Op. cit. Т. I, ч. 1, с. 129.

¹¹ Pelliot P. Notes on Marco Polo. Vol. I. Paris, 1959; Vol. II. Paris, 1963; Vol. III: Index. Paris, 1973. Vol. I. P. 167.

¹² То, что Каракорум был не только дворцом хана, желающего приобщиться к оседлому комфорту, окруженным жилищами гвардии и необходимой обслуги, а ещё и довольно крупным торговым и ремесленным центром, окончательно доказали раскопки 1948–1949 гг., проведенные экспедицией под руководством С.В. Киселева. Невысокие городские стены (вал в толщину не превышал 2–2,5 м, сверху тянулся плетневый палисад, обмазанный глиной, всё вместе в высоту вряд ли превышало 4–5 м (Киселев С.В., Евтюхова Л.А. и др. *Op. cit.* С. 138, 173), призванные скорее обозначать городскую границу, нежели обеспечивать городу реальную защиту, огораживали значительную территорию, представляющую собой неправильный четырёхугольник, ориентированный по странам света, несколько сужающийся к югу. С севера на юг протяженность город превышала 2 км, с запада на восток составляла около 1,5 км (Ibid. С. 128). Дворец Угэдэя находился в юго-западном углу города, был обнесен такими же невысокими стенами, как и весь город, и представлял собой правильный квадрат 255 на 225 м (Ibid. С. 138), т.е. занимал не слишком значительную часть городской площади. Остальная часть города, судя по результатам раскопок, была довольно густо заселена. У восточных ворот, к которым примыкало предместье, найдены обломки жерновов и молотильных камней, что говорит о том, что здесь жили люди, занимавшиеся земледелием, в разных концах города найдены плуги и жернова (Ibid. С. 174; 180). Это говорит о том, что строители города думали о том, чтобы он хотя бы частично обеспечивал себя продовольствием, впрочем, нам известно что город всё равно сильно зависел от поставок зерна из Китая. От центра города к восточным воротам вела улица, сплошь обстроенная домами. Судя по особенно частым находкам в этом районе города монет, здесь размещались торговые лавки (Ibid. С. 174). По сообщениям Гийома Рубрука, посетившего город в 1254 г., в нём было две главных улицы, вдоль одной из которых жили мусульмане, в основном торговцы, а вдоль другой – китайцы, которые преимущественно занимались ремеслом; в городе было двенадцать языческих храмов разных народов, две мечети и одна несторианская церковь (Wyngaert Anastasuis van den, *Op. cit.* P. 285–286]). По данным раскопок, в центре города, на пересечении двух главных улиц, находились ханские мастерские, весьма активно функционировавшие. В этом месте за свою недолгую историю город успел сформировать необыкновенно богатый культурный слой, его толщина достигает 5 м. Нижний горизонт, соответствующий времени основания и высшего расцвета города, очень насыщен находками, свидетельствующими об активном металлообрабатывающем производстве, на сравнительно небольшом участке найдено до десяти металлургических горнов и множество изделий, особенно много массивных втулок к осям телег, походных котлов на ножках, стрел и сабель (Киселев С.В., Евтюхова Л.А. и др. *Op. cit.* С. 176–178). Всё это свидетельствует о том, что промышленные мощности Каракорума активно использовались при подготовке к дальним походам монгольских армий. Лабораторные условия показали, что чугун, использовавшийся в ряде изделий, требовал для плавки очень высоких температур, порядка 1350°, которые достигались с помощью сложной системы механических мехов, приводимых в действие водой, поступавшей в город по каналам из р. Орхон, остатки этой системы найдены в крупной металлургической мастерской в центре города

(Ibid. С. 178). В верхних слоях, когда город уже утратил свои столичные функции, преобладают следы весьма разнообразного керамического производства (Ibid. С. 178). На всей территории Каракорума сделано много находок привозных вещей (фарфора, зеркал, шелка), которые, как и большое количество найденных монет, говорят о большом распространении торговли (Ibid. С. 178). Остатки зданий группируются в основном вдоль двух главных улиц, остальная часть города почти не застроена – видимо, там стояли юрты (Ibid. С. 126).

¹³ Киселев С.В., Евтюхова Л.А. и др. *Op. cit.* С. 133.

¹⁴ Ibid. С. 133.

¹⁵ Подробнее о них см. Ibid. С. 167–172.

¹⁶ Wyngaert Anastasuis van den. *Op. cit.* P. 30.

¹⁷ Ibid. P. 230; 236.

¹⁸ Pelliot P. Notes on... Vol. I. P. 165.

¹⁹ Юань-чао би-ши (Секретная история монголов). 15 цзюаней. Т. I. Текст / Издание текста и предисловие Б.И.Панкратова (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. VIII). М., 1962. § 273, с. 571.

²⁰ См. например, Сун Лянь, Ван Вэй и др. *Op. cit.* Цз. 2, с. 5.

²¹ Ibid. Цз. 58, с. 124.

²² Цит. по Pelliot P. Notes on... Vol. I. P. 166.

²³ Эта стела, датируемая концом 1334 г., была установлена в качестве знака монаршей милости к роду идикутов (от тюрк. *Идук кут*, «священное счастье»), правителей уйгурского Турфанского княжества, которые во время войны Кайду и Хубилая, около 1285 г., были переселены последним в г. Юнчан 鞏昌 провинции Ганьсу, позднее от театра военных действий. Стела относится к числу немногих эпиграфических памятников юаньского времени, текст которых написан на китайском и уйгурском языках. Нижняя часть стелы была обнаружена в 1933 г. в овраге, после этого получившем название Шибэй-гоу 石碑, «Овраг каменной стелы», в 15 км к северу от г. Увэй 武威 пров. Ганьсу, и перевезена в уездное управление образования (Вэньцзю-гуань 教育館). Вероятно, место находки стелы, находящееся примерно в 50 км с юго-востоку от г. Юнчан, можно считать местом погребения идикута Нюлиньтегина 紐林的斤, умершего в Юнчане в 1318 г., так как стела была даврована императором его сыну, Темир Бухе 帖睦兒補花, и было бы логично поставить её именно на могиле отца, чьи заслуги также превозносятся в стеле. Найденный фрагмент был исследован в 1943 г. китайским археологом Хуан Вэнь-би 黃文弼. По сведениям Хуан Вэнь-би, вскоре после этого стелу спрятали, чтобы спасти от опасностей войны, которая приближалась к городу, и после этого найти её не смогли. Таким образом, долгое время считалось, что единственным свидетельством существования стелы является эстампаж, снятый Хуан Вэнь-би, который был опубликован им в 1964 г. (Хуан Вэнь-би. «И-ду-ху Гаочан-ван ши-сюнь бэй») фу-юань бин цзю цзи («Стела о заслугах идикутов Гаочан-ванов»: установленный и выверенный текст) // Вэньбу, 1964, № 2 (№ 160). К счастью, в 1983 г. Дан Шоу-шань опубликовал небольшую статью, в которой сообщил, что стела вовсе не утеряна, а по-прежнему хранится в г. Увэй, в здании бывшего управления образования, в котором ныне размещается Совет по управлению культурой (Вэнь-гуань хуй 文管會) (Дан Шоу-шань. «И-ду-ху Гаочан-ван ши-сюнь бэй») као (Изучение «Стелы о заслугах идикутов Гаочан-ванов») // Каогу

кой вэнью, 1983, № 1. С. 96). Сохранившийся фрагмент имеет ок. 182 см в высоту, 173 см в ширину и 52 см в толщину, с одной стороны на него нанесен китайский, с другой – уйгурский текст. Китайский текст в оригинале состоял из 36 вертикальных строк, максимальное число знаков в строке – 90, на сохранившийся фрагмент попало несколько меньше половины текста, а именно 41 знак нижней части строки, из чего можно заключить, что до разрушения стела представляла собой весьма внушительный монумент. Реконструкция текста по нижней половине представляла бы собой довольно трудную задачу, но, к счастью, китайский текст, с незначительными разночтениями, сохранился в собрании сочинений автора надписи, известного юаньского поэта Юй Цзи 虞集 (1272–1348) (его биографию см. Сун Лянь, Ван Вэй и др. *Op. cit.* Цз. 181, с. 331–332) Дао-юань сюэ-гу лу 道園學古錄 («Записи об изучении древности из сада Дао») (Юй Цзи. Дао-юань сюэ-гу лу (Записи об изучении древности из сада Дао). – Сы-ку цюаньшу (Собрание книг четырёх хранилищ), Тайбэй, 1986. Т. 1207. Цз. 24, с. 349–353), сборнике юаньской литературы *Юань вэнъ лэй* 元文類 («Юаньская изящная словесность, [разложенная] по категориям») (Юань вэнъ лэй (Юаньская изящная словесность, [разложенная] по категориям) / сост. Су Тянь-цзюэ. Т. 1–2. Пекин, 1958. Т. I (*шан*), цз. 26, с. 325–328), а также, в несколько другой версии, по всей видимости, непосредственно переписанный со стелы, когда она ещё сохраняла свою целостность, в книге, датированной эрой правления под девизом Цянь-лун 乾隆 (1736–1795) Увэй-сянь чжи 武威縣誌 («Трактат о уезде Увэй») (Увэй-сянь чжи (Трактат о уезде Увэй). Б.м. Б. г. Цз. 1. Л. 86а–89б). Уйгурский текст, написанный неким Кэкэ Корга Инчу (Kākā Qoḡa Inčū) представлял собой, по всей видимости, десять секций, расположенных одна над другой, по 52 строки в каждой; на сохранившемся фрагменте осталось четыре с половиной секции, т.е. вторая половина текста. К сожалению, уйгурский текст поврежден несколько сильнее, чем китайский (Geng Shimin, Hamilton J. L'inscription ouïghoure de la stèle commémorative des iduq kut de Qoço // *Turcica. Tome XIII*, 1981). Текст стелы был почти без изменений использован авторами *Юань ши* при написании главы, посвященной роду идикутов (Сун Лянь, Ван Вэй и др. *Op. cit.* Цз. 121, с. 284).

²⁴ Хуан Вэнъ-би. *Op. cit.* С. 40.

²⁵ 'Ata-Malik Juvaini. *The History of the World Conqueror. / Tr. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A. Boyle. Vol. I-II. Manchester, 1958. Vol. I. P. 54–55.*

²⁶ Рашид ад-Дин. *Op. cit.* Т. I, ч. 1, с. 146.

²⁷ Поль Пеллио, за которым мы во многом следуем в своих рассуждениях, значения «сокровище» не отмечает. См. Pelliot P. *Notes on... Vol. I. P. 166.*

²⁸ Mahmud al-Kasgari. *Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luḡāt at-Turk) / Ed. and transl. by Dankoff R., Kelly J. Vol. I-III. Harvard, 1982. Vol. I. P. 303; Vol. II, p. 180; P. 200.*

²⁹ Например, известен одноименный хребет на юго-западе Восточного Туркестана, на северо-востоке от западной цепи Гималаев.

³⁰ Иакинф (Бичурин). *История первых четырёх ханов дома Чингисова. СПб, 1829. С. 251.*

³¹ *Mongolian-English Dictionary / Gen. ed. Lessing F. D. London-Los Angeles, 1960. P. 966.* Также отсюда, возможно, происходит слово «курень», обозначающее стойбище, скопление повозок или юрт, часто выставленных в круг (Владимирцов Б.Я. Монгольский кочевой феодализм. М.-Л., 1934. С. 37, 45). Впоследствии слово было

заимствовано у тюрков казаками, запорожцы употребляли его как в первом значении – укрепленный лагерь, так и в качестве обозначения войсковой единицы, составной части полка. Донские казаки называют куренем сельскую усадьбу.

³² Pelliot P. *Notes on... Vol. I. P. 165.*

³³ *Mongolian-English Dictionary... P. 991.*

³⁴ Киселев С.В., Евтохова Л.А. и др. *Op. cit.* С. 123.

³⁵ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951. С. 23, 39; строка 23.

³⁶ *Ibid.* С. 19, 34; строка 4.

³⁷ *Ibid.* С. 20, 35; строка 8.

³⁸ *Ibid.* С. 57, 66; строка 15.

³⁹ *Ibid.* С. 57, 66; строка 17.

⁴⁰ *The Secret History of the Mongols / Transl. by I. de Rachewiltz. Vol. I-II. Leiden-Boston, 2004. § 113, vol. I, p. 43, 430–431.*

⁴¹ Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий (*Versuch eines Wörterbuches des Turkdialekte*). Т. I-IV. СПб., 1890–1911. Т. III, ч. 1, с. 498. Согласно «Большому энциклопедическому словарю»: «ЧЕРНЬ (черневая тайга), густые пихтово-еловые (иногда горно-таежные) леса с примесью осины и березы в Сибири» (<http://www.slovopedia.com/2/215/275217.html>). В качестве немецкого варианта слова, Радлов предлагает *der Schwarzwald*. Не исключено, что русский вариант был выбран не в последнюю очередь по созвучию с немецким.

⁴² Считается, что надпись Тоньюкука датируется 725 г., а надписи Бильге-кагана – 732 г.

⁴³ *Mongolian-English Dictionary... P. 930.*

⁴⁴ *Ibid.* P. 928.

⁴⁵ Восточный Туркестан в древности и средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 145.

⁴⁶ Кляшторный С.Г. Терхинская надпись (предварительная публикация) // Советская тюркология. 1980, № 3. С. 92–94.

⁴⁷ Словарное значение корня *siñi:*, «копье» (см. Радлов В.В. Опыт... Т. IV, ч. 1, с. 801–802; Clauson G. *An etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972. P. 834–835*), в решении проблемы не помогает.

⁴⁸ Подробнее см. Ramstedt G.J. *Zwei Uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei // Journal de la Société Finno-Ougrienne. T. XXX, fasc. 3. Helsinki, 1913. S. 10–11.*

⁴⁹ Интересно, что Отюкэн упоминается в уже знакомом нам по надписям Бильге-кагана словосочетании «Отюкэнская чернь» (правда, Г. Рамстедт предпочитает переводить слово *jšm* просто как «лес», см. Ramstedt G. J. *Op. cit.* S. 22–23).

⁵⁰ *Ibid.* S. 22–23.

⁵¹ С.Г. Кляшторный, восстанавливая данный фрагмент надписи на Селенгинском камне, также считает, что речь идет о Сюнгюз башкан (Кляшторный С.Г. Терхинская надпись... С. 89).

⁵² Радлов В.В. Опыт... Т. IV, ч. 2, с. 1546–1551.

⁵³ Оуян Сю. Синь Тан-шу (Новая [версия] повествования о [династии] Тан). Пекин, 1975. Цз. 217 (шан), с. 6114.

⁵⁴ По Тэсинской надписи (обнаруженной в 1915 г. Б.Я. Владимирцовым в долине р. Тэс) в которой повествование ведется от имени уйгурского полководца, слу-

жащего наследнику уже покойного к этому времени Элетмиша Бильге-кагана, – триста лет (см. [10, с. 87]).

⁵⁵ Кляшторный С.Г. Терхинская надпись... С. 93.

⁵⁶ Малов С.Е. *Op. cit.* С. 21, 36; строка 1.

⁵⁷ *Ibid.* С. 21, 36–37; строки 5–8.

⁵⁸ Восточный Туркестан... С. 143.

⁵⁹ Кляшторный С.Г. Терхинская надпись... С. 93.

⁶⁰ Кляшторный С.Г. Тэсинская стела (предварительная публикация) // Советская тюркология. 1983, № 6. С. 87.

⁶¹ Восточный Туркестан... С. 143–144.

⁶² Кляшторный С.Г. Терхинская надпись... С. 93.

⁶³ Малов С.Е. *Op. cit.* С. 57, 66; строка 15.

⁶⁴ К сожалению, мы не располагаем детальными сведениями об археологических раскопках в Орду-бальке (в конце XIX в. он был исследован экспедицией В.В. Радлова и Д. А. Клеменца, интересовавшихся прежде всего памятниками эпиграфики (Radloff V. Die Alturkischen Inschriften des Mongolei. St-Petersburg, 1895. P. 283–299), в 1933–1934 – Д. Букеничем, в 1949 г. – С. В. Киселевым и Х. Пэрлээ (см. Киселев С.В. Древние города Монголии // Советская археология, 1957, № 2; Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений Монголии // Советская археология, 1957, № 3). Мощные укрепления уйгурской столицы выгодно отличаются от символических стен Каракорума, они построены из камня по оригинальной технологии не китайского происхождения (в Китае стены возводили из утрамбованной глины, подробнее см. Needham, J. Science and Civilisation in China. Vol. IV, Part. 3 Civil Engineering and Nautics. Cambridge, 1971. P. 38; Ань Цзинь-хуай. Чжунго каогу (Китайская археология). Шанхай, 1996. С. 13; Chang Kwang-chih. The Archeology of Ancient China. New Haven-London, 1977. P. 232–234), некоторые части стен даже сейчас достигают 14 м в высоту. По сообщению арабского путешественника, посетившего город в 821 г., это был большой город с 12 железными воротами, рынками, кварталами ремесленников и большими предместьями, населенными земледельцами. В центре города размещался обнесенный стенами дворец, известный соевей золотой юртой, способной вместить сто человек и видной за многие километры. В городе жило много китайцев и согдийцев (см. Minorsky V. Tamim ibn Bahr's journey to the Uygurs // Bulletin of Society of Oriental and African Studies, vol. XII, 1948). Во время раскопок были найдены остатки манихейского храма, бронзовые мастерские, значительное количество китайских монет.

⁶⁵ 'Ata-Malik Juvaini. *Op. cit.* Vol. I. P. 54.

⁶⁶ Рашид ад-Дин. *Op. cit.* Т. I, ч. 1, с. 147.

⁶⁷ Стоит помнить, что Ляо ши была написана уже при Юань, но детали описываемого события, в частности довольно подробное описание деталей сакральной географии киданьской державы, позволяют надеяться на то, что авторы хроники опирались на аутентичные ляоские источники, а не реконструировали ситуацию, опираясь на собственные представления.

⁶⁸ Тянь-цзань («Небесное покровительство») – девиз второй и последней (922–926) эры правления основателя киданьской династии Ляо (916–1125) Абаоцзи (Елюй Амбагай, Тай-цзу 太祖) (правил в 907–926).

⁶⁹ Хуэй-ху чэн 回鹘城, скорее всего, имеется в виду Орду-балык.

⁷⁰ Выражение *тайлинь* 霖林, согласно комментарию словаря Grand Ricci, связано с обычаем племен *сяньби* 鮮卑 приносить осенние жертвы Луне, трижды объезжая верхом лесистое место (*тай*, собственно, и означает «объезжать вокруг»). Этот обычай впоследствии получил распространение в правление династии Тан (Grand dictionnaire Ricci de la langue chinoise. Vol. I-VI, Index. Paris-Taibei, 2001. Vol. V. P. 741, № 10287). Таким образом, данное выражение правильно было бы перевести как «Обряд объезжания вокруг леса». Однако в данной фразе (*бай жи юй Тайлинь* 拜日于霖林) Тай-линь, кажется, представляет собой название места. Можно предположить, что, по мнению автора текста, существовал некий специальный лес, вокруг которого который объезжают при поклонении светилам.

⁷¹ Желтая река (Хуан-хэ 黄河), в данном случае, видимо, имеется в виду Шара-мурэн (Шаламулунхэ 沙拉木倫河, Силамулунхэ 西喇木倫河), истоки которой находятся на юго-востоке Внутренней Монголии. Эта река, сливаясь с рекой Лаохахэ 老哈河, даёт начало реке Силяохэ 西遼河, которая, в свою очередь, соединяясь с Дунляохэ 東遼河, образует реку Ляохэ 遼河. В киданьское время Желтой рекой называлась не только современная Шара-мурэн, но и современная Силяохэ (Чжунго лиши диту цзи («Атлас истории Китая») / Под ред. Тань Ци-сяна. Пекин, 1996, т. 1–8. Т. 6, карта 7).

⁷² Муешань 木葉山 («Гора древесных листьев»), находится на месте слияния Шара-мурэн и Лаохахэ (в эпоху Ляо называлась Тухэ 土河 и считалась притоком Жёлтой реки) (*Ibid.* Т. 6, карта 7). Согласно письменным источникам, гора Муешань считалась священной горой династии Ляо, здесь находились храмы основателей династии (Bretschneider E. *Op. cit.* Vol. I. P. 256). В 1979 г. в степях неподалеку от слияния рек Шара-мурэн и Лаохахэ китайские археологи раскопали ляоский город, определенный как Юнчжоу 永州. По предположению археологов, Муешань можно отождествить с горой Хайцзиньшань 海金山, находящейся на слиянии двух рек, неподалеку от города (Цзян Нянсы, Фэн Юнцзянь. Ляо-дай Юнчжоу дяоча цзи (Записки об исследовании ляоского Юнчжоу) // Вэньбу. 1982, № 7).

⁷³ Э. Бретшнайдер полагает, что Абаоцзи приказал высечь надпись не о своих заслугах, а о заслугах уйгурского кагана (Bretschneider E. *Op. cit.* Vol. I, p. 256, note 640). Этот вариант возможен, как со смысловой (стелу о своих заслугах Абаоцзи приказал поставить у уйгурской столицы месяцем раньше), так и с грамматической (сообщение об установке стелы, высеченной сразу по прибытии в уйгурские земли (*лэ ши цзи гун* 勒石紀功) несколько отличается от информации о второй стеле (*цзи цзи гун* 紀其功), что, в принципе, может указывать на то, что речь идет о заслугах кого-то другого) точек зрения, однако не слишком понятно, зачем в таком случае необходимо было стирать со стелы уже имеющиеся надписи.

⁷⁴ То-то и др. Ляо ши (История [династии] Ляо). Пекин, 1974. Цз. 2, с. 20. Переводы данного фрагмента были сделаны Э. Бретшнайдером (Bretschneider E. *Op. cit.* Vol. I. P. 256, note 640) и В.П. Васильевым (Васильев В.П. Китайские надписи орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне. – Сборник трудов Орхонской экспедиции. III. СПб., 1897, с. 29). Впрочем, В.П. Васильев считает, что здесь речь идет не о долине Орхона, а о Ганьчжоу.

⁷⁵ Конечно, несколько странно говорить о самом младшем, когда речь идет о чудесном рождении младенцев, которые были обретенны в лопнувшем наросте дерева. Видимо, здесь используется популярный мотив, согласно которому легендар-

ный основатель рода и государства обычно оказывается младшим сыном в семье (ср. с историей Бодоначара, основателя рода Борджигин (The Secret History of the Mongols. §§ 17–44, vol. I. P. 3–8).

⁷⁶ Что значит *удань* – не вполне ясно. *Бугу* близко к тюркскому слову *buga, buka*, «бык» (Clauson G. Op. cit. P. 312). Это слово довольно часто использовалось в качестве части имени или титула различных тюркских и монгольских правителей и вельмож, в том числе и мусульманских ('Ata-Malik Juvaini. Op. cit. Vol. II. P. 736).

⁷⁷ Явно имеется ввиду Элетмиш Бильге-каган, правда, объединяющий в себе всех сразу всех уйгурских каганов.

⁷⁸ В китайских источниках имя этой принцессы, кажется, больше нигде не встречается.

⁷⁹ Тегин – тюркский титул, часто добавлявшийся к именам сыновей и младших братьев правителей.

⁸⁰ Вторая часть слова, возможно, указывает на тюркское слово «балык», город (Clauson G. Op. cit. P. 335–336).

⁸¹ Видимо, тюркское Тэнгрихан-таг, Гора Царя-Неба.

⁸² Вероятно, тюркское Кут-таг, Гора Счастья.

⁸³ Бешбалык («Пятиградие») – город в предгорьях Тяньшани, на северо-восток от Турфана (Гаочан). Он был летней столицей Турфанского уйгурского государства, поскольку земли вокруг него позволяли, в отличие от жаркого Турфана, вести кочевую жизнь (подробнее см. Долбежев Б.Е. В поисках развалин Бешбалыка // Записки Восточного отделения императорского Русского географического общества. Том XXIII, Вып. I-II. Петроград, 1915; Pelliot P. Notes on... Vol. I. P. 15 126, 163, 388]).

⁸⁴ Хуан Вэнь-би. Op. cit. С. 40.

⁸⁵ Подробнее об этом см. Чэнь Гаохуа. Юань-дай Вэйуэр, Халалу цзы-ляо цзи-лу (Сборник источников об уйгурах и карлуках юаньской эпохи). Урумчи, 1991; Ли Фу-тун. Хуэй-ху юй Юань-чао цзянь-го чжи гуан-си (Уйгуры и их связь с созданием государства династией Юань). – Ли Фу-тун лунь-чжу цюань-цзи (Полное собрание сочинений и выступлений Ли Фу-туна. Т. I-V. Тайбэй, 1992. Т. III; Ли Фу-тун. Вэй-у-эр жэнь дуй юй Юань-чао цзянь-го чжи гун-сян («Вклад уйгуров в создание государства династией Юань»). – Ли Фу-тун лунь-чжу цюань-цзи (Полное собрание сочинений и выступлений Ли Фу-туна. Т. I-V. Тайбэй, 1992. Т. III).

⁸⁶ de Rachewiltz, I. Turks in the China under Mongols : A Preliminary Investigation of Turco-Mongol Relations in the 13th and 14th Centuries. – China among Equals / Ed. by M. Rossabi. Berkeley-Los Angeles- London, 1983. P. 283–285.

⁸⁷ Легендарный правитель Турана, извечный враг Ирана в персидском эпосе.

⁸⁸ Иранский герой Биджан был в заключении у Афрасияба, который заточил его в колодеце.

⁸⁹ Очень интересное сообщение, которое, правда, рождает больше вопросов, чем ответов. Э. Бретшнайдер полагает, что под «народом Каман» следует понимать шаманов, которые, как известно, в ряде языков (например, тувинском) называются *кам* (Bretschneider E. Op. cit. Vol. I, p. 257, note 641). Какими же письменами был написан текст на этой таинственной плите из Орду-балыка? Вероятно, орхонским руническим алфавитом, поскольку умеющих читать все иные письменности, которые можно было бы там встретить (уйгурский алфавит, китайские

иероглифы), конечно, было бы несложно найти среди приближенных Угэдэя. Значит, в начале монгольского времени ещё оставались люди, понимавшие тюркские руны? Считается, что рунический алфавит стал пережитком уже в X в. и даже в отдаленных областях тюркского мира, на Алтае и Енисее, вряд ли пережил XI в (Восточный Туркестан... С. 329). Теоретически, впрочем, можно предположить, что отдельные группы, сохранявшие знание рун в ритуальных целях, могли там просуществовать и до XIII в. Но почему тогда автор говорит, что этих «Каман» привезли из Китая? Конечно, нельзя полностью отрицать и вероятность того, что кагану не посмели сказать, что никто не может прочесть интересующий его текст, и какому-нибудь уйгурскому сановнику пришлось срочно импровизировать, предложив Угэдэю текст о происхождении уйгуров, являющийся вариацией представлений турфанских уйгуров о происхождении их далеких предков. Этим может объясняться удивительное сходство информации Джувейни и юнчанской стелы идикутов.

⁹⁰ 'Ata-Malik Juvaini. Op. cit. Vol. I. P. 54–56.

⁹¹ Ibid. Vol. I. P. 56–60.

⁹² The Secret History of the Mongols... Vol. II. P. 1201.

⁹³ Ibid. § 103, vol. I. P. 33.

⁹⁴ Ibid. Vol. II, p. 981–982; Pelliot P. Notes on... Vol. I. P. 329–363.

⁹⁵ Сун Лянь, Ван Вэй и др. Op. cit. Цз. 3, с. 5.

⁹⁶ Его биографию см. Ibid. Цз. 157, с. 291–292.

⁹⁷ Ibid. Цз. 4, с. 6.

⁹⁸ Рашид ад-Дин. Op. cit. Т. II, с. 144.

⁹⁹ В Азии город называли по-тюркски, Ханбалык, «город Хана», под этим же названием его упоминает и Марко Поло (Marco Polo. La description du monde. Paris, 1998. LXXV, p. 210), но в монгольских хрониках преимущественно фигурирует китайское наименование.

¹⁰⁰ Сюй Пин-фан. Юань Даду и-чжи (Развалины юаньской [столицы] Даду). – Чжунго да байкэ цюаньшу. Каогусяоэ. (Большая китайская энциклопедия. Археология). Пекин, 1998. С. 629.

¹⁰¹ Кучера С. Проблема преемственности китайской культурной традиции при династии Юань. – Роль традиции в истории и культуре Китая. М., 1972. С. 279.

¹⁰² Сун Лянь, Ван Вэй и др. Op. cit. Цз. 58, с. 124.

¹⁰³ Внук Угэдэя, в 1266 г. отказался признавать власть Хубилая, в 1271 г. подчинил Чагатайский улус. Благодаря значительным военным дарованиям весьма успешно сражался с юаньскими войсками, только в 1301 г. был разбит войсками Тимура (1265–1307, великий хан с 1294 г.), внука и наследника Хубилая, и вскоре умер. Его наследники вскоре признали сюзеренитет юаньских императоров и прекратили сопротивление.

¹⁰⁴ Рашид ад-Дин. Op. cit. Т. II. С. 210; Киселев С.В., Евтюхова Л.А. и др. Op. cit. С. 176.

¹⁰⁵ Сун Лянь, Ван Вэй и др. Op. cit. Цз. 58, с. 124.

¹⁰⁶ Pelliot P. Notes on... Vol. I, p. 168; Киселев С.В., Евтюхова Л.А. и др. Op. cit. С. 176.

¹⁰⁷ Schmidt J. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssangan Ssetsen Chungtaidschi des Ordus. St-Petersburg, 1829. S. 144–146, 404.

¹⁰⁸ Ibid. S. 211, 226.

¹⁰⁹ Mongolian-English Dictionary... P. 716, 62.

¹¹⁰ Ibid. P. 908, 788.

¹¹¹ История Эрдени-цзу / Пер. и комм. А. Д. Цендиной (Памятники письменности Востока. CXVIII). М., 1999. С. 202, 66.

¹¹² Киселев С. В., Евтюхова Л.А. и др. Op. cit. С. 130.

Ш.Б. Чимитдоржиев, Л.Ш. Чимитдоржиева

МАТЕРИАЛЫ ОМСКОГО АРХИВА
ПО РУССКО-ДЖУНГАРСКИМ ОТНОШЕНИЯМ
В XVIII в.

В середине XVIII в. Джунгарское ханство представляло собой единственное самостоятельное монгольское государство. Остальные территории Монголии были завоеваны Цинской маньчжурской династией.

В 1727 г. на ханский престол в Джунгарии вступил Галдан-Цэрэн, своими энергичными действиями сумевший нейтрализовать агрессивные намерения Цинов. Перед лицом цинской военной угрозы джунгарский правитель принимал меры по укреплению обороноспособности страны, старался приобрести союзников. Поддерживал активные связи с западными соседями, русскими, казахами и народами Средней Азии. В архивах Монголии, России, Казахстана и др. стран имеются материалы по истории джунгаров (ойратов, или западных монголов) и по джунгарско-русским отношениям в XVII–XVIII вв. Ниже мы приводим документы, извлеченные из фонда № 1 Омского государственного архива, в которых содержатся сведения о многогранных связях джунгаров («зенгорцев» в архиве) с Российским государством в первой половине и середине XVIII в., во времена правления Галдан-Цэрэна. В этих документах отражены политические и торгово-экономические отношения между Джунгарией и Россией, посольские связи, проблема беженцев. В них содержатся сведения о междоусобицах в Джунгарском ханстве, о борьбе за ханскую власть, в частности об участии в ней видных князей Давачи и Амарсаны, которые вынуждены были перебраться в Казахскую Среднюю орду, об уходе Амарсаны на территорию Российского государства.

ГАОО (Государственный архив Омской области). Ф. 1. Оп. 1.

Торговля. В 1733 г. через майора Угримова сообщено и требовано от Зенгорского (Джунгарского) владельца, чтобы зенгорское купечество только объявляло и не утаивало товары, купленные у российских купцов. Велели зенгорцам отправлять купцов в крайние сибирские города, Ямышевскую и Семипалатинскую крепости. Товаров их зенгорских не осматривать и торговать с ними беспо-

шлинно. Только зенгорские купцы далее Ямышевской крепости и других сибирских городов и волостей не ездили. В названных двух местах свои товары продавали. Также российские товары покупали там же. В прочие города, не осматривая их товары, позволять ездить нельзя. По причине того, что по покупке у российских подданных товаров в разных местах без осмотра может произойти утайка¹.

Российским купцам велено с зенгорскими купцами торг производить только в указанных двух местах – Ямышевской и Семипалатинской крепостях. В улусы Зенгорского владельца оным с российскими товарами уже не ездить, о том ныне указ Императора к Сибирскому губернатору послан. В связи с получением данного указа из Тобольска к Галдан-Цэрэну отправлен лист в том же 1736 году 6 августа². (Комментарий исследователей: Со временем российские торговцы получили разрешение ездить в джунгарские улусы).

Выдержки из императорских указов о досмотре товаров зенгорских купцов. Указ Коллегии иностранных дел от 2 ноября 1735 года: Осматривать товары зенгорских купцов, пошлин не брать, а брать пошлины с российских купцов, которые их товары купят³. Указ Коллегии иностранных дел от 5 июня 1736 года: Несмотря ни на что, добиваться осмотра товаров зенгорских купцов, но пошлин не брать. Этот указ издан в связи с прибытием зенгорских посланцев Зунду Замсу с товрищами. О том, что произошло с ними, написано в письме на имя хана. Зунду ездил в Санкт-Петербург, Москву. Ими куплены много товаров в Российской империи для вывоза. Но осматривать товары не дали. Тогда предложено было посланцам составить реестр своим товарам. Они составили, куплено на немалую сумму, на 35 150 рублей. Среди товаров – ружье, пищали, пистолеты – 30, панцири – 43. Из Москвы отпущено: из огненного ружья – 10, панцири – 41, а остальное оружие удержано. Товары в тюках запечатаны и отправлены из Москвы в Тобольск. Коллегия иностранных дел дает указание Сибирской губернской канцелярии, в Тобольск: Не находятся ли еще какие-либо заповедные товары у них? Следовало бы осмотреть. Требовать осмотра, отмечая, что «по особой склонности к их владельцу» пошлин не берется, но осматривать товары нужно, так делается во всем мире. Нет ли заповедных товаров к вывозу из России. Если посланцы откажутся показывать товары, то пропустить их с товарами. Но писать Галдан-Цэрэну обо всем, о том, что пошлин не взимали, но послы не дали осматривать товары. Необходимо предупредить Галдан-Цэрэна, что он наказал своим купцам показывать свои товары. Напомнить о прежней его договоренности с майором Угримовым, договоренности о том, что до 1 тысячи

рублей с товаров не взимать пошлин, а если превышает эту сумму, то брать пошлины. Это же правило должно действовать в улусах Зенгории не брать пошлин с российских купцов до 1 тысячи рублей⁴.

Российские граждане в Джунгарии. Иван Ушаков, разночинец из Тары, был отпущен в 1740 году из Тары, попал в Томск, где устроился на работу у Василия Шмакова. Пошел с ним в Зенгорию «для купечества», дошел до Урги. Шмаков свои товары отдал знаменитому Тарскому торговцу и сам уехал. Ушаков остался в Зенгории и устроился в городе Яркент на работу у купца Петра Ширяева, выходца из города Гороховец. 6 месяцев проработал и хотел уйти, но из-за разразившейся оспы был задержан в городе. И в 1775 году возвратился в Тару. Слышал, что Галдан-Цэрэн воюет с Бадакшанским владельцем. У него 30 тыс. войско. Злого намерения против России не имеет. В Зенгории живут российские подданные⁵.

Секретнейшее дело. В 1742 г. бухаретин Бахмуратов, представитель Галдан-Цэрэна, рассказал о русских и татарах, находящихся в Зенгории. Находясь в Тобольске с товарами, пришел в дом, где живут губернаторы, и рассказал: Российские подданные – русские и татары живут многие годы. Русские – Иван Сергеев с работником русским и с русскими товарами – 4-й год, Федор Плотников с работником русским и с русскими товарами – 8-й год, купец Шубин с русскими товарами – 3-й год, Василий Михайлов с русским работником и русскими товарами – 4-й год, Федор Кузнецов – 3-й год, Яков Лукьянов в кашеварах – 5-й год, Семен из Томска прибыл с одним русским, служит в кашеварах у русских – 5-й год. Затем идет перечисление татар (тарских, тобольских). Из Сибирской губернской канцелярии в Военную походную канцелярию – об употреблении всевозможных способов по возвращению из Зенгории живущих там мастеровых и др. российских подданных⁶.

Бахмуратов о Галдан-Цэрэне и об остановке в Джунгарии. Бахмуратов появился еще раз в 1744 г. и привез новые данные: Галдан-Цэрэн кочует на реке Или. Войско с ним 2 тыс. или больше. У Галдан-Цэрэна три сына – 20 лет, 15 лет, 1 год. В 1743 г. послал войска (20 тыс.) на владельца Абдакарима бека, на народ, называемый узбеками. С казачьей ордой, хотя войны нет, только не со всеми владельцами в примирении. В мире с Аблай-султаном, с Барак-султаном. Посылает в Аблаев улус пшено и прочий провиант. С китайцами примирение, торг. Несильно пускают в крайние свои города, а внутрь Китайского государства зенгорцев не пускают. В 1744 г. Галдан-Цэрэн посылал от себя посланцев бухарцев Надырова, Имяс-бия в Персию, с какой целью – не знаю. С ними владелец отпра-

вил несколько пудов ревеня. Где кочует Галдан-Цэрэн, там 20 железных пушек мерой аршина по два, а лафетов и колес под ними не имеются, возят на верблюдах и палят из тех пушек на лежащих верблюдах. В 1742–1743 гг. в Зенгории была сильная оспенная болезнь, много померло. Ташкент взят Галдан-Цэрэном. А молодой Цэрэн-Дондук, в ходе боев с китайцами был ранен, долго лечился, но умер. После него осталось 2 сына. На российские города и крепости и заводы нападения чинить не хотят. Галдан-Цэрэн в беседах с зайсанами заявил: пока не вернулись послы из России, не нужно начинать войны с Россией. В случае, если мои претензии не удовлетворят русские, то пошлю войска разорять Тарский, Томский, Кузнецкий и Ишимский уезды. А на верхнеиртышские крепости не посылать, потому что они сильно укреплены. Бахмуратов отметил, что у зенгорцев есть Ефим Васильев, с ним 10 чел. русских. Они работают на серебряном заводе в Яркенте. Бежавшие 3 года назад с Колыванского Демидовского завода русские Иван, два Андрея построили в Урге медный завод. На оные заводы отправляются калмыки и бухарцы по тысячи и 500 чел. Для опыта сделали свинцовую мортиру и стреляли⁷.

Торговля ревенем. 9 января 1744 года у посланца Лама-Даши взят в Сибирский приказ ремень более 300 пудов и выданы деньги⁸. Был направлен наказ в Тобольск – накрепко смотреть в надлежащие места, крепкими указами подтвердить ежели впредь таковые зенгорские посланцы, которые от их владельца ко двору императорскому или сибирскому губернатору будут отправлены и потому ими приведен будет ремень, то ремень удерживать на границе. Если послы пожелают указанный ремень в казну российскую по цене продать, то оной у них принят будет. Если не похотят, то ремень в Россию не будет пропущен. За ремень Лама-Даши постановлением Сената и Коллегии иностранных дел уплачено 6 067 рублей 40 коп. из Сибирского приказа 4 октября 1744 года и роспись получена⁹.

Мобилизация дополнительных воинских сил на Сибирскую линию. Коллегия иностранных дел – генералу Киндерману (2 ноября 1744 г.): 27 октября Правительствующий Сенат дал знать КИД, что вы отправлены в Сибирь к отправленным туда армейским и гарнизонным полкам и нерегулярным частям главным командиром для осторожности от зенгорцев и удержания их от нападения на томашние края. Зенгорский владетель еще с того времени как в 1716 году по р. Иртышу начаты были строить крепости российские, на томашние места и народы чинить претензии, а именно: все места по р. Иртышу с вершины оной по устью реки Черная Омь, а под городом

Кузнецким на речке Уен, которая впадает в Обь, из живущих на них ясашных людей – теленгутов, бюресов, урянхайцев, барабинцев и др. называет своими... требует, чтобы построенные по Иртышу российские крепости – Ямышевскую и прочие и имеющиеся в Кузнецком уезде Колывано-Воскресенские медные заводы снести, оные места очистить. И стали от него неоднократно посланцы сюда присыланы, а также ныне его послы в Москве находятся.

Недавно получено известие, что зенгорский владетель на Иртышские верхние крепости и на медные Колывано-Воскресенские заводы столь скоро река льдом покроется нападение учинить. В тамошние места в востребном количестве войско направить... мирно решить желаем, но дадим отпор, сейчас Россия ни с кем не воюет, можем направить туда воинские силы¹⁰. Сибирский губернатор генерал-майор Сухарев жаловался на малолюдство и просил дополнительно воинских людей¹¹.

27 ноября 1744 г. В Семипалатинскую крепость прибыли зенгорские торговцы 50 чел. Оттуда в Ямышево с иркецкими товарами на 60 зверях, 10 лошадях. Купцы рассказывали, что Галдан-Цэрэн войны ни с кем не имеет, с китайцами и Казацкой ордой в мире¹².

1 декабря 1744 г. последовал торговый караван из Зенгории до Тобольска на 500 верблюдах, 500 лошадях. Калмыков 51, бухарцев 223¹³.

15 января 1745 г. на допросе в Сибирской губернской канцелярии томский купец Василий Мельников, побывавший в Зенгории в 1743–44 гг. с торгом и для долговых взяток, рассказал, что о злонамерениях Зенгории против России не слыхал, о войне не слыхал, сколько войск не знаю. Но слышал от бухарцев, что в Яркенте имеется медно-серебряный завод, там работает Ефим Вяземской с Колывано-Воскресенского завода. Видел на реке Боротала, где ночевал Галдан-Цэрэн, трех русских. Один из них, Иван Михайлов делал мортиру, из нее стрелял. Но не видел ни артиллерии, ни мортир¹⁴.

Разведчик Федор Аблязов. 1745 г. 14 июня из Ямышевской крепости послан полковником Павлуцким в Зенгорию к ноену Дабачи и владельцу Галдан-Цэрэну поручик Федор Аблязов. С ним отправлен лист генерала Киндермана. Сопровождают Аблязова толмач солдат Михей Стрелков, 15 казаков. Даны инструкции, одна секретная (разведать, в которой сказано – узнать намерение Зенгории, где находится прежде собранное зенгорское войско, количество людей, кто главные в войске; собираются ли на немирную с ними киргизскую землю). По известиям, собрано сего лета 30 тыс. да сверх того в киргиз-кайцакскую землю весной 10 тыс. Каковы взаимоотношения с окрестными татарами и китайцами. Есть ли там киргиз-

ское войско и др. войска, есть ли артиллерия и сколько людей. Есть данные о приходе зенгорских сил под Ташкент.

Абулхайр-хан и кара-калпакский хан отдали Галдан-Цэрэну своих людей в аманаты, по какой причине. Возможно, по причине того, чтобы зенгорцы не ходили войной или зенгорский владетель тех кайсаков в свое подданство привел. Имеющиеся там российские мастеровые чем занимаются, не артиллерию ли строят. Узнать положение российских купцов¹⁵.

Торговля. Русские в Джунгарии. 20 июня 1745 г. к Убинской заставе прибыли 120 бухарцев и калмыков с товарами от Галдан-Цэрэна, в Томск, в Ямышевскую крепость. В Семипалатинскую крепость – 12 зенгорцев. Товары их осматривать, пошлины не брать, а брать пошлины с российских купцов и сибирских бухарцев. Без осмотра калмыков и бухарцев в Тобольск и др. города не пускать. Оружие, порох, свинец, селитру и прочие заповедные товары отбирать в казну¹⁶.

Показание в Усть-Камнегорской крепости разночинца из Тары 30-летнего Федора Ушакова, ездившего в июне 1745 г. в Зенгорию: Ездил туда с купцом Иваном Ширяевым. Задержались долго в Зенгории из-за его долгов. Не дождался его, сам возвратился в Россию. В Зенгории российские беглые люди живут. С Кольвано-Воскресенского завода мастеровой Ефим Васильев плавит руду, уже построил завод, плавил и пробу учинил. С того же завода Терентий Дмитриев. Разночинцы Лука Жданов из Томска, Михаил Пельмский, Андрей Иванов, Ал. Чернышев из Тары, Иван Дмитриев из Красноярска. В Урге находится мастеровой Иван, из какого города, какого чина не знаю. Слышал, что он завел завод и плавал и привозил к нам медь. Находятся в Зенгории Иван Терентьев из Тары, Дмитриев из Тобольска¹⁷.

В указе Сената (от 11 июля 1745 года) о товарах зенгорских посланцев Лама-Даши, Авазбая и др., купленных в России, говорится: Несколько человек – Наурус Хазы и др. отпущены в Зенгорию, а остальные ныне в Москве на гостином дворе. По учиненной оценке их товары на сумму 37 873 руб. 98 коп. С них надлежало взять пошлин 6 261 руб. 82 коп. Для показания оным посланцам особого отношения к их владельцу решили не брать пошлин и отпустить их с товарами и осматривать товары до самой границы¹⁸. 28 июня 1745 г. прибыли в Ямышевскую крепость из Зенгории 12 чел. с товарами (калмыки и бухарцы). В основном ткани среднеазиатские¹⁹. 11 июля 1745 г. выехали из Зенгории российские купцы Яков Пономарев и Лука Дулепов. Они рассказали: 30 тыс. войско в сборе, готово отправиться в поход в Абдакаримовскую землицу. Видели в Зенгории Ивана Михайлова, работающего на медном заводе. С ним еще двое.

Видели у ламы пленного Гаврило, родом из Тары. Туда пленен из киргиз-кайсаков. Еще двое из Тобольска живут в холопстве. Купцы ездили за долгами. Зенгорцы сразу не отдают. В Зенгории остались купцы Михаил Греченин, Алексей Верхотуров из Томска, тобольчане Иван Евсеев, Федор Плотников, из Великого Устюга Иван Шубкин, Терентий Рудаков, из Гороховца Иван Михайлов, из Иркутска Иван Литвинцев, из Вологды Иван Мельников, из Екатеринбурга Нефед Никитин²⁰.

27 июня 1745 г. на купеческих подводах отправлен для разведывательных целей Михаил Винокуров, из Тары. Принять все меры для вызова русских и татар, находящихся в Зенгории. Секретным образом взять под секретный караул, сковав руки и ноги в крепкие кандалы²¹.

Показания разведчика Саввы Соболева. От полковника Павлуцкого – Киндерману письмо от 25 ноября 1745 года: По вашему заданию был отправлен для разведки в Зенгорию вахмистр Сава Соболев под видом купца. Его сопровождал толмач тарский разночинец Герасим Зеинов. Соболеву дали товары на 50 руб. Соболев находился в Зенгории с 8 октября по 23 ноября и привез сообщение о смерти Галдан-Цэрэна (сентябрь 1745 года). При смерти он поручил по наследству Зенгорское владение сыну своему родному Бичиган Цагану (14 лет). Смерть Галдан-Цэрэна хранится в великом секрете. Вернулось из похода войско зенгорское, побив Абдакарима и несколько разорив его владение. Подробно рассказал сам Соболев²². Соболев в 300 верстах от Семипалатинска у Камень калмык Тологоя встретил одного калмыка, который сказал, что из соседнего (в 15 км.) караула, состоящего из 30 чел. При одном демчи на речке Чебулак. Состоялась встреча с караульными во главе их стоял племянник Галдан-Цэрэна Чавдар-ноен. Интересовались зенгорцы целью приезда, я ответил, что я – купец. Чавдар предложил обменяться товарами, сказав, что у него довольно много товаров²³. В разговоре с караульными узнал о прибытии на границу дополнительного контингента. Спросил, почему к зиме умножаете число пограничников, не имеете ли опасение от каких-либо землиц. На то калмык через толмача объявил секретно, что Галдан-Цэрэн умер в сентябре. Усиливаются караулы, чтобы через беглых и прочих людей вестей об этом не было. Смерть Галдан-Цэрэна хранится в секрете. 31 октября прибыл Еманкул, племянник Галдан-Цэрэна, с 1500 военными людьми. На реке Чугулак расположен этот караул. Еманкулу подарили красную кожу и добрый бобер по цене по 2 руб. (Этот же подарок ранее вручили Чавдару)²⁴.

О смерти джунгарского хана Галдан-Цэрэна. В Семипалатинскую крепость прибыли 5 чел. из Зенгории во главе с Курен-Кучик с листом. 28 ноября 1745 года они прибыли в Ямышевскую крепость.

Рассказали в беседе с полковником Павлуцким о том, что хан Галдан-Цэрэн умер, наследовал Цыбен Дорж-Намжил (13 лет). Хотя старшему сыне Ламадорже 20 лет, он наследное владение не получил, потому что он от незаконной жены. Цыбен Дорж-Намжил желает иметь мирные отношения с Россией. Письмо от него на калмыцком языке, красная владельческая печать приложена. Письмо здесь перевести невозможно, некому, и желают посланники письмо подать генералу сами²⁵.

Посланник Курен: Не слышал о российском посланнике Федоре Аблязове, который был отправлен недавно с листом в Зенгорию. Российские купеческие люди находятся в Яркенте и др. местах. Зенгорское войско под командованием Септен-ноена нынешним летом было в походе против Абда-каримцев, разорило три городка, взяло в плен сына владельца. На стороне зенгорцев выступали киргиз-кайсаки²⁶.

Письмо от 16 декабря 1745 года переведено в Тобольске толмачем Фома Деветияровым. В письме говорилось: Тобольскому генералу подать. Наперед сего мой отец был (с Российским государством) между собой в совете и любви. В нынешнем году оной мой отец представился и ныне я по обыкновению желаю посольство и купечество всякое в Россию отправлять.

В прошлом году с нашим посланником Наурус Хазой от Великой государыни и императрицы указ получен. Он ехал в самой скорости, а другие наши послы... до сих пор нет. Зачем они так долго-временно, не бывали ли за подводами или за другим каким препятствием продолжается задержка, о том нас уведомить, а с сим листом послан от нас Курен Кучек в самой скорости и с ним посланы к вам гостинцы парча да ремень²⁷.

1745 г. Доносил Башлык в Кузнецкую канцелярию: Весть о скором прибытии 200 чел. во главе с зайсаном Баяном в Канскую и Каракольскую волости для высылки в Зенгорию живущих в тех волостях калмыков, называемых мугатами с семьями и домами (300 чел.). Они исстари подданные зенгорского владельца Галдан-Цэрэна, жили в Урге, а в Канскую и Каракольскую волости перешли жить сами. Более никаких известий нет²⁸.

20 декабря 1745 г. Допрос вернувшегося из Зенгории жителя Симбирска Кокураева, находившегося там 7 лет. Через Ямышевскую крепость в 1738 г. направился с приказчиком купца Твердышева Иваном Бабушкиным с разными товарами. Находился в Урге, Яркенте, Кашгаре и в др. местах, переезжая из места в место для торга. 4 года назад Бабушкин в Урге умер. Я собирал долги за розданные российские товары с разных лиц. Со стороны Зенгории злого намерения к России нет, наоборот, там проявляют беспокойство прибы-

тием по Иртышу многих русских войск и строительством крепостей. 13 сентября 1745 г. умер Галдан-Цэрэн. Был болен 6 дней. Ему наследовал сын Бичиган Цаган (13 лет). Была война с Абдакаримом, с китайцами войны нет. Только друг к другу 3-й год не ходят. 3 года назад зенгорский караван торговал в крайних городках, а во внутрь государства не пустили. Нынче собираются отправить торговый караван. Российские мастеровые живут в Зенгории. Ефим Васильев, он же Билдега беглый с Колыванского завода был в Яркенте. Заводил серебряный завод, со строением еще не окончил, серебряную руду уже плавал, что вышло с ним не знаю²⁹.

Купеческие караваны из Джунгарии. 23 декабря 1745 г. К Ямышевской крепости прибыл купеческий караван из Зенгории. Остановился ставкой вверх по Иртышу от крепости верст в лесу. 24 января явились предводители каравана – зайсан Есух и др. и объявили: купцов и работников 311, верблюдов под вьюками и без вьюков 744, в том числе казенных владельца товаров на 55 верблюдах. Привезли лист хана к генералу. Здесь читать некому, ибо письмо по-калмыцки. В Ямышевской знающих по-калмыцки из русских и татар нет. Приказано было в крепость не пускать, отвести специальное место. 731 тюков товары. В основном ткани (бязы, зендени, сафар, выбойка...). 286 чел. отправили в Тобольск и Ирбитскую ярмарку. Остальные в Ямышевской крепости³⁰. 29 августа 1749 г. в Ямышевскую крепость прибыли 104 чел. из Зенгории, в большинстве бухарцы. У них 94 зверей, 212 лошадей, серебра персидскими деньгами 20 фунтов, лисиц 100, волков 200, тулупов овчинных 10, много заповедных товаров – оружия, пороху, сайдаков. Объявили, что бывший владелец Цебен Дорж-Намжил за непостоянное содержание владения послан в ссылку в Яркент. Ныне его брат Ламадорж является владельцем. Сержант Филимонов, вернувшийся из Зенгории сообщил, что Ламадорж из большой Урги в скорости отправился через Харуула... коими командует ноен Дабачи³¹.

Апрель 1750 г. Военная походная канцелярия требует высылки из Томска зенгорских бухарцев. Эти люди женаты на томских татарках, от которых заимели детей. Томская воеводская канцелярия доложил об их высылке (16 чел.) через Ямышевскую крепость в Зенгорию³².

Июнь 1750 г. поручик Тимофей Мекинин по заданию полковника Сухотина из Ямышевской крепости выезжал в Зенгорию в крайние улусы для вымена на казенные российские товары хлеба и лошадей³³.

Август 1750 г. В Ямышевской крепости пленные казахи показали, что они были в зенгорском плену, были взяты в плен, когда шла

война. Это было давно. Они пришли для сбора ясака с барабинцев от зайсана Заиа³⁴.

Ноябрь 1750 г. От зенгорского бухаретина Адама и от поручика Подзорова получено донесение о неприятельских проявлениях Зенгорского владельца (об этом было донесение в декабре 1749 г.) предложено принять меры по укреплению линии. На Кольванскую линию направить нашебургский полк, а на Иртышскую линию командировать другие полевые полки. Это будет определено генералом Киндерманом (далее идет речь об укреплении различных участков сибирской линии)³⁵.

12 ноября 1750 г. бригадир Крофт получил письмо от зайсана Омбо (переводил толмач Дулепов), в котором говорилось: Федор привез 14 соболей, 3 коня, 2 мерлушки, 1 топор, 1 подстав. Мы приняли у Самура 10 арканов, 1 котел. 13 чел. приезжали для взятия долгов³⁶. 31 декабря 1750 г. В Семипалатинской крепости бухаретин Алим Шихов сообщил, что из Зенгории следует караван из 100 чел на 150 верблюдах³⁷.

В 1950 г. 100 татар перешли границу и поселились на монгольской территории по реке Кемчик. Завязалась переписка между пограничными властями о возвращении их³⁸.

Тобольчанин А. Плотников изучает калмыцкий (монгольский) язык в джунгарской Урге. Январь 1751 г. Ямышевская крепость. 14 января послан Алексей Плотников, тобольский дворянин, в Зенгорию, в Ургу для совершенствования знания по калмыцкому языку по его ревностной охоте и по молодости лет³⁹.

Торговля. Июль 1752 г. В Семипалатинскую крепость прибыли 34 чел. для торгу. При них оружие турок 11, сайдаков 5, лошадей 100, крупного рогатого скота 1 тыс., баранов 200, верблюдов 5⁴⁰. 7 августа 1752 г. В Кольванскую и Семипалатинскую крепости прибыли 31 чел. торговцев. С ними ружья 5, сайдака 3, лошадей 118, крупного рогатого скота 700. Им запретили торговать в Кольванских заводах и отправили их обратно. В Семипалатинской крепости разрешили торговать⁴¹. 7 сентября 1752 г. 7 торговцев пришли через Канскую волость в Чакырскую крепость. Заявили им, что здесь нет торга, а есть торги в Ямышеве и Семипалатинске, согласно царскому указу⁴². 24 сентября 1952 г. прибыли в Семипалатинск 12 торговцев⁴³.

Джунгарские ноены (князя) Давачи и Амарсана в Казахской Средней орде. 30 сентября 1752 г. Рапорт казака Матвея Арапова, выезжавшего в Казахскую Среднюю орду для разведки о находившихся там зенгорских ноенах. Ноены Давачи и Амарсана и др. всего 7 чел. приехали в Орду от утеснения от нынешнего владельца

Ламадоржа, из-за междоусобиц. Давачи зенгорскому владению наследником по природе считает себя. А Ламадорж считает его от пленной жены рожденным, зачем де владельцем ему быть, не имеет никакого права. Ламадорж усилился. Дабаче уступить не хотел, самого Дабачи искоренить собирался. Услышав об этом, Дабачи со своими подвластными ближе к сибирской линии откочевал. Но Ламадорж совершил нападение на его улусы и разбил. Дабачи вынужден был бежать в Киргиз-кайсацкую орду. Ламадорж потребовал отдать Дабачи. Но султан Аблай не отдал, потому что он был в совете с Дабачи, также Аблай-султан в бытность свою в Зенгории «особливо Дабачи немалое одолжение видел. Аблай-султан, Даут Тархан, Букебай-батыр решили защищать Дабачи в случае похода Ламадоржа. Приезжали зенгорские посланцы от Ламадоржа и требовали выдачи ноенов. Но совет казахских султанов и батыров отказал им. Аблай направил своих посланцев к Ламадоржу. Они заявили: То, что происходит в Зенгории, им неведомо, опасность создалась для казахов. Арапов: немалое смятение, междоусобица в Зенгории. Из владения отложились 10 тыс. чел. с одним знатным ноеном и в Китай откочевали. Вместе с Дабачи 50 чел. Увак – керекский род согласился обеспечить питанием калмыков. Соседние роды снабжают лошадьми. Арапов встречался с калмыками, которые говорили, что бегут с родины, но из-за отдаленности Давачи сыскать его трудно, блуждает он по степи, не могут добраться до него. Оставшегося на родине родного брата Давачи (имени не указано) нынешний владелец к себе пригласил и восстановил против Давачи. Те улусы, которыми владел Дабачи, отдал брату. Однако последний всегда с Давачи, никогда разорится не желает. Об этом передали через зайсана Даваче. Аблай-султан принимает меры безопасности. По словам Арапова, калмыки, находящиеся с Давачи, проявляли значительный интерес к торгутам, их жизни и путям, ведущим к ним. Арапов заметил, что можно безопасно ехать на Волгу, если пожелает Давачи с подвластными туда отправиться⁴⁴.

Сентябрь 1752 г. Зенгорские ноены находятся в Средней орде. Из Оренбурга, Троицка выезжали в орду для встречи с ними⁴⁵.

Октябрь 1752 г. Тобольчанин Алексей Плотнико, находившийся в Зенгории для обучения калмыцкому письму и грамоте, через бухарцев доносил о событиях, происходящих в Зенгории. На киргиз-кайсаков послано зенгорское войско 15–20 тыс. (всего зенгорского войска 30 тыс.) для взятия убежавших туда ноенов Давачи и Амарсаны. В бою встретились ли неизвестно. Владелец знает, что киргиз-кайсаки из-за одного страха не отдадут ноенов. В Зенгории весьма

неспокойно. Главные ноены за нынешнего владельца. А население считает законным владельцем Давачи из убежавших ноенов⁴⁶.

22 октября 1952 г. Из Коллегии иностранных дел было дано наставление бригадиру Крофту: В случае нападения зенгорских войск на киргиз-кайсаков и прибытия зенгорских ноенов Дабачи и Амарсаны в российские крепости, их принять и обеспечить всем необходимым⁴⁷.

Рапорт капитана Яковлева, ездившего в октябре 1752 г. в Кайсацкую (т.е. Казахскую) орду: Зенгорцы совершили нападение на Уваккерекский род. Он весь разорен, скота многое число взято, также людей в плен захвачено немалое количество. Потом было нападение на Акнаимский род. Калмыцкие ноены жили в аилах Керекского рода. Ныне они с ними, с киргизскими старшинами.

Яковлев о встрече с гелюном Санданцэрэном, который сказал, что Ламадорж, сын Галдан-Цэрэна, прижит от подлой мужней жены буруцкого рода. Ламадорж побил многих владельцев, иных разослал в ссылку в разные города, старых зайсанов всех искоренил, на их места определил из молодых. Давачи, видя такое, жестокости от Ламадорж, вознамерился идти в Россию или в Киргизцы и взяв с собой свои улусы, коих во владении его 8 тыс. кибиток. Но на него, на егго племчника Баянжура и Амарсану было учинено нападение. По разбитии Давачи с племянником, Амарсана побежали. Оставшиеся их улусы искронены, прочие разделены по другим разным улусам. У Амарсаны была тысяча кибиток. У Баянджура – 900.

Гелюн далее заявил, что Давачи весьма сокрушается и тужит, что он не побежал в Россию, ибо на киргизов надеяться нельзя и не уповаает, что киргизы защитят его от калмыцких поисков. Киргизы в великом страхе от калмыков кочуют по линии, иные были в дальних местах и те все прикочевали ближе к российской линии... От Аблай-султана в Зенгорию были посланы знатные киргизцы с требованием, чтобы калмыцкие войска отступили, на киргизов нападения не чинили, ибо у них нет намерения воевать, кроме того, что приняли зенгорских ноенов⁴⁸.

Перебежчики из Джунгарии. Январь 1755 г. В степи вблизи Каинского форпоста пойманы пять калмыков (26-летний Хасха и др.). 16 лет назад на них напали 3 тыс. киргиз-кайсаков и пленили 200 чел. и их разбросили по разным улусам. Прошлой осенью от него бежали на 20 лошадях на российскую границу. Для передачи в ближние зенгорские улусы они отправлены из Тобольска на двух подводах до Ямышевской крепости⁴⁹.

23 января 1755 г. Секретно. От полковника Грана бригадиру Крофту: Вблизи Кузнецкой линии за Теленгутским озером стоят

мунгальские войска (70 тыс.) и ожидают тут лета. Мунгальцы прислали к телесцам-татарам, чтобы они телесцы склонились к ним. Но телесцы заявили, что они – российские подданные. У телесцов взяты в плен 104 душ со своим багажом, скотом и юртами⁵⁰.

Июль 1756 г. Список вышедших из Зенгории и пожелавших принять подданство России. Всего 168 чел., из них 33 мужчин. Август 1756 г. 13 зенгорцев оказались в пределах России. Сентябрь 1756 г. 35 торгутов-калмыков и теленгутов следовали из Усть-Камнегорской крепости в Томск. Эти группы зенгорцев из Давачино разоренного улуса⁵¹.

Апрель 1757 г. Иван Неплюев из Оренбурга генералу Крофту: Приезжающие в Ямышевскую и Семипалатинскую крепости для мены киргиз-кайсаки привозят зенгорских калмыков, бухарцев и российским всякого звания купцам продают. Только купцы покупать их не смеют. От вас позволения просят. Разрешать ли покупать? Об этой торговле в 1756 г. в Троицкой крепости было принято решение – привозимых киргизами зенгорских калмыков разрешать покупать обер-офицерам и лицам из дворян. Но чтобы сразу приводили в православное христианство⁵².

Посол Даба. Январь 1757 г. В Усть-Камнегорскую крепость, в бытность там полковника Дегаррига, прибыл зайсан Даба с письмом от Амарсаны. Полковник и регистратор Десятярский имели встречи с Даба и зайсаном Эрке. Эрке: зайсан Даба с листом от Амарсаны с просьбой о принятии его с подвластными (20 тыс. кибиток). Амарсана находится в урочище Бикин-Токмо. Из-за снега с трудом добрались. Полковник в ответ заявил: В листе не говорится о принятии российского подданства, хотел бы видиться с Амарсаной. На это Эрке ответил: Даба имеет словесное поручение от Амарсаны. Можно вернуться и привезти новое письмо. Сам Амарсана не придет в крепость, ибо он опасается оспы, лучше ему жить в степи. Полковник: В крепости оспы нет, нечего ему бояться. На следеующий день зайсаны согласились направить двух калмыков к Амарсане с письмом полковника.

Даба заявил, что в Семипалатинской крепости он был принят вежливо. Амарсана находится в местности Гурван-сар, в 40–50 верстах от этой крепости. Ноены заявили: Их ноен не имеет доброго убежища, он испытал в китайской стороне немалое огорчение. Отдался в Киргиз-кайсацкую Среднюю орду к Аблай-султану. Однако этот народ ветреной и непостоянный, их старшины проявляют неучтивость. Поэтому обращается к России. Полковник: Китайские и мунгальские войска воевали с киргиз-кайсаками и побили 2 тыс. чел.,

притом Аблай-султан серьезно ранен. Ноены: Киргизские батыри не могли все участвовать в сражениях. Аблай не ранен. Мунгальские (здесь: маньчжуро-цинские. – Ч-Д.) войска в тяжелом состоянии возвратились.

До приезда ноенов в Усть-Камнегорск у Амарсаны (в 50 км. от крепости) побывали русские, но без толмача. Поэтому разговора не получилось, 15 января вернулись калмыки от Амарсаны, ехали 4 дня из урочища Бикина, привезли письмо. Калмыки заявили, что Амарсана имеет согласие с мунгальским ноеном Шадар-ваном и ожидает известие⁵³.

Письмо Амарсаны полковнику Францу Дегарригу (15 января 1757 г.): Вашему старанию радуюсь. Однако посланный мною государям лист распечатали, такого обыкновения не бывало, чтоб письма-листы посылались с согласия пограничных командиров, такого обычая не знаю. Кроме поданного листа словесно ничего не приказывал. Посланца скорее отправьте, впредь многих посланцев посылать намерен.

Дегарриг: Имеется наказ приходящие письма распечатывать и по возможности отвечать. Ваши люди заявили о вашем намерении принять российскую протекцию. Приходите в Убинскую крепость или Шеблинский завод. Через 8–10 дней туда приеду⁵⁴.

Сведения об Амарсане и Шадар-ване (Чингунжаве). Амарсана находился недалеко от Усть-Камнегорской крепости, за рекой Иртыш. Вахмистр Нелебов ездил к нему, но не нашел его⁵⁵.

Апрель 1757 г. Рассматривался вопрос об отправке зенгорских калмыков, находящихся в Бийске, Колыване, Ямышевской крепости и др. местах Западной Сибири, на Волгу⁵⁶.

Май 1757 г. Привезены в Усть-Камнегорскую крепость два калмыка – ноен Норбо Данжин Бимбын, 29 лет, сына ноена Бимбы, двоюродного брата Амарсаны; Улзыто Цэрэн Даши, сын зайсана⁵⁷.

Июнь 1757 г. Из Коллегии иностранных дел Сибирскому губернатору: Из Китайского Трибунала получены два листа с требованием вернуть Амарсану, который укрывается у киргиз-кайсаков; вернуть всех зенгорцев в случае, если они придут на российскую границу, вернуть зенгорцев.

Сообщите зайсану Омбо, его сыну Болоту о требовании Китая и сказать, что они не будут возвращены обратно. Пока зенгорцы не будут отправлены на Волгу, не связываться с Китаем. Пока Омбо и его сына держать в Таре⁵⁸.

Июль 1757 г. Амарсана и Шадар-ван намеревались вернуть зенгорцев и др. азиатов, перешедших в российское подданство. По со-

общению бригадира и селенгинского коменданта Якоби, Шадар-ван с сыновьями и родственниками доставлены в Пекин, Шадар-ван предан смерти. Амарсана думал, что Шадар-ван жив, потому собрал остальных контайшинных народов и пришел на китайскую границу. Когда узнал, что Шадар-ван казнен, он пограничный китайский городок Баркуль разбил, также немалое число китайцев и маньчжуров побил и ушел обратно, а куда именно неизвестно. Русские власти выражают беспокойство по поводу того, что Амарсана может устроить беспорядки на русской границе, совершать нападения на русские крепости и форпосты, перетянуть на свою сторону перешедших в Россию зенгорцев⁵⁹.

Согласно указу Коллегии иностранных дел от 9 сентября 1757 г., выходящие на сибирские линии разные люди и принявшие православное христианство, являются пленными и их оставлять в Сибири и расселить во внутренних районах вдали от границы, раздельно, установить надлежащий контроль. Содержатся в Барнаульском заводе зайсан Иркен и еще 12 чел. под секретным караулом. В Омской крепости – 408 крещеных. В зимнее время их расположили в Тарском уезде по селам. Далее говорится, что калмыки-зенгорцы писали жалобы на полковника Дегаррига за плохое обращение, взятки. Вышестоящие органы выражают недовольство действиями полковника.

Принято решение оправлять калмыков-зенгорцев, принявших российское подданство, на Волгу. Пишут с линии в Тобольск о том, что зенгорцы отказываются от отправки на Волгу, имеют намерение вернуться обратно, на родину⁶⁰.

17 сентября 1757 г. к Семипалатинской крепости пришли три мунгальских ноена (Хатка хебей амбань, Батур амбань, Убаши мерен) в сопровождении 300 чел. В беседе с майором заявили, что они с войском для поиска зенгорского ноена Амарсаны⁶¹.

30 сентября 1757 г. Секретно. Иван Неплюев – Фраундорфу, бригадиру из Оренбурга. Семипалатинский секунд-майор Долгов-Сабуров допустил приехавших 3-х ноенов и сопровождавших 200 чел. к поискам известного ноена Амарсаны вдоль реки Иртыш до Белого камня. На плотках спустились вниз, но не имели успеха... Иртыш – река быстрая и во многих местах омуты...⁶²

Сентябрь 1757 г. Неплюев – Фраундорфу: Вблизи ст. Белый камень по эту сторону Иртыша появились двое калмыков. Один из них объявил себя Амарсаной. Казак стал их перевозить, в то время потонула лодка, она найдена вверх дном. Об этом сообщил майор Долгов-Сабуров. Он разрешил китайцам торговать в Семипалатинской крепости. Но полковник Лорих запретил: нельзя приучать их этому⁶³.

В октябре 1757 г. Сибирский губернатор на основе сведений пограничных властей, командиров сибирской линии, в частности полковника Лориха заявляет, что многие зенгорцы, находившиеся в пределах России, умирают от оспы, оставляя малолетних детей. Возникла проблема как быть с детьми. Из следовавших к Оренбургу зенгорцев в пути померли 575 чел., больных 208⁶⁴.

Амарсана на территории России, в Тобольске. Октябрь 1757 г. Граф Бестужев-Рюмин – Соймонову: 28 июля 1757 г. к Семипалатинской крепости вышел из-за реки Иртыш известный зенгорский ноен Амарсана с 8 чел. во укывательство от китайского войска, находящихся в Зенгории и просил принять его в российское подданство., принять 4 тыс. его людей, которые по его объявлению выйдут в здешнюю сторону. Перевели Амарсану в Ямышевскую крепость. Явились жена Битей, дочь Галдан-Цэрэна с 4 мужчинами, 8 женщинами. 1 августа к Ямышевской крепости вышли 6 чел. калмыков, среди них сын Амарсаны Пунцук (14 лет), рожденный от брата Амарсаны Иши-Данжина. До этого Битей за ним была замужем. 20 августа Амарсана отправлен в Тобольск. Статский советник Грабленов распорядился: В Тобольске содержать его вне города, в 20 верстах во внутреннем казенном заводе, в стороне от проезжих дорог. В заводе никакого курения сейчас не производится. При Амарсане обер-офицер с командой. Грабленов написал полковнику Лориху, чтобы к Амарсане отправили жену с сыном и группу сопровождения. Выделить им (жене и сыну) кормовые деньги по 20 и по 5 сопровождающим зайсанам, демчи – 10, простым – по 3 копейки на день. А оставшихся содержать временно под стражей в Таре. Грабленов поручил полковнику Лориху сообщить китайской стороне, что Амарсана был некоторое время в здешних местах границы, но потом бежал... Грабленов через сержанта Глазова доносил, что Амарсана 15 сентября заболел оспой и 21 сентября скончался. Грабленов приказал тело Амарсаны поставить в каменную холодную плиту⁶⁵.

Китайский (правильно: маньчжурско-цинский. – *Ч.Д.*) представитель зайсан Курга требовал выдачи тела Амарсаны. Отправили предписание в Селенгинск бригадиру Якоби, чтоб он по привозе туда тела Амарсаны дал знать о том мунгальскому пограничному комиссару и требовать от него присылки к себе или на Кяхту нарочных для осмотра того тела, чтобы удостоверились, что его, Амарсаны более в живых нет. Приказано оное в удобном месте зарыть. Отказаться от выдачи тела Амарсаны⁶⁶.

Спросить у жены и сына, не желают ли принять христианство, принять крещение. Обнадеживать царской милостью. Когда выска-

жут свои желания, отправить их в Санкт-Петербург, не крестя их в Сибири. Разрешить им брать с собой 12 чел., дать кормовые деньги. Если откажутся от христианской веры, то отправить их на Волгу, к торгутам. Написать Дондук-Даше, генерал-майору Спицыну и рекомендовать особое презрение им. Отправить туда же зайсана Даба, также находящегося в Барнауле зайсана Эрке⁶⁷.

7 ноября 1757 г. полковник Девиленов: Зенгорский зайсан Боохол в свое время обещал принять российское подданство и жить обще с двоеданцами татарами и ясак платить. Ныне укывается в горах из-за страха, вызванного приездом зайсана Наугата, для отправки на Волгу. Также в свое время Боохол совершил нападение на русскую команду во главе с Филлипом Заливановым. Следует уговорить его выйти из гор, сообщить ему, что Наугата давно нет, преследовать его не будут. По отношению к желающим принять российское подданство, не применять насилия. Насилием можно оттолкнуть всех приходящих и желающих принять подданство⁶⁸.

Ноябрь 1757 г. Приходят сообщения о происходящих между мунгальским и китайским народами замешательствах. И по таким обстоятельствам всякую предосторожность иметь и военными людьми приумножить. Бутурлин, один их местных начальников, пишет с границы: Из Зенгории в Россию выходит немалое количество людей. Но мы не знаем, на каком основании принимать и куда отправлять⁶⁹.

1758 г. Зенгория завоевана и разорена китайцами. Малая Бухара завоевана. Китайцы намерены завоевать и Большую Бухару. Китайцы построили в Зенгории три города. Это недалеко от сибирской линии. Китайцы предлагает киргиз-кайсакам свое подданство. Китайцы и кайсаки торгуют между собой. Китайцы обещали им отдать половину завоеванной территории Зенгории.

Китайцы требуют выдачи костей Амарсаны, также выдачи ноена Шерена и др., которые приняли российское подданство. Еще в 1731 г. во время китайско-зенгорской войны приезжавший в Россию посол Асхани Амба для получения военной помощи и зенгорских ноенов от имени правительства своего давал обещание – когда будет завоевана Зенгория может быть уступлена России часть ее земли. А теперь Китай не говорит об этом. Тогда Россия отказала в военной помощи. Посол также не получил ноенов и зайсанов.

В письме России от 17 февраля 1758 г. говорилось, что прежде Китай предлагал часть зенгорских земель, потребной России. Россия не имеет потребности к намерению на зенгорскую землю.

Русские власти серьезно обсуждают вопрос об укреплении сибирской линии, о новых укреплениях (Усть-Камнегорск, Колыван и др.).

Велико расстояние от Усть-Камнегорска до Зайсан-нора, от Зайсан-нора до Саянских гор. Послать в горы геодезистов, составить карты. Привлекать знающих оное место и положение людей, с их слов внести поправки в прежние карты и послать эти карты в Сенат, Коллегию иностранных дел⁷⁰.

-
- ¹ Д. 7. Св. 4. Л. 91.
² Там же. Л. 92.
³ Л. 89.
⁴ Там же. Л. 90.
⁵ Там же. Л. 56.
⁶ Д. 6. Св. 4. Л. 42.
⁷ Д. 7. Св. 4. Л. 158.
⁸ Там же. Л. 92.
⁹ Там же. Л. 93–94.
¹⁰ Д. 6. Св. 4. Л. 1–2.
¹¹ Там же. Л. 5.
¹² Д. 3. Св. 2. Л. 36.
¹³ Там же. Л. 37.
¹⁴ Там же. Л. 46.
¹⁵ Д. 4. К-3. Л. 1. Л. 1–4.
¹⁶ Там же. Л. 11.
¹⁷ Там же. Л. 39.
¹⁸ Д. 7. Св. 4. Л. 95.
¹⁹ Д. 4. К-3. Л. 47.
²⁰ Там же. Л. 123–124.
²¹ Там же. Л. 247.
²² Л. 111.
²³ Л. 113–114.
²⁴ Там же. Л. 114.
²⁵ Там же. Л. 123.
²⁶ Там же. Л. 124.
²⁷ Там же. Л. 159.
²⁸ Д. 10. Св. 5.
²⁹ Д. 10. Св. 5. Л. 40–41.
³⁰ Д. 10. Св. 5. Л. 49, 65.
³¹ Д. 24. Св. 14. Л. 373.
³² Там же. Л. 15.
³³ Там же. Л. 261.
³⁴ Там же. Л. 267.
³⁵ Д. 24. Св. 14, л. 569.
³⁶ Там же. Л. 641.
³⁷ Там же. Л. 732.
³⁸ Д. 29. Св. 16. Л. 234.

- ³⁹ Д. 25. Св. 15. Л. 9–10.
⁴⁰ Оп. 1. Д. 29. Св. 16. Л. 60.
⁴¹ Там же. Л. 207.
⁴² Л. 510.
⁴³ Л. 157.
⁴⁴ Д. 29. Св. 16. Л. 590–594.
⁴⁵ Д. 31. Св. 17. Л. 1.
⁴⁶ Д. 29. Св. 16. Л. 644.
⁴⁷ Там же. Л. 691.
⁴⁸ Д. 29. Св. 16. Л. 715.
⁴⁹ Д. 38. Св. 20. Л. 114–115.
⁵⁰ Д. 38. Св. 20. Л. 188.
⁵¹ Д. 47. Св. 26. Л. 78, 88, 263.
⁵² Д. 53. Св. 31. Л. 195.
⁵³ Д. 51. К-29. Л. 205–210.
⁵⁴ Там же. Л. 228–229.
⁵⁵ Там же. Л. 280.
⁵⁶ Д. 53. Св. 31. Л. 198.
⁵⁷ Там же. Л. 234.
⁵⁸ Д. 53. Св. 31. Л. 245.
⁵⁹ Д. 53. Св. 31. Л. 411.
⁶⁰ Там же. Л. 691, 692, 700.
⁶¹ Там же. Л. 568.
⁶² Там же. Л. 513.
⁶³ Там же. Л. 532.
⁶⁴ Д. 53. Св. 31. Л. 741.
⁶⁵ Там же. Л. 823–824.
⁶⁶ Там же. Л. 825.
⁶⁷ Там же. Л. 826.
⁶⁸ Там же. Л. 715.
⁶⁹ Д. 53. Св. 31. Л. 300, 315.
⁷⁰ Д. 31. Св. 17. Л. 9–11.

БУДДИЙСКОЕ ДУХОВЕНСТВО И ВЛАСТЬ В КАЛМЫКИИ В 20-е ГОДЫ XX в.

В современных условиях возрастания духовности в общественной жизни, формирования государственной религиозной политики новой России, обращение к историческому прошлому приобретает особую актуальность. В этом отношении, изучение 20-х годов прошлого столетия, когда складывались основы государственной политики советской власти в области религии, имеет не только научное, но и чисто практическое значение. Сегодня, безусловно, важно, опираясь на бесценный опыт прошлого, создать и совершенствовать отлаженный механизм конструктивного решения проблем, возникающих в процессе взаимодействия власти и религии. Между тем, взаимоотношения государства и церкви в обозначенный период наименее изучены в отечественной исторической науке. Только в 90-е годы XX в. стали появляться научные работы, затрагивающие отдельные аспекты государственно-церковных отношений в начальный период становления социалистического строя. Очевидно, что целостное и объективное изучение государственной религиозной политики, опыта существования различных конфессий в условиях многонационального социума с проекцией на сегодняшнюю российскую реальность, возможно лишь на основе привлечения регионального материала.

На основании январского Декрета 1918 г. церковь была отделена от государства и школы; населению предоставлена полная свобода совести и вероисповедания. Конституция РСФСР 1918 г. признавала и гарантировала «свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды». Советское государство, передав религиозным обществам в бесплатное пользование культовые здания, церковные школы и предметы церковного обихода, лишило церковь государственной финансовой поддержки, прав юридического лица, а также, национализовав все церковное имущество, запретило религиозным обществам владеть собственностью¹. Инструкция от 30 августа 1918 г. по применению базового Декрета полностью лишила конфессиональные объединения имущественных прав, игнорировала исторически сложившиеся особенности их функционирования и создала практически непреодолимые препятствия на пути осуществления просветитель-

ско-педагогической, духовно-образовательной, миссионерской и благотворительной деятельности. Декларированная новой властью веротерпимость в государственно-правовой сфере не помогла на практике избежать конфликта государственных и религиозных структур. В умах и в сознании многих большевистских лидеров постоянно довели партийно-теоретические установки о безусловной реакционности любой религиозной идеологии и укоренившиеся еще в дореволюционном российском обществе представления о Церкви как составной части старой государственной машины и защитнице интересов имущих классов. Все эти догматы, в своей совокупности порождали стремление правящей власти положить конец влиянию Церкви на общественную жизнь. Общая направленность наступательных богоборческих действий была заложена партийной программой 1919 г., где заявлялось о неизбежном грядущем отмирании религиозных предрассудков, которые будут преодолены в обозримые исторические сроки посредством целенаправленной системы идейно-организационных, административных, контролирующе-репрессивных мер.

Расчеты властей на более быструю и менее безболезненную реализацию основных положений Декрета, в общем и целом не оправдались, особенно в регионах, отдаленных от центра. Отсутствие у новой власти кадров, способных умело и тактично руководить проведением в жизнь государственной религиозной политики, изобилие двусмысленных инструкций, рассылавшихся из центра на места, оставляли простор для произвола провинциальной администрации. Специальное решение ЦК РКП(б) «О постановке антирелигиозной пропаганды и о нарушении пункта 13 программы», изданное в 1921 г. требовало от членов партии прекращения связи с религиозными организациями и принятия активного участия в проведении атеистической пропаганды. Руководствуясь данным постановлением, Калмыцкий обком РКП(б) с 1923 г. стал исключать коммунистов из рядов партии даже за присутствие при проведении религиозных обрядов².

В отдаленных регионах страны антирелигиозная работа продвигалась с большими трудностями, что требовало от властей определенной тактики и подхода. Для калмыков вера в учение Будды была священной. Буддизм в течение многих веков оказывал огромное влияние на ментальность и образ жизни калмыков, на формирование мировоззрения наших предков, на становление и развитие государственности и национального самосознания.

Начавшуюся Октябрьскую революцию, Гражданскую войну служители хурулов (калмыцкая церковь), а также православной

церкви встретили настороженно и старались держаться нейтралитета, хотя часть калмыцкого духовенства превратилась в активно действующую силу, центр притяжения всех ущемленных новой властью граждан, в первую очередь, на территории, контролируемой бело-гвардейцами. Так, оказались вовлеченными в контрреволюционный процесс и поддержали белое движение: шаджин-лама (всекалмыцкий лама, высший буддийский сан в Калмыкии) калмыцкого народа Чимид Балданов, багши-лама (учитель в религиозном учебном заведении) донских калмыков Менке Борманджинов, багши-лама Манычского улуса Бова Кармаков.

Советское государство, в первые годы своего существования не справилось с влиянием церкви на верующих. Большинство населения продолжало испытывать потребность в религиозной вере, что заставило государство с конца 1919 г. отказаться от силовых методов и перейти к реализации долгосрочной программы, рассчитанной на осуществление искусственной (усилиями извне) дестабилизации церкви. Внесение раскола в церковные ряды осуществлялось путем раздувания разногласий между церковными лидерами и катализирования процессов борьбы ортодоксально-консервативных и модернистско-обновленческих группировок и втягивания в конфликт широких масс верующих. Все это должно было привести к постепенному распаду единого конфессионального поля.

В Калмыкии обновленческое движение берет свое начало с 1920 г., инициированное и активно поддерживаемое руководством Калмыцкой автономной области. Активную обновленческую политику в Калмыкии проводили представитель Далай-ламы XIII [Далай-лама с XVI в. титул тибетских первосвященников; от монгольского «далай» – море (мудрости) и лама], хамбо-лама Агван Дорджиев; Гавва Сеперов – шаджин-лама калмыцкого народа с 1920 г., Шараб Тепкин, заместитель представителя Тибета в РСФСР с 1922 г. Открыто против обновленцев, стремившихся к союзу с властями, выступали «консерваторы» во главе с ламой Чимидом Балдановым.

Весной 1921 г. началась серьезная корректировка линии государственной религиозной политики, выразившаяся в приведении форм и методов антирелигиозной работы в соответствие с общим курсом на укрепление союза с крестьянством. В этот период, на время, в связи с массовым голодом, охватившем все Поволжье, включая и Калмыкию, пришлось внести изменения в установившиеся взаимоотношения властных структур с конфессиональными объединениями.

В феврале 1922 г. Президиум ВЦИК принял декрет об изъятии ненужных для богослужения ценностей церковей и монастырей «мо-

гущих быть средством борьбы с голодом в Поволжье и обсеменения полей»³.

Если в феврале речь шла об изъятии ненужных для богослужения ценностей, то в марте 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление об изъятии всех церковных ценностей. По постановлению ЦК РКП(б) в центре и на местах создавались секретные комиссии по изъятию ценностей, а также официальные комиссии при Комиссии помощи голодающим. Изъятием ценностей на самом деле руководила секретная комиссия.

В Калмыцкой автономной области (далее КАО) руководителем официальной комиссии от обкома РКП(б) был назначен Улюмджи Лавгаев, (Зодбаев по другим документам). В секретной комиссии по изъятию было больше представителей от силовых структур, и она непосредственно занималась реквизиционной деятельностью⁴. Калмыцкие хурулы и православные церкви не отличались богатством убранства. На заседании президиума Калмыцкого областного исполкома отмечалось, что «в Калмоласти нет ни монастырей, ни богатых церквей, а в калмыцких хурулах (монастырях) тем более нет никаких ценностей, ибо там не употребляются ни золотые, ни серебряные вещи и все украшения состоят из разрисованных образов Будды на полотне и редко шелке...»⁵.

К середине 1922 г. в калмыцких хурулах и православных церквях автономной области были собраны серебряные изделия (а также и в ломе) весом 28 фунтов 37,5 золотняка; разные мелкие и крупные серебряные монеты – 2 фунта 75 золотняков; 106 штук разменных монет – 54,5 золотняка; различные серебряные монеты стоимостью 157 руб.75 коп.»⁶. Церковные ценности, изъятые из хурулов и церквей Манычского улуса, были переданы в областной финотдел без всякого учета⁷.

Проводившаяся силовая кампания по изъятию церковных ценностей сопровождалась арестами священнослужителей в полном соответствии с ленинским указанием о необходимости беспощадной борьбы с духовенством: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»⁸.

В условиях относительной экономической и политической стабилизации в советском обществе (1923–1924) и сравнительно ровных государственно-конфессиональных отношений, получивших условное наименование «религиозный нэп», 19 июля 1923 г. был проведен первый съезд калмыцкого буддийского духовенства в цаннид-чойра хуруле (высшая философско-буддийская школа) Маныч-

ского улуса. Главным результатом первого съезда стало принятие «Устава о внутренней жизни монашествующих в буддийских хурулах Калмыцкой автономной области» и «Положения об управлении духовными делами верующих калмыков-буддистов Калмыцкой области», закрепившие победу обновленческого движения в калмыцком буддийском духовенстве. Оба документа были одобрены в марте 1924 г. в Наркомате внутренних дел РСФСР⁹. Нэповская оттепель на антирелигиозном фронте лишь активизировала усилия государства, направленные на заключение конкордата с определенной частью буддийской иерархии в целях установления контроля над всем буддийским духовенством.

Руководство на местах стремилось нейтрализовать и изолировать нонконформистских лидеров (лама Ч. Балданов) и наладить контакт с теми, кто, обладая высоким личным авторитетом, в то же время согласен продолжать и углублять компромиссную линию в отношениях буддийского духовенства и госструктур. Таким лидером в Калмыкии был уполномоченный представителя Далай-ламы XIII, организатор обновленческого движения в буддийском духовенстве хамбо-лама А. Дорджиев, обладавший особым иммунитетом неприкосновенности. Формально, не отступая от буквы Декрета 1918 г., ставившего церковную иерархию вне закона, власти готовы были при необходимости зарегистрировать «исполнительные органы религиозных объединений» в обмен на предоставление государству рычагов воздействия на внутреннюю и внешнюю церковную политику.

В начале 1920-х гг. советское правительство проявило некоторую благожелательность к буддийской вере, которая определялась восточной политикой внешнего ведомства советского государства. Такими действиями, советское правительство преследовало определенную политическую цель. Была провозглашена политика ориентации в восточной политике не только на мусульманство, но и на «буддийский мир», ибо успех советской политики в восточных странах, в частности Тибете, зависит от того, насколько деликатно Советская Россия сумеет подойти к «обычаям, нравам и религии культурно-отсталых народов этих стран»¹⁰. Параллельно Советское правительство стремилось использовать тибетских миссионеров в своих интересах и решительно проводить просоветскую агитацию среди бурятского и калмыцкого духовенства и верующих, а также активно реализовывать «обновленческую» политику в буддизме.

Проводя политику сближения с Тибетом с целью разжигания мировой революции на Востоке, советское правительство разрешило

в 1927 г. провести Всесоюзный собор буддистов. Возглавлял комиссию по проведению Всесоюзного собора хамбо-лама А. Дорджиев, членами комиссии от Калмыкии были шаджин-лама Ш. Тепкин, секретарь ЦДС, мирянин М. Намруев. В работе собора участвовали 23 делегата из Калмыкии, в частности, представитель от НКВД СССР – Трубачев, от Калмыцкой автономной области – Е. Сайков. В принятом обращении собора к буддистам говорилось, что «учение Будды, безусловно, является основанием развития духовной культуры и не мешает учению К. Маркса и социализма»¹¹. Компетентные органы внимательно следили за подготовкой и проведением Всесоюзного собора буддистов.

Установленные союзнические взаимоотношения с государством, проявление духовной солидарности с атеистической властью не избавили буддийское духовенство от последующих репрессий. Начиная с 1925 г. по отношению к ним ужесточаются экономические репрессии. Служители религиозного культа облагаются всеми видами прямых и косвенных налогов, в том числе и подоходно-имущественными. Калмыцкий обком партии обязал областной финотдел и прокуратуру обеспечить полное взыскание налогов и сборов с духовных лиц, а уклоняющихся привлечь к уголовной ответственности¹².

Инструкция ВЦИКа «О порядке лишения избирательных прав граждан» от 11 августа 1924 г. лишила избирательного права духовенство всех конфессий. Согласно п. «м» статьи 15 инструкции «О выборах в советы и на съезды советов РСФСР» от 4 ноября 1926 г. Президиумом ВЦИК лишались избирательных прав не только «настоящие служители всех религиозных культов», но и «бывшие». В 1927 г. из 4719 человек (6,2% всех избирателей), лишенных избирательных прав, представители духовенства составили 1492 человека (31,6%); в 1928 г. из 4492 человек (5,6% всех избирателей) к категории «настоящие и бывшие служители религиозных культов» были отнесены 1365 человек (30,4%). В выборах советов 1930–1931 гг. в Калмыкии были лишены избирательных прав 3862 (4,6%) гражданина, из них 1272 человека (33%) относились к служителям культа¹³.

С конца 1920-х гг. реализуется «новый курс» государственной конфессиональной политики. Государство возвращается к силовому противостоянию с религией и церковью. С 1928–1929 гг. также происходят радикальные перемены во всех сферах общественной жизни. Свертыванию экономического нэпа сопутствует свертывание нэпа религиозного.

Антирелигиозная борьба повсеместно стала набирать силу. Власти приступили к лишению имущества религиозных деятелей – ско-

та, сельхозинвентаря и т.д. 25 августа 1928 г. областной исполком принял решение об изъятии хурульного имущества из пользования и поручил Багацохуровскому улусному исполкому организовать из указанного имущества бедняцкие хозяйства¹⁴.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» ставило жизнь религиозных общин под абсолютный контроль государственных органов, ограничивало сферу их деятельности задачами удовлетворения сугубо культовых потребностей верующих, по сути, закрывало для них «выход» в общество. В свете указанного постановления в Калмыкии развернулась кампания по закрытию хурулов и церквей, чаще по инициативе руководителей партийных и советских органов улусов и аймаков. По «инициативе» общего собрания граждан, где активную роль сыграли члены общества безбожников и комсомольцев, в конце 1929 г. в поселке Калмыцкий базар были закрыты хурул, мечеть и церковь, в селе Троицкое при активном участии уполномоченных улусного комитета ВКП(б) Кочергина и областного исполкома Никонова было принято решение о закрытии церкви. В этом же году по решению партийных комсомольских работников прекратили свое существование хурулы в поселках Чилгир, Яшалта, в с. Келькете и др.¹⁵ Повсеместное и лавинообразное закрытие хурулов и церквей дополнялось крупномасштабными операциями по сбору церковных ценностей и осквернением святынь, предметов культа. У населения Хошеутовского улуса были отобраны иконы, статуи Будды, а полотна с изображением богов на полотне, как указывалось в отчете Калмыцкого обкома, в дальнейшем были использованы на портянки, скатерти и одеяла.

Действия партийно-государственных органов вызвали сопротивление верующих, породили многочисленные эксцессы на религиозной почве. Массовое недовольство государственной религиозной политикой вынуждало руководство страны в критические моменты выступать с осуждением нарушений законодательства о культах в ежедневной практике советских и хозяйственных органов. Впрочем, принятые «на злобу дня» государственные решения запретительного свойства выполнялись слабо и практически никакого реального облегчения верующим не приносили. К примеру, антирелигиозная комиссия Калмыцкого обкома, заслушав 24 февраля 1930 г. информацию о массовых жалобах верующих на беззаконие властей, лишь предложила улусным исполкомам и партийным работникам обратить внимание на правильность оформления документации на закрываемые

хурулы и церкви, предупредила о необходимости в дальнейшем предварительно согласовывать данные мероприятия с обкомом ВКП(б)¹⁶.

В конечном счете мысль, что атеизм должен бороться с религией как классово чуждым явлением, стала актуальной. Конфессиональные структуры отныне стали рассматриваться как активно действующие очаги контрреволюции. В этих условиях инициатива на религиозном фронте постепенно стала переходить в руки карательных органов. Роспуск Антирелигиозной комиссии в 1929 г. подтвердил, что борьба с духовенством переходит в руки спецслужб. Первоначальная попытка государственного контроля деятельности конфессиональных объединений сменяется на политику ликвидации вероисповедных объединений как таковых.

С 1929–1930 гг. начались аресты священнослужителей в Калмыкии. В 1930 г. были осуждены к тюремным заключениям 23 священнослужителя, в том числе 1 православный, 2 протестанта (лютеранин и пятидесятник) и 9 активистов. Летом 1931 г. за контрреволюционные выступления были арестованы более 10 багши, 24 гелюнга во главе с шаджин-ламой Ш. Тепкиным. Всего, по данным ОГПУ, по Калмыкии арестованы 53 священнослужителя, из них 45 осуждены к различным мерам наказания, в том числе 3 священника Русской Православной церкви. В соответствии с законом «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений» некоторым представителям калмыцкого духовенства были предъявлены обвинения в создании и активном участии в вымышленной контрреволюционной организации «Нарна Сувр» («Закат»), созданной, якобы с целью свержения советской власти¹⁷.

С лета 1931 г. на всей территории страны искусственно создается «безрелигиозное пространство». Однако, несмотря на чрезвычайные усилия партийно-государственных органов, карательные репрессии и активную атеистическую пропаганду, выдвинуть религию и церковь из реальной жизни россиян не удалось. Данные всесоюзной переписи 1937 г. убедительно свидетельствуют об этом. К примеру, из общего числа калмыков и бурятов (340448 чел.) – 59,9% признавали себя верующими, т.е. более половины взрослого населения¹⁸.

Таким образом, искусственное создание атеистического пространства порождало нетрадиционные (подпольные) формы религиозной жизни и тем самым свидетельствовало о том, что власть так и не сумела поставить под свой тоталитарный контроль буддийские верования калмыцкого общества.

- ¹ СУ РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263.
- ² Максимов К.Н. Трагедия народа: репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М., 2004. С. 192.
- ³ Кочетов А.Н. Ламаизм. М., 1973. С. 173.
- ⁴ ГАРФ. Ф. Р-1065. Оп. 4. Д. 31. Л. 139.
- ⁵ Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 312. Л. 8об.
- ⁶ НАРК. Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 164. Л. 103.
- ⁷ НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 280. Л. 2–4; 15; Вестник агитации и пропаганды. № 8. С. 18.
- ⁸ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 193.
- ⁹ Максимов К.Н. Указ. соч. С. 211.
- ¹⁰ Андреев А.И. Время Шамбалы. СПб.-М., 2002. С. 283.
- ¹¹ НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 244, л. 21–26, 37, 47.
- ¹² НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3. Л. 182–184.
- ¹³ НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 21. Л. 199; Д. 42. Л. 168, 175; Д. 550. Л. 96–138; Д. 1435. Л. 23; Д. 1918. Л. 10; Оп. 10с. Д. 130. Л. 3, 6; Оп. 2. Д. 1630. Л. 15; Оп. 10с. Д. 130. Л. 19; Максимов К.Н. Указ. соч. С. 219–220.
- ¹⁴ НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 214. Л. 17.
- ¹⁵ НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1302. Л. 5, 8, 25, 28, 63; Д. 1302. Л. 3, 12–14, 17, 24, 81; Д. 1324. Л. 8, 9.
- ¹⁶ НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 360. Л. 58.
- ¹⁷ Максимов К.Н. Указ. соч. С. 234–235.
- ¹⁸ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы: взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 191–194, 206, 209.

МОНГОЛЬСКАЯ ВЕРСИЯ HSIAO-CHING (КИТАЙСКИЙ КАНОН СЫНОВНЕГО ПОЧТЕНИЯ)

Этот выдающийся памятник монгольской литературы XIII–XIV вв. – времен, когда Китай входил в состав Юаньской империи (1280~1368), ученому миру стал известен только в первой половине XX в.

История обнаружения памятника связана с именами В. Фукса и А. Мостерта, которые в 40-х годах прошлого века опубликовали небольшую статью, содержание которой относилось к одному оторванному листку, обнаруженному Фуксом несколькими годами раньше в Пекине. Листок принадлежал неизвестному изданию Hsiao-Ching, содержащему китайский текст, разбитый на предложения, за каждым из которых следовал монгольский перевод на уйгуро-монгольской письменности. Мостерт перевел текст и высказал предположение, что, с учетом лексико-грамматических особенностей, его можно отнести к периоду Юаней¹.

Вскоре появилась статья Фукса, в которой сообщалось об обнаружении автором во Дворце Музея в Пекине полного текста до сих пор неизвестного издания билингва Hsiao-Ching. Ученый исследовал этот уникальный экземпляр и заявил о несомненной принадлежности памятника к первой половине XIV в. правления Юаньской династии².

Таким образом, миру была представлена редчайшая и единственная, изданная на монгольском языке книга Юаньского периода – памятника древнего доклассического монгольского языка.

Все другие книги, изданные в Монголии на уйгуро-монгольской письменности или на новой [Phags-pa script] – квадратной письменности, официально введенной в 1269 г., утрачены, за исключением небольших фрагментов.

Поэтому текст Hsiao-Ching, как памятник древнего письменного языка, является непревзойденным по своему значению, будучи и самым длинным текстом на доклассическом монгольском языке, которым мы располагаем. Этот единственный в своем роде текст до сих пор хранится в коллекции редких книг во Дворце Музея в Пекине³.

В Юаньский период Пекин был главным центром перевода и издания многих текстов с разных языков. Среди них был и текст Hsiao-

Ching, переведенный на многие языки, в том числе и на монгольский⁴, о чем упоминается в китайском историческом сочинении⁵. И. де Ракевильтц, цитируя высказывание Л. Лигети, что монгольский перевод Hsiao-Ching был отпечатан на Phags-pa script в 1307 г., добавляет упоминание об этом факте в сочинении Yuan-shih. Источник сообщил, что 16 сентября 1307 г. Болод-Темур, в то время Assistant of the Zeft in the Secretarial Council* преподнес трону, т.е. Императору Wu-tsung / Qaišan (1307/1311) монгольскую версию Hsiao-Ching на национальном (государственном) письме. Поскольку содержанием текста было учение Конфуция, Император издал указ, обязывающий весь народ, от знати до простолюдинов, следовать этому учению. Болод-Темуру было приказано вырезать и отпечатать блоки текста, после чего они были широко распространены. Но до наших времен, к сожалению, не сохранились.

Период правления Минской династии причинил огромный ущерб всему литературному наследию монголов: книгам, манускриптам, официальным документам, находящимся в обращении или веками хранившимся в архивах. И только единственному двуязычному тексту Hsiao-Ching удалось избежать полного забвения. Это произошло, – как предполагает И. де Ракевильтц, – потому, что китайский текст был отпечатан вместе с монгольской версией предложение к предложению. Уничтожение же монгольского текста на уйгуро-монгольской письменности повлекло бы за собой разрушение и китайского текста, который мог бы еще пригодиться для собственных целей Минам⁶.

Этот уникальный китайско-монгольский памятник вызвал глубокий интерес у крупнейших ученых мира, и этот интерес продолжается до сих пор (см. список литературы). Но многие вопросы еще и сейчас остаются нерешенными.

Отмеченный Л. Лигети факт, что несколько страниц Hsiao-Ching (далее – НС) отпечатаны со стертых блоков, ставит вопросы: когда и кем был сделан монгольский перевод и впервые отпечатан? Как уже сказано выше, монгольский перевод на Phags-pa script – квадратном письме, относится к 1307 г. Хотя текст НС сохранился почти полностью, но к сожалению, в книге, хранящейся в библиотеке Императорского Дворца Музея в Пекине, отсутствует первая – титульная страница, а также отсутствуют: предисловие, название работы на монгольском языке, имя авторов монгольского перевода, место издания, предисловие, колофон. С полной определенностью можно

* В УМ – чиновник Правой руки в Центральном управлении.

сказать лишь то, что оригиналы ксилографов были вырезаны в эпоху Юаней, т.е. в XIII–XIV вв.

Предполагается, что переводы НС на монгольский язык существовали и до XIV века. Известно, что в 1229 г. при Монгольском дворе находились китайцы, обучающие императорских принцев по тексту НС. В 1244/45 г. Wang O (1190–1273) преподавал по такому тексту Хубилаю, еще до его восшествия на престол. Возможно, частичные или полные переводы НС существовали в форме манускриптов для использования членами императорской семьи. И одна или несколько таких версий НС могли стать основой для перевода в 1307 г. на государственную письменность.

Но даже если НС и была изначально опубликована в начале XIV в. и даже позже, то определенные черты языка монгольского текста свидетельствуют о самой ранней дате перевода текста, возможно, до середины XIII в.⁷

Текст НС, приобретший известность во всем мире, стал объектом его всестороннего изучения многими учеными Запада и Востока. Издавался текст и его переводы на английский язык. Западные монголоведы, среди которых Кливс, Монстерт, Лигети, Вейерс, Ракевильтц изучали НС в разных аспектах и использовали этот уникальный текст в своих исследованиях и научных статьях.

Первым, кто подверг монгольский текст НС анализу, был монгольский ученый Х. Лувсанбалдан. Находясь в 50-х годах в Пекине, автор приобрел микрофильм НС и в 1961 г. издал книгу под названием «Ачлалт номын тухай» («О книге почитания родителей»). Его труд состоит из Предисловия (с. I – IV), где ученый делает предположение, что по форме письма и языку этот замечательный памятник, точнее его монгольский перевод, может относиться к эпохе Юаней или к началу Минской династии, т.е. к XIV в. Далее следуют транскрипция текста (с. 4–22), пространный комментарий (с. 24–125), большая часть которого посвящена сравнению публикуемого текста с некоторыми современными версиями, которых существует сейчас несколько; индекс слов (с. 125–148), и как приложение – факсимиле ксилографа текста. И, хотя репродукция местами неразборчива, этот труд Х. Лувсанбалдана имел большое значение, так как оригинальный памятник стал доступен для исследования многим ученым.

За публикацией Х. Лувсанбалдана последовали и другие исследования известных монголоведов – ученых с мировыми именами.

Л. Лигети, основываясь на факсимиле текста, изданного Х. Лувсанбалданом, опубликовал предварительную транскрипцию мон-

гольского текста, а позже ее усовершенствованный вариант⁸. Транскрипция Лигети, хотя и представляла собой некоторое усовершенствование по сравнению с таковой Х. Лувсанбалдана, все же была не свободна от некоторых неточностей в прочтении текста и не могла считаться окончательной.

После труда Х. Лувсанбалдана наиболее информативным в области изучения НС является исследование И. де Ракевильца, в котором публикации транскрипции монгольского текста и его переводу на английский язык предшествует большая вводная часть, посвященная истории изучения уникального памятника, а все содержание работы сопровождается обширными историко-филологическими комментариями⁹.

В 1983 г. китайские ученые сфотографировали пекинский экземпляр НС и, предпослав краткое предисловие, опубликовали под названием “*Taqimdayu bičig*” и его монгольский перевод на современной* монгольской письменности¹⁰.

Большое внимание изучению НС уделял проф. Гарвардского университета Ф.В. Кливс (1911–1995). Ученый издавал отдельными выпусками свои транскрипции НС, снабженные подробными комментариями к текстам своих переводов на английский язык. До 1995 г. им было опубликовано семь из восемнадцати глав НС (1, 2, 3, 4, 5, 6 и 18)¹¹. Главы 7, 8, и 9 были подготовлены, но, к сожалению, остались незаконченными и впоследствии были опубликованы John R. Krueger’ом и его ассистентами¹². Главы с 10–13 и 14–17 были отредактированы и изданы с комментариями Ракевильцем. Кливсу принадлежат многие труды не только по исследованию НС. Свои переводы глав НС на английский язык, как всегда, с подробными комментариями, ученый использовал и в своих фундаментальных исследованиях китайско-монгольских надписей XIV в. и в других своих публикациях (см. список литературы).

Ныне монгольская версия классической китайской Hsiao-Ching – хорошо известный в мире текст. Он несколько раз издавался монгольскими и японскими учеными, дважды переводился на английский язык, и список трудов, посвященных этому замечательному памятнику велик. Но тем не менее, загадки в этом тексте еще существуют. Несмотря на то, что текст в значительной мере сохранился, имеются, как уже выше отмечалось, и определенные лакуны. По этим вопросам существует немало публикаций. Х. Лувсанбалдан, Лигети, Кливс, И. де Ракевильц пытались реконструировать частично или полностью

* Во Внутренней Монголии – «Современная» – это классическая монгольская письменность.

отсутствующую титульную страницу на основе оригинала – китайского текста, но без реставрации текста монгольского (строки 1–7), которые в монгольском переводе отсутствовали. Попытка И. де Ракевильца реставрировать пропущенные слова монгольского текста оказалась более продуктивной. На основе аранжировки строк китайского текста и монгольского перевода, а также, учитывая значение промежутков в каждой из строк, сравнивая иероглифический китайский текст с построчным уйгуро-монгольским, автор восстановил пропущенные монгольские строки и предложил новую реконструкцию, в значительной мере восстанавливающую оригинал. В результате нового подхода к изучению двуязычных памятников, автор установил, что первая строка текста принадлежит китайскому названию книги; вторая соответствует названию по-монгольски¹³.

Отсутствовало и настоящее название книги. Х. Лувсанбалдан в качестве названия монгольского текста предложил *Taqimdayu nom* (“Книга почтительности к родителям и старшим”), хотя на титульном листе поставил Ачлалт номын тухай (“О книге благодеяния; милости”)¹⁴.

Несогласие с таким названием выразили китайские ученые – авторы книги *Uyğurčın Mongyol usug-un durasqaltu bičig-ud* («Памятники уйгуро-монгольской письменности»). Они считают, что книге больше соответствует название *Taqimdayu bičig*, так как китайский иероглиф в монгольской НС имеет значение только *Taqimdayu*. Что же касается слова *Ačılal**, то в тексте НС оно вообще отсутствует¹⁵.

С другой стороны, в названии *Taqimdayu nom* возражение вызывает использование слова *nom* «книга». Это заимствованное уйгуро-тюркское слово в XIII в. содержало в себе определенное буддийское значение. И конфуцианские классики не могли использовать его в своих переводах в качестве аналога слову *бичиг* “сочинение; книга; письменность”, которое встречается в тексте НС: *Mauši bičig-tur* [3 а, 4]; *Šangšu bičig-tur* [4 а, 6]. И только это, также заимствованное из уйгурского, слово, не имело какого-либо религиозного налета и могло стать термином для обозначения слова «книга»¹⁶.

Во всех зарубежных изданиях этот памятник исследуется и публикуется как Hsiao-Ching. Лигети считал, что слово Hsiao могло быть транскрибировано как *kau*¹⁷. Но в равной мере его можно транскрибировать как и *qiau*. В таком случае, – как считает Ракевильц, – монгольским названием книги должно быть *Qiauging* или

* Следует отметить, что слова *Ačılal* ‘благодеяние; воздаяние; добро’ и *Taqimdayu* ‘почтительность; почтительный’ в определенном смысле близки по значению, и в названии всей книги ‘Ачлалт номын тухай’ может быть уместным

Kaunging. Исследуя фонетические соответствия китайского начально-го слога и его транскрипции в рмо, а также мнения по этому поводу других известных монголоведов, Ракевильтц предпочел, с некоторыми оговорками, вариант qiaū. А в качестве титульного названия книги Qiaūging [= Hsiao-Ching].

Таким образом, монгольское заглавие и вся первая глава, (с учетом расположения строк китайского текста и монгольского перевода) стали выглядеть следующим образом:

2. [*Qiaūging bičig (nigen debter)
4. Gool udg-a-yi tayilqu nigeduger bulug
5. jungni saγuju Singsi taqin bukui-dur
6. Kungvusi uguler-un
7. uridu boydas qad angqan-a sayin aγali aburi]¹⁸

2. [Книга (называемая) *Qiaūging (одна книга)
4. Первая глава, объясняющая основное значение [текста]
5. Когда jungni сидел, а Singsi прислуживал [ему]
6. Конфуций сказал: [Знаете ли, что...]
7. Прежде мудрецы (мудрые ханы) изначально [были] хорошего нрава].

¹ Fuchs W. und Mostaert A. Ein Ming-Druck einer Cinesisch-Mongolischen Ausgabe des Hsiao-Ching MS 4. 1939–1940. S. 328.

² Fuchs W. Analecta zur Mongolischen Übersetzungsliteratur der Yüan-Zeit. Monumenta Serica. Vol. IX. Fasc. 1. 1946. S. 33–34.

³ Rachewiltz I.de. Notes on F.W. Cleaves: An Early Mongolian Version of the Hsiao-Ching. Chapters one to eighteen // Acta Orient. 2007. C. 14–15; 2006, 59 (3). C. 242; Uyiγurčīn Monγol usug-un durasqaltu bičig-ud. Begejing, 1983. C. 79.

⁴ Лувсанбалдан Х. Ачлалт номын тухай. Улаанбаатар, 1961. С. 11.

⁵ До Юаней это редкое издание было также переведено на такие языки, как: Hsien-pi, Khitans, Jurchens и Tanguts. Из них первые три утрачены; последняя сохранилась и издана в факсимиле. См.: Rachewiltz, 1982 (16). С. 16, 25, примеч. 23, 26.

⁶ An Early Mongolian Version of the Hsiao-Ching. 1. Facsimile of the bilingual text. Introduction by I.de Rachewiltz // Acta Orient., Hung. V. 59 (3). 2006. P. 241.

⁷ Rachewiltz I.de. The Preclassical Mongolian Version of the Hsiao-Ching // Zentralasiatische Studies. V. 16. Wiesbaden, 1982 (16). P. 20.

⁸ Ligeti L. Preclasszikus emlékek 2. XIII-XVI század és a XVII. sz. ázad eleje // Mongol nyelvemléktár. W. Budapest, 1965, с. 9–37; Ligeti L. Monuments preclassiques I: XIII-e et XIV-e siècles. Budapest, 1972.

⁹ Rachewiltz I.de. The Preclassical Mongolian Version of the Hsiao-Ching // Zentralasiatische Studies. V. 16. Wiesbaden, 1982 (16). P. 7–109.

¹⁰ Uyiγurčīn Monγol üsüg-ün durasqaltu bičig-üd. Begejing, 1983. C. 78–157.

¹¹ Cleaves F.W. The First Chapter of an Early Mongolian Version of the Hsiao-Ching // Acta Orient. Hung. T. XXXVI (1–3). 1982. P. 69–88; Cleaves F.W. The Second Chapter an Early Mongolian Version of the Hsiao-Ching // Documenta Barbarorum. Festschrift für Walther Heissig zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, 1983. P. 272–281; Cleaves F.W. The Eighteenth Chapter of an Early Mongolian Version of the Hsiao-Ching // HJAS. V. 45. 1985. P. 225–254; Cleaves F.W. The Third Chapter of an Early Mongolian Version of the Hsiao-Ching // Mongolian Studies. Journal of the Mongolian Society. The Hangin Memorial Issue. V. XIV. 1991. P. 117–145; Cleaves F.W. The sixth Chapter of an Mongolian Studies // Journal of the Mongolian Society. V. XVII. 1994. P. 1–21.

¹² An Early Mongolian Version of the Hsiao-Ching. 1. Facsimile of the bilingual text. Introduction by I.de Rachewiltz // Acta Orient. Hung. V. 59 (3). 2006. P. 242.

¹³ Rachewiltz I.de. The Preclassical Mongolian Version of the Hsiao-Ching // Zentralasiatische Studies. V. 16. Wiesbaden, 1982 (16). P. 19.

¹⁴ Лувсанбалдан Х. Указ. соч. С. 4, 24, 25.

¹⁵ Uyiγurčīn Monγol üsüg-ün durasqaltu bičig-üd. Begejing, 1983. C. 78–79.

¹⁶ Rachewiltz I.de. The Preclassical Mongolian Version of the Hsiao-Ching // Zentralasiatische Studies. V. 16. Wiesbaden, 1982 (16). P. 19.

¹⁷ Ligeti L. A propos de la traduction Mongole préclassique du Hsiao-king // Acta Orient. Hung. T. XXXVIII. Fasc 3. Budapest, 1984. C. 303–349.

¹⁸ Rachewiltz I.de. Notes on F.W. Cleaves: An Early Mongolian Version of the Hsiao-Ching. Chapters one to eighteen // Acta Orient. 2007. C. 14–15; 2006, 59 (3). C. 248.

Сокращения

Acta Orient. – Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.

HJAS – Harvard Journal of Asiatic Studies

UM – Uyiγurčīn Monγol üsüg-ün bičig-üd. Begejing, 1983.

рмо. – доклассический монгольский (т.е. = mmo. на уйгуро-монгольской письменности)

РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ПОДЪЕМЕ¹

Весна 2009 г. ознаменовалась двумя крупными вехами на пути прогрессивного развития стратегического партнерства РФ и Монголии. Этими вехами стали рабочий визит премьер-министра Монголии С. Баяра в Москву в марте этого года и рабочий визит премьера В.В. Путина в Улан-Батор 13 мая. Эти визиты имеют большое значение. Как отметил С. Баяр на пресс-конференции 17 марта, «регулярный диалог на высшем уровне дает возможность постоянно и систематически сверять часы».

В свою очередь В.В. Путин на встрече с журналистами 13 мая заявил: «у нас налажен постоянный конструктивный диалог и на корпоративном, и на высшем политическом уровне. Все это дает мне основания сказать, что между Россией и Монголией действительно сложились отношения стратегического партнерства»².

Значение этих встреч и принятых на них решений тем более велико, что они, несмотря на мировой финансовый и экономический кризис, захвативший и наши страны, открывают новые сферы и поднимают на более высокий уровень наше экономическое взаимодействие, причем стратегической целью остается расширение его рамок, модернизация и повышение эффективности.

Так, относительно новой сферой станет сотрудничество в области расширения железнодорожной инфраструктуры, необходимой для совместного освоения новых месторождений полезных ископаемых.

Достигнутая во время визита С. Баяра принципиальная договоренность о сотрудничестве в этом плане ОАО «Российские железные дороги» и АО «УБЖД» во время визита В.В. Путина претворилась в подписание Меморандума о взаимопонимании между министерствами транспорта, предусматривающего увеличение инвестиций сторон в совместное предприятие АО «УБЖД», рост объема грузоперевозок, повышение экономической эффективности дороги и открытие в Улан-Баторе филиала Иркутского железнодорожного университета, а главное – в Договор о создании нового совместного предприятия – государственной компании с ограниченной ответственностью КОО «Развитие инфраструктуры» по модернизации «УБЖД» и расширению железнодорожной сети на территории Монголии³.

Учредителями компании выступают ОАО «Российские железные дороги» (50% уставного капитала) и государственные монгольские компании КОО «Монгольские железные дороги» (Монголын томор зам, МТЗ) (25%) и «Эрдэнэс МГЛ» (25%)⁴.

Первоначальный уставной капитал составил 2 млрд. 526 млн. тугриков (1,8 млн. долларов) – на эту сумму будет выпущено 25200 тысяч акций⁵.

КОО «Развитие инфраструктуры» будет отвечать за проектирование и финансирование комплексной модернизации АО «УБЖД», включая укрепление полотна, замену шпал и стыковочных рельсов, техническое перевооружение, внедрение современных технологий в производственные и технологические процессы на УБЖД⁶, что должно привести к расширению пропускной способности этой важнейшей транспортной магистрали страны, на которую приходится 75% грузооборота и 45% пассажирооборота⁷. Кроме того, в планы СП входит обновление подвижного состава – оно уже началось: в марте 2009 г. ОАО «РЖД» поставило в Монголию 1000 полувагонов⁸ и, конечно, строительство новых железнодорожных линий к перспективным месторождениям полезных ископаемых – от Зуунбаяна на УБЖД до крупнейшего месторождения углей Таван-Толгой (6 млрд. т., из них 40% коксующихся) в Южно-Гобийском аймаке и, в перспективе, от Чойбалсана (Восточный аймак) до Бор-Ундур (Хэнтийский аймак), с 1987 г. соединенного с УБЖД веткой от станции Айрак⁹.

Предполагается, что СП «Развитие инфраструктуры» создаст дочернюю компанию, которая будет вести активную деятельность по совместной эксплуатации угольных месторождений Таван-Толгой и транспортировке угля в Китай и через российский Дальний Восток в США, а также месторождений меди и золота Оюун-Толгой. Отметим, что модернизация УБЖД, которая 4–6 июня торжественно отметила свое 60-летие¹⁰, уже практически началась: в мае 2009 г. из Читы туда прибыли и приступили к работе две путевые строительные бригады¹¹.

Вообще, по сообщениям монгольской прессы, железнодорожную сеть в стране ждут большие, можно сказать грандиозные планы: строительство консорциумом из 11 южнокорейских компаний железнодорожной линии из центра Восточного аймака г. Чойбалсана до центра Восточно-Гобийского аймака г. Сайшанда, протяженностью в 900–920 км, а оттуда силами российских компаний до месторождений меди и золота Оюун-Толгой в Южно-Гобийском аймаке.

В направлении к югу от Оун-Толгой до границы с КНР дорогу проложит китайская компания. Китайцы собираются также построить дорогу от Чойбалсана в горизонтальном направлении до Эрдэнэ-

ца-гаана в Сухэбаторском аймаке, т.е. к месторождениям цинка и железа¹². Есть также соглашение с немецкой компанией «Deuscht Bahn Int» о строительстве немцами дороги от Таван-Толгой к контрольно-пропускному пункту на китайской границе Гашуун-Сухайт стоимостью в 11 млн. евро¹³.

Все это говорит о том, что деятельность нового совместного предприятия КОО «Развитие инфраструктуры» и ее дочерней компании будет проходить в острой конкурентной борьбе с зарубежными фирмами.

Подводя итоги визита В.В. Путина, вице-премьер Монголии Н. Алтанхуяг отметил, что новый импульс был придан «традиционной сферы сотрудничества ... как отрасль разработки урана, использования ядерной энергии»¹⁴.

Так, еще во время визита С. Баяра в Москву весной 2008 г. был подписан План совместных действий Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и Министерства промышленности и торговли Монголии по реализации международных проектов в области геологоразведки, добычи, переработки урановых руд и сопутствующих полезных ископаемых¹⁵.

В итоге переговоров С. Баяра в Москве в марте 2009 г. было заключено Соглашение об активизации сотрудничества между «Росатомом» и созданным в Монголии Агентством по ядерной энергии, которое предусматривало поддержку сторонами создания совместного предприятия по добыче урана, разработку монгольским правительством программы по использованию атомной энергии в мирных целях и в перспективе строительства АЭС на территории страны, осуществление подготовки не менее 15 монгольских специалистов в этой области в России.

В ходе визита В.В. Путина это соглашение было закреплено и конкретизировано в Меморандуме о намерениях между «Росатомом» и Агентством по ядерной энергии Монголии, подписанном гендиректором «Росатома» С. Кириенко и директором Агентства С. Энхбатом¹⁶.

Помимо подготовки специалистов, стороны договорились о создании хозяйственной единицы, которая будет заниматься совместной разработкой урановых месторождений¹⁷.

Как пишет монгольская пресса, это решение имеет особое значение в свете визита В.В. Путина в Японию, непосредственно предшествовавшего его приезду в Монголию, и заключенному там соглашению о поставках урана в Японию сроком на 10 лет, в том числе, видимо, и из Монголии, что, конечно, увеличит доходы монгольской казны¹⁸.

Важной сферой взаимодействия России и Монголии является агро-сфера, сотрудничество в областях земледелия и животноводства. В совместном коммюнике была дана высокая оценка визиту В.В. Путина.

Еще в марте 2009 г. во время рабочего визита С. Баяра В.В. Путин объявил о предоставлении Монголии «связанного кредита в 300 млн. долларов на обеспечение посевной кампании текущего года и на развитие животноводства, на закупку техники и других товаров российского производства»¹⁹. И 13 мая в Улан-Баторе он отметил, что «первый транш уже осуществляется..., идет поставка сельхозтехники»²⁰ – 20 новых тракторов уже доставлены и будут задействованы в реализации программы «Целина – 3» по восстановлению и освоению, как сказал С. Баяр, «заброшенных на многие годы целинных земель в Монголии». Главы правительств приняли участие, в церемонии передачи этих тракторов на площади Сухэ-Батора в столице. Кредит пойдет также на закупку семенного материала, минеральных удобрений, элитных пород скота, вакцинацию монгольского скота, идущего на экспорт в Россию.

На совместной пресс-конференции 13 мая российский премьер особо отметил важность сотрудничества в области ветеринарии для увеличения экспорта монгольского мяса в Россию²¹.

О том, что этот экспорт будет неуклонно расти, говорит договор, который заключила участвовавшая в переговорах министр сельского хозяйства РФ Е. Скрынник, об увеличении в 3–4 раза объема поставок монгольского мяса²². Она же вместе со своим партнером министром продовольствия, сельского хозяйства и легкой промышленности Монголии Т. Бадамжунаем поставила свою подпись под совместным заявлением, которое определяет приоритетные направления межминистерского сотрудничества и предусматривает обновление до конца 2009 г. соглашения между двумя ведомствами от 1992 г.²³

Естественно, много внимания на переговорах В.В. Путина было уделено модернизации совместных предприятий КОО «Эрдэнэт» и КОО «Монголросцветмет», составляющих, как сказал журналистам В.В. Путин, «золотой фонд» нашего сотрудничества²⁴.

Обе стороны выразили удовлетворение успешным завершением процесса вступления российской госкорпорации «Ростелеком» в права нового российского акционера российско-монгольских компаний «Эрдэнэт» и «Монголросцветмет». По словам В.В. Путина, это «...пойдет этим предприятиям на пользу. Работа будет сосредоточена на технологическом перевооружении, укреплении менеджмента, а главное – это должно обеспечить большую устойчивость к колебаниям мировой экономической конъюнктуры»²⁵.

В свою очередь монгольский премьер отметил, что «такой ход российской стороны как раз подтверждает, что открываются новые большие возможности для повышения экономического потенциала этих совместных предприятий»²⁶.

Обе стороны с удовлетворением констатировали рост товарооборота между Россией и Монголией до 1 млрд. 300 млн. долларов уже в 2008 г., хотя ранее планировалось достигнуть лишь 1 млрд. долларов в 2010 г. Вместе с тем, В.В. Путин подчеркнул необходимость диверсификации торговых связей, снижения доли сырьевых товаров в их структуре. В целях уменьшения отрицательного сальдо Монголии в торговле с Россией монгольская сторона предложила заключить межправительственное соглашение о поставках некоторых видов монгольских товаров на льготных условиях. Договорились, что эти вопросы будут рассмотрены в Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, в ее рабочей группе по либерализации торговли.

Касаюсь гуманитарных областей взаимодействия, стороны подчеркнули важность дальнейшего расширения объема сотрудничества в области науки, техники, культуры, образования и спорта. Премьер-министры поддержали план развития в Монголии филиалов российских вузов и выступили за реализацию в Монголии проектов российской федеральной программы по изучению русского языка за рубежом.

Большое значение в этом плане имеет подписанная во время визита С. Баяра Программа сотрудничества между Министерством образования и культуры РФ и Министерством образования, культуры и науки Монголии на 2009–2011 гг. Программа предусматривает координацию и взаимодействие в областях музыки, театра и изобразительного искусства, цирка, кинематографии, расширение масштабов торговых и культурных фестивалей и дней культуры, поддержки обмена творческими коллективами и деятелями культуры²⁷.

Тогда же В.В. Путин сообщил С. Баяру, что Россия с 2009 г. увеличивает квоту приема монгольских студентов для учебы в российских вузах до 235 человек²⁸.

Представляется, что в вышеописанную программу вписывается научная экспедиция «По следам Великого шелкового пути». 12 человек – 6 русских и 6 монголов во главе с известным путешественником Федором Конюховым – намерены на лошадях и верблюдах пройти древней дорогой, по которой когда-то шли торговые караваны, 6,5 тысяч километров.

13 мая 2009 г. В.В. Путин вместе с С. Баяром приняли участие в старте этой экспедиции, они побеседовали с Ф. Конюховым, пожелали ему успеха в завершении экспедиции в конце октября в Элисте.

Можно отметить и такую новую за последние 20 лет область нашего взаимодействия, как военно-техническое сотрудничество. Отметив его успешное развитие, монгольская сторона в коммюнике о визите В.В. Путина «поблагодарила Россию за помощь и поддержку по обновлению вооружения и техники Вооруженных сил Монголии и за подготовку военных кадров»²⁹.

Наконец, одним из деловых итогов визита В.В. Путина являлось подписание Соглашения между ОАО «Аэрофлот – Российские авиалинии» и монгольской авиакомпанией «МИАТ» о совместной эксплуатации авиалиний, в частности, об увеличении полетов «Аэрофлота» по линии Москва – Улан-Батор – Москва с трех до пяти в неделю и приостановлении работ «МИАТ» на этой линии³⁰.

Касаюсь международных вопросов, стороны выступили за укрепление роли ООН в обеспечении безопасности в мире и о преодолении последствий мирового финансово-экономического кризиса. «Важно то, – подчеркнул российский премьер, что Россия и Монголия занимают близкие или совпадающие позиции по ключевым проблемам и вызовам регионального и мирового масштаба»³¹.

Дружественная, доверительная атмосфера переговоров, возложение В.В. Путиным цветов к мемориальному комплексу маршала Г.К. Жукова в Улан-Баторе, открытому 3 ноября 2008 г. в ходе подготовки к празднованию 70-летия победы на Халхин-Голе, посещение им Свято-Троицкого монастыря Русской православной церкви – все это имело место и окрасило пребывание премьера в монгольской столице.

Итак, в отличие от официального визита В.В. Путина в Монголию в 2000 г. в качестве президента, завершившегося подписанием Улан-Баторской декларации, которая определила основы наших отношений в XXI веке, этот рабочий визит был, естественно, кратковременным, но очень насыщенным и продуктивным. Ему, конечно, предшествовала длительная, напряженная тщательная подготовка. Особое значение придавало ему то, что он состоялся в канун президентских выборов в Монголии 24 мая 2009 г. В центре внимания переговоров была задача углубления делового, инвестиционного партнерства РФ и Монголии. И она была успешно выполнена: достигнутые договоренности поднимают на качественно более высокий уровень наше сотрудничество во многих старых и новых сферах. Как подытожил В.В. Путин, «отношения между Монголией и Россией находятся на подъеме, стороны творчески развивают уникальный исторический опыт сотрудничества, традиции дружбы, добрососедства наших народов»³².

ЛЕКСИКА СВАДЕБНОГО ОБРЯДА ЯЗЫКА ЦЭНГЭЛЬСКИХ ТУВИНЦЕВ МОНГОЛИИ (МАТЕРИАЛЫ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Цель данной работы – ввести в научный оборот новый материал об одном из интересных элементов традиционной культуры – лексике свадебного обряда языка Цэнгэльских тувинцев Монголии. Материал получен во время научной командировки¹ в сомон Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Монголии.

В Монголии тувинцы компактно проживают в сомоне Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака. По свидетельству М.В. Монгуш, «тувинцы живут в этих местах с давних времен, о чем свидетельствуют результаты исследований Х.Ц. Ральдина, Ю.Л. Аранчына, М.Х. Маннай-оола, согласно которым в 1757 г. тувинские племена, кочевавшие южнее хр. Тану-Ола вплоть до верхнего течения р. Кобдо, были разобщены с основным массивом тувинцев, обитавших в бассейне Верхнего Енисея, так как район Убсу-Нура и Кобдо, был заселен дербетами, пришедшими из Джунгарии и с верховьев Иртыша»². «Регулярные контакты их с жителями Тувы были прерваны, видимо, тоже давно. Тувинцы Северо-западной Монголии, как и коренные жители Тувы, называют себя *дыгва*, которое соответствует русскому термину тува. Они, по их сообщению, являются алтайскими и кобдо-скими тувинцами (*алдай дыгвасы* или *хомду дыгвасы*) в отличие от танну-ольских тувинцев (*танды дыгвасы*), живущих в Туве. В их памяти еще остались следы того былого разделения тувинцев»³.

Достоверных сведений о численности тувинского населения в Монголии, к сожалению, не существует. Данные по этому вопросу недостаточны и требуют дальнейших уточнений. По данным известной исследовательницы Э. Таубе, которая занимается изучением фольклора и этнографии этой тувинской группы вот уже более 40 лет, составляет 2400 человек⁴. Б. Баярсайхан, на основании итогов, проводившейся в Цэнгэле в 1999 г. переписи населения, утверждает, что тувинцев там свыше 2000 человек⁵. Другого мнения придерживается М.В. Монгуш: «В настоящее время во всем Баян-Ульгийском аймаке в общей сложности насчитывается около 700 тувинских домохозяйств. Если предположить, что каждое домохозяйство в среднем

- ¹ По материалам визита В.В. Путина. МОНЦАМЭ. 17.05.09.
- ² Монголия сегодня. № 50. 16.05.09.
- ³ МОНЦАМЭ. 14.05.09.
- ⁴ Компания «Эрдэнэс МГЛ» является держателем акций на 17 стратегических месторождений Монголии, в том числе Таван Толгой и Оюу-Толгой (см. далее); МТЗ владеет оптико-волоконной сетью железных дорог Монголии и еще рядом железнодорожных активов // Коммерсант. 14.05.09.
- ⁵ МОНЦАМЭ. 14.05.09.
- ⁶ Монголия сегодня. 16.05.09.
- ⁷ Эффективное антикризисное управление. 2006. № 40–41, с. 30–31.
- ⁸ Одрин сонин. 19.05.09.
- ⁹ “Zabin ru”. 14.05.09; Монголия сегодня. 16.05.09.
- ¹⁰ УБЖД ведет историю с 1949 г., когда Советским Союзом была проложена линия Наушки – Улан-Батор, в 1952 г. проложенная до Дзамын-Удэ на границе с Китаем.
- ¹¹ МОНЦАМЭ. 20.05.09.
- ¹² Одрин сонин. № 122. 19.05.09.
- ¹³ МОНЦАМЭ. 30.03.09; Монголия сегодня. 16.05.09.
- ¹⁴ Монголия сегодня. № 31. 23.05.09.
- ¹⁵ www.guv.gov.mn Радиоканал «Содружество». Передачи Радио Монголии. 15.04.08.
- ¹⁶ МОНЦАМЭ. 18.03.09.
- ¹⁷ Монголия сегодня. 23.05.09.
- ¹⁸ Одрин сонин. 19.05.09.
- ¹⁹ МОНЦАМЭ. 18.03.09.
- ²⁰ Монголия сегодня. № 50. 16.05.09.
- ²¹ Там же.
- ²² Ардын эрх. № 99. 20.05.09.
- ²³ МОНЦАМЭ. 14.05.09.
- ²⁴ Монголия сегодня. 16.05.09. СП горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт» по добыче молибдена и меди создано в 1973 г. Расположен в центре Орхонского аймака (области) г. Эрдэнэт. Входит в мировую десятку предприятий этого профиля. СП «Монголросцветмет» – объединение, созданное тоже в 1973 г. В него входят ряд рудников по добыче флюорита (плавикового шпата) и ГОК Бор-Ундур. Занимает пятое место в мире по добыче этого минерала. В обоих СП доля России 49%.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ МОНЦАМЭ. 18.03.09.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ МОНЦАМЭ. 14.05.09.
- ³⁰ МОНЦАМЭ. 14.05.09.
- ³¹ Монголия сегодня. 18.05.09.
- ³² Монголия сегодня. 18.05.09.

состоит из 5–6 человек, то численность тувинцев составит 4000 человек⁶. Данную цифру подтвердил нам глава администрации сумона Цэнгэл в 2004 г.

У цэнгэльских тувинцев имеются два соека (с==к): *соян* и *мончак*, или *кок мончак* (к=к мончак). Сояны делятся на группы *хара соян*, *ак соян* и *кызыл соян*. Среди мончаков различаются *иргит*, *чаг тыва*, *шунгуур* (*шүёгуур*), *хоюк* (x=й\к), *оорчак*. Названные группы в свою очередь делятся на подгруппы, например, *хара сояны* распадаются на подгруппы *хара теш* (*хара т=ш*) и *хара сал*, а *хоюки* – на подгруппы *казак хоюк* (*казак х=й\к*), *хаа хоюк* (*хаа х=й\к*), *донгак хоюк* (*донгак х=й\к*).

Интересен материал, собранный М.Х.Маннай-оолом о родоплеменном составе цэнгэльских тувинцев. Целиком приведем выдержку из его статьи:

«С помощью наших информантов мы зафиксировали следующие их родоплеменные подразделения:

Гёк мончак (к=к мончак) подразделяется на следующие подгруппы (сеоки): *ак иргит*, *шунгуур иргит*, *адай иргит*, *чооду иргит*, *калчан иргит*, *моол иргит*, *оор иргит*, *хаа дарган*, ==лет, *хойт*, *чаг тыва* (*сарыг*, *кара-желтые* и *черные*), *кызыл соян*, *делег* и *х=й\к*.

Х=й\к, в свою очередь, распадается на следующие подгруппы: *хаа х=й\к*, *монгуш х=й\к*, *шанагаш х=й\к*, *казак х=й\к*, *донгак х=й\к*, *кара х=й\к*, *к=р х=й\к*.

Ак соян подразделяется на следующие группы: *сарыглар*, *агбан*, *делег*, *б|рг|т*, *тос кириш*, *казак-кыргыс*, *шуудак*, *оюн*.

Кара соян распадается на подгруппы: *кара-сал*, *кара-т=ш*, *шанагаш*, *кызыл соян*, *хойт*, *моол ооржак*⁷.

Изучением языка тувинцев Монголии занимаются монгольские лингвисты Л. Болд и Ж. Цолоо, Б.Баярсайхан, У. Цэцэгдарь. Многое сделала для исследования фольклора, этнографии и языка тувинцев Северо-Западной Монголии Э.Таубе. В России по данной проблематике работают В.И. Рассадин, Д.А. Монгуш, Ю.Л. Аранчын.

«Обрядовая лексика народа является неотъемлемым компонентом его духовной культуры. Она представляет собой особый пласт словарного состава в силу многокомпонентности, синкретичности и полифункциональности отражаемого объекта. Сложность и особая специфика данной лексики обусловлены двумя основными факторами. Во-первых, обряды народов возникли и бытуют на основе религиозных форм общественного сознания, имеющих весьма сложный, противоречивый и нередко взаимопроникающий характер. Во-вторых, при изучении обрядовой лексики задачи лингвистики, фольклори-

стики и этнологии тесно смыкаются, так как без учета экстралингвистических факторов, явлений материальной и духовной культуры этноса трудно представить сам обряд и его лексику. Обрядовая лексика особым образом отражает этнографическую сторону ритуала, обобщая и концентрируя факты обрядовой действительности, закрепляя в сознании и делая различными обрядовые функции действующих лиц, предметов, явлений»⁸.

«В свадебном обряде стойко сохраняются как некоторые архаические этапы развития общественных отношений, так и этнические особенности тувинцев. С этой точки зрения конкретный материал по свадебным обрядам и обычаям может рассматриваться как весьма ценный исторический источник»⁹.

Традиционная свадьба у монгольских тувинцев существует как феномен культуры, она представляет собой исторически сложившийся комплекс обрядов и обычаев, состоящий из нескольких этапов. Брак заключается только посредством сватовства *кудаджыыр*. Сватать девушку приезжает брат жениха со своими родственниками. Сваты привозили *арага* «молочная водка», *быштак* «домашний сыр», *тавактыг* «разные блюда в тарелках», а также *хадак* «кусочек шелкового материала, преподносимый уважаемым людям». Войдя в юрту родителей будущей невесты, сваты рассаживались, преподносил родителям будущей невесты *хаай таакны* «табакерку» и справлялся о их благополучии. Затем снова преподносят родителям невесты табакерку и сообщали о цели своего прибытия.

Согласие на брак, даваемое сватам, часто являлось результатом обсуждения этого предложения с родственниками, причем спрашивали согласия и самой девушки – *уругнуё с=з\н сураар*.

Окончательное согласие и договоренность о сроке свадьбы достигались и закреплялись во время второго специального приезда родственников жениха, на этот раз уже с самим женихом в дом родителей невесты. Так начинался второй этап свадебного цикла, который носил название *«агын-к=г\н кудар»*, и договаривались о сроке будущей свадьбы-*х\н\н айтыр*.

После этого родители начинали готовить для просватанной дочери приданое, которое она, согласно обычаю, должна была привезти в дом мужа. Это были в основном предметы домашнего обихода женской стороны, т.е. *антара* «сундук», *тоойлу* «трюмо», диван, *к=жеге* «занавес для кровати», *хевис* «ковёр» и новый личный гардероб невесты.

Заключительный, обряд свадебного цикла – переезд невесты с ее имуществом в аал жениха и устройство там свадебного пира, после которого начиналась совместная жизнь молодоженов. Это

обряд называется *уруг аьттаныр х\н*. День свадьбы «уруг аьттаныр х\н» избирался обычно ламой, «священником», или *ч\ве билир кижси* «знающим человеком». Лама читал священную книгу и определял день свадьбы, наиболее благоприятный для данной брачной пары. Это называется *х\н\н к=рг\з\п алыр* «день определить». Он давал указания, в какое время дня выехать невесте и в какую сторону сначала направить свадебный кортеж, как ехать и т.д. Советы ламы считались обязательными, их надо было выполнять.

За невестой и за ее имуществом приезжают «к\дээ» жених, *чеёге* «его старшая невестка», и несколько родственников со стороны жениха. Родственники жениха приезжают с обильным угощением и подарками. Родителям невесты привозят *шай* «плиточный чай», *быштак* «домашний сыр», *хептик торгу* «шелк на национальную шубу» и *шил* «бутылку водки». В подарок близким родственникам невесты, называемый *холун агартыр*, дарят *хептик торгу* «национальный шелк на одну одежду», более дальним и молодым родственникам вручают *кадак*. Всем детям раздают конфеты и сладости. Баранью голову «*хой бажы*», с бараньим сердцем «*ч\рек*», а также *быштак* «домашний сыр», *шил* «бутылку водки» ставят на самое почетное место-*д=р*. Затем начинается распивание араки и угощение продуктами привезенными приехавшими. Они угощают родителей невесты, ее родственников и соседей по аалу. Главная роль в этом обряде принадлежит туше вареного барана.

В назначенное время жених и невеста трижды обходят по солнцу юрту отца невесты, и свадебный кортеж отправляется в аал жениха. Один из старших родственников невесты в это время брызгает вверх *аржааном* «водой разбавленной молоком», призывая благополучие невесте. Недалеко от аала жениха свадебный кортеж встречают родственники жениха на лошадях. До двери *б==дей* =г «новая юрта молодоженов» расстилают *ак ширтек* «белый коврик», и по нему жених и невесты входят в юрту. «В культуре монголов и монголоязычных народов белому цвету отведена сакральная роль. Он олицетворяет собою счастье и благополучие, чистоту и благородство, честность и добро, почет и высокое положение в обществе. Все предметы, окрашены в белый цвет самым лучшим красителем – самой природой, заключают в себе вышеперечисленные качества. Прежде всего это относится к молоку и молочным продуктам. Молоко присутствует во всех ритуалах, где его белизна необходима в качестве сакрального символа»¹⁰.

За ними идут все остальные гости. Заходят в юрту и рассаживаются на *ширтек* «войлочных ковриках» по кругу на земле. Всех угощают чаем, наливают арагу в пиалах по кругу.

Родственники невесты приезжают не только с такими подарками будущей семье, как скот, деньги, ткани, но и с материальным вкладом в само пиршество – вареным мясом, водкой, молочными изделиями, также ответным даром семье невесты родственникам жениха.

Затем в *улуз* =г «юрта родителей жениха» проводится обряд *к=жеге ажар* «занавес открывать» проводимый отцом жениха, после этого проводится обряд именуемый *адазыныё одунга тейлээр* – невеста молится очагу отца жениха. Данный обряд имеется и у алтайцев и называется *кожоо ачар*.

После этого все участники свадьбы переходят в юрту молодоженов. Родители жениха и старшие родственники прикрепляют к дымовому отверстию юрты молодоженов хадак голубого цвета «Символ пожелания счастья-благодати. Также синий цвет расценивается как символ верности, вечности, постоянства»¹¹.

Невеста варит чай и угощает всех присутствующих. Данный процесс называют – *келинниё шайын ижер* «пить свежесваренный чай невесты». Гости дарят молодоженам свои подарки и произносят благопожелание.

Через некоторое время проводится обряд *сойгалаар* или *беглээр* заключающий в снятии запрета на общение невестки со свекром и старшими родственниками мужа. После этого она могла с ними разговаривать, находиться с ними в одном помещении, передавать что-либо из рук в руки, но называть по имени своих свекра или свекровь она не должна была и после этого обряда.

Примерно через год после свадьбы молодые, вместе *чеёге* «замужней сестрой жены», ехали к родителям невесты *аалдаар* «гостить». Всем родственникам невесты привозят в подарок одежду «*хеп кедирер*». Матери невесты дарят дойную корову или кобылу с жеребцом *иезиниё ак с\д\н чандырар* (возвратить белое молоко матери). Считается, что нельзя забирать скот с теплым дыханием «*изиг тыныштыг мал*» без подарков.

«В целом свадебная обрядность тувинцев не претерпела больших изменений, традиционные требования к ритуалу до сих пор строго соблюдаются. Они ни в ближайшем, ни в отдаленном будущем не отступят от традиционной модели свадебного обряда»¹².

Из имеющегося материала можно сделать предварительный вывод о том, что рассмотренная группа лексики имеет отличия от лексики литературного тувинского языка. Данные отличия сложились в условиях длительного, изолированного существования носителей речи от других говоров и диалектов тувинского языка.

III. Российские востоковеды и монголоведы

Л.Г. Скородумова

К ЮБИЛЕЮ КЛАРЫ НИКОЛАЕВНЫ ЯЦКОВСКОЙ

Исследование монгольской литературы, начиная с середины XX в., постепенно заняло свою нишу в российском монголоведении, став самостоятельным и полноправным его разделом. В становлении и утверждении литературоведческого направления монголистики как самостоятельной отрасли науки немалая заслуга принадлежит Кларе Николаевне Яцковской – одному из ведущих ученых этого цеха отечественного востоковедения.

К.Н. Яцковская, автор более 100 работ о монгольской литературе, возглавляет литературоведческое направление московской школы монголоведения. Концепция московской школы изучения монгольской литературы изложена в многочисленных статьях ученого, озвучена в докладах на советских, российских и международных форумах монголоведов. Все работы Клары Николаевны отличаются изысканностью стиля, отмечены литературным даром.

Знаменательно то, что систематические исследования К.Н. Яцковской в области монгольской литературы начались с диссертационного труда, посвященного творчеству основоположника монгольской литературы нового и новейшего времени Дашдоржийн Нацагдоржа (1906–1937). Эта монография по сей день остается единственным полным русскоязычным источником сведений о жизни и творчестве выдающегося монгольского поэта, драматурга, общественного деятеля Монголии XX в. Продолжая заниматься его творчеством, Клара Николаевна позже выпустила книгу «Поэты Монголии XX в.» (2002), куда помимо новых материалов о Д. Нацагдорже вошли рассказы о двух других монгольских поэтах – Ц. Дамдинсүрэнэ и М. Цэдэндордже. Кстати сказать, Клару Николаевну

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии, проект № 08-04-92-303 а/г.

² Монгуш М.В. Тувинцы Монголии и Китая. Этнодисперсные группы (история и современность). Новосибирск, 2002, с. 14.

³ Монгуш Д.А. О языке тувинцев Северо-Западной Монголии // Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983, с. 127.

⁴ Таубе Э. Сказки и предания алтайских тувинцев. М., 1993, с. 8.

⁵ Баярсайхан Б. Цэнгэл тываларын т^огүзүнүң кыска щчереги // Улуг-Хем. Кызыл, 2001. № 2–3, с. 201 (на тувинском яз.).

⁶ Монгуш М.В. Указ. соч, с. 17.

⁷ Маннай-оол М.Х. Твинцы Монголии: традиции и современность // Ученые записки Тувинского института гуманитарных исследований. Вып. XVIII. Кызыл, 1995, с. 58–59.

⁸ Петров А.. Лексика духовной культуры тунгусов. СПб., 1997, с. 72.

⁹ Потапов Л.П. Свадебный обряд // Очерки народного быта тувинцев. М., 1969, с. 228.

¹⁰ Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии. М., 2002, с. 201.

¹¹ Жуковская Н.Л. Указ. соч, с. 108–207.

¹² Монгуш М.В. Указ. соч, с. 70.

всегда связывали тесные дружеские связи с монгольскими писателями. В Союзе писателей Монголии имя К.Н. Яцковской хорошо известно. Монгольские писатели относятся с большим уважением к известному российскому ученому. Высок авторитет.

Значительный отрезок научной биографии К.Н. Яцковской связан с изучением монгольского песенного фольклора.

В результате участия в советско-монгольских фольклорных экспедициях (1972, 1979, 1980) Кларой Николаевной были написаны и изданы две книги по монгольскому фольклору: «Народные песни монголов» (1988) и «Сто песен дархата Г. Давааджия» (1978). «Народные песни монголов» – первый фундаментальный и пока непревзойденный труд о монгольской протяжной песне на русском языке, в котором дается обширный очерк истории изучения песенного фольклора монголов в России и за рубежом, в том числе и в Монголии. Монография включает в себя классификацию песни, информацию о носителях, изобразительных средствах, преемственности традиции в современной литературе, а также публикацию текстов самих песен на монгольском языке (на кириллице). В предисловии К.Н. Яцковская указывает, что благодаря участию в фольклорных экспедициях, проводимых на Западе Монголии, удалось собрать песенный материал и сравнить его, как с традиционными текстами песен, так и в связи с современной песенной лирикой¹.

В 70-е годы XX столетия настольной книгой монголоведов стала вышедшая в соавторстве с Г.И. Михайловым монография «Монгольская литература. Краткий очерк» (1969) в серии «Литература Востока». Книга, бесспорно, сыграла важную роль в популяризации монгольской культуры в России. Клара Николаевна является автором нескольких энциклопедических статей о монгольской литературе².

Клара Николаевна выступила инициатором и составителем ряда сборников статей, посвященных монгольской словесности. В частности, можно назвать литературоведческие сборники советских и монгольских авторов «Новые горизонты. Литературно-художественная критика в МНР» (1979), «Монгольская литература. Очерки истории XIII – первой половины XX в.» (1997) и др. Ее усилиями в свет выходили сборники переводов художественной литературы на русском языке, способствовавшие сближению народов двух стран³.

Кроме того, в качестве составителя, автора предисловий К.Н. Яцковская приняла деятельное участие в издании 16-ти томной Библиотеки монгольской литературы в 1980-е годы.

Клара Николаевна уделяет большое внимание столь актуальной сегодня теме истории науки, публикации архивных материалов, свя-

занных с именами Н.П. Шастиной⁴, С.А. Кондратьева⁵. Ряд работ К.Н. Яцковской посвящены истории изучения монгольской литературы, ее перу принадлежит единственная в своем роде фундаментальная статья об изучении монгольской литературы в России⁶.

В своей обзорной статье К.Н. показывает роль и значение научных трудов российских ученых, внесших особый вклад в дело изучения монгольской словесности – А.М. Позднеева, П. Кафарова, Б.Я. Владимирцова. В частности, она пишет, что «Монгольская литература» Б.Я. Владимирцова «свидетельствует об огромном объеме изученных материалов, связанных с монгольской словесностью, и почти не введенных в научный оборот: монгольский фольклор, со всем разнообразием его жанров, эпическая литература, богатейший эпос, исторические предания, хроники и летописи, тибетские сочинения, дидактические поэмы-сборники народной мудрости⁷.

В числе корифеев монголоведения начала XX в. автор называет Н.Н. Поппе (1897–1991), справедливо указывая на то, что «одной из первых проблем в изучении литературы монгольских народов он выделяет проблему отношения переводной литературы к оригинальной и сам подсказывает правоту ее постановки, имея в виду, что большинство переводов художественных произведений на монгольский язык является не просто переводами, но переработками, своего рода особыми версиями⁸. Это положение по сей день остается актуальным для изучения монгольской литературы.

Очень подробно Клара Николаевна анализирует этапы изучения монгольских летописей в российском монголоведении, называя труды Ц. Жамцарано «Монгольские летописи» (1936), Н.П. Шастиной («Шара туджи» и «Алтан товчи» Лувсан Дандзана) и др.⁹

Говоря об истории изучения монгольской художественной словесности XX в., К.Н. Яцковская указывает, что еще в 30-е годы Б.Я. Владимирцов, Ц.Ж. Жамцарано, Н.Н. Поппе, Г.Д. Санжеев заметили новую литературу, среди молодых писателей они выделяли имена С. Буяннэмэха, Ц. Дамдинсурэна, Д. Нацагдорджа¹⁰.

Заслуженное место в статье занимает рассказ о работах современных монголоведов. Клара Николаевна пишет: «Ряд теоретических и практических проблем в изучении монгольской литературы, поставленных в последних работах ученых, расширяет трактовку тех или иных проблем в изучении монгольской литературы и содержит новый взгляд на них, а также открывает новые имена литераторов, восстанавливает забытые или, по конъюнктурным требованиям своего времени «пропущенные» явления литературного процесса»¹¹.

Подводя итог далеко не полному обзору научной деятельности замечательного ученого К.Н. Яцковской, хочется сказать, что ее жизнь для молодого поколения монголистов может служить примером преданности своему делу, одной теме – изучению монгольской литературы.

Многие годы К.Н. Яцковская занималась активной общественной деятельностью в качестве члена Центрального Правления Общества советско-монгольской дружбы (с момента основания в мае 1958 г.), затем – Общества друзей Монголии, в рамках которого по ее инициативе проводились многочисленные мероприятия, в том числе и связанные с творчеством монгольских писателей. Больше двух десятилетий Клара Николаевна являлась Ученым секретарем Советской (Российской) части Комиссии по сотрудничеству в области общественных наук РАН и АН Монголии.

Как ученый и общественный деятель, она внесла серьезный вклад в дело развития российско-монгольского гуманитарного сотрудничества и особенно в расширение культурных и литературных связей между народами наших стран.

¹ Яцковская К.Н. Народные песни монголов. М., 1988. С. 12.

² Яцковская К.Н. Монголия. Литература // БСЭ. Т. 16. М., 1974. С. 514–515; Монгольская литература // История всемирной литературы. Т. 6. М., 1989. С. 638–639 (первая половина XIX в.); С. 686–687 (вторая половина XIX в.); Монгольская литература // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 228.

³ Молодые поэты Монголии. М., 1973; Поэзия Народной Монголии. М., 1985; С. Эрдэнэ, Д. Мягмар. М., 1982; С. Дашдооров. Синие горы вдали. М., 1973; Современная монгольская новелла. М., 1974; Из современной монгольской поэзии. М., 1971.

⁴ Яцковская К.Н. К 100-летию со дня рождению Н.П. Шастиной (1898–1980) // Восток. 1999. № 3. С. 215–218; Из личного архива Н.П. Шастиной (1898–1980) // Бюллетень Общества монголоведов РАН. М., 1993. С. 102–104; Неопубликованные материалы 20-х годов из личного архива Н.П. Шастиной (1898–1980) // Mongolica III. СПб., 1994. С. 23–25.

⁵ Клягина-Кондратьева М.И. Дневниковые записи // Mongolica V. СПб., 2001. С. 124–156.

⁶ Яцковская К.Н. Монгольская литература // Изучение литератур Востока. Россия, XX век. М., 2002. С. 335–370.

⁷ Яцковская К.Н. Указ. соч. С. 338.

⁸ Яцковская К.Н. Указ. соч. С. 343.

⁹ Яцковская К.Н. Указ. соч. С. 348.

¹⁰ Указ. соч. С. 349.

¹¹ Указ. соч. С. 351–352.

Список научных трудов К.Н. Яцковской

Канд. дис.: Дашдоржийн Нацагдорж (1906–1937). Жизнь и творчество. – М.: 1972, 229 л. (АН СССР. Институт востоковедения.)

Автореф.: М., 1972, 23 с.

Монгольская литература / АН СССР. Институт востоковедения. «Наука» ГРВЛ – М.:1969. Совм. с Г.И. Михайловым (Литература Востока).

Дашдоржийн Нацагдорж / АН СССР. Институт востоковедения. «Наука» ГРВЛ. – М.: 1974. – 133 с. – То же: Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1976. 164 с. (На монг. яз).

Публикация; введение; ст. Певец-импровизатор и его песни; перевод с монгольского; коммент. // Сто песен дархата Г.Давааджия / АН СССР. М.,1978. 104 с. – То же: Алматы,2001.126 с. (На казах. яз).

Народные песни монголов. М., 1988. 255 с.

Сост.; Введ.; Монгольская литература и ее изучение. С. 5–17. Ст. Новая литература. С. 273–292. Примечания. С. 293–309. // Монгольская литература. Очерки из истории XIII – первой половины XX вв. М., 1997. 338 с.

Поэты Монголии XX в. / РАН. Институт востоковедения. М., 2002. 248 с.

Вступительная статья // Дашцэвэгийн Сэнгээ. Голубь. Стихи и поэмы. Гос. издательство художественной литературы. М., 1961. С. 3–7.

Песня в творчестве Д.Сэнгээ // Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников (23–25 июня 1964 г.). Тезисы и планы докладов. М., 1964. С.89.

Гражданская лирика Д.Сэнгээ (1916–1959) // Краткие сообщения ИНА. Вып. 84. Литературоведение. М., 1965. С. 48–53.

Монгольская литература // Детская энциклопедия. Т. IX. 1966.

Новые исследования монгольских филологов (Экспедиция 1966 г.) // Вестник Академии Наук СССР. № 7. М., 1967. С.105–106.

Лирическая поэзия Монголии. Сост. Биографические справки. // К солнцу! Стихи монгольских поэтов. М., 1969. С. 3–11.

Монголын уянгын яруу найраг // Гадаадынхан монголын тухай. Улаанбаатар., 1971. С.426–434.

Предисловие // Б.Ринчен. «Заря над степью». М., 1972. С. 3–8.

Живое слово поэзии // Вопросы литературы, 1973. № 12. С.200–207.

Советская литература в Монголии // Народы Азии и Африки. 1974. № 4. С. 76–85.

Старые и современные песни, записанные у дархата Г.Даваажия // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы докладов шестой научной конференции. М., 1974. С.92.

Список печатных трудов Г.Д.Санжеева [Сост.] // Исследования по восточной филологии. К семидесятилетию профессора Г.Д. Санжеева. М., 1974. С. 12–21.

Монголия. Литература // БСЭ. Т. 16. М., 1974. С. 514–515.

Три пьесы Д.Нацагдоржа (1906–1937) для эпического театра // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы докладов седьмой научной конференции. – М.: 1976. – С. 104.

К вопросу о жанре песни в современной монгольской литературе // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. Т. 2. Улаанбаатар, 1977. С. 261–265.

Монголын зохиолчид Лениний тухай // Гадаадынхан монголын уран зохиолын тухай. Улаанбаатар, 1977. С.253–261.

«Үүрийн туяа» роман болон түүнийг зохиогчийн тухай // Гадаадынхан монголын уран зохиолын тухай. Улаанбаатар, 1977. С.261–269.

Дашзэвэгийн Сэнгээгийн иргэний уянга // Гадаадынхан монголын уран зохиолын тухай. Улаанбаатар, 1977. С.269–276.

Монголын зохиолч Лодонгийн Тудэв // Гадаадынхан монголын уран зохиолын тухай. Улаанбаатар, 1977. С.276–292.

Зохиолч Сономын Удвал // Гадаадынхан монголын уран зохиолын тухай. Улаанбаатар, 1977. С.292–302.

Чухал үе (Гучаад оны монголын уран зохиолын тухай (Монгольская литература 30-х годов). Цог. № 6. 1978.

Предисловие; составление // Новые горизонты. Литературно-художественная критика в МНР. М., 1979. С. 5–13.

Автор «Солнечного журавля» // Предисловие к книге С.Эрдэнэ. Солнечный журавль. М., 1980. С.223–228.

Цендийн Дамдинсүрэн – писатель и ученый. // Иностранная литература. 1981. № 7. С. 175–179.

Дашдоржийн Нацагдорж и Бертольт Брехт. // *Literaturen Asiens und Africas. Theoretische Probleme.* Akademie-Verlag. Berlin, 1981. С. 177–182.

Становление новой монгольской литературы и проблема взаимного сближения литератур // Особенности формирования национальных литератур народов, миновавших стадию капиталистического развития. / Материалы международного симпозиума. Улан-Батор, 1980. М., 1982. С. 27–33.

Проза Сэнгийна Эрдэнэ. // С.Эрдэнэ, Д.Мягмар. Избранное. М., 1982. С. 7–15.

Молодо и мудро. (Штрихи к портрету Д.Цэвэгмида). // Литературная газета. № 27. 01.07. 1981. // На монг. яз. «Утга зохиол урлаг». Улаанбаатар, 1982. № 31, 10.07. С. 4.

Образцы из «Синего дэбтэра» народных песен дербетов // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы десятой научной конференции. Ленинград, 1982 год. Ч. 2. М., 1982. С. 292–294.

Новая книга о литературе Монголии. – Рец. на: Л.Тудэв. Национальное и интернациональное в монгольской литературе. М., 1982 // Иностранная литература. 1983. № 5. С. 236–237.

Монголын зураг, яруу найрагчийн хөрөг (Пейзаж Монголии и портрет поэта) // «Утга зохиол урлаг» Улаанбаатар, 1983. № 15 08.04. С. 4. Улаанбаатар, 1988. С. 422–424.

Останется песня на свете: Заметки о монгольской поэзии 80-х годов.// Иностранная литература. 1983, № 8. С. 179–183. На монг. яз.: Яруу дуугаар хүний ертөнцөд мөнхөрнө: Наяад оны монголын яруу найргийн тухай тэмдэглэл // Гадаадынхан Монголын тухай. Улаанбаатар, 1986. С. 194–206.

Изучение монгольской литературы в СССР // IV Международный конгресс монголоведов. Улаанбаатар, 1984, Т. 2. С. 31–39.

Характер изменчивости монгольских народных песен [На примере из «Образцов монгольской народной словесности (С.-З. Монголия) и их новых записей»] // Всесоюзная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения акад. Б.Я.Владимирцова. Тезисы докладов. М., 1984. С. 165–166.

Образ коня в народных песнях монголов (С.-З. Монголия) // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы двенадцатой конференции. Москва, 1986 год. М., 1986. Ч. 2. С. 453–454.

Мартагдашгүй үйл явдлууд // Гадаадынхан Монголын тухай. Улаанбаатар., 1986. С. 190–206.

Изучение литературы и фольклора. // Советское монголоведение (1917 – 1987). М., 1987. С.159–171.

Литературоведение и фольклористика. [Сост.] // Библиография по советскому монголоведению. ИВ АН СССР. М., 1987. С. 72–90.

Дашдоржийн Нацагдорж в контексте современности // V Международный Конгресс монголоведов (Улан-Батор, сентябрь, 1987). Доклады Советской делегации. – Ч. III. М., 1987. С. 197–204.

Сотрудничество советских и монгольских ученых // АН СССР Всесоюзная ассоциация монголоведов. Бюллетень. Вып. I. М., 1987. С. 23–27.

Монгольская литература // Литературный энциклопедический словарь. «Советская энциклопедия». М., 1987. С. 228.

Персоналии // Там же. С. 74; 86; 106; 205; 565; 590; 639; 660–661; 687; 707; 715; 733–734; 749.

Дэргэвт Хархуугийн Гунзэн и его песни // Актуальные проблемы современного монголоведения. Улан-Батор, 1987. С.234–239.

Зохиолч, эрдэмтэн Цэндийн Дамдинсурэн // Гадаадынхан Монголын уран зохиолын тухай. Улсын хэвлэлийн газар. Улаанбаатар., 1987. С. 142–154.

Сэнгийн Эрдэнийн үргэлжилсэн үгийн зохиолын тухай. Улсын хэвлэлийн газар. Улаанбаатар., 1987. С. 155–164.

Новые грани // Голоса молодых. Поэзия и проза. М., 1988. С. 207–214 (Библиотека монгольской литературы).

Результаты сотрудничества СССР и МНР в области общественных наук (в соавторстве с В.М.Солнцевым) // Двустороннее сотрудничество обществоведов социалистических стран: итоги, проблемы, перспективы. 1981–1986 гг. М., 1988. С. 74–81.

Важный этап в развитии культурных связей СССР и МНР // Развитие связей между СССР и МНР в области культуры. 1971–1985. Библиографический указатель. М., 1988. С. 7–14.

К проблеме изучения художественных особенностей «Сокровенного сказания монголов» // Владимирцовские чтения. II Всесоюзная конференция монголоведов. Тезисы докладов и сообщений. М., 1989. С. 188–191.

Народная песня в ее связи с традициями древней монгольской поэзии // История и культура монголоязычных народов: источники и традиции. Межд. «круглый стол» монголоведов. Тезисы. докл. и сообщ. Улан-Удэ, 1989. С. 88–90.

Монгольская литература // История всемирной литературы. Первая половина XIX в. Т. 6. М., 1989. С. 638–640.

Материнский ряд в образной системе «Сокровенного сказания монголов». // Mongolica. An Intern. Annual of Mong. Studies. Ulan-Bator: 1990. Vol. 1(22). P.265–275.

Motives from “Secret History of the Mongols” in the “Heroic Epic of Genggis Khan” according to the Jagatai XVII Century Manuscript // The Intern. Conf., Dedicated to the 750th Anniversary of the “Secret History of the Mongols”. Abstracts of the Papers of the Conf. Participants. Ulan-Bator.: 1990. P.16–18.

Монгольская литература // История всемирной литературы. Вторая половина XIX в. Т. 7. М., 1991. С. 686–688.

Элементы эпоса в народных песнях западных монголов // Взаимосвязи и закономерности развития литератур Центральной и Восточной Азии. М., 1991. С. 15–23.

Поэзия и проза А.С.Пушкина на монгольском языке: переводы Ц.Дамдинсурэна и Д.Нацагдоржа // Творчество А.С.Пушкина и зарубежный Восток. М., 1991. С. 96–103.

Дашдоржийн Нацагдорж в контексте современности // Олон улсын монголч эрдэмтний V их хурал. Т. 2. Улаанбаатар., 1992. С. 135–140.

Элементы архаики в бытующих ныне монгольских уртын дуу. // VI Международный конгресс монголоведов. Доклады российской делегации. Ч. 2. М., 1992. С. 217–223.

Элементы архаики в бытующих ныне монгольских уртын дуу. // Олон улсын монголч эрдэмтний VI их хурал. – Илтгэлүүдийн товчлол. Улаанбаатар., 1992. С. 166–167.

Заметки участника VI Конгресса монголоведов // Бюллетень Общества монголоведов РАН. М., 1993. С. 29–36.

Послесловие [к публикации Отчета Ю.Н.Рериха о поездке в МНР 20.07–2.08.1958 г.] // Бюллетень Общества монголоведов РАН. М., 1993. С. 99–102.

Из личного архива Н.П. Шастиной (1898–1980). // Бюллетень Общества монголоведов РАН. М., 1993. С. 102–104.

Публикация: Шастина Н.П. «Из истории древних изречений монголов» // Там же. С. 105–117.

Предисловие (в соавторстве с Кляшторным С.Г.). // MONGOLICA. К 750-летию «Сокровенного сказания». – М.: 1993. – С. 3–6.

Памяти товарища. [И.Т.Кунавин (1933–1993)] // Бюллетень Общества монголоведов РАН. М., 1993. С. 211–212.

Монгольская литература. // История всемирной литературы. Конец XIX – начало XX в. / ИМЛИ РАН. Т.8. М., 1994. С. 616–619.

Неопубликованные материалы 20-х годов из личного архива Н.П. Шастиной. (1898–1980). // MONGOLICA–III. Из архивов отечественных монголоведов XIX– начала XX вв. СПб., 1994. С. 23–25.

Публикация: Шастина Н.П. «Китайцы-иконописцы в Улан-Баторе». С. 26–27.

«Фрагменты статьи об аймачном храме «Орлуд» // Там же. С. 28–34.

Жанр устного рассказа в творчестве Ц.Дамдинсурэна // Владимирцовские чтения III. Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции. М., 1995. С. 209–215.

Сатирические мотивы в монгольских народных песнях. // Аман зохиол судлал (Фольклористика), Т. XIX. Улаанбаатар., 1995. С. 19–23.

Монгольский ёрол: записи XX века // Российское монголоведение. Бюл. IV. – М.: 1996. –С. 17–21.

Публикация, предисловие, примечания / М.И. Клягина-Кондратьева. Из дневниковых записей. 1-я Кентейская (Ононская экспедиция) // Российское монголоведение. Бюллетень IV. М., 1996. С. 125–142.
 Пушкин в Монголии. // Пушкин и мир Востока. – М.: 1999. – С. 275–288.
 К 100-летию Нины Павловны Шастиной (1898–1980) // Восток (ORIENTS). М., 1999. № 3. С. 215–218.
 Публикация, введение, примечания / М.И. Клягина-Кондратьева. Хангайская экспедиция 1928 // MONGOLICA-V. Посвящается К.Ф. Голстунскому. Издательство «Петербургское востоковедение». СПб., 2001. С. 124–156.
 Публикация, комментарий, послесловие. Клягина-Кондратьева М.И. Гобийская экспедиция 1929 г. // Российское монголоведение. Бюллетень V. М., 2001. С. 412–435.
 Монгольский аллитерационный стих в контексте мировой поэзии: (к постановке проблемы) // Российское монголоведение. Бюллетень V. М., 2001. С. 254–265.
 Ж.Батмөнх гуайн гэгээн дурсгалд // Жамбын Батмөнх. «Хүч х эрэглэж хэрхэвч болохгүй». Улаанбаатар., 2001. С. 494–496.
 Памяти Людмилы Васильевны Букиной (1950–1997) // Российское монголоведение. Бюллетень V. М., 2001. С. 510–514.
 Монгольская литература. // Изучение литератур Востока. Россия, XX в. М., 2002. С. 335–361.
 Встреча цивилизаций (на примере русской и монгольской литератур) // Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций / РАН. Институт востоковедения. Общество монголоведов. М., 2002. С. 258–270.
 «Сокровенное сказание монголов» и «Слово о полку Игореве» // РАН. Институт востоковедения. Общество монголоведов РАН. VIII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 5–12 августа 2002 г.) Доклады российской делегации. М., 2002. С. 297–301.
 Юрий Николаевич Рерих (1902–1960) // ALTAICA VII. / РАН. Институт востоковедения. М., 2002. С. 183–199.
 Живое наследие (к 100-летию со дня рождения Ю.Н. Рериха). / РАН. Восток. 2002. № 5. С. 209–216.
 Джагатайская рукопись XVII в. «Богатырское сказание о Чингисхане» и «Сокровенное сказание монголов» (13 в.) // Международный конгресс востоковедов. Тезисы. М.: 2004. С. 930.
 К 100-летию со дня рождения Анны Евгеньевны Глускиной (в соавторстве с Л.М.Ермаковой). /РАН. Восток (ORIENTS) 2004. № 5. С. 200–205.

К 95-летию со дня рождения и 20-летию со дня смерти Льва Залмановича Эйдлина. / РАН. Восток (ORIENTS). 2005. № 5. С. 209–216.
 Народные песни цаганов. Тексты. Анализ // Владимирцовские чтения-V. Доклады Всероссийской научной конференции (Москва, 16 ноября 2005 г.). М., 2006. С. 236–251.
 Монгольское государство в трудах Н.П. Шастиной // IX Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8–12 августа 2006 г.) Доклады российских ученых. М., 2006. С. 188–194.
 Из рода «хранителей тайны огня» // MONGOLICA-VII (к 100-летию со дня рождения Д. Нацагдорджа). Издательство «Петербургское востоковедение». СПб., 2007. С. 10–19.
 Публикация, введение, примечания / Из воспоминаний М.И. Клягиной-Кондратьевой // MONGOLICA-VII (к 100-летию со дня рождения Д. Нацагдорджа). СПб., 2007. С. 88–101.
 Четки с кораллами // Цэндийн Дамдинсүрэн. К столетию со дня рождения. М., 2008. С. 533–538.
 Публикация, введение: Из личного архива Н.П. Шастиной // Страны Востока: история, культура, международные отношения. Доклады международной конференции, 26 ноября 2008 г. / Вестник международного центра азиатских исследований. Вып. 15. Иркутск: 2008. С. 34–44.
 Вспоминая Нину Павловну Шастину (к 110-летию со дня рождения) // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Н.П. Шастиной. Иркутск, 26 ноября 2008 (в печати).

К 80-ЛЕТИЮ Ш.Г. НАДИРОВА

1 сентября 2009 г. исполнилось 80 лет со дня рождения Шайкена Галимбековича Надирова, известного российского монголоведа, старшего научного сотрудника Института востоковедения РАН, кандидата экономических наук. Позади большая жизнь, наполненная крупными событиями, встречами и общением с яркими, незаурядными людьми и долгая напряженная работа, трудная и плодотворная работа в разных сферах – научно-преподавательской, дипломатической, общественной, научно-исследовательской.

Шайкен Галимбекович в 1950 г. окончил факультет журналистики Казахского государственного университета. Он имел все данные для активной журналистской работы, но вместе с тем рано почувствовал желание заняться экономическими вопросами, глубже изучить экономическую теорию и хозяйственную практику того времени. В 1954–1961 гг. он работал преподавателем КазГУ, в 1955 г. стал кандидатом экономических наук, а в 1956 г. – доцентом кафедры политэкономии и деканом экономического факультета.

В 1961 г. произошел неожиданный поворот в жизни: ему была предложена заграничная командировка в Монгольскую Народную Республику, а конкретно – поработать консультантом и преподавателем Монгольского государственного экономического института. С тех пор вся его деятельность связана с Монголией. Он полюбил эту страну, узнал ее особенности, проблемы. В 1961–1962 гг. Ш.Г. Надиров работал в Экономическом институте, сотрудничал с ведущими монгольскими экономистами, познакомился с другими монгольскими учеными, общественными и государственными деятелями страны. Монгольские ученые и руководящие работники высоко ценили его профессионализм, умение довести до слушателей суть самых сложных экономических понятий, тактичность и интеллигентность в общении. Его известность и авторитет в научных кругах быстро росли.

Это не осталось незамеченным и в Советском посольстве в Улан-Баторе. И вот новый поворот – Ш.Г. Надирова приглашают на работу в Посольство. Он поработал там дважды – в 1962–1965 гг. и в 1969–1970 гг. Его экономические знания, умение работать с людьми, организаторские и, как оказалось, дипломатические способности –

все это достойно оценили и в самом Посольстве, и в аппарате МИД в Москве. В 1969–1970 гг. он уже работал в качестве советника-посланника.

Здесь надо сказать о новом повороте в жизни Шайкена Галимбековича. Успешная, активная работа в Посольстве получила должную оценку не только в МИДе, но и в аппарате ЦК КПСС. Профессионалы такого уровня были очень нужны в соответствующих отделах ЦК. Ш.Г. Надиров работал там долгие годы – в 1965–1969 и 1970–1990 гг. Только он сам может рассказать, как много было сделано, как много было пережито, и радостного, и горького, и что частично он отразил впоследствии в научных трудах.

К научной работе он полностью вернулся в 1991 г. (именно «вернулся» – он не расставался с ней совсем и в годы аппаратной работы). Это был еще один поворот в жизни Шайкена Галимбековича – он стал научным сотрудником Института востоковедения РАН. Можно было видеть, с каким удовольствием, можно сказать – упоением занимался он исследовательской работой, писал статьи, разделы коллективных монографий, рецензии. Ему все было интересно и все – по силам. Коллектив Отдела Кореи и Монголии быстро принял его как «своего», по достоинству оценил его огромный опыт, его научный потенциал и возможности.

Главный научный труд Ш.Г. Надирова – книга «Цеденбал. 1984 год», вышедшая в 1995 г. и затем переведенная на монгольский и английский языки. Без преувеличения, это – выдающаяся работа, построенная на архивных материалах и личных наблюдениях автора. Он хорошо знал этого крупного государственного деятеля Монголии, много с ним общался, был прямым очевидцем драматических событий 1984 г. Книга – ценный источник по новейшей истории Монголии, ее неизменно используют и цитируют историки разных стран в своих исследованиях.

Ш.Г. Надиров – соавтор всех крупных коллективных монографий по Монголии, подготовленных в отделе, – «История Монголии. Век XX», «Российско-монгольские отношения: по пути стратегического партнерства» и др. В последнее время он работает по проблемам советско-монгольских отношений в 80-е годы XX в. В целом его перу принадлежат свыше 150 публикаций.

И, конечно, нельзя не сказать о человеческих качествах Шайкена Галимбековича Надирова. Это глубоко порядочный человек, честный, доброжелательный, внимательный, широко эрудированный. Интеллигент с большой буквы. Авторитет Шайкена Галимбековича,

человека мудрого, с богатым жизненным опытом, в высшей мере тактичного, деликатного, благородного, – непререкаем.

Заслуги Ш.Г. Надирова отмечены орденом Трудового Красного Знамени и многими медалями СССР и МНР.

Доброго здоровья Вам, дорогой Шайкен Галимбекович, всего самого хорошего Вам и Вашей семье!

Д.Д. Амоголонова

ПОСТИЖЕНИЕ ВОСТОКА: РЕЛИГИЯ, ВЛАСТЬ,
ЭТНИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ТРАДИЦИОННОЙ
МОНГОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(К ЮБИЛЕЮ Т.Д. СКРЫННИКОВОЙ)

Татьяна Дмитриевна Скрынникова – выдающийся ученый-востоковед с мировым именем, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Будучи представителем и продолжателем лучших традиций петербургской востоковедной школы, она внесла значительный вклад в развитие отечественного монголоведения, религиоведения, социальной и культурной антропологии.

Т.Д. Скрынникова родилась в г. Оренбурге, в 1968 г. поступила на отделение истории Монголии Восточного факультета Ленинградского государственного университета, который закончила в 1974 г. Тогда же она начала работать в Бурятском институте общественных наук Сибирского отделения Академии наук СССР (с 1997 г. – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН).

В 1982 г. в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Ламаистская церковь и государство Внешней Монголии XVI – начала XX в.» и в 1995 г. там же, в Санкт-Петербургском филиале ИВ РАН, защитила докторскую диссертацию по теме «Харизма и власть в представлении средневековых монголов». Ею опубликовано более 170 научных трудов, из них семь монографий.

В своей первой книге «Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI – начала XX в.». На материалах оригинальных монгольских источников Т.Д. Скрынникова показала процесс формирования церковной организации Халхи, который длился на протяжении всего XVII в., что позволило ей опровергнуть бытующее в монголоведении мнение о создании института ламаистской церкви в 1639 г. Эта работа, написанная с принципиально новых позиций и опубликованная в 1988 г., показала, что отечественное востоковедение приобрело в лице Татьяны Дмитриевны специалиста с широчайшим кругозором и знаниями, умеющего проводить глубокий анализ ис-

точников – основы историко-востоковедного исследования. В частности, Т.Д. Скрынникова представила механизм укрепления позиций церкви через внедрения в ее структуру представителей властной элиты – от принятия отдельными князьями монашеских степеней до посвящения своих детей в духовный сан, что способствовало формированию двух важнейших социальных институтов: перерожденцев (хубилганов) и шабинаров. Важным для понимания значения экономического положения монастырей стало выделение автором двух форм собственности: коллективной собственности монашеской общины, управляемой казной монастыря (джаса), и индивидуально-коллективной собственности перерожденца, управляемой специальной казной (сан). Другим важным результатом исследования, проведенного на материалах монгольских источников, стало следующее: с одной стороны, с включением Халхи в состав Цинской империи сохраняемая маньчжурами раздробленность страны, подчинение монастырей местным административным органам препятствовали созданию организации под эгидой монгольского духовного лица; но, с другой стороны, ламаистская церковная организация Халхи данного периода представляла собой цельный организм, управляемый Пекинским ламаистским центром. И внутри этой структуры уже с XVII в. отмечалось лидерство Джебцун Дамба-хутухты, родство которого с влиятельнейшей халхаской фамилией тушету-ханов обеспечивало ему наивысший экономический потенциал. Ослабление власти Цинской династии в самом Китае и, следовательно, в Монголии способствовало усилению его влияния среди монгольского духовенства. Интегрирующая роль его монастыря Их хурээ (Урга), ставшего экономическим и политическим центром Халхи, усиливало эту тенденцию, что привело к тому, что именно Джебцун Дамба-хутухта стал светским и духовным главой Внешней Монголии.

С конца 1980-х и вплоть до недавнего времени ведущей темой исследований Т.Д. Скрынниковой стали Монгольская империя и ее основатель – Чингис-хан. Разработка этой темы в полной мере показала, что Татьяна Дмитриевна является современным ученым, в полной мере использующим методологические принципы и методы гуманитарных наук. Более того, она стала признанным в мире авторитетом не только в области исторических исследований, но и как культурный и социальный антрополог. Ее знаменитая монография «Харизма и власть в эпоху Чингис-хана» убедительно доказала, что *современное востоковедение* подразумевает фундаментальное исследование исторических источников с позиций методов социаль-

ной и культурной антропологии. Выделив в Монгольской империи кочевое ядро, Т.Д. Скрынникова проанализировала употребление в монгольском источнике «Сокровенное сказание» конкретных монгольских терминов «уруг» (линидж), «обог» (род, или клан) и «улус» и «иргэн» (племя) и пришла к выводу, что Монгольская империя не была феодальным государством, ее кочевое ядро представляло собой конфедерацию племен или суперсложное вождество. Основное внимание было уделено исследованию представлений о харизме и ее месте в отношениях «господства – подчинения». Ею была реконструирована картина мира средневековых монголов на основе лингвистического и структурно-семантического анализа основных противоположностей: верх – низ, Небо – Земля. В картине мира средневековых монголов особое значение придавалось центру, выраженному как естественными географическими объектами – гора, дерево, исток реки, так и искусственными артефактами – каменный столб, знамя, где проводились общественно значимые ритуалы. Наибольшее значение в качестве маркера центра придавалось харизматическим личностям – старейшине, лидеру, правителю любого ранга, поскольку их харизма была харизмой всей общности, обеспечивая выполнение регулирующей и цивилизующей функции. При этом подчеркивалась роль правителя как исполнителя главного ритуала. Хаган также назывался «сыном Неба», что указывало на его статус как универсального правителя, способного цивилизовать весь мир, поскольку выступал в качестве прямого медиатора Небо/космос – социум благодаря харизме, полученной от Неба. Харизма, связанная с сакральной сферой правителя выступала в качестве основы социальной и природной гармонии.

Анализируя монгольские термины, определяющие бытие человека, Т.Д. Скрынникова предложила различать два различных феномена: витальность и сакральность. Если первая группа терминов («амин», «сунэсун») связывается с дыханием (жизнью), то вторая – с огнем, солнцем, т.е. напрямую с сакральной сферой. Анализ целого ряда монгольских терминов («сульдэ», «суу дзали», «цог дзали», «сур джавхланг»), «хий морин и др.) выявил их общую семантику – сияние, блеск, свет, и показал, что, по представлениям средневековых монголов, лидеры обладали максимумом сакральности, что обеспечивало их позицию центра общности и выполнение ими ритуальных функций – проведение центральных социально значимых ритуалов.

Исследование темы Монгольской империи было продолжено в контексте изучения специфики кочевых обществ. В немалой степени

это связано с приближавшимся 800-летием создания империи Чингис-хана, что актуализировало интерес к данной проблеме. По инициативе Т.Д. Скрынниковой и под ее руководством в 2004 г. был подготовлен и проведен международный «Круглый стол» «Истоки монгольской государственности: Чингис-хан и его время (Монгольская империя. К типологии кочевых обществ)»; в рамках этого мероприятия были опубликованы две книги «Монгольская империя и кочевой мир». В работе «Круглого стола» приняли участие ученые, широко известные своими исследованиями в области теории общественных наук, истории кочевничества, монголоведения. В качестве основных вопросов, которые были вынесены на обсуждение научной общественности, можно отметить следующие: Монгольская империя и типология кочевых обществ; социально-политическая структура и организация власти в средневековом монгольском обществе; проблема «кочевой цивилизации» и цивилизации у монголов; идеологическая система Монгольской империи; Монгольская империя и история мир-систем. Обсуждение этих вопросов происходило в сопоставлении с другими обществами кочевников Евразии.

Итогом исследования Монгольской империи стала монография «Империя Чингис-хана», написанная в соавторстве с Н.Н. Крадиным (М., 2006), в которой поставленные ранее проблемы получили дальнейшее развитие. На основе анализа нативных текстов Т.Д. Скрынникова показала, как наряду с гентильным смыслом имени *монгол* возрастают его другие значения: а) *социальное* – как термина, обозначающего военную дружину под руководством военного вождя; б) *этническое* – обозначение союза этнических групп, сохраняющих свое собственное имя наряду с именем союза, и формирование этнического сознания: происходит усиление гетерогенности союза и его укрупнение и укрепление; в) *потестарное* – обозначение термином политики, являющейся конфедерацией групп разного уровня (родов, племен, союзов). Термин *монгол* имел не только значение этнофора (этнофании), но и стал обозначать более крупные потестарно-политические единицы и территорию их проживания.

Автор делает вывод, что характерной чертой монгольского общества являлась корпоративная собственность на власть, что было связано с оформлением привилегированного положения рода *кыят-борджигин*, к которому принадлежал Чингис-хан, получившему наименование «*Золотого рода*». Властные отношения выражались, при отсутствии развитого административного аппарата, через систему кровнородственных связей в двух формах: а) леги-

тимация социальных связей, через которые проявляются властные отношения и осуществляется доступ к верховной власти, посредством *генеалогии*, способной приспособливаться к социальной и политической практике, порождая зачастую фиктивные генеалогии; б) обозначение отношений в конфедерации племен через *термины кровного родства*, маркирующих их лидеров: отец – сын, старший брат – младший брат, побратим (анда). Анализ функционирования терминов социальной организации, таких как *богол* («рабы») и *харачу* («простолюдины»), позволил исследователю пересмотреть механизмы структурирования собственно монгольского ядра империи и показать, что они не обозначают социальные слои монгольского общества, а моделируют отношения «господства – подчинения» на имперском уровне, маркируя приоритетный доступ к власти представителей рода Чингис-хана. Исследование этих терминов в историческом контексте (на основании оригинальных исторических источников) показывает, что они использовались в «*Сокровенном сказании*» не для обозначения социальных экономически зависимых слоев, а для перекодировки взаимоотношений родов и племен и их лидеров по отношению к правящему роду Чингис-хана. При этом право власти легитимировалось способностями кандидатов на престол к ритуальной практике и в этом качестве они могли выступать гарантами целостности и благоденствия коллектива. Чингис-хан выполнял и сакральные, и профанные властные функции (харизматический тип власти).

Т.Д. Скрынникова объясняет постоянную борьбу за власть в Монгольской империи перепроизводством элиты и отсутствием утвердившегося механизма передачи власти, поскольку актуальными были два принципа: ультима- (младший из младших) и примогени-турный (старший из старших). Изучение системы крыльев позволило ей выявить усложняющуюся структуру власти у кочевников, хотя основным принципом ее организации по-прежнему оставался родовой принцип. Постоянное перераспределение властных функций связывается с изменениями в структуре власти между линиями даже в границах одного рода – правящего рода кыят-борджигин.

Эти исследования Т.Д. Скрынниковой явились принципиально новым словом в науке. Благодаря исчерпывающему анализу проблем власти в Монголии, Т.Д. Скрынникова вошла в число мировых специалистов в области социальной структуры средневековых кочевых обществ, а ее работы не только широко цитируются: они представляют собой методологическую основу для других исследований

в области монголоведения, номадистики, археологии, религиоведения и традиционной культуры.

Важным аспектом деятельности Т.Д. Скрынниковой является подготовка молодых специалистов. Будучи профессором кафедры этнологии и фольклора Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, она, совместно с профессором Н.Б. Дашиевой, разработала программу обучения по специальности «Этнокультурология», которая вошла в государственный образовательный стандарт. Ею читались следующие курсы: введение в этнологию, история этнологии, методы исследования в этнологии, введение в историю культуры, культура архаических и традиционных обществ, семиотика. Т.Д. Скрынникова является создателем современной научной школы изучения традиционной культуры народов Забайкалья; благодаря ее научным усилиям и творческому энтузиазму кафедра не только готовит высококвалифицированных специалистов: это один из важных исследовательских центров. В настоящее время на кафедре работает ряд молодых преподавателей, ставших признанными специалистами благодаря научному руководству Т.Д. Скрынниковой.

В отделе философии, культурологи и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН Скрынникова Т.Д. является руководителем тематической группы культурологов. Работа в группе ведется по ряду направлений, которые в наиболее общем виде можно охарактеризовать как изучение этнической культуры монголоязычных народов и культурно-антропологический анализ бурятского национально-культурного возрождения в контексте современной научной методологии. Сама Т.Д. Скрынникова работает по всем направлениям исследований и к настоящему времени уже достигла значительных результатов как в выявлении знаков и символов традиционной культуры и их бытования в естественной среде древности и средневековья, так и в адаптации этих знаков и символов к условиям модернизированного сознания. Ею выделены общие парадигмы в культурных феноменах и специфические элементы в культуре разных групп бурят и монголов; обоснована концепция двух типов в традиционной культуре монголоязычных народов (шире: народов алтайской языковой семьи) – восточноазиатской (нативной) и южно-западноазиатской (сложившейся под влиянием индоиранских кочевников).

Несомненной заслугой Т.Д. Скрынниковой является создание исследовательских коллективов, состоящих из сотрудников разных научных и научно-педагогических учреждений. Благодаря ее научно-

методологическому руководству, группа культурологов проводит глубокие и интересные исследования, связанные с реконструкцией бурятской традиционной картины мира, в которой значимое место занимают ритуалистика и обрядность, а также представления о пространстве жизнеобеспечения. В частности, под ее руководством были написаны и опубликованы монография «Обряды в традиционной культуре бурят» (М., 2002), и ряд сборников статей. Применение в исследовании новых подходов, выработанных культурной и социальной антропологией (историко-генетический, герменевтический и культурно-семантический анализ), в изучении традиционной культуры бурят, подтвердили предложенную Т.Д. Скрынниковой концепцию наличия с в традиционной культуре монгольских народов (шире: народов алтайской языковой семьи) двух типов (нативного – восточноазиатского, для которого характерна диада, и южно-западноазиатского, сформировавшегося под воздействием арийского субстрата, где отмечается триада как персонажном, так и в агентивном кодах). Эта модель объясняет различный характер мировоззрения и ритуальной практики народов восточной и западной части Центральной Азии в конкретное время и конкретном регионе. Анализ традиционной культуры бурят заключался в интерпретации значений кодов (локативного, персонажного, агентивного, предметного, акционального) вербального и невербального поля культуры, что позволило представить системный анализ обрядовой практики: выделить типы обрядов, реконструировать пантеон божеств через описание персонажного кода, определить место и функции исполнителей (правитель, шаман, кузнец) обрядов. Подчеркивается, что мотив солнца/света является центральным в архетипе, связанном с южно-западноазиатской традицией. Были рассмотрены формы выражения культа Солнца в ритуальной практике через анализ терминов, обозначающих атрибуты ритуала.

Выработанный Татьяной Дмитриевной на основании исследований по традиционной культуре инструментарий был предложен ею для изучения процессов самоидентификации бурят в контексте социокультурной модернизации с конца XIX в. по настоящее время. Продуктивность и оригинальность подхода способствовали формированию научного дискурса, в котором предложена теоретическая реконструкция ментальной и социокультурной истории бурят на протяжении более чем столетия, обсуждаются актуальные проблемы современного бурятского этнокультурного возрождения, современного мифотворчества, определяются парадигмы и константы иден-

тичности, способствующие формированию современной бурятской культурной этносферы. Научным выражением дискурса являются три коллективные монографии по бурятской этничности, написанные при ее участии и опубликованные под ее редакцией.

Круг научного общения Т.Д. Скрынниковой весьма широк; она участвует в многочисленных научных конференциях как в России, так и за рубежом. Ее работы публикуются на английском, китайском, японском языках в самых престижных и уважаемых изданиях. Она поддерживает научные и дружеские контакты со многими выдающимися учеными в разных странах мира. Многие ученые с гордостью называют себя ее учениками.

Научные заслуги Татьяны Дмитриевны получили и официальное признание: ей присвоены почетные звания Заслуженного деятеля науки Республики Бурятия, Заслуженного ветерана Сибирского Отделения РАН, она награждена Почетной грамотой Народного Хурала Республики Бурятия, Почетной грамотой Российской Академии наук, Почетной грамотой Академии наук Республики Монголия.

Огромный научный талант, самоотверженность в исследовании сочетаются в ней с великим даром доброты, отзывчивости и умения быть другом. Несмотря на занятость, друзьям и коллегам она всегда помогает и добрым советом, и делом. В редкие минуты досуга она рисует замечательные картины, великолепно поет романсы, аккомпанируя на гитаре.

Кроме указанных выше монографий, хочется отметить наиболее важные публикации Т.Д. Скрынниковой:

Сакральность правителя в средневековом монгольском обществе //

Колл. монография «Сакрализация власти в истории цивилизаций». Глава 12. Ч. II-III. / Отв. ред.: Л.А. Андреева, А.В. Коротяев. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН. М., 2005. С. 98–125.

Relations of Domination and Submission: Political Practice in the Mongol Empire of Chinggis Khan // *Imperial Statecraft: Political Forms and Techniques of Governance In Inner Asia, 6–20 centuries*. Chapter 3. East Asian Publication. Western Washington University. Washington (USA), Cambridge (UK). 2006. С. 85–115.

Ethnicity in Contemporary Buryat Political Ideology // *Inner Asia* 5 (2003). Cambridge, UK. P. 119–141.

Shamanism in Inner Asia: Two Archetypes // *Sibirica. Journal of Siberian Studies*. Vol. 2. Number 2. Autumn 2002. P. Aberdeen, UK. P. 69–87.

Typology of Traditional Culture of the Mongol-Speaking Peoples // *Central Asian Studies Review*. Volume 2, Number 2, (Spring 2003). Cambridge, USA. P. 18–20.

Semantics of the Names of the Mongol's Forefathers // *Kinship in the Altaic World*. Proceedings of the 48th PIAC. Wiesbaden, 2006. с. 287–292.

Пограничные идентичности: буряты между Монголией и Россией // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 395–420.

Образ Чингис-хана в современном бурятском историко-культурном дискурсе // *Ab Imperio*. 2005. № 4.

Why do we call Genghis Khan's polity "an empire"? // *Ab Imperio*. 2006 № 1. P. 89–119 (в соавт. с Н.Н. Крадиным).

Традиционная культура и буддизм в самоидентификации бурят // *Религия и идентичности в России*. М., 2003. С. 121–153.

Две Монголии: особенность средневековых идентификационных практик // *Вестник Евразии*. 2005. № 2. С. 29–65.

Символическое сакральное пространство бурятского фольклора. // *Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения трансконтинентальных связей*. Иркутск, 2003. С. 72–111.

Представления о сакральности и витальности у монгольских народов // *В мире традиционной культуры бурят*. Улан-Удэ, 2006. С. 64–112.

Обряд посвящения в шаманы – моделирование сакрального пространства // *В мире традиционной культуры бурят*. Вып. 2. Улан-Удэ, 2007. С. 46–95.

В короткой статье невозможно отразить весь колоссальный вклад, внесенный Т.Д. Скрынниковой в развитие отечественной и мировой гуманитарной науки, выразить искреннее восхищение, благодарность и дружеские чувства к прекрасному, доброму и красивому человеку, наделенному огромными и разносторонними талантами. Хочется пожелать юбиляру здоровья, дальнейших творческих успехов, удачи и радости в жизни.

П.П. Дамбуева

К ЮБИЛЕЮ А.А. ДАРБЕЕВОЙ

Доктору филологических наук, профессору, ведущему научному сотруднику отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН Дарбеевой Анне Ангадыковне исполнилось 90 лет.

К столь знаменательной юбилейной дате Анна Ангадыковна отнеслась, к огорчению многих друзей и родных, слишком спокойно, попросив их обойтись без суеты, которая представляется ей «совершенно излишней».

Так получилось, что, успешно и плодотворно проработав всю жизнь, Анна Ангадыковна привыкла сторониться публичного признания, избегать внешних эффектов и малейшего пафоса. И это не кокетство, а характер, в котором поздно что-либо менять. Вот такой – с ясным умом, твердая и невозмутимая, предстала перед нами Анна Ангадыковна в свои 90 лет.

За ее плечами – долгая, интересная и трудная жизнь. Анна Ангадыковна Дарбеева родилась 15 февраля 1917 г. в деревне Куйта Балаганского уезда Иркутской губернии (ныне Аларский район Иркутской области) в семье крестьянина.

В 1934 г. поступила в Агропединститут в г. Улан-Удэ на филологическое отделение. Годы студенчества, несмотря на тяготы своего времени, она вспоминает с большой теплотой. «Ректором агропединститута в то время были Татьяна Ефимовна Карпова и позже – Морхоз Петрович Хабаев, – вспоминает Анна Ангадыковна, – красивые, очень интеллигентные люди. В Бурятии была сложная кадровая ситуация. Национальных кадров не хватало, и многие дисциплины вели преподаватели из Москвы. На всю жизнь запомнились яркие, эмоциональные лекции Абрамова на подготовительном курсе, Чагина по теории литературы».

В студенческие годы формировался круг научных интересов Анны Ангадыковны, ее художественные пристрастия, среди которых приоритетное место занимала поэзия Серебряного века. Студентке Ане Маркизовой, нестандартно мыслящему энтузиасту и спорщику, были близки мучительные идейные искания Д. Мережковского, В. Брюсова, З. Гиппиус.

Теплые отношения связывали Анну Ангадыковну с семьей единственного на тот момент профессора филологического отделения В.Д. Кудрявцева. Анна Ангадыковна вспоминает, как не раз посещала эту гостеприимную семью. Профессор живо интересовался успехами Анны Ангадыковны, консультировал, давал советы, а хозяйка дома Зинаида Васильевна угощала пирогами. В пытливой и умной девушке они видели в перспективе крупного специалиста – будущую смену.

Независимый характер, оригинальный склад ума, юный задор Анны Ангадыковны привлекали к ней внимание преподавателей. В публичных выступлениях, творческих работах студентки угадывалось молодое дарование.

В 30-е годы на базе агропединститута образовались педагогический и сельскохозяйственный институты. «Время было сложное, – вспоминает Анна Ангадыковна, – старший брат Ардан Ангадыкович Маркизов был арестован как враг народа. Я сразу попала в список неблагонадёжных, а вслед за этим случилось то, чего я втайне очень боялась: был поставлен вопрос о целесообразности моего обучения в институте». Но на защиту способной студентки встала семья Кудрявцевых. Василий Дмитриевич горячо вступился за свою ученицу, заявив, что не допустит ее исключения. «Почему влияние одного человека – брата – должно быть сильнее влияния целого коллектива института?» – говорил Кудрявцев на заседании ученого совета. Анну Ангадыковну оставили в институте.

В 1940 г. Анна Ангадыковна окончила вуз с красным дипломом. По случаю его получения выпускнице вручили памятный подарок – наручные часы (которые оказались мужскими и тут же великодушно были передарены кому-то из сокурсников).

Ярлык врага народа всплывал не раз и впоследствии. Анна Ангадыковна вспоминает, как в военные годы непродолжительное время работала в Улан-Удэ, в Наркомпросе, и как нашлись люди, припомнившие, чья она сестра... «В отчаянии я пошла к секретарю обкома партии Семену Денисовичу Игнатьеву, – рассказывает Анна Ангадыковна, – и напрямую поставила вопрос: Где я могу работать, где – нет, чтоб меня не травмировали формулировкой «враг народа?». И услышала в ответ: «Вы можете работать везде» (Позже Семен Денисович Игнатьев перейдет работать в ЦК; руководя уже пятью республиками, он предложит Анне Ангадыковне должность на государственной службе в Улан-Удэ: «Такие люди нужны Бурятии». Но, памятуя звание «врага народа», Анна Ангадыковна ответит отказом).

Слова Семена Денисовича подбодрили девушку. Она с присущей ей самоотдачей вновь принялась за работу. Скоро добросовестность и организаторские способности Анны Ангадыковны были замечены: сестре репрессированного было предложено вступить в ряды Коммунистической партии.

Тем временем в январе 1942 г. вернулся с фронта муж Анны Ангадыковны Сергей Ильич Дарбеев. Очень занятый на работе, Сергей Ильич отправил одного из своих подчиненных с поручением помочь Анне Ангадыковне прибыть в Москву. И снова выручил Игнатьев: «Раз за Маркизовой приехали, значит, она того стоит. Ее надо отпустить».

В Москве Анну Ангадыковну ожидала новая жизнь и, конечно, новые испытания. Она устроилась работать учителем русского языка и литературы в 540-й средней школе (1939–1941). Пришедшей в середине года учительнице передали трудный 10 класс, который она, благодаря упорному труду, достойно выпустила. Но вскоре директор школы крайне удивил молодую учительницу, сказав, что вместо «было» она говорит «було», а это значит, что у нее «есть акцент». Привыкшая принимать вызов, Анна Ангадыковна заявила, что это вымысел: такого чередования нет ни в одном диалекте русского языка – и отправилась в районо искать правды. Так состоялось её знакомство с заведующей районо Т.А. Корявкиной, которая впоследствии, став заместителем председателя Москворецкого РИКа и помня «бойцовский» характер Анны Ангадыковны, пригласила ее на работу старшим инспектором гособеспечения семей военнослужащих. Анна Ангадыковна назначала пенсии, «выбивала» материальную помощь семьям военнослужащих.

Но стремление профессионально заниматься любимым делом – филологией – не оставляло ее, и в 1957 г. Анна Ангадыковна поступает в аспирантуру Института языкознания. В то время он назывался Институтом языка и мышления им. академика Марра АН СССР, и конечно, его не миновали драматические обстоятельства того времени. После образования Института языкознания директором стал В.В. Виноградов, сильно пострадавший в тот период по сфабрикованному, как теперь известно, «делу славистов». Было трудно работать в атмосфере идеологической зашоренности, когда единственно правильным считалось «новое учение о языке», а сравнительно-историческое языкознание не поощрялось. Анне Ангадыковне посчастливилось работать в Институте языкознания с учеными, которые в трудные годы сохраняли верность своим моральным и научным убеждениям,

являя собой пример глубокой человеческой и научной порядочности. Ее коллегами были Э.Р. Тенишев, В.Н. Ярцева, А.А. Уфимцева, Б.А. Серебренников, Н.З. Гаджиева, Ю.С. Степанов, Б.А. Швейцер, венгерский академик Л. Лигети и др. С момента поступления в аспирантуру жизнь Анны Ангадыковны навсегда была связана с Институтом языкознания.

Диссертация на тему «Определение в бурят-монгольском языке» была подготовлена под руководством проф. Г.Д. Санжеева и успешно защищена 4 мая 1953 г. Перед Анной Ангадыковной встал вопрос о трудоустройстве. Г.Д. Санжеев и Ц.Б. Цыдендамбаев обратились в ЦК партии с ходатайством об открытии в Институте языкознания группы монгольских языков. Кроме Анны Ангадыковны в группу вошел Т.А. Бертагаев, который работал в то время в МГПИ им. Н.К. Крупской.

Многолетняя дружба связывала Анну Ангадыковну с семьей Ц.Б.Цыдендамбаева. Когда семье друга негде было жить, Сергей Ильич и Анна Ангадыковна предоставили Цыдендамбаевым комнату в своей квартире. Анна Ангадыковна очень уважительно относилась к коллеге и земляку как к талантливому филологу, прошедшему Великую Отечественную войну, пережившему гангрену ноги и оставшемуся незлобивым, хорошим человеком. «Не понимаю, – не раз говорила Анна Ангадыковна, – почему не воздают должное Цыдендамбаеву, когда говорят о бурятско-русском словаре Черемисова. В течение двух лет я ежедневно видела, как много работал он в качестве редактора словаря».

В 1985 г. Анна Ангадыковна успешно защитила докторскую диссертацию на тему «Проблема контактов монгольских языков с иностранными языками в социологическом освещении». Этот труд является результатом огромной творческой, собирательской, организаторской работы и свидетельством научной добросовестности ученого. Был собран большой материал в школах, университетах Калмыкии, Бурятии, МНР, тщательно изучена языковая ситуация; велись наблюдения над живой речью школьников, студентов, представителей разных слоёв населения в возрасте от семи до восьмидесяти лет. Полевые исследования велись в Усть-Ордынском и Агинском автономных округах (ныне вошедших в состав Иркутской области и Забайкальского края соответственно), в Улан-Удэ, в пяти сельских районах Бурятии (Улан-Удэнском, Иволгинском, Заиграевском, Селенгинском, Мухоршибирском), в Элисте, а также в Яшкульском и Троицком районах Республики Калмыкия.

Привыкшая трепетно относиться к своей профессии, Анна Ангадыковна считает, что слово, средства выражения мысли несут на себе мощный поток национальной культуры, и потому к языку следует относиться крайне бережно. Как-то в Эстонии, – рассказывала Анна Ангадыковна, – мне довелось увидеть лингвистический труд... доярки. Она составила подробнейший список слов, которыми пользуются люди ее профессии. Названия деталей предметов были сопровождаемы нехитрыми рисунками и чертежами.

Более пятидесяти лет посвятила Анна Ангадыковна углубленному разноаспектному исследованию монгольских языков. Научные интересы Анны Ангадыковны отличаются широтой и разнообразием: они сосредоточились в области морфологии (части речи; прилагательное, местоимение), фонетики и лексики (парные слова и удвоения, фонетические процессы в письменных и бесписьменных монгольских языках), сравнительно-исторических исследований, изучения памятников письменности, диалектологии и лингвогеографии; теории и практики взаимодействия монгольских языков с иностранными языками, лексикографии (Анна Ангадыковна является одним из составителей 4-томного Большого академического монгольско-русского словаря. 2001–2002 гг.)

Внимание исследователя обращено на две группы монгольских языков: литературно-письменный (бурятский, калмыцкий, монгольский) и бесписьменные островные (монгорский, дагурский, дунсянский, баоаньский, шира-югурский и могольский). В основных разделах своей работы Анна Ангадыковна исследует вопросы взаимодействия бурятского, калмыцкого, монгольского языков с русским в процессе языковой практики монголоязычных билингов.

В числе научных трудов Анны Ангадыковны несколько монографий, внушительный корпус статей; немало коллективных работ, в создании которых она участвовала не только как автор, но и как составитель и редактор.

В монографиях, посвященных языковым контактам («Влияние двуязычия на развитие изолирующего диалекта на материале монгольских языков», 1978), «Русско-монгольские языковые контакты в условиях двуязычия», 1984), рассматриваются контакты монгольских языков с генетически родственными и неродственными иностранными языками. На материале говоров и диалектов бурятского языка (цонгольского, сартульского, нижнеудинского говоров, диалектов хамниган тунгусского происхождения) Анна Ангадыковна убедительно демонстрирует ассимиляцию небольших групп носителей раз-

ных монгольских языков в этнически родственной монолитной среде. На примере существования могольского языка в ираноязычной среде, трансформации структуры монгорского, дунсянского, баоаньского, дагурского языков в условиях иноязычного окружения показаны ассимиляция и сильнейшие черты их отчуждения от системы родственных языков вследствие изоляции от основного монголоязычного массива.

Факты бурятского, калмыцкого, монгольского языков приводят автора к иным выводам: эти языки, имеющие свои письменные и литературные традиции, не утратившие свои социальные функции, не подверглись замене и вытеснению исконных структурных элементов, хотя влияние русского языка наблюдается на разных уровнях бурятского и калмыцкого языков. Если литературно-письменные монгольские языки развивались в соответствии с их языковым строем, заимствуя из письменного языка лишь отдельные элементы, то островные письменные языки в процессе длительного массового двуязычия (в процессе контактов с китайским, тибетским, иранскими языками) существенно трансформировали структуру родного языка в соответствии с системой языка окружения.

Как видим, не менее ценен социолингвистический аспект названных работ. В них впервые в монголоведении прослеживается характер взаимодействия контактирующих языков в условиях билингвизма, впервые рассматривается вопрос о влиянии монгольских языков на контактирующие с ними языки, изучается степень влияния родного языка двуязычных бурят, калмыков и монголов на их русскую речь.

В монографии «Русско-монгольские языковые контакты» представлена типология явлений интерференции. Установленные Анной Ангадыковной факты интерференции и их причинной обусловленности представляют собой убедительную концепцию, послужившую в своё время лингвистическими основами методики и практики преподавания русского языка в монголоязычной аудитории. Идеи, высказанные в рассматриваемых работах, оказали помощь преподавателям бурятского, калмыцкого, монгольского языков при подготовке пособий по родному языку для учителей и студентов; при чтении спецкурсов по социолингвистике, проблемам языковых контактов, сопоставительной фонетике и грамматике.

Итогом многолетних занятий стала, конечно, публикация книги «Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Фонетика» (1996). В книге рассматриваются фонетические рефлексы древних гласных и согласных в письменных и бес-

письменных монгольских языках, определяются сходство и различие между ними в реализации звуков, в том числе древних.

Включение материалов островных бесписьменных монгольских языков очень существенно для сравнительно-исторической монголистики, так как именно они демонстрируют сохранение отдельных фонетических черт среднемонгольского периода. При этом автор показывает утрату этими языками исконно монгольских свойств под влиянием китайского, тибетского и иранских языков.

А.А. Дарбеева входит в состав авторов ряда фундаментальных коллективных трудов. Так, она является автором раздела «Бурятский язык» в серии «Языки мира» (1997), «Бурят-монгольский язык» в книге «Младописьменные языки народов СССР» (1959), «Монгольские языки» в сборнике «Советское языкознание за 50 лет» (1967), раздела «Бурятский язык» в сборнике «Языки мира» (1997). В «Грамматике бурятского языка», т. 1 (1962), не утратившей своей актуальности и в наши дни, Анной Ангадыковной написан раздел, посвященный имени прилагательному.

В многочисленных статьях Анны Ангадыковны отразилась широта ее научных интересов: они посвящены проблемам ономастики, языка фольклора монголоязычных народов, интерференции и билингвизма как явлений контрастивной грамматики, лексики, фонетики и морфологии в её связи с синтаксисом, социолингвистикой, орфоэпией и орфографией заимствованных согласных в монгольских языках.

В работах Анны Ангадыковны обсуждается круг проблем, объединенных общим методологическим подходом, предполагающим исследование монгольских языков в диахронии и синхронии.

Исследовательский подход Анны Ангадыковны отличает анализ явлений от его истоков на основе текстов и, что не менее важно, критики. Научные взгляды Анны Ангадыковны выдержали проверку временем и продолжают российские гуманитарные традиции. Они стали частью классического фонда отечественного монголоведения, заложенного академиком Б.Я. Владимирцовым.

В лице Анны Ангадыковны мы видим ученого, обладающего универсализмом, высокой эрудицией не только в области филологии, но и других сферах гуманитарного знания.

Анна Ангадыковна и сейчас, на 93-м году жизни, находится в состоянии активной творческой деятельности, с интересом читает авторефераты и диссертации, пишет статьи, она всегда в курсе событий общественной и научной жизни. Как человек деятельный и ответственный, Анна Ангадыковна участвовала в организации и про-

ведении многих научных конференций, была секретарем парторганизации, ездила в научные командировки в Улан-Удэ, Таллинн, Ашхабад, Элисту, Нальчик, на международные конгрессы и симпозиумы в Венгрии, Болгарии, Монголии, Германии и др.; состояла членом специализированных советов, в которых защищали диссертации столичные и иногородние ученые.

Научная, педагогическая, общественная деятельность Анны Ангадыковны отмечена руководством Института языкознания, а также правительственными наградами. А.А. Дарбеева награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейными медалями в ознаменование 30-летия и 40-летия победы в Великой Отечественной войне, 850-летия Москвы (1147–1997), медалью «Ветеран труда». В связи с 250-летием АН СССР награждена Почётной грамотой Президиума АН СССР (08.02.1974) за подписью президента М. Келдыша. За заслуги перед отечественной наукой А.А. Дарбеева включена в 4-й том энциклопедии «Ведущие языковеды мира» (2001).

Ко всему сказанному следует добавить, что Анна Ангадыковна обладает незаурядными человеческими качествами, в числе которых – широта души, доброжелательное отношение к людям, желание поддержать молодых исследователей. Требовательная к себе, Анна Ангадыковна мягка и внимательна к близким, друзьям, коллегам, никогда не позволяет себе строго судить и тем более – осуждать их. Она обладает редким умением сочувствовать окружающим ее людям и радоваться их успехам. Но в том, что она считает принципиальным, Анна Ангадыковна непреклонна, проявляя удивительную при ее деликатности внутреннюю твердость. Избегая менторского тона, она часто предпочитает преувеличивать достоинства собеседника, и лишь тот, кто хорошо знает Анну Ангадыковну, понимает: ее мягкие рекомендации призывают к трезвой и взвешенной самооценке...

У Анны Ангадыковны прекрасная семья. Муж, Сергей Ильич, был долгожителем, прожил не многим меньше ста лет. Дочь, Ольга Сергеевна, кандидат медицинских наук. Она успешно практикующий врач, известный пропагандой лечения бифидо- и споробактериями не только у нас в стране, но и за рубежом.

...Вот и опять я в гостях у Анны Ангадыковны. Мне нравится особый порядок этого дома, в котором цветы в вазе стоят долго, а чистота ненавязчиво ощущается в хрустальном блеске люстр, в прозрачной капле домашнего вина, в безукоризненных линиях и тонах, за легкой гранью переходящих друг в друга... Уют вокруг Анны Анга-

дыковны – это то, как мягко струится свет, нежно обволакивая теплом. Это слово, прозвучавшее задушевно и негромко. Взгляд, излучающий добро. Добро беспричинное и потому непобедимое. И в этом – вся Анна Ангадыковна. Ученый, исследователь и – женщина, умеющая создавать вокруг себя спокойствие, красоту и гармонию. Человек, не склонивший голову перед трудностями. Одна из последних представителей поколения Победы.

У.Б. Очиров

ВКЛАД К.Н. МАКСИМОВА В РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КАЛМЫКОВЕДЕНИЯ

В последние десятилетия в отечественной науке с изменением политической системы страны наступили заметные перемены, в том числе и для истории. Исчезновение диктата идеологии над наукой открыло исследователям новые горизонты, дало возможность изучать темы, находившиеся ранее под запретом, или изучавшиеся односторонне, особенно в истории XX в. Среди таких исследователей в историческом калмыковедении (одной из составных частей российского монголоведения) заметно выделяется Константин Николаевич Максимов – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (КИГИ РАН).

Он родился 5 августа 1937 г. в г. Краснодар. Свою трудовую деятельность начал в 1956 г., затем служил в рядах Вооруженных сил СССР. В 1965 г. К.Н. Максимов с отличием окончил Московский государственный историко-архивный институт и в 1968 г. поступил в аспирантуру этого же вуза, где его научным руководителем стал известный ученый – профессор Н.П. Ерошкин. Аспирантура была окончена досрочно защитой кандидатской диссертации на тему: «Органы государственной власти и государственного управления Калмыцкой автономной области и документирование их деятельности (1920–1935)».

Затем К.Н. Максимов работал в Калмыцком государственном университете, в том числе на должности проректора по вечернему и заочному обучению (1971–1976), декана филологического факультета (1976–1978) секретаря парткома (1983–1984), в Калмыцком научно-исследовательском институте истории, филологии и экономики (ныне КИГИ РАН), где руководил в 1978–1979 гг. сектором истории, в 1979–1983 гг. – заместителем директора по науке, в 1984–1985 гг. – директором КНИИИФЭ.

В 1984 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме: «Советская национальная государственность в условиях развитого социализма (на материалах

Калмыцкой АССР)». В 1987 г. К.Н. Максимова решением ВАК при Совете Министров СССР было присвоено ученое звание профессора.

С 1985 г. он перешел на работу в органы государственной власти заместителем Председателя Совета Министров Калмыцкой АССР (1985–1989). В 1990 г. перешел в Калмыцкий госуниверситет, где руководил кафедрой всеобщей истории, являлся проректором по науке (1990–1993)¹.

Все это время он активно занимался общественной и политической деятельностью: неоднократно избирался депутатом Верховного Совета Калмыцкой АССР (1985–1993), депутатом Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия (1993–2003), с апреля 1993 г. по март 1999 г. – Председателем Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия и, соответственно, членом Совета Федерации Федерального Собрания РФ (1996–1999).

Как опытный и знающий историк-государствовед он принимал активное участие в разработке, обсуждении и принятии целого ряда важнейших законопроектов, в том числе Федеративного договора и современной Конституции Российской Федерации – Основного закона нашей страны. Первый президент России Б.Н. Ельцин в своем письме, адресованном К.Н. Максимова, особо отметил его «активное участие в работе Конституционного совещания... большой личный вклад в подготовку проекта Конституции Российской Федерации». Доктор юридических наук, профессор Л.Ф. Болтенкова, работавшая в 1990-х гг. в аппарате Верховного Совета РФ, а затем Совета Федерации, так характеризовала работу К.Н. Максимова в те годы: «Калмыкия ... шаг за шагом совершенствовала свою государственность, оставаясь в пределах российского конституционного поля. И на острие этих перемен всегда был К.Н. Максимов»². Особенно высоко она оценивала его деятельность при разработке Федеративного договора, подчеркивая его личные деловые качества: «Скромность и ненавязчивость, спокойный тон рассуждений отличали его от многих других «шумливых» участников... Его выступления отличаются логичностью, последовательностью, научностью и историзмом»³.

Как руководитель одного из ведущих исследовательских центров по историческому калмыковедению он стал определять векторы и сферы интересов своего подразделения и оказывать серьезное влияние на формирование направлений и темпы развития научных изысканий в регионе в конце XX – начале XXI в.

Под руководством К.Н. Максимова отдел истории (с 2008 г. – отдел истории и археологии) КИГИ РАН провел разработку ряда

важнейших тем в изучении истории Калмыкии, выпустил несколько коллективных работ, например, в 2001 и 2005 гг. по истории Великой Отечественной войны.⁴ Кроме того, под его редакцией неоднократно выпускались сборники документов и материалов по истории депортации калмыцкого народа в 1943–1957 гг., истории Калмыкии в Великой Отечественной войне⁵. Также принимал активное участие в переиздании и коренной переработке аналогичных трудов советского периода⁶. Профессор К.Н. Максимов является руководителем авторского коллектива и автором ряда разделов многотомного академического труда «История Калмыкии», который планируется издать к празднованию 400-летия вхождения калмыцкого народа в состав России.

Научную работу он успешно сочетает с общественной, преподавательской деятельностью (читает курсы по источниковедению отечественной истории, истории государства и права России), также осуществляет научное руководство аспирантами и соискателями, рецензирует, выступает официальным оппонентом при защите диссертаций. Под его руководством ряд исследователей успешно защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Можно сказать, что в республике из его учеников сформировалась научная школа историков-государствоведов, представители которой работают в различных ВУЗах Южного федерального округа, школах Республики Калмыкия, занимают руководящие посты в сфере науки и образования региона.

Из-под его пера вышло более 170 научных работ, в том числе 15 книг, изданных в зарубежных («CEU Press», «Год номын герел»), центральных («Наука», «Республика» и др.) и региональных издательствах. География публикаций К.Н. Максимова очень широка: от Москвы до Сахалина; есть издания и за рубежом – Улан-Батор, Нью-Йорк, Будапешт⁷. Его работы представляют собой фундаментальные исторические труды, известные достаточно широкому кругу специалистов. Многие из этих работ имеют глубокое прикладное значение, полезны для современной практики строительства и развития федеративного государства. Его монографии также являются основной учебной литературой по социально-политической истории региона в ВУЗах республики.⁸

В 2002 г. вышла книга К.Н. Максимова «Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. XVII–XX вв.»⁹, превратившись фактически в неофициальный учебник по социально-политической системе региона и ее истории. Эта монография полу-

чила высокую оценку у отечественных и зарубежных специалистов. В 2007 г. переиздана на английском языке¹⁰.

Данная работа стала итогом многолетних исследований К.Н. Максимова в области федерализма, истории автономии Калмыкии и национальной политики России. Подчеркивая, что в России проблема федерализма «не столько политическая, сколько научная, историко-правовая», автор выявил особенности и закономерности генезиса Калмыкии в составе России на протяжении четырех столетий (XVII–XX вв.), раскрыл механизм взаимоотношений и взаимодействия России и Калмыкии, изучил процессы распространения в регионе общероссийской системы государственно-административного управления, законодательства, бюрократии, сословных прав, исследовал образование и развитие управленческих структур Калмыкии, их адаптацию к новой общественно-политической и социально-экономической ситуации и интеграцию в социально-политическую систему страны.

В этой монографии исследовались вопросы установления контактов, сближения, взаимоотношений калмыков с Россией, вхождения их в состав Российского государства во взаимосвязи с внутренней и внешней политикой, формирования и развития особого статуса Калмыцкого ханства как политической автономии, ее упразднения и интеграции в общероссийскую имперскую систему. Особое внимание при этом уделялось структуре, механизмам административного управления и государственной политике империи по отношению к калмыкам. Значительное место в работе занимают вопросы истории Калмыкии в советский и постсоветский период: национальная политика России, формирование и развитие автономии советского типа, ее упразднение в период депортации и восстановление в 1957 г. и т.д.

В результате К.Н. Максимовым был внесен весомый вклад в изучение многих вопросов истории Калмыкии в общем контексте государственного устройства, национальной политики Российской империи, Союза ССР, Российской Федерации. Рассматривая неизученные и слабо освещенные проблемы истории Калмыкии в общероссийском историческом пространстве, он вышел за рамки исследований локального характера и проанализировал вопросы генезиса правового статуса Калмыкии на протяжении XVII–XX вв., соотнес их с общими закономерностями и особенностями развития российской государственности. В ходе комплексных исследований (правовых, общественных, государственных, экономических, социальных, политических процессов) ученый внес свои коррективы и взгляды на некоторые историче-

ские процессы, пришел к новым выводам об этапах, периодизации правового статуса государственности Калмыкии, о месте и роли субъектов в развитии федеративного государства.

С возвращением в КИГИ РАН научная деятельность профессора К.Н. Максимова подчинена одной цели – подготовке к изданию многолетней «Истории Калмыкии».

В 2004 г. был издан новый труд К.Н. Максимова «Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е гг.»¹¹, получивший широкий резонанс не только в нашей республике, но и за ее пределами. Следует подчеркнуть, что для калмыцкого народа насильственное выселение в Сибирь в 1943–1957 гг., перенесенные страдания, страшные потери – это неизбывная боль. После ликвидации политического диктата идеологии над наукой эта тема стала одной из наиболее актуальных и ключевых в исследованиях историков-калмыковедов. К.Н. Максимов взглянул на эту проблему шире – как на одну из составных частей репрессивной политики Советского государства в целом, и И.В. Сталина в частности. В книге «Трагедия народа» репрессии в Калмыкии рассматривались на фоне и непрерывной связи с общей картиной репрессий в стране. Автор подчеркивает, что «исследование охватывает территориальный фрагмент, можно сказать, небольшой срез массового террора, имевшего место в Советском Союзе в первой половине XX в.»¹². К.Н. Максимов в своей работе попытался показать этот «срез» в динамике на протяжении почти 40 лет, начиная от установления Советской власти до тотальной депортации калмыков и пребывания в статусе спецпереселенцев.

Опираясь на широкий круг ранее неопубликованных источников (особенно материалов из бывшего партийного архива республики), автор рассмотрел все основные этапы массовых репрессий, направленных против крестьян, интеллигенции, духовенства. Затем пришла очередь коммунистов и так называемого «большого террора» и как венец – насильственное выселение всего калмыцкого народа в Сибирь. Изучая историографию, К.Н. Максимов подчеркнул, что «вплоть до последнего времени вопросы репрессии и выселения народов подчас переносились в сферу тотального коллаборационизма»¹³. Автор, проанализировав документы и исследования, пришел к выводу, что сама тоталитарная система нуждалась в перманентной репрессии: «не случайно в Советском Союзе этнической чистке (по национальному признаку) подверглись целиком

около 15 народов и этнических групп, частично же – еще около 55 народов и народностей»¹⁴.

В ходе своих исследований по истории политических репрессий в Калмыкии, помимо общих концептуальных выводов, К.Н. Максимов сделал ряд «частных» открытий, не менее важных для исторического калмыковедения. Например, ранее при изучении демографической истории калмыков в период 1943–1957 гг. историки, как правило, опирались на цифры, предоставленные отделом спецпоселений НКВД своим руководителям, поскольку оснований не доверять им у них не было. По этим данным выходило, что за 1944–1948 гг. умерло в Сибири более 18 тыс. калмыков (18,4% от выселенных к середине 1944 г.). Однако автор, проанализировав демографические показатели, выявил еще более 8,7 тыс. умерших калмыков, а с учетом прибывших из армии и лагерей НКВД – более 12,5 тыс. Если учесть детей, родившихся и выживших в 1944–1948 гг., показатели смертности оказываются еще выше. Детей, родившихся и умерших в эти годы, видимо, теперь никто посчитать не сможет. Таким образом, демографические потери калмыцкого народа за первые 4 года ссылки составили без малого треть от числа высланных¹⁵.

В 2007 г. в издательстве «Наука» вышла очередная монография К.Н. Максимова, посвященная одному из важнейших аспектов истории Калмыкии в период Великой Отечественной войны: изучению социально-экономической и общественно-политической ситуации в республике¹⁶. Проблема сложнейшая и неоднозначная, учитывая, что ее составляющими, помимо прочего, являются описание процессов коллаборационизма и истинных причин депортации калмыков. Неслучайно один из рецензентов – авторитетный московский ученый и крупный федеральный чиновник – профессор Н.Ф. Бугай в своей рецензии на эту работу отметил: «Автор исследования избрал сложную научную проблему... и поставил задачу расставить точки над и... ответить на спорные и злободневные вопросы жизни калмыков... в столь сложный период истории Советского государства. По нашему мнению, ему это удалось».

Этот труд построен на колоссальнейшем объеме источников, прежде всего неизвестной ранее иностранной литературе, новых книг и многочисленных архивных фондах. Работа над книгой проходила буквально на моих глазах, и я видел, как К.Н. Максимов со свойственной ему скрупулезностью прошерстил сотни и тысячи пыльных томов из фондов Национального архива Республики Калмыкия. Ничто не могло остановить исследователя в его изысканиях.

Во время одного из самых драматических моментов в современной политической истории Калмыкии, вызванные из соседних городов «омоновцы», заблокировали доступ на центральную площадь города. Когда автор со свойственной ему скрупулезностью появился в 8.30 у Национального архива республики, вход в читальный зал был закрыт. Однако в ходе разгоревшейся дискуссии ни «омоновцам», ни подошедшим старшим офицерам не удалось остановить исследователя. В конечном счете был открыт доступ в архив.

Помимо местных материалов широко использовались материалы центральных архивов: РГАСПИ, ГА РФ, ЦАМО РФ в Подольске. Были просмотрены сотни дел, включая документы из «Особых папок» Сталина, Молотова и других вождей страны. Многие из этих документов впервые введены автором в научный оборот.

В российской и региональной историографии войны 1941–1945 гг. было издано значительное количество работ, однако целый ряд проблем, имеющих ключевое значение для освещения и анализа указанной темы, остались неизученными. Исследование профессора К.Н. Максимова делает заметный вклад в их решение, особенно таких наиболее крупных «белых пятен», как история оккупации и коллаборационистского движения. Проведенное исследование позволяет решить целый комплекс проблем, которые ранее по разного рода причинам остались вне поля зрения советских и российских ученых.

Особенно важными следует признать разработки по проблеме коллаборационизма – теме, до сих пор неоднозначно воспринимаемой как в российской, так и региональной историографии. Однако автор взвешенно и продуманно подошел к ее решению, тщательно аргументируя все свои положения и выводы. Он доказал, что истоки коллаборационизма берут свое начало еще с довоенных лет и по сути являются реакцией части населения на коллективизацию и репрессии сталинского режима, своеобразной формой мести. К.Н. Максимов не только раскрыл причины этого движения, но и проследил его развитие в динамике, проанализировал его социальную структуру, иллюстрируя многочисленными статистическими данными. Следует отметить, что общие черты данного явления вполне вписываются в общую картину истории коллаборационизма в СССР и могут быть применены ко многим народам нашей страны.

Вместе с тем, нельзя не согласиться с автором в том, что большая часть калмыцкого народа не пошла на сотрудничество с врагом и сохранила верность своей стране. В своей монографии К.Н. Максимов развенчивает легенду «Калмыцкого карательного корпуса»,

которую муссируют в средствах массовой информации и даже в некоторых исторических исследованиях (дескать, на стороне фашистов был «целый корпус», а на стороне Советской власти – лишь одна 110-я кавалерийская дивизия). Истинное наименование этого коллаборационистского подразделения (Dr. Doll Kalmückenverband или «Доктор Доллин хальмг мөртө церг») с термином «корпус» не имеет никакой связи. В немецкой армии термин «verband» (часть) больше, чем на бригаду, никогда не тянул. Изучая историю Kalmückenverband'a, автор буквально просеял все сведения, содержащиеся в литературе, и смог воссоздать его путь и описать развитие его структуры.

С такой же скрупулезностью К.Н. Максимов собирал материалы по экономическому развитию Калмыкии перед войной и в военные годы. Собранный автором огромный массив статистических сведений позволил провести блестящий анализ экономического развития республики в 1941–1943 гг. И здесь он внес немало нового, особенно по проблеме эвакуации скота во время оккупации, о которой в народе также ходило немало слухов.

Кроме того, в монографии сделан заметный вклад в изучение истории боевых действий на территории Калмыкии, предложены новые способы решения проблемы причин депортации калмыцкого народа в 1943 г. и многое другое.

Думаю, можно уверенно сказать, что это исследование является крупным вкладом в изучение истории Калмыкии в XX в. и может послужить в определенной степени эталоном при проведении аналогичных разработок по истории других регионов бывшего СССР.

Отрадно видеть, что заслуги профессора К.Н. Максимова не остались незамеченными руководством страны: за многолетний плодотворный труд и заслуги в развитии науки ему в 1997 г. было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», а в 2002 г. – награжден Орденом Почета.

¹ Ученые Калмыцкого института гуманитарных исследований. Элиста, 2001, с. 204–205.

² Болтенкова Л.Ф. К читателю // Максимов К.Н. Калмыкия – субъект Российской Федерации. М., 1995, с. 3.

³ Болтенкова Л.Ф. Личность в истории (субъективный взгляд женищины-чиновника-ученого). Ч. 2. Уфа, 1999, с. 162, 177

⁴ Великая Отечественная война: события, люди, история. Элиста, 2001. 236 с.; Калмыкия в годы Великой Отечественной войны. Элиста, 2005. 312 с.; Политиче-

ские репрессии в Калмыкии в 20–40-е гг. XX века. Сборник научных трудов. Элиста, 2003. 208 с.

⁵ Высланы... оставлены навечно. Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. II. Кн. I. Элиста, 1993. 236 с.; Ссылка калмыков: как это было. Сборник документов и материалов. Т. I. Кн. I. Элиста, 1993. 262 с.; Ссылка калмыков: как это было. Т. I. Кн. 2. Элиста, 2001. 237 с.; Память. В 2-х томах. Элиста, 1995; Восстановление автономии и реабилитация калмыцкого народа. Сборник документов и материалов. Элиста, 2004. 590 с.; Калмыкия в партизанском движении. 1941–1945 гг. Документы и материалы. Элиста, 2006. 432 с.; Поименный список бойцов 110-й ОККД. Элиста, 2007.

⁶ В годы суровых испытаний: Боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. 3-е изд., испр. и доп. Элиста, 1993. 336 с.; Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста, 2005. 784 с.

⁷ Максимов К.Н. Библиографический указатель. Элиста, 2008, с. 9–29.

⁸ Там же, с. 5–8.

⁹ Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М., 2002. 524 с.

¹⁰ Maksimov K.N. Kalmykia in Russia's past and present National policies and administrative system. Budapest, New-York, 2008. 440 p.

¹¹ Максимов К.Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. М., 2004. 311 с.

¹² Там же, с. 4.

¹³ Там же, с. 12.

¹⁴ Там же, с. 12–13.

¹⁵ Там же, с. 283.

¹⁶ Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М., 2007. 378 с.

IV. Памяти ученых

В.М. Алпатов

ВАДИМ МИХАЙЛОВИЧ СОЛНЦЕВ И АЛТАЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вадим Михайлович Солнцев (1928–2000) был по образованию и по основным интересам специалистом по китайскому языкознанию. Однако его научные интересы были весьма широки: он много занимался и теорией языкознания, что требовало, в том числе, и привлечения материалов других языков, прежде всего, восточных. Среди них для него важную роль играли монгольские и другие алтайские языки, в течение тысячелетий соседствовавшие и контактировавшие с китайским языком, но сохранившие свою структуру, весьма отличную от китайской.

В то же время В.М. Солнцев отмечал и типологические сходства китайского и алтайских языков. В своей последней теоретической книге «Введение в теорию изолирующих языков в связи с общими особенностями человеческого языка» (М., 1995) он указывал, что хотя обычно к числу агглютинативных относят лишь языки алтайского типа, но агглютинация как противопоставленный флексии способ соединения морфем свойствен и изолирующим языкам вроде китайского. В.М. Солнцев указывал: «Что касается неизолирующих агглютинативных языков, например алтайских (тюркских. Монгольских ит.д.), то в них имеются некоторые общие черты как с изолирующими агглютинативными языками, так и с неизолирующими флективными. Одна из общих черт с изолирующими языками... – синтаксическая самостоятельность основы при отдельном употреблении» (с. 15).

В то же время большое значение имела и научно-организационная и административная деятельность В.М. Солнцева. Еще молодым ученым он в 1965 г. стал заместителем директора Института народов

Азии (с 1969 г. Институт востоковедения) Академии наук СССР и занимал эту должность до 1987 г. В том же 1965 г. он возглавил и Отдел языков того же института (до 1981 г.). Всё это время он руководил лингвистическими исследованиями института, где, наряду с другими языками народов Азии и Северной Африки, изучались и монгольские языки. В эти годы в институте проходил последний период деятельности выдающегося монголиста Г.Д. Санжеева, в области изучения монгольского (халха) и классического монгольского языков работали М.Н. Орловская и З.В. Шевернина, монгольскими языками на территории Китая занималась Б.Х. Тодаева. Кроме того, по распределению обязанностей между членами дирекции Вадим Михайлович, помимо филологических отделов, курировал и Отдел Кореи, Монголии и Вьетнама, где велись исследования истории, экономики и международных отношений этих стран, также активно способствуя их развитию. С 1987 г. до конца жизни В.М. Солнцев был директором Института языкознания АН СССР, затем РАН, где также велись монголистические исследования. В те годы там среди монголистов работали А.А. Дарбеева, Г.Ц. Пюрбеев и перешедшая из Института востоковедения З.В. Шевернина. И в Институте востоковедения, и в Институте языкознания В.М. Солнцев постоянно контактировал с монгольскими языковедами, не раз бывал в Монголии. Нужно отметить проведенный в Москве по его инициативе I международный симпозиум востоковедов-лингвистов социалистических стран в конце ноября 1977 г., в котором участвовала представительная монгольская делегация, в которую входил и выдающийся ученый и писатель Ц. Дамдинсүрэн. Позже в разных странах прошли еще четыре симпозиума, и неизменно во главе советской делегации стоял Вадим Михайлович. И, конечно, нельзя не отметить его деятельность во главе Общества монголоведов АН СССР-РАН, продолжавшуюся с 1989 г. вплоть до кончины. В работе этого общества принимали активное участие и лингвисты.

Особо хочется отметить роль В.М. Солнцева в развитии Постоянных международных алтаистических конференции (ПИАК) и в участии в них советских, а затем российских ученых. Конференции ПИАК проводятся ежегодно в разных странах с 1958 г. без единого пропуска (в 2009 г. успешно состоялась 52-я конференция). Почти полвека главным организатором и душой конференций был выдающийся ученый профессор Денис Синор, уроженец Венгрии, гражданин Франции, живущий уже много лет в США. Конференции объединяли

и объединяют монголологов, тюркологов, тунгусо-маньчжурологов, корействоведов, японистов разных специализаций и стран.

Ученые СССР впервые приняли участие в ПИАК в 1962 г., однако их представительство было нерегулярным и во многом эпизодическим вплоть до середины 1980-х годов, несмотря на то, что русская и советская наука давно и активно занималась алтайскими народами и языками, и многие отечественные труды получили международное признание. Но неповоротливость наших академических структур в области международных связей слишком часто проявлялась, в том числе и здесь. И решающую роль в изменении ситуации в данном деле сыграли два человека: Д. Синор и В.М. Солнцев.

В июле 1984 г. в Москву, Баку и Ташкент приезжал Денис Синор, его принимал Институт востоковедения АН СССР. Он сделал несколько научных докладов, но главной целью его визита было обсуждение проблем участия советских ученых в конференциях ПИАК и изыскание возможностей для проведения одной из конференций в СССР. И именно В.М. Солнцев вместе с И.Ф. Вардулем, его преемником в должности заведующего Отделом языков, активно поддержал эту идею. В ходе бесед с гостем из США были обсуждены спорные вопросы, возникла идея провести ПИАК в Ташкенте на базе Академии наук Узбекистана, что нашло отклик у узбекских востоковедов. А в те времена всякие такие начинания надо было утверждать и зачастую «пробивать» в «инстанциях», эту сторону Вадим Михайлович взял на себя и успешно справился с задачей.

Уже через год, в июле 1985 г. на очередной ПИАК в Венецию отправилась делегация СССР, пусть еще небольшая: В.М. Солнцев и И.Ф. Вардуль. Там удалось принять решение о том, что следующий, 29-й ПИАК состоится в Ташкенте. Решение было осуществлено 15–20 сентября 1986 г. Для востоковедов Узбекистана конференция стала одним из первых выходов на международный уровень. Но значительная часть работы по ее подготовке проходила в Москве, и возглавлял ее В.М. Солнцев. Ташкентский ПИАК значительно отличался от двадцати восьми предыдущих. До того всегда это были достаточно камерные мероприятия. Идеалом считалось проводить конференции в старинном замке и собираться всем в зале за большим столом. Даже если заседания проводились где-нибудь в университете, участников бывало немного, и все было легко обозримо. С того времени идет традиция: каждый участник ПИАК в первый день конференции рассказывает о себе, о своей деятельности. В Ташкенте же традиции были советскими: собралась вся востоковедная Средняя Азия, боль-

шая делегация из Москвы и Ленинграда плюс отдельные вкрапления иностранцев. Запомнились огромные котлы с пловом во дворе, богатые ташкентские базары. Но, главное, советская и зарубежная алтаистика увидели друг друга.

С тех пор наша страна не пропустила ни одной конференции за четверть века. И много лет советские, а затем российские делегации возглавлял В.М. Солнцев. География ПИАКов за эти годы была крайне разнообразной. Берлин и Веймар, Будапешт и Сегед, Осло и окрестности Парижа, штат Индиана и штат Юта, Кавасаки в Японии. Вслед за Ташкентом ПИАК прошел в 1994 г. и в Алма-Ате, но уже это была эпоха независимого Казахстана. А в 1992 г. ПИАК проводился на Тайване, наша делегация во главе с Вадимом Михайловичем была одной из первых российских научных делегаций на этом острове. Дорога оказалась сложной, с несколькими пересадками, через Будапешт и Вену. Ни мы хозяев, ни хозяева нас абсолютно не знали, но всё устроилось.

За эти годы в конференциях ПИАК приняли участие многие отечественные востоковеды, более всего лингвисты, но также и литературоведы, историки, политологи, экономисты. Первые годы в них активно участвовал японист И.Ф. Вардуль, потом отошедший от поездок из-за болезни. Много раз выступали сотрудники Института востоковедения (включая его Ленинградский, затем Петербургский филиал): маньчжурологи Л.М. Горелова и Т.А. Пан, тюрколог Д.Д. Васильев, а также автор данной статьи. Приезжали на ряд конференций специалисты старшего поколения: А.М. Щербак, С.Г. Кляшторный и др. К этому времени ведущее место в российском сравнительно-историческом языкознании заняла школа С.А. Старостина (когда-то аспиранта В.М. Солнцева), много сделавшая и в области доказательства родства алтайских языков. К сожалению, сам Старостин после Ташкента отошел от участия в данных конференциях, однако другой ведущий алтаист этой школы, А.В. Дыбо с 90-х гг. активно на них выступает. Неоднократно выступали на конференциях ПИАК и ведущие московские монголисты: М.И. Гольман, Г.С. Яскина и др. Особо надо отметить участие Е.В. Бойковой. С ПИАК в Осло (1989) и по настоящее время она неизменно участвует во всех конференциях и ведет всю основную организационную работу по подготовке конференций с российской стороны.

И, безусловно, много лет велика была роль В.М. Солнцева и его жены, также крупного востоковеда-лингвиста Н.В. Солнцевой. Оба они много раз посещали ПИАК и выступали с докладами, некоторые

из них были совместными. В докладах В.М. Солнцева речь шла о типологических особенностях алтайских языков, о японо-австронезийских языковых параллелях, о параллелях ряда синтаксических конструкций в алтайских языках и китайском языке.

В.М. Солнцев всегда пользовался большим уважением среди участников конференций, в которых во многом благодаря ему количество участников за прошедшее время значительно увеличилось. Однако традиция рассказа каждого участника о своей деятельности сохранилась. После распада СССР довольно долго не удавалось договориться о проведении конференций ПИАК в России, и лишь после смерти В.М. Солнцева ситуация изменилась. В 2005 г. ПИАК прошел под Москвой, в 2007 г. в Казани, а в 2010 г. 53-й ПИАК намечено провести в Санкт-Петербурге.

Последний для Вадима Михайловича ПИАК состоялся в 1998 г. в Финляндии, он уже неважно себя чувствовал, но по-прежнему проявлял большую активность. В следующем году он уже не смог поехать в Прагу по болезни, а ПИАК 2000 г. в Бельгии почтил его память и выразил соболезнования присутствовавшей Нине Васильевне.

Безусловно, роль В.М. Солнцева в развитии отечественных исследований по алтайскому, в том числе монгольскому языкознанию значительна, память о нём продолжает сохраняться.

Ю.В. Кузьмин

Н.П. ШАСТИНА – ИСТОРИК, ИСТОЧНИКОВЕД, ИСТОРИОГРАФ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ МОНГОЛИИ

Шастина Нина Павловна (1898–1980) – крупный российский ученый-монголовед, автор более 80 публикаций по истории и историографии Монголии. Значительную часть своей творческой, научной жизни прожила в Монголии, Ленинграде и Москве. Однако она родилась в Иркутске, получила здесь среднее и высшее образование и в 1943–1945 гг. работала в Иркутском университете, поэтому, мы имеем несомненное право, считать ее иркутским монголоведом. Тем более, что Н.П. Шастина передала свой глубокий интерес к Монголии и монголоведным исследованиям студентке Е.М. Даревской, которая стала своеобразной преемницей монголоведных исследований в Иркутске.

Ее творческая карьера вполне состоялась, была защищена кандидатская диссертация, она работала старшим научным сотрудником в Институте востоковедения. К сожалению, подготовленная докторская диссертация по историографии русского монголоведения оказалась незавершенной и незащищенной. Вклад Н.П. Шастиной в изучение русского монголоведения очень весом и значителен, до сих пор он не превзойдет и остается лучшим на сегодняшний день.

Творческая биография Н.П. Шастиной только начинает исследоваться. Нам известны две публикации К.Н.Яцковской, изданные к 100-летию ученого. В 1994 г. московским монголоведом К.Н. Яцковской были опубликованы две ранние научные работы Н.П. Шастиной: «Китайцы-иконописцы в Улан-Баторе», «Фрагменты статьи об аймачном храме Орлуд», написанные еще в Монголии в 1929 г. Известно, что сохранились в архиве дневники Н.П. Шастиной, которые изучала известная исследовательница истории Монголии И.И. Ломакина. Нами также к юбилею Н.П. Шастиной была подготовлена ее краткая научная биография¹.

Н.П. Шастина родилась 19 декабря 1898 г. в семье П.Н. Шастина – известного иркутского врача, который положил начало ди-

настии врачей Шастиных, три поколения которых плодотворно работали в Монголии, его имя носит одна из крупных больниц города Улан-Батора, около нее расположен бюст этого известного врача. Ее отец – П.Н. Шастин в 1923 г. приехал в Монголию, где проработал 14 лет, открыл первую больницу и амбулаторию в стране, которые он и возглавлял. Длительное время в Монголии всех советских врачей называли «Шастин-доктор», что свидетельствует о его широкой популярности в стране. В 1934 г. П.Н. Шастин был награжден правительством Монголии орденом Трудового Красного Знамени, в 1961 г. городской больнице Улан-Батора было присвоено имя П.Н. Шастина.

Род Шастиных хорошо известен в Восточной Сибири и Иркутске, из него вышло много православных священников, врачей, преподавателей и общественных деятелей. По данным историка, доктора исторических наук С. Гольдфарба, Павел Николаевич Шастин родился в семье священника Николая Иакинфовича Шастина. Знаменательно, что Н.И. Шастин также был причастен к монгольскому языку и монгольской культуре. В 1890 г. он был слушателем монгольского отдела миссионерских курсов Казанской духовной академии.

Павел Николаевич родился 10 февраля 1872 г., первоначальное образование получил в Иркутской мужской гимназии. В 1890 г. вместе с отцом и младшим братом Михаилом переехал в Казань. В это время его отец учился на двухгодичных курсах при Казанской духовной академии. Позднее туда же поступил и его сын Павел, но за участие в студенческом движении его отчислили. Позднее Павел – вольнослушатель медицинского факультета Казанского университета, затем получает частную стипендию и учится на медицинском факультете Томского университета. В 1896 г. он ординатор Ивано-Матренинской больницы, затем врач Кузнецовской больницы и преподаватель медицины в местной семинарии. Он становится известным иркутским врачом, хирургом и совершенствуется в Петербурге. В 1914 г. стал председателем правления Общества врачей Восточной Сибири. Был награжден за врачебные успехи орденами Святого Станислава и Святой Анны². В 1923 г. по приглашению Монгольского правительства П.Н. Шастин приезжает в Монголию и создает там современные европейские медицинские учреждения: медицинские пункты и больницу. Авторитет Шастина – врача был настолько велик в Монголии, что всех врачей в Монголии называли «Шас-

тин-врач». Его именем позднее назвали больницу и поставили памятник.

В 1923 г. Н.П. Шастина окончила педагогический факультет Иркутского госуниверситета. Во время учебы в университете молодую студентку больше всего интересовали классическая литература, она принимала активное участие в поэтическом объединении «Барка поэтов». В этот кружок входили В. Преловский, С. Алякринский, Е. Титов, А. Мейсельман, М. Имрей, А. Шостакович, Н. Шастина. Они стремились к чистому эстетическому творчеству, сторонились идей и идеалов современности. Это было литературное объединение, противопоставленное пролетарским и революционным литературным сообществам. Как в советское время написал профессор В.П. Трушкин: «Формирование молодой советской литературы в Сибири проходило в борьбе и противоречиях. Илховцы (литературно-художественное объединение пролетарских поэтов. – Ю.К.) вынуждены были преодолевать чуждые эстетические влияния и концепции, которые они испытывали со стороны старшего поколения литераторов, группировавшихся в кружке под названием “Барка поэтов”, отражавшем во многом отжившие, эстетические, порой явно декадентские тенденции в искусстве»³. Разумеется, сегодня оценки «Барки поэтов» кардинально изменились. Переизданы отдельные книжки членов этого общества. Н.П. Шастина пробовала сама писать стихи. Ее научные интересы находились тогда в области классической исторической науки, она серьезно интересовалась египтологией и планировала посвятить этому свою жизнь⁴. В это время в Иркутске, как известно, находилось и преподавало несколько известных ученых из Москвы и Петербурга, которые могли привить такой интерес. Так, в 1918–1921 гг. в Иркутском университете тогда преподавал известный ученый И.Г. Франк-Каменецкий (1880–1937), автор специальных работ по египтологии: «Памятники египетской религии в фиванский период» (1917), «Религия Амона и Ветхий завет» (1921). Большую заинтересованность она проявляла к истории религии, поэтому в дальнейшем ее так серьезно привлечет ламаистская религия, мистерия цам, тибетские и монгольские буддийские древности. Н.П. Шастина получила классическое гуманитарное образование, хорошо знала европейские языки, что в дальнейшем поможет ей стать высоким профессионалом-монго-ловедом. Однако никакого интереса к Монголии, ее культуре она не испытывала.

В одном из стихотворений поэта «Барки поэтов» Андрея Шостаковича, посвященном Нине Павловне Шастиной, мы сегодня читаем:

*«Вы любите старинные романы,
маленькие томики в шагреновой коже,
где признанья в любви так медлительно странны,
где “т” и “ш” друг на друга похожи,
где цыгане всегда похищают ребенка,
но Рука Провиденья ведет по бродяжным дорогам,
где борзые залают порывисто-звонко,
узнав его у родного порога,*

*где нежные леди под розовым зонтиком,
глаза опускают при встрече низко,
где капитаны, играя кортиком,
с содовой водой пьют жгучий виски,*

*где гувернантки с изящною грацией
смущают лордов любви вопросами,
где в старом парке желтеют акации,
рукою садовника искусно причесаны,*

*где в маленькой нищенке примут участие,
несколько влиятельных лиц,
где все кончается к общему счастью
в десяти томиках по двести страниц».*

1921 г.⁵

Н.П. Шастина входила в состав правления «Барки поэтов». Из воспоминаний поэта М.М. Скуратова известно, что молодая поэтесса писала о французских маркизах и виконтах, о галантном XVIII веке. Писала до тех пор, пока ее тетрадь, забытая на крыльце отеческого дома, не была сжевана коровой, отчего Н. Шастина упала в обморок.

В 1924 г. Н.П. Шастина приезжает к своему отцу в Монголию, где будет жить и работать 13 лет. Позднее она вспоминала: «Путь был труден и долог. Из Иркутска до Урги мы с младшим братом добирались целых две недели... Первые впечатления от Урги было – XVII век. Вот куда я попала – из XX прямо в XVII век. Глухие высокие заборы, выглядевшие неприступными оттого, что лиственничные

бревна поставлены торчком, кривые улочки переулки, где царствуют собаки, монастыри и буддийские храмы оригинальной архитектуры⁶.

От занятий египтологией пришлось отказаться и заняться буддологией. Здесь она работает в Ученом Комитете, изучает монгольский и тибетский языки, буддийские храмы, восточную философию и литературу Монголии, публикует свои первые статьи.

Известный путешественник П.К. Козлов в «Дневниках Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг.» неоднократно отмечает встречи с отцом Н.П. Шастиной и Н.П. Шастиной. Так, она знакомится с выдающимися исследователями Монголии, узнает из первых рук о научных открытиях Ноин-Ульских курганов, исследовании Харакото. В экспедиции П.К. Козлова принимали участие известные ученые: С.А. Кондратьев (1896–1970), возглавлявший археологические раскопки и занимавшийся исследованием музыкального фольклора монголов; Н.В. Павлов (1893–1971), известный ботаник, автор книги «По Монголии. Очерк экспедиции 1923–24 и 1926 гг.» (1930); А.Д. Симуков (1902–1942), автор исследований по географии Монголии. Некоторые из них, после завершения экспедиции Козлова остались в Монголии и работали в Ученом комитете Монголии и сотрудничали с Н.П. Шастиной. Это были увлеченные изучением Монголии ученые, которые, несомненно, повлияли на формирование научных взглядов молодой исследовательницы. В дневнике С.А. Кондратьева за 1924 год отмечается следующее: «...Еще новая фигура – Нина Павловна Шастина – милая барышня, пишущая стихи». Позднее, они станут, видимо, друзьями, и монгольские дневники С.А. Кондратьева окажутся в личном архиве Шастиной.

Дом врача Шастина был широко известен в Улан-Баторе и принимал всех известных путешественников и ученых, бывали в нем и известные монгольские ученые. Благодаря отцу она быстро вошла в круг российской и монгольской элиты того времени.

В 1925–1926 гг. в Улан-Баторе находилась экспедиция знаменитого Н.К. Рериха. Особый интерес к монгольской кочевой культуре проявил Ю.Н. Рерих, изучавший монгольский язык и этнографию. Позднее, было издано совместное исследование Н.П. Шастиной и Ю.Н. Рериха «Грамота царя Петра Первого к Лубсан-тайджи и ее составитель» (1960). Впервые их знакомство, творческое общение состоялось в 20-е годы и продолжалось в последующие годы.

В Монголии она работает рядом с очень известными монгольскими учеными и советскими специалистами-монголооведами: Ц.Ж. Жамцарано, Б. Барадиным, Г.Ц. Цыбиковым, А.Д. Симуковым,

Э.Р. Ринчино, В.А. Казакевичем. Эта совместная работа стала для Н.П. Шастиной своеобразным монголоведным университетом. Занимается она и переводами работ известных европейских монголистов на русский язык, в частности, переводом с французского языка книги Д. Оссона. Н.П. Шастина с гимназии владела английским и французским языками, поэтому переводила для монгольских ученых труды европейских монголоведов. В Архиве Института Истории АН Монголии в 1989 г. мне неоднократно встречались переводы книг западных авторов. С 1930 г. работает в Ученом Комитете МНР, публикует свои первые научные статьи, посвященные монгольскому театру, мистерии цам, архитектуре монгольских монастырей⁷.

С 1937 по 1942 гг. живет и работает в Ленинграде: библиотеке Академии Наук (БАН) и библиотеке Института этнографии АН СССР, продолжает заниматься монголоведением. Во время Великой Отечественной войны находилась в блокадном Ленинграде, продолжала работать в научных библиотеках. В 1942 г. умирает ее младший брат Леонид, а Нину Павловну вместе с другими учеными эвакуируют через Ладогу из Ленинграда (воспоминания К.Н.Яцковской. – Ю.К.).

В 1943–1945 гг. живет в Иркутске и работает преподавателем в Иркутском госуниверситете и готовит к защите кандидатскую диссертацию «Первые сношения Московского государства с Алтын ханами Западной Монголии», которую защитила в 1950 г. в Ленинграде. С этого времени до 1978 г. плодотворно работает в Институте востоковедения АН СССР.

В 1958 г. в Москве издана монография Н.П. Шастиной «Русско-монгольские посольские отношения XVII века», подготовленная на основе переработанной кандидатской диссертации⁸. В ней на основе оригинальных архивных материалов, в основном Центрального государственного архива древних актов, дан развернутый анализ посольств, которыми в XVII веке обменивались Российская империя и государства Северной Монголии. Н.П. Шастина основательно проанализировала в этой монографии летописные монгольские материалы, архивы Академии наук, документы из Иркутской и Якутской приказных изб.

Н.П. Шастина внесла значительный вклад в изучение и публикацию крупнейших памятников монгольской историографии – летописей и монгольских хроник: «Шара туджи» (1957), «Алтан тобчи» Лубсан Данзана (1973). Редкий случай в монголоведении – обычно ученый может подготовить к изданию один исторический источник, Нине Павловне удалось издать два крупных источника. За этим сто-

ит невероятно большой труд подготовки памятника к публикации: сравнение различных редакций источника, подготовка примечаний, редакция текста, написание развернутого описания памятника. На это уходит несколько лет жизни и научной работы.

В статье «Образ Чингис-хана в средневековой литературе монголов» (1970, 1977) Н.П. Шастина сделала блестящий в монголоведении сравнительный анализ монгольских источников XIII и XVII веков, которыми она владела как никто из современных монголоведов. Два известных исторических источника сама ввела в научный оборот. Соавторами сборника статей являлись именитые и профессиональные востоковеды: С.Л. Тихвинский, Е.И. Кычанов, И.П. Петрушевский, Л.И. Думан, Ш. Сандаг, Н.Ц. Мункуев.

Н.П. Шастина являлась крупнейшим историографом монгольской истории, ее перу принадлежит очерк «История изучения МНР» (1952), статья «Изучение истории Монголии после Октября» (1967), статьи об известных русских и советских востоковедах: И. Рассохине, И. Бичурине, В. Васильеве, Б. Владимирцове, Д. Банзарове.

В статье Н.П. Шастиной «Значение трудов Н.Я. Бичурина для русского монголоведения» (1956) дан не только анализ научного вклада Н.Я.Бичурина в русскую науку, но и представлен обстоятельный очерк развития монголоведных исследований в XVIII – первой четверти XIX вв. Характеристика научного вклада, предшествующего Бичурину периода монголоведных исследований, дана в статье конкретно и обстоятельно, с высоким знанием темы. Российское монголоведение находилось в стадии становления как научного направления. Н.П. Шастина оценивает уровень монголоведения в России следующим образом: «Запас сведений о Монголии в конце 20-х годов XIX в. был не так уж велик и обширен, хотя знакомство русской научной мысли с монгольскими народами началось более чем за 100 лет до появления работ Бичурина. На недостаточности сведений о Монголии сказались отсутствие ученых, посвятивших себя этой отрасли науки. Собрание доступных исторических материалов и географических сведений, носивших в большинстве случаев описательный характер, случайные этнографические наблюдения и записи монгольских обычаев и обрядов – вот тот уровень, на котором находилось монголоведение в первой четверти XIX в.»⁹. В опубликованных работах о Монголии Н.П. Шастина выделяет «две линии»: исследования не монголоведов и монголоведов. Так, называются случайно обратившиеся к истории монгольских народов: П.С. Паллас, И.Ф. Миллер, И.Г. Фишер, И.Г. Гмелин. Второе на-

правление связано с именами монголистов, знатоков монгольского языка и Монголии, которые «в большинстве случаев не были учеными, но зато по характеру своей основной работы сталкивались с вопросами монголоведения (В.М. Бакунин, А.В. Игумнов, И.Я. Шмидт). Значительное внимание было уделено литературной борьбе между Бичуриным и Клапротом, между Бичуриным и Шмидтом. По мнению Н.П. Шастиной, «Бичурин не раз выступал в защиту русского монголоведения, борясь против некоторых попыток иностранных ученых, в том числе и находившихся на службе в России, принизить достоинство русской науки»¹⁰.

В статье, посвященной научному вкладу в монголоведение Шмидта, был вынесен излишне суровый вердикт качеству работ ученого: «...большинство работ Шмидта не выдержало строгой оценки времени и устарело или справедливо забыто. Его перевод знаменитой феодальной летописи Саган-Сэцэна не выдерживает критики. Опубликованный им монгольский текст летописи полон искажений и ошибок»¹¹. Современные исследователи истории монголоведения и востоковедения, например, в коллективной работе «История отечественного востоковедения» следующим образом оценивают научный вклад ученого: «Шмидт во многом определил дальнейшее направление научных поисков последующих поколений монговедов в России»¹².

Н.П. Шастина также относила Шмидта к «если не открыто, то близким к реакционным кругам», противопоставлявшим себя русским востоковедам как представитель немецкой школы, царившей в Академии Наук. По мнению Н.П. Шастиной, Шмидт «откровенно высказывал пренебрежительное отношение к русским востоковедам, считая, что вопросы монголистики вправе решать только он один»¹³. Н.П. Шастина признает достоинства ученого, считает его человеком очень способным и для монголоведения сделавшим немало, «главным его достоинством было хорошее знание современного ему монгольского языка. Использование монгольских источников является заслугой Шмидта, до него большинство работ было основано не на непосредственных знаниях монгольских источников, а не материалах, полученных из вторых или третьих рук. Однако в работах Шмидта, по мнению Н.П. Шастиной, «много недостатков, искажений и ошибок»¹⁴. Его работам «свойственна ограниченность как в попытках постановки вопросов, так и в способах их разрешения. Он некритически подходил к тексту, поэтому пользовался опубликованными им материалами необходимо с осторожностью».

Критические замечания в адрес академика Шмидта ранее были высказаны еще Д. Банзаровым. Он упрекал Шмидта за излишне «вольный перевод» Чингисова камня, говорил об изменении словарного запаса, строя языка, его исторической эволюции – историческом подходе к языку. В 50–60-е годы XX в. в ряде публикаций Г.И. Михайлова, Н.П. Шастиной вновь проявилось негативное отношение к личности И.Я. Шмидта и его трудам и противопоставлял его «прогрессивным ученым»: П.С. Савельеву, В.В. Григорьеву, О.М. Ковалевскому. Филолог Г.И. Михайлов критиковал подход Шмидта к изучению монгольского языка. По его мнению, Шмидт искал в монгольском языке те же явления, какие имелись в индоевропейских языках и «подгонял под нормы европейских языков и те факты, которые явно в эти рамки не уместались»¹⁵.

Она принимала участие в подготовке крупных коллективных работ: однотомника «История МНР», шести выпусков «Очерков по истории русского востоковедения» (1953–1963), переиздании «Истории монголов» и «Путешествий в восточные страны» Плано Карпини и В. Рубрука (1957). Всего опубликовано более 80 статей.

Часть материалов осталась в рукописях. В Некрологе указано, что Н.П. Шастина подготовила докторскую диссертацию, посвященную истории русского монголоведения. По количеству публикаций, посвященных данной теме, видно, что работа была готова к защите. Каждая статья, посвященная русскому монголоведу, имеет самостоятельную оценку научного наследия, а также показывает отношения монговедов между собой. Оценки самостоятельные и оригинальные. В 80–90-е годы было опубликовано несколько статей других авторов, которые явно не дотягивают до уровня публикаций Н.П. Шастиной. Можно только догадываться, почему не состоялась защита докторской диссертации. Судьба рукописи пока нам также неизвестна.

Некоторые статьи Н.П. Шастиной публикуются и сейчас, что свидетельствует, что их основные положения и выводы не устарели. Так, в коллективной работе «Российские монголоведы (XVIII – начало XX в.)», опубликованной в 1997 г. в Улан-Удэ, статья о выдающемся монголоведе XX в. Б.Я. Владимирцове подготовлена на материале Н.П. Шастиной¹⁶; а в 2003 г. в Санкт-Петербурге опубликована обширная работа о самом крупном российском монголоведе России А.М. Позднееве¹⁷.

Высоко оценивается роль А.М. Позднеева, как ведущего монголоведа России. Она пишет: «Отличаясь необыкновенным трудолю-

бием, Позднеев создал ряд фундаментальных трудов, общее число которых – 122 названия, из них 17 монографий, общим объемом около 400 печатных листов, что уже одно свидетельствует о широком круге разных вопросов и большом фактическом материале. Кроме того, Позднеев был хорошим организатором учебного дела. Благодаря его энергичным действиям возник Восточный институт во Владивостоке, директором которого он был в течение нескольких лет»¹⁸.

Н.П. Шастина оказывала поддержку иркутским монголоведам. Так, в письме Е.М. Даревской от 4 августа 1972 г. она написала: «Наконец-то я прочла внимательно Вашу работу и пришла к выводу, что Вы сделали отличную диссертацию, и Вам ее нужно защищать. Собран огромный материал, свежий, новый. Оформлен хорошо. Все в порядке, и Вы больше не тяните. Ставьте на защиту или у себя, или у нас... Провернув такую массу работы, найдя столь много свежего материала, нельзя не защититься. Таково мое мнение. Да это же настоящий вклад в науку!»¹⁹.

Таким образом, мы видим, что в творчестве Н.П. Шастиной нет ничего случайного, а четко прослеживается несколько тем ее научных поисков и исследований: история ламаистской церкви, русско-монгольские отношения XVII в., источниковедение и историография Монголии, история русского монголоведения. Наибольший интерес она проявляла и исследованию исторических монголоведческих исследований, здесь она является первопроходцем и новатором.

Н.П. Шастина прожила уникальную творческую жизнь ученого-монголоведа. Она получила классическое гуманитарное образование в Иркутском университете, в период, когда в нем работали крупные ученые из Москвы и Петербурга, сформировалась как творческий человек. В Монголии 20–30-х гг. она изучила монгольский и тибетский языки, по сути, получила второе востоковедное образование, общаясь с Н.К. Рерихом, Ю.Н. Рерихом, П.К. Козловым, Ц. Жамцарано, А. Симуковым, В. Лисовским и др. Общение с выдающимися советскими монголоведами, большинство которых было репрессировано в 1937–1938 гг., стало настоящим «монгольским университетом». В 1936 г. П.Н. Шастина и его семью высылают из Монголии. Ее в меньшей степени затронуло распространение «марксизма» в монголоведении. По сути, можно обобщить, что в советском монголоведении существовало и жило классическое российское монголоведение, которое бережно относилось к дореволюционному классическому наследию, изучались «Гэсэр», «Джангар», «Сокровенное сказание», монгольские летописи. В Монголии также работали ученые, про-

должавшие эту линию в науке: академики Ц. Дамдинсурэн, Ш. Бира, Б. Ринчен и др., которые поддерживали советских ученых, в том числе и Н.П. Шастину. Также она поддерживала творческие связи с зарубежными учеными, была в курсе монголоведческих исследований на Западе. У нее нет конъюнктурных работ, посвященных юбилейным датам в истории МНР и МНРП, нет пустого славословия о современных политиках Монголии и советско-монгольской дружбе. Хотя по делам и реальному отношению к науке Н.П. Шастина являлась настоящим патриотом своей страны и большим другом монгольского народа. В Монголии также сняты документальные фильмы о семье Шастиных, опубликованы статьи и разделы в монографиях и коллективных работах.

Качество и объем исследовательской работы, выполненной Н.П. Шастиной, поражают современного исследователя. Высокая культура исследования, точность и скрупулезность научных выводов ученого заслуживают глубокого уважения и почтения.

Список опубликованных работ по истории, историографии, источниковедению и культуре Монголии Н.П. Шастиной

- Кандидатская диссертация Н.П. Шастиной «Первые сношения Московского государства с Алтын ханами Западной Монголии. Л., 1950. 281 с. (Институт востоковедения АН СССР).
- Алтын-ханы Западной Монголии в ХУП в. // Советское востоковедение. Т. 6. М.-Л., 1949. С. 383–395.
- История изучения Монгольской Народной Республики (Краткий очерк) // Монгольская Народная Республика. Сб. статей. М., 1952. С. 15–55.
- Перевод И. Рассохина по истории монголов конца XVII в. // Ученые записки Института востоковедения (АН СССР). Т. 6, М.-Л., 1953. С. 200–211.
- О монгольском эпосе «Гэсэр» // О характере бурятского эпоса «Гэсэр». Улан-Удэ, 1953. С. 146–165.
- История Монгольской Народной Республики. М., 1954. 422 с. (член авторского коллектива с советской стороны и редактор).
- Эпиграфика в работах Доржи Банзарова // К столетию со дня смерти Доржи Банзарова (Материалы научных сессий и статьи). Улан-Удэ, 1955. С. 47–59.

Выступление кандидата исторических наук Н.П. Шастиной // К 100-летию со дня смерти Доржи Банзарова (Материалы научных сессий и статьи). Улан-Удэ, 1955. С. 175–177.

Значение трудов Н.Я. Бичурина для русского монголоведения // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М., 1956. С. 181–197.

Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М., 1956 (редактор сборника).

Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М., 1956. Вступит. статья (с. 3–20), примечания (с. 195–266) и ред. текста.

Письма Лубсан-тайджи в Москву. Из истории русско-монгольских отношений в ХУП в. // Филология и история монгольских народов. М., 1958. С. 275–288.

Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958. 173 с.

Грамота царя Петра I к Лубсан-тайджи и ее составитель // Проблемы востоковедения. М., 1960. № 4. С. 140–150 (соавтор Ю.Н. Рерих).

Монгольская летопись XVII века // Народы Азии и Африки, М., 1961. № 4. С. 188–194.

Из переписки О.М. Ковалевского с бурятскими друзьями // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ,

Изучение истории Монголии после Октября // Народы Азии и Африки. 1967. № 4. С. 6–74.

История Монгольской Народной Республики. М., 1967. 537 с. (член авторского коллектива с советской стороны, редактор).

Шастина Н.П. Предисловие // В.Е. Ларичев. Азия далекая и таинственная. Новосибирск, 1968.

Образ Чингисхана в средневековой литературе монголов // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 435–454.

В.П. Васильев как монголовец // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 4. Улан-Удэ, 1970. С. 12–17.

Повесть о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана // Страны и народы Востока. Вып. XI. М., 1971. С. 127–139.

Из воспоминаний о Монголии // Книга братства. Москва-Улан-Батор, 1971. С. 196–208.

История Монгольской Народной Республики. М., 1983. 661 с. (член авторского коллектива с советской стороны).

А.М. Позднеев (подготовка к печати, примечания А.Г. Сазыкина) // MONGOLICA-VI. Посвящается 150-летию со дня рождения А.М. Позднеева. Составитель И.В. Кульганек. СПб., 2003. С. 7–23.

Китайцы-иконописцы в Улан-Баторе (очерк) // MONGOLICA-III. СПб., 1994. С. 26–27 (написана Н.П. Шастиной в 1929 г.).

Фрагменты статьи об аймачном храме «Орлуд» // MONGOLICA-III. СПб., 1994. С. 28–34.

Профессору Г.Д.Санжееву – 70 лет // Исследования по восточной филологии. К 70-летию проф. Г.Д.Санжеева. М., 1977. С. 5–11.

Следы примитивных религий в ламаистской мистерии Цам // Там же. С. 306–318.

Круговращение Майдари // Современная Монголия. 1935. № 5. С. 106–107.

Изучение монгольских летописей в СССР. М., 1963.

Основная литература о Монголии // Современная Монголия. 1933. № 1. С. 82–94; № 2. С. 92–105

Книжные и журнальные новости о Монгольской Народной Республике // Современная Монголия. 1935. № 4. С. 106–114.

Материалы по библиографии Монголии // Современная Монголия. 1935. № 4 (11). С. 94–113.

Обзор литературы о Монголии за 1935 год // Современная Монголия. 1936. № 6 (19). С. 94–113.

Очерки монгольского театра // Современная Монголия. 1935. № 3. С. 91–106.

«ЦАМ» (праздник в ламайских монастырях Монголии) // Хозяйство Монголии. 1928. № 4 (11). С. 79–83.

Цохчин в праздничные дни // Хозяйство Монголии. 1928. № 4 (11). С. 79–83.

Надом // Современная Монголия. 1934. № 3 (6). С. 68–85.

Борис Яковлевич Владимирцов (1884–1931) // Филология и история монгольских народов. Памяти акад. Б.Я. Владимирцова. М., 1958. С. 3–11.

Образ Чингисхана в средневековой литературе монголов // Монголо-татары в Азии и Европе. Сборник статей. Изд. 2. М., 1977. С. 462–483.

Б.Я. Владимирцов // Российские монголоведы (XVIII – нач. XX в.). Улан-Удэ, 1997. С. 141–145.

Шастина Н.П. Монгольский сборник назидательных произведений // Цэндийн Дамдинсүрэн. К 100-летию со дня рождения. Публикация А.Д.Цендиной. М., 2008. С. 236–249.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г.И. МИХАЙЛОВА

В январе 2009 г. исполнилось 100 лет со дня рождения известного советского монголоведа, доктора филологических наук Георгия Ивановича Михайлова. Эта дата – знаменательное событие в истории отечественного монголоведения. Он стоял у истоков современного монгольского литературоведения и литературной критики.

Г.И. Михайлов родился 5 января 1909 г. в Петербурге в семье путиловского рабочего. По окончании средней школы, в сентябре 1926 г. он поступил на монгольский разряд Ленинградского восточного института им. А.С. Енукидзе, закончил его в апреле 1930 г. Слушал лекции крупнейших востоковедов: историка В.В. Бартольда (1880–1930), монголоведа Б.Я. Владимирцова (1884–1931) и др. Учеба у таких маститых ученых сыграла в жизни юноши решающую роль. Уже в студенческие годы он побывал в Калмыкии (1927), через год – в Бурят-Монголии, которую повторно посетил в 1929 г. Впервые он увидел Монголию в 1930 г. Это была первая встреча с изучаемой страной, в которой он проработал до октября 1931 г., вторично был командирован туда же в ведомстве НКО в июле 1935 г., где проработал до марта 1938 г. С мая 1930 г. по май 1931 г. он проработал инструктором Монценкоопа затем переведен на должность инструктора Экономического Совета (июль 1931 г. – октябрь 1931 г.).

Вернувшись в Москву, преподавал в восточном институте с ноября 1931 г. по июнь 1935 г. С июля 1935 г. по март 1938 г. – переводчиком военного министерства. В эти годы он много занимался составлением и переводом различных учебных пособий на монгольский язык. С июня 1938 г. по октябрь 1941 г. Г.И. Михайлов работал старшим контрольным редактором монгольской редакции Издательства литературы на иностранных языках.

В годы Великой Отечественной войны вступил в ряды народного ополчения (октябрь 1941 г.) и вскоре был призван на военную службу. Он воевал на Калининском фронте в феврале 1942 г., в 1943 г. – на Западном фронте, в январе-феврале 1945 г. – на 3-м Белорусском фронте. Он был тогда майором, служил в пехоте. Был трижды ранен. По данным А.В. Бадмаева¹, Михайлов командовал минометным

¹ Яцковская К.Н. Неопубликованные материалы 20-х годов из личного архива Н.П. Шастиной (1898–1980) // *Mongolica* – III. Из архивов отечественных монголоведов XIX- начала XX вв. СПб., 1994, с. 23–25; Кузьмин Ю.В. 95-летие со дня рождения Н.П. Шастиной // *Bulletin International Association for Mongol Studies. Ulaanbaatar*, 1993. № 2 (12), с. 89; Кузьмин Ю.В. Нина Павловна Шастина – исследовательница Монголии // *Тальцы*. Иркутск, 2002. № 1 (13), с. 22–26; Кузьмин Ю.В. Монголоведные исследования Н.П. Шастиной // *Россия и Восток: взгляд из Сибири на начало тысячелетия. Материалы международной конференции*. Иркутск, 2002, с. 135–139.

² Гольдфарб С. Час выбора Анатолий и Елена Шастины в Иркутске. Иркутск, 2000, с. 19.

³ *Литературная Сибирь: Критико-библиографический словарь писателей Восточной Сибири*. Иркутск, 1988. С. 3.

⁴ Яцковская К.Н. Указ. соч, с. 23.

⁵ Шостакович А. Гаснувший гарем. Иркутск, 2000, с. 26.

⁶ *Книга братства*. М., 1971, с. 196.

⁷ Шастина Н.П. Религиозная мистерия «шам» в монастыре Дзун-хурэ // *Современная Монголия*. 1935. № 1.

⁸ Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века М., 1958. 175 с.

⁹ Шастина Н.П. Значение трудов Н.Я. Бичурина // *Очерки по истории русского востоковедения* М., 1956, с. 182.

¹⁰ Там же, с. 194.

¹¹ Шастина Н.П. Эпиграфика в работах Доржи Банзарова // *К столетию со дня смерти Доржи Банзарова*. Улан-Удэ, 1955, с. 51.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 36.

¹⁶ Шастина Н.П. Б.Я. Владимирцов // *Российские монголоведы (XVIII-начало XX вв.)*. Улан-Удэ, 1997, с. 141–145.

¹⁷ Шастина Н.П. А.М. Позднеев (подготовка к печати, примечания А.Г. Сазыкина) // *Mongolica* – VI. СПб., 2003, с. 7–18.

¹⁸ Там же, с. 7.

¹⁹ Личный архив Е.М. Даревской (г. Иркутск)

взводом в части, входившей в дивизию под командованием генерал-полковника Б.Б. Городовикова. Михайлов имел ряд боевых наград. Он был награжден орденом Отечественной войны I степени (1944), орденом Красной звезды (1945), медалью «За отвагу» и «30 лет Советской армии» (1948), медалью «800 лет Москвы» (1948).

В 1946–1950 гг. Г.И. Михайлов работал начальником монгольского сектора Военного института иностранных языков, в 1950–1981 гг. – младшим, старшим научным сотрудником Института востоковедения АН СССР (ныне Института востоковедения РАН).

Научное творчество Г.И. Михайлова многогранно и содержательно. Началом его научной деятельности можно считать 1932 год, когда он написал рецензию «Вредная книга», напечатанной в журнале для аспирантов ЛИЖВЯ. Участвовал в редактировании монгольского перевода «Истории ВКП(б)» (1939). В его обзорах, рецензиях и научных отчетах о работе конференций отразились вопросы развития монгольской филологии тех лет.

Он писал рецензию на труд проф. Г.Д. Санжеева, научные статьи «Вопросы филологии в трудах Д. Банзарова, «Монгольский язык в летописях Рашид ад-дина», в которых показал себя как лингвист. Пожалуй, самой интересной и обобщающей работой Г.И. Михайлова (1955) является его монография о современной монгольской литературе. Она вышла в переводах на старописьменном монгольском и китайском языках (1958) в Хух-Хот и в Пекине.

Известный российский монголовед-литературовед Л.К. Герасимович высоко оценила труд своего предшественника: «Первой серьезной работой по истории современной монгольской литературы явилась книга Г.И. Михайлова «Очерк истории современной монгольской литературы». Книга основана на большом количестве материала, собранного из самых разных источников. Из этого обилия материалов Г.И. Михайлов выбирает и анализирует наиболее значительные произведения современной монгольской литературы. Автор пользуется не переводами, а оригинальными произведениями на монгольском языке. Книга снабжена хорошо подобранной библиографией произведений монгольских писателей и литературы, предмета на русском и монгольском языках»². Сейчас монография Г.И. Михайлова стала библиографической редкостью. Однако следует признать, что книга заложила основы для многих поздних литературоведческих работ по современной монгольской литературе. Она насквозь пропитана духом идеологии тоталитаризма того времени. Это не вина автора, скорее, беда специалистов того времени. Впоследствии,

К.Н. Яцковская³ в своем разделе краткого очерка по монгольской литературе выправила отрицательные тенденции 30–40-х годов, когда были восстановлены имена репрессированных писателей и драматургов.

Г.И. Михайлов занимался проблемами истории культуры МНР. Он был автором глав о культуре монголов XII–XX вв. в совместной обобщающей работе ученых МНР и СССР «История Монгольской Народной Республики» (I изд. 1954). Его монография «Культурное строительство в МНР» (исторический очерк) содержала в себе богатый материал по истории народного образования, литературы, здравоохранения и искусства.

Г.И. Михайлов издал весьма интересную монографию «Литературное наследство монголов» (1969), защищенную позже в качестве докторской диссертации. Л.К. Герасимович дает труду Г.И. Михайлова блестящую характеристику: «Первый наиболее полный очерк монгольской литературы XIII – начала XX вв. написал Георгий Иванович Михайлов. Его книга “Литературное наследство монголов” содержит описание образцов древней поэзии монголов, исследует формирование основных литературных жанров, рассматривает в сопоставлении светскую и духовную литературу, касается проблем литературных связей и основных предпосылок возникновения реалистической литературы»⁴. «Это была первая и весьма важная попытка осмыслить процесс формирования литературы Монголии в целом – с древности до наших дней, дать глубокий анализ ее национальных традиций и проблем историко-литературных связей монголов с народами Центральной и Южной Азии»⁵ – так писал В.З. Церенов.

Г.И. Михайлов был автором раздела «Древняя поэзия и средневековая литература Монголии» книги «Монгольская литература» в серии «Литература Востока», в котором представлено литературное наследство всех монгольских народов, населяющих Внешнюю и Внутреннюю Монголию, а также бурят и калмыков. Проанализированы тенденции развития общемонгольской литературы, констатирован уровень развития в целом.

Следует сказать, что в умах интеллигенции Монголии бытовала идея о культурном наследии прошлого, которая тесно связана с вопросами современной монгольской культуры. Одним из глашатаев того времени был академик Б. Ринчен (1905–1977), чьи рациональные идеи изложены в его книге «Из нашего культурного наследия»⁶. Его идеи были подхвачены монгольским литературоведом Ц. Дамдинсурэном. Немецкий монголовед В. Хайссиг⁷ издал обширную книгу «Монгольская литература. До новых идей» (1972) в 2-х томах.

Эта монография внесла огромный вклад в мировую монголистику в целом, в старую монгольскую литературу в особенности.

Г.И. Михайлов участвовал в литературоведческих мероприятиях Института востоковедения. Акад. Б.Я. Владимирцов внес огромный вклад в монголоведение начала XX века своими выдающимися трудами, эту отрасль советского востоковедения вывел на новые горизонты его развития. Его вклад в монголоведное литературоведение был колоссальным, этой проблематике Г.И. Михайлов посвятил свою статью «Литературоведческие концепции Б.Я. Владимирцова», в которой автор выделил основные направления исследований знаменитого монголоведа, отмечая значимость и большую ценность его важнейших работ, вошедших в золотой фонд не только советского востоковедения, но и мирового, что мы ныне относим к классическому монголоведению. Он написал статью «О периодизации истории монгольской литературы», в которой рассмотрел актуальные вопросы периодизации в монгольской литературе. Г.И. Михайлов опубликовал любопытную статью о двух бегунцах Чингисхана, в которой автор рассмотрел мотивы героев в борьбе за свои права на фоне той эпохи, связав их деяния в идейном содержании, попытался на основе своего анализа определить жанр поэтической повести. Г.И. Михайлов изучил тексты «Сокровенного сказания» и «Алтан тобчи» в сопоставительном плане. К этому циклу статей относится его содержательная статья «Мифы в исторических сочинениях XII-XIX вв. монгольских народов». Жанры в старомонгольской литературе остаются сложной, запутанной проблемой в современной монгольской литературе и монголоведном литературоведении. Он попытался разобраться в жанровой природе и синкретизме монгольских терминов «*шастир*», «*намтар*», «*тууж*» и «*судар*» в монгольской литературе до 1921 г.

Г.И. Михайлов опубликовал ряд статей по истории современной монгольской литературы. Это «М. Горький и монгольские писатели»; «Традиции и новаторство в творчестве Д. Нацагдоржа»; «Писатель и наследие».

Г.И. Михайлов занимался и проблемами ойратской литературы. Им написан раздел в «Истории монгольской литературы», раскрывающий особенности ойратской литературы. Он же написал соответствующие разделы и параграфы по истории старокалмыцкой литературы в обобщающей «Истории калмыцкой литературы».

Г.И. Михайлов был одним из первых эпосоведов и разносторонним фольклористом. Он занимался изучением бурятского героиче-

ского эпоса «Гэсэр» и калмыцкого героического эпоса «Джангар». В области джангароведения он сделал немало: совместно с А.Ш. Кичиковым опубликовал тексты 25 песен «Джангара»⁸. Им написаны циклы статей по «Джангариаде», в которых освещены вопросы циклизации «Джангариады» и ее связи с мифами. Реконструировал одну из калмыцких былин, опубликованную в журнале «Теегин герел» («Свет в степи»).

В отдельных его статьях были изучены вопросы эволюции монгольского героического эпоса, возникновения былин у монголов, исследовались функции мифов, роль *луу* «дракон» и *лус* «водяной, леший» в произведениях героического эпоса монгольских народов.

Г.И. Михайлов уделял большое внимание изучению шаманской поэзии у монгольских народов, рассматривая ее как поэтический феномен и искусство. Он издал большую монографию, в которой исследованы особенности магической поэзии, формирование сказочного эпоса, пути развития былин (1971). Книга была итоговой в области эпосоведения монголов.

Г.И. Михайлов, как монголовед, был тесно связан с ученым сообществом в Монголии, Бурятии и, особенно, в Калмыкии. Депортация калмыцкого народа в 1943 г., ликвидация республики явились трагедией для целого народа. В.З. Церенов и А.В. Бадмаев⁹ пишут о его дружбе с калмыцкими учеными-гуманитариями ярко и весьма убедительно.

Г.И. Михайлов создал свою школу монголоведов, представители которой и сейчас продолжают дело своего учителя. У него учились в аспирантуре монголы: П. Хорлоо (1958), Ц. Хасбаатар (1968), М. Гаадамба (1967) и Л. Тудэв (1967), москвичи К.Н. Яцковская (1972), С.Ю. Неклюдов, из Калмыкии: А.В. Бадмаев (1969), Н.Б. Сангаджиева (Пюрвеева) (1971), Т.Г. Борджанова (1979) (ныне Басангова), Мучкинова Е.Д. и из Бурятии В.Э. Раднаев (1976). Некоторые бывшие ученики защитили докторские диссертации: это Л. Тудэв (1983), П. Хорлоо (1983), Н.Б. Пюрвеева (2004), Т.Г. Басангова (2009).

Естественно, все мы уважаем и уважали своего наставника, перед ним мы в долгу, думаю, что посеянное им доброе и прекрасное в нас не пропало даром, дало свои плоды. Часть из нас стали настоящими учеными: П. Хорлоо – академик, был директором Института языка и литературы АН МНР; Л.Тудэв – крупнейший монгольский писатель, издал «Собрание сочинений» в 70-ти томах.

Г.И. Михайлов вошел в историю советского монголоведения как филолог широкого профиля: лингвист, изучал фольклор монгольских народов, литературовед и литературный критик. Его ученики

А.В. Бадмаев, монгольский фольклорист академик П. Хорлоо писали о нем в научной печати в связи с юбилеем – 60-летием со дня рождения Г.И. Михайлова. П. Хорлоо отмечал его заслуги в науке, издав сборник статей, посвященных эпосу «Джангар», бытующему в Монголии. Так, о нем создана библиографическая справочная литература.

За заслуги в подготовке научных кадров и многолетнюю исследовательскую деятельность Г.И. Михайлов был удостоен монгольского ордена «Полярная звезда», а также почетное звание «Заслуженный деятель науки Калмыцкой АССР» (1979).

Г.И. Михайлов был общественным деятелем, являлся членом Центрального правления Общества советско-монгольской дружбы с 1958 г. Избирался членом специализированных Ученых советов ИВ АН СССР и ИССА при МГУ.

Основные труды Г.И. Михайлова:

- Михайлов Г.И. Очерк истории современной литературы. М., 1955. 216 с.
- Михайлов Г.И. [рец. на] Г.Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков // Краткие сообщения Института востоковедения. № 12. М., 1955. С. 95–106.
- Михайлов Г.И. Вопросы филологии в трудах Д. Банзарова // К столетию со дня смерти Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 1955. С. 35–46.
- Михайлов Г.И. Культурное строительство в МНР (Ист. очерк). М., 1957. 201с.
- Михайлов Г.И. Литературоведческие концепции Б.Я. Владимирцова // Филология и история монгольских народов. М., 1958. С. 41–58.
- Михайлов Г.И. К вопросу об эволюции монгольского героического эпоса // Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1960. С. 210–227.
- Михайлов Г.И. О времени возникновения былин монгольских народов // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 2. Элиста, 1962. С. 95–102.
- Михайлов Г.И. О периодизации истории монгольской литературы // Народы Азии и Африки. 1962. № 4. С. 166–175.
- Михайлов Г.И. «Сокровенное сказание» и «Алтан тобчи» // Тр. БКНИИ СО АН СССР. № 8. Улан-Удэ, 1962. С. 82–89.

- Михайлов Г.И. Луу и лус в произведениях героического эпоса монгольских народов // КСИНА. № 63. М., 1963. С. 282–288.
- Михайлов Г.И. Монгольский язык в летописях Рашид-ад-дина // КСИНА. Вып. 65. М., 1964. С. 117–127.
- Михайлов Г.И. Мифы в героическом эпосе монгольских народов // КСИНА. № 83. М., 1964. С. 109–119.
- Михайлов Г.И. Эзэн богд Чингис хааны эр хоёр загалын тууж. (Эпоха, идейное содержание, жанр) // Монголын судлал. Т. 5. Улаанбаатар, 1966. С. 3–9.
- Михайлов Г.И. М. Горький и монгольские писатели // М. Горький и литература зарубежного Востока. М., 1969. С. 112–123.
- Михайлов Г.И. Литературное наследство монголов. М., 1969. 175 с.
- Михайлов Г.И. О шаманизме и шаманской поэзии // Теоретические проблемы восточных литератур. М., 1969. С. 29–38.
- Михайлов Г.И. Джангариада и Гэсэриада // Великий певец «Джангара» Ээлян Овла и джангароведение. Элиста, 1969. С. 29–38.
- Михайлов Г.И., Яцковская К.Н. Монгольская литература. Краткий очерк. М., 1969. С. 7–112; С. 113–210.
- Михайлов Г.И. О терминах шастар, намтар, тууж и судар в монгольской литературе // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1970. С. 179–183.
- Михайлов Г.И. «Год бичиг» и начало ойратско-калмыцкой литературы // 320 лет старокалмыцкой письменности. Элиста, 1970. С. 130–144.
- Михайлов Г.И. Проблемы фольклора монгольских народов. Элиста, 1971. 235 с.
- Михайлов Г.И. Новый текст «Джангара» // Народы Азии и Африки, № 5. М., 1972. С. 220–221.
- Михайлов Г.И. Писатель и наследие // Хэл зохиол судлал. Т.9. Улаанбаатар, 1972. С. 133–144; То же // Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып.5 Элиста, 1973. С. 18–32.
- Михайлов Г.И. Традиции и новаторство в творчестве Д. Нацагдоржа. // Исследования по восточной филологии. М., 1974. С. 149–158.
- Михайлов Г.И. Калмыцкий «Джангар» и миф. // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 14. Элиста, 1976. С. 3–27.
- Михайлов Г.И. Ойродын утга зохиол. // Монголын уран зохиолын тойм. 2-р дэвтэр. Улаанбаатар, 1977. С. 180–201.
- Михайлов Г.И. Два цикла «Джангара» (опыт сравнительного изучения). // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. М., 1980. С. 13–22.

Михайлов Г.И. Введение: Древняя поэзия. Заключение // История калмыцкой литературы. Дооктябрьский период. Элиста, 1981. С. 4–27, 28–145, 287–306.

Михайлов Г.И. Мифы в исторических сочинениях XII–XIX вв. монгольских народов // Фольклор и историческая этнография. М., 1983. С. 88–106.

И.Р. Гарри

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РЕГБИ ЕШИЕВИЧА ПУБАЕВА (1928–1991)

¹ Бадмаев А.В. Г.И. Михайлов (к 60-летию со дня рождения) // Ученые записки Калмыцкого НИИИЯЛИ. Вып. 9. Элиста, 1970.

² Герасимович Л.К. Литература Монгольской Народной Республики 1921–1964 гг. Л., 1965, с. 20.

³ Яцковская К.Н. Литература новой Монголии // Михайлов Г.И., Яцковская К.Н. Краткий очерк. М., 1969, с. 113–210.

⁴ Герасимович Л.К. Монгольская литература XIII – начала XX вв. (материалы к лекциям). Элиста, 2006, с. 16, 87–88.

⁵ Церенов В.З. Памяти Георгия Ивановича Михайлова // Народы Азии и Африки. № 4. 1987.

⁶ Ринчен Б. Из нашего культурного наследия. Улан-Батор, 1958.

⁷ Heissig W. Geschichte der mongolischen Literatur. Bd. 1–2. Wiesbaden, 1972.

⁸ Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен). В 2-х книгах. М., 1987.

⁹ Церенов В.З. Памяти Георгия Ивановича Михайлова // Народы Азии и Африки. № 4. 1987; Бадмаев А.В. Г.И. Михайлов (к 60-летию со дня рождения) // Ученые записки Калмыцкого НИИИЯЛИ. Вып. 9. Элиста, 1970.

В декабре 2008 г. доктору исторических наук Регби Ешиевичу Пубаеву исполнилось бы 80 лет. К сожалению, его нет с нами уже более 17 лет, но надеюсь, что имя Регби Ешиевича останется в памяти научной общественности, так как всю свою жизнь он посвятил развитию востоковедной науки в Бурятии и России¹.

Регби Ешиевич Пубаев родился 21 декабря 1928 г. в урочище Алха, тогдашнего Тургинского сомона Адун-Челунского хошуна, ныне Оловянинского района Читинской области (ныне Забайкальского края), в семье скотовода Ешиева Пубажаб и Цыбегмит Санжаевой. Семейство Пубаевых и их родственников были потомками выходцев из Баргузина рода хэнгэлдэр-саган, откочевавших в Агинские степи в XIX в. Родители Регби Ешиевича были людьми глубоко верующими, простыми и добрыми по натуре. У них родилось 14 детей, из которых в живых осталось только шестеро. Регби Ешиевич был вторым ребенком, и на его плечи легла нелегкая ноша помощи старшим по ведению хозяйства и работе в колхозе. С детских лет он приобщился к народным традициям и религиозным обычаям бурят, участвовал в праздниках, посещал хуралы в дацанах, наблюдал за религиозной деятельностью старших в семье. В их доме всегда горели лампы в домашнем алтаре, ежедневно произносились молитвы и делались подношения бурханам. Интерес к истории и культуре своего народа, неразрывно связанной с культурой Востока, определил жизненный путь юноши-степняка.

Годы учебы в Зугалайской семилетней школе пришлось на военную пору. После окончания школы он поступил в Агинское педагогическое училище, которое окончил с отличием в 1947 г. и поступил в Иркутский государственный университет. В 1948 г. со 2-го курса перевелся на восточный факультет Ленинградского госуниверситета, в котором до него учились его знаменитые земляки Петр (Жамсаран) Бадмаев, Цыбен Жамцарано, Гомбожаб Цыбиков.

Примечательна история бурятских студентов, поступивших в знаменитый университет. Трудно передать энтузиазм и восторг улусных парней и девушек, попавших в прославленный город на Неве. Плохо одетые, полуголодные, с акцентом говорившие на русском языке, некоторые из них получившие ранения фронтовики, бурятские студенты оказались в стенах университета, в котором лекции читали выдающиеся ученые-востоковеды довоенного времени – академики С.А. Козин, В.В. Струве, В.М. Алексеев, И.Ю. Крачковский, А.П. Баранников, члены-корреспонденты А.Ю. Якубовский, М.Н. Боголюбов, профессора Н.В. Цапкин, Н.Н. Кюнер, Г.В. Ефимов и многие другие. По воспоминаниям бурятских выпускников-восточников, жизнь в Ленинграде в послевоенное время была очень трудна. У.-Ж.Ш. Дондуков вспоминал, как первая партия бурятских студентов отправилась в Ленинград через Москву в товарных вагонах-теплушках и только через 14 суток прибыла в Москву, а Регби Ешиевич рассказывал, как они с его земляком и лучшим другом Б.-Д.Б. Бадараевым едва ли ни с одной булкой хлеба на двоих добились до родной Аги на третьей полке общего вагона. Однако «студенческие годы, проведенные в стенах самого престижного, легендарного и прославленного в мировой науке университета, были несомненно самыми светлыми, счастливыми и оптимистичными»². Бурятские студенты, окончившие Ленинградский университет, стали впоследствии известными кандидатами и докторами наук, внесшими весомый вклад в науку Бурятии³.

В университете Р.Е. Пубаев учился на монгольском отделении по кафедре истории стран Дальнего Востока. Из всех бурятских студентов к тибетологии тяготели лишь двое: Р.Е. Пубаев (историк) и Б.-Д.Б. Бадараев (филолог). В университете не было проблем со специалистами высшей категории по монголистике, ситуация с тибетологией была иной. Тибетский язык студентам преподавал индолог В.С. Воробьев-Десятовский, сам учившийся на несколько курсов старше и ставший впоследствии известным востоковедом. Непосредственными учителями Р.Е. Пубаева по истории стран Дальнего Востока и Тибета, в том числе, были профессора-синологи Н.В. Кюнер и Г.В. Ефимов.

Окончив в 1952 г. университет по специальности «история зарубежного Востока», Р.Е.Пубаев был рекомендован в аспирантуру при кафедре истории стран Дальнего Востока. Во время учебы в аспирантуре преподавал бурятский язык в театральном институте им. А.Н. Островского и русский язык обучающимся в Ленинграде

монгольским студентам. В 1955 году под руководством профессора Н.В. Кюнера он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Экспансия Англии в Тибете и борьба тибетского народа против английских захватчиков», на основе которой были написаны «Очерки политической истории Тибета». После окончания аспирантуры Р.Е. Пубаеву предложили работать преподавателем тибетского языка и истории Тибета на кафедре истории стран Дальнего Востока. Однако Регби Ешиевич был вынужден отказаться от этого предложения по семейным обстоятельствам.

Приехав в Улан-Удэ, молодой ученый становится преподавателем истории древнего мира в Бурятском государственном педагогическом институте им. Д. Банзарова и Республиканской партийной школы. С 1958 г. Регби Ешиевич был приглашен на работу в Отдел Зарубежного Востока вновь созданного Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР (позднее Институт общественных наук, ныне Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН), где он трудился до конца своих дней, в течение длительного времени возглавлял сектор Истории культуры народов Востока, сектор тибетологии, сектор буддологии и отдел памятников письменности Востока.

Наряду с основной работой Регби Ешиевич уделял много внимания изучению архивных документов в Центральном государственном архиве Бурятской АССР. В течение 1957–1958 гг. он разобрал и обработал все бурятские документы на старо-монгольской письменности, выделил их в 6 фондов (по Степным думам) и составил их «Опись» в трех книгах. Научная оценка архивных материалов дана в статье «Архивные документы по истории Бурятии на старомонгольской письменности» в сборнике «Архивное дело в Бурятской АССР» (Улан-Удэ, 1960). Р.Е. Пубаев в своей статье писал: «Вот эти-то документы (т.е. не переведенные на русский язык писарями-переводчиками) и представляют большую ценность как источники, раскрывающие социально-экономические отношения и быт бурятского народа. Они, к сожалению, оставались вне поля зрения исследователей. Это наложило определенный отпечаток на современную бурятскую историографию, в которой основное внимание уделялось политической истории русско-бурятских отношений, на колониальную политику в Забайкалье и в меньшей степени на социально-экономические отношения в бурятских улусах» (с. 44–46). В этом же сборнике ученый опубликовал статью «Архивные документы на старо-монгольской письменности об образовании Агинской Степной

думы», в которой автор приводит на основании использованных источников новые сведения по истории Агинских бурят, вводит в оборот и дает перевод некоторых важных документов по образованию Агинской Степной думы.

Сейчас уже ни для кого не секрет, как трудно было заниматься в советскую эпоху востоковедными, а тем более религиоведческими исследованиями. Для этого требовалось, помимо профессиональной подготовки, и немалое личное мужество, как пишут коллеги Регби Ешиевича с.н.с. Н.Д. Болсохоева и проф. С.Ю. Лепехов⁴. Религия продолжала считаться пережитком феодализма, и ею разрешали заниматься исключительно в практических целях – для преодоления тех самых пережитков и улучшения научно-практической пропаганды. Сектор Зарубежного Востока БКНИИ СО РАН получил задание обкома КПСС исследовать «пережитки ламаизма в Бурятии», а Регби Ешиевич был назначен руководителем историко-этнографической экспедиции, которая в течение пяти лет (1961–1966) исследовала современное состояние буддизма и традиционных верований бурят в Тункинском, Баргузинском, Хоринском, Еравнинском, Джидинском районах и Агинском автономном округе. «Нет худа без добра!» – написал по этому поводу автор статьи о Регби Ешиевиче – Тимур Ламбаев⁵. Экспедиция собрала богатейший материал по положению буддизма в этнической Бурятии, который вылился в целый ряд научных статей и монографий, а также обстоятельнейших отчетов сотрудников Института (Р.Е. Пубаева, К.М. Герасимовой, Т.М. Михайлова и др.) о религиозной ситуации в Бурятии, истории буддизма и шаманизма, традиционных верований бурят, которые были по существу пионерскими в советском востоковедении, несмотря на то, что издавались под «атеистическими» названиями. Р.Е. Пубаев вместе с членами экспедиции написал работу «Религиозные пережитки среди бурятского населения и пути их преодоления», которая сохранилась в рукописи. В ней Р.Е.Пубаевым написаны такие разделы, как «Введение», «Ламаистская церковь в СССР», «Массовые молебствия в Иволгинском дацане», «Причины существования и пути преодоления религиозных пережитков». Совместно с Б.В. Семичовым Р.Е. Пубаев издал брошюру «Происхождение и сущность буддизма-ламаизма» (Улан-Удэ, 1960). Кроме того, Регби Ешиевич участвовал в составлении научно-атеистических сборников «Критика идеологии ламаизма и шаманизма» (Улан-Удэ, 1965), «Вопросы преодоления пережитков прошлого и становления новых обычаев и традиций» (Улан-Удэ, 1969) и т.д. Следует отметить, что «атеистическая» сторона

служила лишь «обрамлением» этих работ, в то время как основное внимание уделялось сути буддийского вероучения и фактической религиозной ситуации в республике, как то описание хуралов в дацанах, традиционных религиозных обрядов и обычаев, похоронного обряда и т.д.

Занимаясь проблемами бурятского источниковедения и религиоведения, Регби Ешиевич никогда не оставлял своей главной специальности – тибетологии и монголоведения, которую получил в Ленинградском университете. На протяжении двух десятков лет он пытался издать «Очерки политической истории Тибета в XVIII – начале XX вв.», написанные им на основании кандидатской диссертации. Материалы личного архива ученого свидетельствуют о том, что на публикацию «Очерков» не дал разрешения МИД СССР по соображениям внешнеполитического порядка. Тем не менее Регби Ешиевич опубликовал по новой истории Тибета ряд статей: «Из истории освободительной борьбы тибетского народа в период китайской революции 1911–13 гг.» (Ученые записки БМГПИ им. Д. Банзарова. Улан-Удэ, 1958. Вып. 14), «Новый тибетский документ из коллекции проф. Г.Ц. Цыбикова (Труды БКНИИ. Улан-Удэ, 1960. Вып. 14), «Некоторые вопросы социально-экономических отношений в Тибете конца XIX в.» (Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1965. Вып. 2), «Тибетско-сикхский договор 1842 года» (Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1970) и др. Р.Е.Пубаев также принимал участие в работе по росписи рукописи тибетско-английского словаря Ю.Н.Рериха на карточки. Им и Б.В.Семичовым расписано на карточки 20% рукописи (основную часть этой работы выполнил Б.В.Семичов).

Вообще Р.Е.Пубаев ставил перед собой и своим коллективом чрезвычайно масштабные планы и задачи, так что их успешная реализация могла бы состояться лишь при очень слаженной работе коллег-ученых, поддержке со стороны руководства и благоприятной идеологической обстановке. На первом Всесоюзном совещании по буддологии, которое состоялось в Улан-Удэ в 1977 г., Регби Ешиевич сделал доклад на тему «Проблемы разработки и публикации тибетских и монгольских источников по буддизму». Основными задачами источниковедения махаянского буддизма в странах Центральной Азии в средневековую эпоху он видел: «изучение двух крупнейших собраний Ганчжур и Данчжур на тибетском и монгольском языках, исследование памятников “пяти больших” и “пяти малых наук” буддизма, разработку терминологии “пяти больших” и

“пяти малых наук” буддизма на основе лексического материала энциклопедического словаря Данчжура “Источник мудрецов” в 11 книгах, изучение тибетских и монгольских источников по истории буддизма в странах Центральной Азии».

Однако исполнение многих из поставленных задач наталкивалось на множество препятствий, так что зачастую оказывалось невозможным продолжать работать над ними дальше. Так, по инициативе Регби Ешиевича был начат в соавторстве с Б.Д. Дандароном перевод и исследование тибетско-монгольского словаря «Источник мудрецов», в котором представлена вся терминологическая и доктринальная лексика буддизма. Участие в проекте такого знатока тибетского языка и буддизма, каким был Бидия Дандарович, сулило хорошие перспективы для реализации плана. В 1969 г. был закончен первый выпуск словаря по Праджняпарамите и Мадхьямике (всего предполагалось 11 выпусков), однако он сразу же встретил резкую критику так, что даже стоял вопрос об отзыве всего тиража. В вину авторам ставилось то, что они не дали во введении критики идей Праджняпарамиты и Мадхьямики. Последовавшее «дело Дандарона», сломавшее судьбу выдающегося ученого, оказало самое негативное влияние и на положение Регби Ешиевича. Он был снят с должности заведующего сектором буддологии, который был также упразднен, из-за того, что категорически отказывался от публичного осуждения своего старшего коллеги. «Дело Дандарона», снятие с должности, партийные взыскания и бесконечная критика в адрес Р.Е. Пубаева оказали на него тяжелое моральное воздействие. Вслед за «делом Дандарона» Р.Е. Пубаев получил партийное взыскание с занесением в учетную карточку за то, что одобрил как редактор «идейно-теоретически ошибочную работу» Ц.-А.Н. Дугарнимаева «Литературное наследие Р. Номтоева». Была подвергнута острой критике работа его аспиранта А. Уржанова, в которой усмотрели «буржуазный объективизм, пропаганду буддизма, идеализацию прошлой культуры бурят».

В письме первому секретарю бурятского обкома А.У. Модогоеву Р.Е. Пубаев писал, что не согласен с оценкой его работы как «буржуазного объективиста или националиста, который как будто бы занимается пропагандой буддизма или восхвалением устаревших традиций прошлой культуры бурятского народа и народов Центральной Азии». В письме проф. Р.Ф. Итсу Регби Ешиевич писал: «Дорогой друг, в связи с делом Дандарона мы не знаем покоя уже полгода, треплют нас, в первую очередь меня, на всех инстанциях, чем все это кончится – еще неизвестно. Все это тяжело переносить, но

еще тяжелее, когда всякая твоя работа будет ставиться под сомнение вплоть до диссертации аспиранта, который будто бы под влиянием своего руководителя допустил объективизм и т.д.». Несмотря на все эти трудности, Регби Ешиевич продолжал трудиться над исследованием «Источника мудрецов» и все еще пытался организовать совместную работу по его переводу. В архиве ученого имеются его личные рукописи перевода, а также переводы, сделанные по его просьбе В.Н. Пупышевым (по ваджраяне) и Б.В. Семичовым (по абхидхарме). Причем рукописи последнего написаны на тетрадях, которые Борис Владимирович посылал, будучи уже, тяжело больным. Но, к сожалению, проект так и остался незавершенным.

Делом всей научной жизни Р.Е. Пубаева стало исследование фундаментального труда «Пагсам-Чжонсан», написанного в 1748 г. крупнейшим тибетским ученым из Амдо – Сумба-Хамбо Ешей Бальчжором (1704–1788). Регби Ешиевич определял исторический труд Сумба-Хамбо как самое крупное произведение тибетской историографии (317 л. Большого формата)⁶ заключительного этапа ее развития, являющегося своего рода энциклопедией по странам Южной, Центральной и Восточной Азии с древнейших времен до середины XVIII в. Заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Ленинградского университета Г.Я. Смолин в официальном отзыве на докторскую диссертацию Р.Е. Пубаева от ведущего учреждения писал: «Чтобы должным образом уяснить и по достоинству оценить трудоемкость и сложность стоявшей перед Р.Е. Пубаевым как переводчиком «Пагсам-Чжонсан» задачи, достаточно отметить, например, следующее: одно из самых серьезных препятствий ...состоит в том, что в книге Сумба-Хамбо сплошь и рядом встречаются извлечения из многочисленных и разнородных собственно исторических либо близких к ним по содержанию сочинений, созданных в разные исторические периоды и в самых различных частях Центральной Азии. Иными словами, за перевод, комментирование и исследование подобного памятника мог взяться лишь специалист высшей квалификации, который не только является знатоком тибетского языка и его диалектов в их историческом развитии, но и способен столь же умело ориентироваться в многообразии и тонкостях категорий традиционной культуры, терминологии и прочих аспектов тибетского духовного наследия. Р.Е. Пубаев с указанной задачей успешно справился».

Перевод и исследование «Пагсам-Чжонсана» Регби Ешиевич планировал сделать в нескольких выпусках. Первой должна была выйти монография, посвященная исследованию памятника. Она была

закончена и включена в план изданий Сибирского отделения Академии наук в 1975 г., однако вышла в свет только в 1981 г. после учета всех критических замечаний и пожеланий, сделанных рецензентами, так как публикация научных трудов в советское время требовала согласования на всех инстанциях, вплоть до МИДа, прохождения через целую систему рецензирования научных учреждений, занимающихся востоковедными исследованиями. После выхода монографии Регби Ешиевич защитил в 1982 г. докторскую диссертацию на Ученом совете в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР, став первым в стране доктором тибетологии. Работу ученого высоко оценили официальные оппоненты д.и.н. И.Ш. Шифман, проф. Р.Ф. Итс, чл.-корр. АН ССР Г.М. Бонгард-Левин и другие.

В 1991 г. под редакцией Н.Д. Болсохоевой вышла вторая часть исследования «Пагсам-Чжонсан», представляющая собой перевод «Генеалогии царей Тибета» и «Хронологических таблиц» с предисловием и обширными комментариями, представляющими текстологические проблемы, идентификацию собственных имен, географических названий, толкование специальных буддийских терминов и названий сочинений. Регби Ешиевич был очень рад тому, что его многолетний труд стал материализоваться, и его многолетние исследования памятника увидели свет. Однако выход второй части исследования ученого застал Регби Ешиевича уже тяжело больным, и в том же году Р.Е. Пубаев скончался. Полный текст перевода «Пагсам-Чжонсана» сохранился в рукописях, представляющих десятки исписанных мелким каллиграфическим почерком больших канцелярских тетрадей, перепечаток отдельных глав сочинения, записных книжек с комментариями⁷.

Регби Ешиевич стал пионером изучения в нашей стране тибетского буддийского канона Ганчжур и Данчжур и тем самым многих вопросов, связанных с анализом этого компендиума духовной мысли Востока, а именно: проблем тибетского источниковедения, историографии, истории буддизма, хронологии, космологии, классификации средневековых тибетских наук, а также научного описания и каталогизации памятников тибетской письменности. Первым шагом в исследовании тибетского буддийского канона явилась коллективная монография под редакцией Р.Е. Пубаева «Введение в изучение Ганчжура и Данчжура» (Новосибирск, 1989), в которой Регби Ешиевичу принадлежит глава «Сочинения Данчжура по средневековым наукам». Его концепция по проблемам классификации содержится в статье «Об изучении источников по средневековым наукам на ти-

бетском и монгольском языках» в сборнике «Источниковедение и текстология памятников средневековых наук в странах Центральной Азии (Новосибирск, 1989), а также в серии статей, изданных в региональных, центральных и зарубежных журналах. Н.Д. Болсохоева и С.Ю. Лепехов отмечали в статье, посвященной 75-летию Р.Е. Пубаева, что «установочные статьи Р.Е. Пубаева по развитию средневековых научных дисциплин, появившихся в Тибете под влиянием древнеиндийских общекультурных традиций, служат уникальным материалом для бурятских тибетологов» (Буряад Унэн, 18.12.2003).

Еще одним направлением тибетологических исследований, на которое Р.Е. Пубаев обращал серьезное внимание, было исследование религиозно-философских школ тибетского буддизма. В статье «Тибетская историко-философская литература», опубликованной в сборнике «Источниковедение и историография истории буддизма» (Новосибирск, 1986) под его редакцией, автор рассматривает и дает оценку произведениям тибетской литературы данного жанра. Он планировал осуществить перевод и исследование замечательного труда Тугана Лобсана Чоки Нимы (1737–1802) «Хрустальное зеркало философских систем», которое он намеревался выполнить в соавторстве с коллективом молодых ученых-тибетологов⁸.

Наряду с тибетологическими исследованиями Р.Е. Пубаев интенсивно занимался монголоведением. Он очень любил Монголию, имел там много друзей и часто туда выезжал. В 1966–1970 гг. Регби Ешиевич возглавлял работу по исследованию истории культуры Монгольской Народной Республики, результатом которой явилась коллективная монография «Очерки истории культуры МНР» (46 п.л., Улан-Удэ, 1971), получившая высокую оценку ученых-специалистов. Он руководил долгосрочным советско-монгольским научным проектом «Буддизм и средневековая культура народов Центральной Азии». Результаты исследований советских и монгольских востоковедов изложены в сборнике «Источниковедение и текстология памятников средневековых наук в странах Центральной Азии», посвященном памяти академика Ц. Дамдинсурэна (1908–1986) (Новосибирск, 1989). Среди статей по монголоведению отметим следующие работы Р.Е. Пубаева: «Некоторые данные о развитии культуры и экономики МНР» (Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1965. Вып. 2), «Материалы по истории монголов в труде «Пагсам-Чжонсан» Ешей-Бальчжора» (Материалы и исследования по Монголии. Улан-Удэ, 1974), «Генеалогическая таблица торгутского князя Хой-Урлуга в сочинении Сумба-Хамбо

«Пагсам-Чжонсан» (Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984), «Монгольская научная терминология XVIII века» (Культура Монголии в средние века и новое время. Улан-Удэ, 1986), «Монгольский перевод С. Шагжи историко-философского сочинения Тугана «Хрустальное зеркало» (Доклады российских делегатов к V Международному конгрессу монголоведов. М., 1987).

В последние годы жизни Р.Е. Пубаев стал посвящать монголоведению и бурятоведению все больше внимания. Он перевел с монгольского языка пособие по монгольской астрологии «Зурхай» (Улан-Удэ, 1991) Л. Тэрбиша, которое пользуется большой популярностью в нашей республике. Он также перевел с классического письменного монгольского языка изданную во Внутренней Монголии «Краткую историю бурят-монголов» Бодонгутского Абида, перевод хранится в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.

Р.Е. Пубаев владел классическим тибетским, разговорным и письменным монгольским, английским и французским языками, сетовал на то, что ему не хватает для научной работы знания китайского, санскрита и разговорного тибетского. Регби Ешиевич прекрасно владел своим родным бурятским языком, знание которого считал необходимым для понимания истории и культуры бурят. Помимо разбора материалов Степных дум, он многое сделал для освещения жизни и деятельности выдающихся бурятских деятелей, таких как Петр Бадмаев, Агван Доржиев, Галсан-Жимба Тугулдууров, Галсан-Жимба Дылгыров, Гомбожаб Цыбиков, Цыбен Жамцарано, Буда Рабданов. Опубликованные им статьи вошли в известную серию (8 выпусков), посвященную выдающимся бурятским деятелям, основанную Ш.Б. Чимитдоржиевым.

Будучи одним из зачинателей и организаторов востоковедной науки в Бурятии, что требовало большой отдачи душевной энергии и времени, Р.Е. Пубаев значительное внимание отдавал редакторской работе. Под его редакцией вышли такие известные труды бурятских ученых, как: «Описание сочинений Гунчен Чжамьян Шадпа Дордже» П.И. Хадалова, Л.Я. Ямпилова и Б.Д. Дандарона (Улан-Удэ, 1962), «Об основах транскрипции и транслитерации тибетского языка» Б.-Д.Б. Бадараева (Улан-Удэ, 1967), «Обычное право хоринских бурят» (Улан-Удэ, 1966) Б.Д. Цибилова, «Обычное право селенгинских бурят» Б.Д. Цибилова (Улан-Удэ, 1970), «Зерцало мудрости: памятник бурятской литературы» Ц.-А.Н. Дугарнимаева (Улан-Удэ, 1966), коллективная монография «Очерки истории культуры МНР» (Улан-Удэ, 1971), «Абхидхармакоша» в переводе Б.В. Семичова и М.Г. Брянского (Улан-Удэ, 1980), «Очерки тибетской медицины» Э.Г. Базарона (Улан-

Удэ, 1984), коллективная монография «Введение в изучение Ганчжура и Данчжура. Историко-библиографический очерк» (Новосибирск, 1989), «Чжудши» – памятник средневековой тибетской медицины» в переводе Д.Б. Дашиева (Новосибирск, 1989), «Избранные труды» проф. Г.Ц. Цыбикова (Новосибирск, 1991), коллективный труд ученых Москвы, Бурятии, Прибалтийских стран «Атлас тибетской медицины» под научной редакцией Ю.М. Парфионовича (Р.Е.Пубаев – ответ. ред. статей бурятских ученых) (М., 1994), а также ряд академических востоковедных сборников, изданных в Сибирском отделении издательства «Наука».

Востоковедная наука, которой Р.Е.Пубаев занимался на протяжении всей своей жизни, требовала от ученого осведомленности о состоянии мировой науки в его отрасли знания и взаимодействия с коллегами-востоковедами не только у себя на родине, но и за рубежом. Регби Ешиевич представлял бурятскую науку на многих международных форумах в составе советских делегаций. Он участвовал с I по V международных конгрессах монголоведов, в Индии – Всемирном конгрессе санскритологов (1980), Венгрии – Международном симпозиуме, посвященном 200-летию со дня рождения выдающегося венгерского тибетолога А. Чома де Кёрёша (1984), Японии – семинаре Международной ассоциации по тибетологическим исследованиям (Нарита, 1989 г.), Китае – международной конференции по тибетскому Гэсэру (Чэнду, 1990 г.) и многих других. Он также выезжал в зарубежные научные командировки по плановому заданию Академии наук СССР, работал в библиотеках и архивах Монголии и Непала, выступал с лекциями и докладами.

Архив Регби Ешиевича сохранил его обширную переписку с учеными-коллегами и друзьями из Санкт-Петербурга, Москвы, Монголии, Индии, европейских стран (Б.И. Кузнецовым, Л.К. Герасимович, Л.А. Березным, Е.И. Кычановым, Р.Ф. Итсом, Г.М. Бонгард-Левином, Н.Ц. Мункуевым, старшим братом Далай-ламы проф. Норбу, Локешом Чандрой, Б. Ринченем, Ц. Дамдинсуреном, Ш. Бирой, Ш. Нацагдоржем, Й. Колмашем, К. Сагастером, В. Хейсигом, Г. Ураи, М. Таубе, К. Ланге, О. Латтимором и др.). Гостей, приезжавших в Бурятию, Регби Ешиевич имел обыкновение приглашать к себе домой. Самой длительной и теплой была переписка с Б.И. Кузнецовым. Из писем двух друзей (Р.Е. сохранял копии своих писем) предстает нелегкая жизнь советского ученого с его радостями и огорчениями. Бронислав Иванович и Регби Ешиевич обменивались новостями личной жизни и работы, обсуждали дела монголо-тибетской кафедры ЛГУ, дальнейшие перспективы учившихся там бурятских студен-

тов и многое другое, но основное внимание они уделяли проблемам тибетологии, не уставая обмениваться мнениями по поводу той или иной работы, новой интересной книги, разбору какого-нибудь термина и т.д.

По жизни и работе Р.Е. Пубаев много общался и с представителями буддийской церкви. В секторе Музей восточных культур, заведующим которого был П.Б. Балданжапов, работали бывшие ламы, такие как Жимба-Жамсо Цыбеневич Цыбенев, Лодой Ямпилевич Ямпилев, Гымпил Гомбожапович Гомбожапов, Мункэ Дашиевич Дашиев, Готоб Эрдынеевич Ринчинов, Дашинима Дамдинович Бадмаев, отличающиеся большой буддийской ученостью. Регби Ешиевич занимался с ними тибетским языком, консультировался по поводу переводов тибетских текстов. Он имел тесные связи с руководством Иволгинского и Агинского дацанов – хамбо-ламами Жамбал-Доржи Гомбоевым, Жимба Эрдынеевым, Жамьян Шагдаровым, эмчи-ламой Чимит-Доржи Дугаровым и др. Когда в Бурятию приезжали столичные и зарубежные делегации, в том числе представители буддийских религиозных кругов, Регби Ешиевич сопровождал их в бурятские дацаны, знакомил с руководством сангхи, историей буддизма в Бурятии, распорядком и религиозной деятельностью дацанов.

Большое влияние на Регби Ешиевича оказали визиты представителей тибетской диаспоры в Бурятию (Далай-ламы, проф. Норбу, Бакулы Римпоче и др.), благодаря которым он воочию соприкоснулся с миром тибетской культуры. Первыми в череде визитов были приезды старшего брата Его Святейшества Далай-ламы – профессора Норбу. Регби Ешиевич тесно общался с профессором, сопровождал его в дацан и экскурсии по городу, устраивал встречи с учеными института, приглашал домой в гости. Проф. Норбу была очень близка Бурятия. Его учителем был известный буддийский ученый – бурят Агван-Нима Цэдэбдоржийн из с. Дабаты Заиграевского района. Профессор хорошо говорил по-монгольски, интересовался жизнью и деятельностью Агвана Доржиева. Хамбо-лама Ж. Эрдынеев предоставил ему автобиографию А. Доржиева на старо-монгольской письменности, которую профессор перевел впоследствии на английский язык.

Дальнейшее знакомство Р.Е. Пубаева с живой тибетской традицией состоялось в Непале, который он посетил во время 3-месячной научной командировки в 1985–1986 гг. В Непале ученый работал в Национальном архиве, посещал тибетские буддийские монастыри, знакомился с деятельностью буддийских организаций Непала, беседовал с ведущими непальскими буддийскими деятелями и учеными.

В сентябре 1986 г., когда Р.Е. Пубаев уже вернулся из Непала, состоялся памятный визит в Россию Его Святейшества Далай-ламы XIV Тензин Гьяцо. Вышестоящие органы поручили Р.Е. Пубаеву как специалисту-тибетологу сопровождение высокого гостя. В архиве ученого сохранилось большое количество материалов, связанных с пребыванием проф. Норбу и Его Святейшества Далай-ламы в Бурятии и СССР. Знакомство и тесные контакты с высшими лицами Тибета оказали на Регби Ешиевича самое глубокое впечатление. В справке о визите тибетской делегации Далай-ламы в Советский Союз Р.Е. Пубаев подробно описывает визит Его Святейшества, особенности религиозной деятельности Далай-ламы в Бурятии, его взгляды по вопросам борьбы за мир, взаимоотношений между Пекином и Дхарамсалой, специфики буддизма и современной науки. В заключение своей справки, Р.Е. Пубаев отмечает: «Влияние и власть Далай-ламы в колонии тибетских беженцев в Индии безраздельны, его мировая известность и международный авторитет велики, его популярность и высокой авторитет в собственно Тибете остаются непрекращаемыми».

Он также пишет: «Далай-лама XIV Тензин-Гьяцо, несомненно, тонкий политик и дипломат, глубокий знаток буддийской философии и убежденный буддист, большой патриот Тибета, но вместе с тем он человек жизнерадостный и простой, нигде не выказывает и никогда не говорит, что он человек святой, перерожденец и т.д.» Он отмечает, что Далай-лама любит прямой, откровенный разговор, и когда Регби Ешиевич хотел с ним говорить в частном порядке, Его Святейшество всегда шел на откровенный разговор по интересующим Р.Е. Пубаева вопросам. В справке о визите делегации Далай-ламы Р.Е. Пубаев не обходит вниманием и негативные стороны организации визита высокого гостя. Он пишет, что за три визита Далай-ламы в Бурятию (1979, 1983, 1986) Его Святейшество никуда не выезжал за пределы Иволгинского дацана, виделся и общался только с верующими. «Как ему это понимать? Как нежелание местных властей или желание их что-то скрыть?» – риторически спрашивает Р.Е. Пубаев. Регби Ешиевич также замечает, что тибетская делегация вынуждена была увезти обратно в Индию привезенную с собой литературу по тибетологии и буддологии, так как Иволгинский дацан и Бурятский филиал СО АН не сочли нужным предоставить делегации свои собственные материалы и публикации. Еще он отмечает проблемы организационного характера. То, что Р.Е. Пубаеву приходилось то раньше делегации выезжать (из Улан-Удэ в Москву), то позже приезжать (из Москвы в Ленинград), «настораживало членов делегации». «Куда Вы, профессор, ис-

чезли» – спрашивал секретарь Далай-ламы Таши-Ванди, вызывая у Регби Ешиевича чувство неловкости. Р.Е. Пубаев сетует на то, что не оправдались его расчеты на то, что в Институте востоковедения и его Ленинградском отделении будут затронуты интересующие востоковедов вопросы. Он также пишет: «Мой расчет на то, что международный отдел ЦДУБ в Москве даст делегации Далай-ламы прощальный обед или ужин, на котором можно было бы обменяться речами, впечатлениями и подвести какой-то итог визиту делегации, вручить им подарки в торжественной обстановке с пожеланием делегации всего доброго, также не оправдался». Он отмечает, что «в постоянных хлопотах достать билет» и прочее «для работников международного отдела ЦДУБ не остается времени на то, чтобы продумать кое-что важнее всего этого в области политики, науки и культуры, что-то извлечь из общего дела, что, конечно, выходит за рамки приема иностранных буддийских организаций».

Общение с буддийскими деятелями Тибета, командировка в Непал расширили исследования ученого по теме «Современное состояние буддизма в СССР и странах Юго-Восточной Азии» Госкомитета СМ СССР, которая была утверждена в 1971 г. В архиве ученого сохранены рукописи работ «Движение азиатских буддистов за мир и образование АБКМ», «Маоизм и буддизм» по культурной революции в Тибете, «Положение буддизма в современной Индии», «Современное положение в Тибетском автономном районе», «Положение буддийской церкви Тибета», отчеты «Современное состояние буддизма в странах Азии», «Отчет о командировке в Непал» и др. Сотни страниц составляют отчеты экспедиций, командировок, работы отдела, планы и т.д.

Немаловажное значение Регби Ешиевич придавал общественной деятельности. Он был одним из инициаторов празднования в 1991 г. 250-летия официального признания буддизма в России и проведения в честь этого события научной конференции. Его Святейшество Далай-лама был почетным гостем на этом мероприятии. Регби Ешиевич возглавлял Бурятское отделение Буддологической ассоциации СССР, являлся президентом Бурятского отделения Общества советско-индийской дружбы. Длительное время был председателем профкома Института, был награжден почетными грамотами обкома КПСС, Совета Министров Бур. АССР, Президиума Верховного Совета Бур. АССР, был ветераном Сибирского отделения Академии наук СССР и ветераном труда. Ему было присвоено звание Заслуженного деятеля науки Бур. АССР.

Оценивая жизнь и научное творчество Р.Е. Пубаева, а вместе с ним и многих наших ученых-востоковедов, хочется привести слова С.Ф. Ольденбурга из некролога в память об академике В.П. Васильеве: «Жуткое чувство испытывает тот, кому приходится заниматься историей науки в России: смелые начинания, глубокие мысли, редкие таланты, блестящие умы, даже кропотливый и упорный труд – все это встречается с избытком; и тут же приходится отмечать, как все обрывается: длинные ряды “первых” томов, “первых” выпусков, которые никогда не имели преемников; широкие замыслы, застывшие как бы на полуслове, груды ненапечатанных, полузаконченных рукописей»⁹. Говоря о Регби Ешиевиче, сказанное С.Ф. Ольденбургом представляется верным в том, что очень большая часть замыслов Регби Ешиевича осталась, к сожалению, нереализованной. Возможно, что эта участь большинства ученых – пионеров своей отрасли науки. Регби Ешиевич опубликовал более 70 научных работ. Его аспиранты Ц.П. Ванчикова, Р.Д. Дугаров, Ю.Ж. Жабон успешно защитили кандидатские диссертации по тибетологии и монголоведению.

Регби Ешиевичу было 63 года, когда он ушел из жизни. Очень жаль, что его жизнь прервалась в тот момент, когда в стране началось потепление политической атмосферы, сошел на нет идеологический диктат в науке, началось возрождение буддизма, были инициированы реформы в Китае и, соответственно, Тибете, возвращались из забвения имена незаслуженно репрессированных бурятских деятелей, по-новому рассматривалась история монголов и бурят. К этому времени стали постепенно воплощаться в жизнь большие замыслы Регби Ешиевича, он был полон новых идей и творческих планов¹⁰.

У Регби Ешиевича и Хандажаб Батуевны пятеро детей. С нами жили два наших дедушки и тетя – старшая сестра Регби Ешиевича, помогавшая по хозяйству. Помимо нашего большого семейства у нас постоянно обитали многочисленные родственники из Аги, которым родители всегда помогали. У нас часто бывали гости – родственники, друзья родителей, зарубежные коллеги. Внимательный и заботливый в семье и среди друзей, отец всегда находил доброе слово для каждого. Добрый, терпеливый и скромный, как отмечали его друзья и коллеги, Регби Ешиевич не терпел обывательских разговоров, критики и злословия. Однако он любил собираться в кругу друзей, играть с коллегами в шахматы, очень любил бурятские и монгольские песни и сам неплохо их исполнял на пару с Хандажаб Батуевной. Сейчас у них пятеро внуков и внучек и одна правнучка¹¹.

¹ При написании статьи я использовала материалы и консультации Н.Д. Болсохоевой, Ц.П. Ванчиковой и Ш.Б. Чимитдоржиева, за что приношу им свою глубокую благодарность.

² Дондуков У.-Ж.Ш. Годы, проведенные в Ленинградском университете // Д.А. Алексеев – выдающийся ученый-монголовед. Улан-Удэ, 2008, с. 115.

³ Я окончила ту же кафедру, что и отец. На кафедре висел стенд «Выпускники кафедры – доктора исторических наук». Среди фотографий известных ученых было трое бурят: Д.Б. Улымжиев, Ш.Б. Чимитдоржиев, Р.Е. Пубаев.

⁴ Ученый с мировым признанием // Буряад Унэн. 18.12.2003.

⁵ В рукописи статьи «Открывал мудрость Востока» в журнале «Забайкалье: наука, культура, жизнь». 2008. № 1.

⁶ Текст «Пагсам-Чжонсана» был издан в КНР Народным издательством провинции Ганьсу в 1992 г. и составил 1021 страницу книжного формата.

⁷ Я пыталась продолжить работу по изданию текста перевода Р.Е. Пубаева. В сборнике статей «Культура Центральной Азии: письменные источники», посвященном 70-летию Р.Е. Пубаева, опубликован фрагмент его перевода о космологии буддизма из «Пагсам-Чжонсана» с предисловием и комментариями И.Р. Гарри (1998). На этом, к сожалению, по многим причинам различного характера приостановилась дальнейшая работа по полному изданию текста перевода.

⁸ В архиве ученого находятся многие разработки этого плана, переводы и исследование некоторых глав сочинения. На их основе мною был сделан при помощи А.М. Донца и Д.Б. Дашиева перевод глав сочинения Тугана, посвященных школам ньингмапа и чжонапа. Р.Н. Крапивина осуществила самостоятельно перевод и исследование главы о школе сакьяпа. Перевод нескольких глав сочинения сделал А.М. Донец.

⁹ Ольденбург С.Ф. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму. Цит. по: Алексеев В.М. Наука о Востоке. М., 1982, с. 9–10.

¹⁰ К этому времени я уже работала в институте и собиралась поступать в аспирантуру. Когда речь зашла о перспективах моей научной деятельности, то отец предложил мне заняться исследованием современного положения буддийской церкви в Тибете, по которому он собрал много материалов в Непале. Мой же научный руководитель, незабвенный Владимир Иванович Корнев советовал мне заняться буддийской символикой. Все, что успел сделать отец для моего выбора, это был совет отказаться от занятий символикой. Видимо, будучи человеком рационального склада ума, тяготеющим к конкретным научным дисциплинам, он испытывал некоторую боязнь перед иррациональным миром символики, не поддающимся рациональным научным методам исследования. В результате тему диссертации мне пришлось выбирать самой уже после поступления в аспирантуру. Я очень рада, что много позже я все-таки занялась современным положением в Тибете, и в этом году должна будет выйти моя монография «Буддизм и политика в Тибетском районе КНР».

¹¹ Мы с мужем Игорем окончили, как и отец, восточный факультет Ленинградского университета. Наш сын, внук Миша, учится на родной кафедре отца, изучает историю Вьетнама и Китая и стал в нашей семье третьим поколением восточников.

Г.Ц. Пюрбеев

К 80-ЛЕТИЮ З.В.ШЕВЕРНИНОЙ (1928–2002)

В 2008 г. исполнилось бы 80 лет Зое Васильевне Шеверниной, талантливому исследователю, оставившему заметный след в истории монгольского языкознания и филологии¹.

По своей натуре Зоя Васильевна была очень скромным и добрым человеком, чутким и внимательным к своим коллегам и товарищам. В памяти всех, кто ее знал по совместной работе, она сохранилась как глубокий ученый, обладавший тонким лингвистическим мышлением, скрупулезным в анализе языковых фактов. К сожалению, ее научный потенциал не был реализован до конца, во многом по не зависевшим от нее обстоятельствам. По словам В.М. Алпатова, проработавшего с Зоей Васильевной 30 лет в Институте востоковедения РАН, судьба ученого сложилась не очень счастливо не только по причине сложных взаимоотношений с ее учителем профессором Г.Д. Санжеевым и неоднократных изменений научных планов вопреки ее интересам, но и по причине пожара, уничтожившего рукопись ее основной книги, домашних трудностей и семейных несчастий.

Зоя Васильевна Шевернина, урожденная Беляева, родилась 1 февраля 1928 г. в селе Ухолово Рязанской области. По окончании средней школы она поступает в 1946 г. на монгольское отделение Московского института востоковедения (МИВ). Закончив в 1951 г. это высшее учебное заведение, она получает квалификацию «страновед по Монголии» со знанием английского языка. Как способная студентка, обнаружившая склонности к научным занятиям, Зоя Васильевна была рекомендована для поступления в аспирантуру при МИВ по специальности «монгольская филология». Подготовку в аспирантуре проходит под руководством профессора Г.Д. Санжеева. Закончив аспирантуру в 1956, поступает работать в Институт востоковедения АН СССР на должность младшего научного сотрудника по монгольской филологии. Здесь она проработала более 30 лет.

В 1960 г. Зоя Васильевна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Времена в современном монгольском языке». С этого момента начался активный и плодотворный период в ее научной деятельности.

Будучи специалистом в области грамматики, Зоя Васильевна разрабатывала проблемы морфологии и семантики монгольского глагола. Немало сделано ею в изучении таких важнейших грамматических категорий монгольского языка, как вид, время и наклонение.

Ряд работ ученого посвящен общелингвистическим проблемам: актуальному членению, языковой факультативности и модальности. Статьи, опубликованные на эти и другие темы, имеют важное значение с точки зрения теории восточного и общего языкознания.

Перу Зои Васильевны принадлежат оригинальные исследования экспрессивно-стилистических и грамматических функций монгольских частиц, финитных и нефинитных форм глагола, а также некоторых видов синтаксических конструкций с семантикой сослагательности. Известный китаист Н.В. Солнцева, долгие годы состоявшая в близких, дружеских отношениях с Зоей Васильевной, высоко оценивала ее как типолога. Монгольские аналитические формы Зоя Васильевна рассматривала в оппозициях «аналитичность-синкретичность», «аналитичность-агглютинативность», что повышало теоретическую ценность исследования. Содержательность и актуальность работ З.В. Шеверниной по монгольской морфологии отмечали С.А. Крылов (ИВ РАН), а также специалисты по бурятскому и калмыцкому языкам: Ц.Ц. Цыдыпов, Р.П. Харчевникова, В.М. Егодурова.

За годы работы в Отделе языков ИВ АН СССР З.В. Шевернина опубликовала более 40 статей различного характера. Она участвовала в создании «Этимологического словаря монгольских языков», которым руководил профессор Г.Д.Санжеев. В настоящее время этот труд, дополненный данными из других восточных языков, готовится к печати с измененным названием «Материалы к сравнительному словарю монгольских языков». Научным редактором труда является профессор В.И. Рассадин.

В конце 70-х годов Зоя Васильевна подготовила к изданию монографию «Категория вида в монгольском языке». Официальным рецензентом работы был автор этих строк. Она прошла стадию обсуждения и получила рекомендацию к печати. Приходится лишь сожалеть, что рукопись сгорела при пожаре, и восстановить ее не удалось.

Важной сферой филологических интересов Зои Васильевны являлись переводы с монгольского произведений художественной литературы и фольклора. В этом отношении особого упоминания заслуживает сборник «Монгольские народные сказки» под редакцией профессора Г.И. Михайлова. В нем Зоя Васильевна предстает как

прекрасный переводчик. Она занималась также переводами монгольских пословиц и поговорок.

В 1989 г. Зоя Васильевна перешла работать в Институт языкознания АН СССР на должность старшего научного сотрудника в Группу монгольских языков, где приступила к разработке интересной темы по истории литературного монгольского языка, в частности к подготовке «Грамматического очерка монгольского письменного памятника XVII в. «Асарагчи-йин нэрэту тэукэ». В связи с необходимостью подключения к работе над «Большим академическим монгольско-русским словарем» индивидуальная тема была приостановлена.

В 90-х годах Зоя Васильевна издала несколько статей в «Материалах Международного конгресса», «Монгольском лингвистическом сборнике»,

бюллетене «Российское монголоведение» и других изданиях. Эти статьи посвящены изучению семантики суффикса *-цгаа* и функционально-семантической характеристике отдельных форм монгольского глагола.

Она принимала самое активное участие в деятельности Общества монголоведов РАН, участвуя в подготовке и проведении Всероссийских конференций и Международных конгрессов, редактировании материалов Монгольского лингвистического сборника и Бюллетеня Общества монголоведов РАН. Однако основным ее занятием была работа над «Большим академическим монгольско-русским словарем», связанная с переводом на русский язык различного иллюстративного материала, лексико-семантической и стилистической характеристикой заглавных слов, совершенствованием структуры словарных статей, орфографической правкой и вычиткой текста.

Хорошая филологическая подготовленность Зои Васильевны в вопросах, касающихся языка, литературы и фольклора монголов, а также опыт переводчика здорово помогли ей в нелегкой лексикографической работе. И как же она радовалась, увидев только что вышедший из печати 1-й том Словаря. Несмотря на тяжкий недуг и перенесенную операцию, Зоя Васильевна продолжала работать до последних дней своей жизни. Уже тяжело больная, почти недвижимая, она занималась вычиткой и правкой 2-го тома. В начале 2002 г. ее не стало. Как скромный труженик науки Зоя Васильевна Шевернина оставила о себе добрую память и свое имя в истории отечественной монголистики.

¹ О научном и жизненном пути ученого см.: Благова Г.Ф. Хроникальные заметки о заседании Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, посвященное 81-й годовщине со дня рождения Федора Дмитриевича Ашнина (1922–2000) и 75-летию Зои Васильевны Шеверниной (1928–2002) // Восток. 3003. № 3; Пюрбеев Г.Ц. Монголоведение. № 2. Элиста, 2003.

МОНГОЛОВЕД-ЛИНГВИСТ Д.А. АЛЕКСЕЕВ
И ЕГО КЛАССИФИКАЦИЯ ЧАСТЕЙ
В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ:
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В октябре 2008 г. состоялась научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения известного лингвиста, доцента Ленинградского государственного университета (ныне Санкт-Петербургский государственный университет) Дмитрия Андриановича Алексеева, организованная в Бурятском государственном университете по инициативе крупного историка, профессора Е.Е. Тармаханова (БГПИ им. Д. Банзарова) при всемерной поддержке бурятской диаспоры Осинского района в Улан-Удэ, населения и администрации названного района Иркутской области.

По рекомендации конференции будут увековечены имя и деяния Д.А. Алексеева на его малой родине и в районном центре; установлен памятник юбиляру, появятся улицы его имени. К конференции выйдет в свет книга о Д.А. Алексееве, в которой будет отмечен вклад ученого в бурятское языкознание 40–50-х годов прошлого века, будут включены воспоминания о нем, написанные его учениками, монголоведами и тибетологами, а также близкими родственниками и земляками.

Алексеев Дмитрий Андрианович [6/29.10.1908, улус Матоган (Ирхидей), Балаганского уезда Иркутской губернии (Осинский район Иркутской области) – 26.01.1973, г. Ленинград] – советский языковед (бурят по происхождению); специалист по грамматике бурят-монгольского языка. Кандидат филологических наук (04.11.1940), доцент (28.04.1945), заведующий кафедрой монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ (1945–1973), заслуженный деятель науки Бурятской АССР (1967).

Во второй половине 20-х годов работал учителем в селах Боханского района Иркутской области. Окончил монгольское отделение лингвистического факультета ЛИФЛИ – филологический факультет ЛГУ (1932–1937). Учился в аспирантуре того же института. После защиты кандидатской диссертации «Наречие в бурят-монгольском языке» (04.11.1940) работал в Бурятской АССР: научным сотрудником НИИ языка и литературы, где руководил Сектором языка и письмен-

ности, и преподавателем педагогического учительского института в Улан-Удэ (1941–1945). С 1945 г. до конца жизни возглавлял кафедру монгольской филологии в ЛГУ. Написал докторскую диссертацию по грамматике бурятского языка, которая, к сожалению, осталась в рукописи. Участвовал в работе XXV Международного конгресса востоковедов (Москва, 1960). Дважды был в научной командировке в МНР (1952, 1953). Награжден медалью СССР. Опубликовано более 40 работ.

В январе 1953 г. прошла научная конференция по актуальным вопросам бурятского языка. На конференции было решено издать академическую «Грамматику бурятского языка» в двух книгах, изданная в Москве в 1962 г. Тогда же встал вопрос о публикации научной и учебной грамматик бурятского языка, в связи с чем были организованы научные дискуссии по спорным вопросам еще со времен А.А. Бобровникова.

Обратимся к истории интересующей нас теме статьи. Как известно, проф. Казанского университета О.М. Ковалевский создал школу монголистов, куда входили В.П. Васильев, Д. Банзаров, Г. Гомбоев, Т. Навроцкий, А.А. Бобровников. К ней же примыкал и проф. А.В. Попов. А.А. Бобровников написал «Грамматику монгольско-калмыцкого языка» (1849) по окончании Казанской духовной академии (КДА) по просьбе ее ректора. Он предложил совершенно новую классификацию частей речи в монгольских языках в отличие от своего наставника О.М. Ковалевского и академика Я.И. Шмидта, приверженцев традиционной индоевропеистики. А.А. Бобровников писал: «Мы не приняли терминов: имена существительные и прилагательные потому, что эти термины, с одной стороны, уже более чем нужно было бы разделены имена предметные от качественных; с другой стороны, имена качественные смешались бы с именами относительными, так как и сии последние также переводятся на русском языке именами прилагательными и вместе существительными»¹. Лингвисты разделились на два противоположных в концептуальном плане лагеря. Д.А. Алексеев² выделял три группы филологов, из них первую группу составляли: Я.И. Шмидт, О.М. Ковалевский, А.В. Попов. Сюда же он относил А. Кастрена (1857). Вторую группу представляли: А.А. Бобровников, А. Руднев, А. Орлов. Они насчитывали три части речи: имя, глагол, частицы. Третью группу составляли: Н.Н. Поппе, Г.Д. Санжеев.

Н.Н. Поппе (1941), В.М. Наделяев (1988) разделяли монголистов на адептов старых европейских грамматик и последователей новой системы частей речи в монгольских языках, идущей от А.А. Бобровникова. Проф. БГПИ им. Д. Банзарова У.Ж. Дондуков считал, что проф. Г.Ц. Цыбиков следовал схеме Бобровникова–младшего.

Материалом для нашей работы стали статьи Д.А. Алексеева, которые даны в примечании, также критические замечания его конкурентов и поздних монголистов.

Среди публикаций Д.А. Алексеева особенно выделяется критическая статья «Именные части речи в монгольских языках», представляющая собой отклик на дискуссию, начатую Г.Д. Санжеевым.

В данной статье острой критике подвергнуты некоторые положения статьи проф. Г.Д. Санжеева. Д.А. Алексеев писал: «Работа Г.Д. Санжеева «К проблеме частей речи в алтайских языках», как нам кажется, несмотря на ряд тонких и правильных наблюдений, все же не решает вопроса, а в некоторых случаях даже углубляет спорные стороны».

Д.А. Алексеев построил свою концепцию по частям речи в бурятском языке на основе положений академиков В.В. Виноградова, Л.В. Щербы, А.А. Шахматова и других авторитетных лингвистов того времени.

При классификации частей речи в монгольских языках он считал необходимым опираться на следующие признаки: 1) на обобщение семантико-грамматического значения слова; 2) на систему его форм с соответствующим кругом категорий; 3) на систему словообразовательных средств данного разряда слов; 4) на синтаксические функции слов. Критикуя основные положения статьи Г.Д. Санжеева, Д.А. Алексеев высказал ряд ценных замечаний по частям речи в бурятском языке, сохранивших свое лингвистическое значение и в наши дни.

После этой полемической статьи Д.А. Алексеева проф. Г.Д. Санжеев никакого ответа не дал, дискуссия в журнале «Вопросы языкознания» за неимением других откликов была закрыта.

На конференции в Улан-Удэ проф. Г.Д. Санжеев (1955), на основе ранних и поздних статей Д.А. Алексеева, осмыслил его положения относительно классификации частей речи следующим образом: «От такого сугубо синтаксического подхода в трактовке частей речи Д.А. Алексеев по существу не отказался и до сих пор. При сличении работ Д.А. Алексеева времен господства «нового учения о языке» с его последней статьей «К вопросам классификации некоторых частей речи в бурят-монгольском языке» в «Бурят-Монгольской правде» (23.XI.1953. № 232) легко заметить, что он продолжает оставаться на своих прежних позициях»³. Таково заключение автора «Синтаксиса монгольских языков» (1934), объяснявшего синтаксис этих языков на основе теории Н.Я. Марра.

Бывший тогда заведующим сектором языка и письменности НИИК при СМ БМАССР Ц.Б. Цыдендамбаев в своей речи отметил, что «классификация частей речи в бурятском языке проф. Г.Д. Сан-

жеева, Д.А. Алексеева не удовлетворительны. Три принципа в частях речи, предложенные Д. Алексеевым, не дифференцированы. Заметим, что все слова имеют одни общие признаки: 1) склоняемость; 2) категорию числа; 3) категорию лица и неллица»⁴.

Д.А. Алексеев в ответ главному критику сказал следующее: «Санжеев обвинил Алексеева в увлечении синтаксисом. Но сам Г.Д. Санжеев при классификации именных частей речи стоит на той же синтаксической позиции: *модон* – «дерево», предметное имя, для нас может выступать в роли определения, а *хурзэ* – «лопата» существительное, ибо оно не бывает определением»⁵. Пример был дан в словосочетании *модон-хурзэ* – «деревянная лопата». Алексеев в конце своей речи выразил полное несогласие с классификацией Г.Д. Санжеева (там же).

В вышеназванной полемической статье Д.А. Алексеев проанализировал все положения по именным частям в монгольском языке скрупулезно и достаточно глубоко. Поэтому ниже даем наиболее ценные для именных частей в монгольских языках сведения и возражения Г.Д. Санжееву.

Рассуждения Г.Д. Санжеева о природе предметных имен, их существенных отличиях от имен существительных и прилагательных сводятся к высказыванию: «Если имена существительные выступают только субстантивно, а прилагательные – только атрибутивно, то предметные имена в алтайских языках, попадая в словосочетания и предложения, могут выступать как субстантивно, так и атрибутивно без какого бы то ни было оформления...»⁶. Д.А. Алексеев утверждал, что «не прав Г.Д. Санжеев и в том, что «предметные имена», выступая в качестве определения, якобы не претерпевают никаких изменений в значении. Однако в монгольских и тюркских языках порядок слов имеет грамматическое значение»⁷. Он приводил ряд доказательств в пользу своих лингвистических взглядов: «При этом изменяется и само лексическое значение слова: ср. например: *модон гэр*; *гэр модон*, воспринимаются любым носителем монгольских языков как деревянный дом, *гэр модон* – «дом построен из дерева», или «дом из дерева» (там же).

Г.Д. Санжеев, по мнению Д.А. Алексеева, утверждал, что в ряд «предметных имен» входят слова вещественного содержания, обозначающие предметы, служащие материальной основой в создании других предметов», например: *модон хурзэ* – «деревянная лопата», *тумэр тармуур* – «железные грабли» и т.д.

Г.Д. Санжеев считал, что «...предметным именам свойственно выступать в качестве определения, не только в форме основы, но и в форме родительного падежа».

Некоторые положения аргументов Д.А. Алексева в пользу своей концепции по частям речи подвергнуты критике позднейшими монголистами. Е.А. Кузьменков⁸ пишет, что «...примеры со словом *модон* Д.А. Алексева в отличие от Г.Д. Санжеева рассматривает как случай употребления двух различных лексем: существительного – *модонной орой* – «верхушка дерева» и прилагательного – *модон гэр* – «деревянный дом», аргументируя тем, что «...изменяется и само лексическое значение слова». Новый критик утверждает так: «Постулируя две лексемы вместо одной, Д.А. Алексева тем самым “сводит к нулю” проблему “предметных имен” Г.Д. Санжеева». Он же писал, что «попутно надо отметить, что примеры Д.А. Алексева подобраны не лучшим образом, в них не учтена полисемия “дерево” – древесина. Вместо сочетания *модонной орой* стоило взять *модонной шанар* – “качество древесины”».

Г.Д. Санжеев и Д.А. Алексева приводили в своих статьях такие иллюстративные примеры, как *хурдан морин* – «быстроногий конь» или «быстрый конь»; *хурдан ябана* – «идет» или «несется быстро». Слово *хурдан* поясняется через две семантические единицы, выраженные в прилагательном – «быстрый», в наречии образа действия – «быстро», отвечающие на вопросы в первом случае – «какой?», во втором – «как?».

Предметные имена выражают в семантике вышеприведенных примеров материальность, предметность и вещественность, а качественные имена – признаки чего-либо, о чем доказывали спорящие стороны по-своему.

Считаем уместным привести здесь и свои примеры, например: *Унгэрэгшэ убэл дулаан байгаа* – «прошедшая зима была теплой». Здесь констатируется, что *дулаан* – «теплая»; в другом примере: *Энэ гэр дулаан* – «этот дом теплый». В данном случае *дулаан* – «теплый» (каков?) – выражен прилагательным в функции сказуемого. Или в другом примере: *Манай хуурин Дулаан гэдэг юм* – «наше стойбище называют Дулан». Здесь слово *дулаан* дано как название местности, или выражено топонимом.

Г.Д. Санжеев, Д.А. Алексева и Н.Н. Поппе в ходе спора забывали о некоторых словосочетаниях, таких как *тумэрэй завод* – «металлургический завод», *тумэр зам* – «железная дорога» и др., входящие в состав терминологии монгольских языков, возникшие в новых условиях социально-экономического развития этих народов. Они не имеют к именным частям речи никакого отношения.

Г.Д. Санжеев, Д.А. Алексева эти слова называли разрядами слов, так они приближались к современному пониманию вопроса о частях речи

в монгольских языках, определяемых как классы слов. Н.Н. Поппе называл их композитами. Переход одного и того же слова в разные части речи называют иногда конверсией слова, их называют ныне константами.

Отталкиваясь от примеров Д.А. Алексева и Г.Д. Санжеева, Е.А. Кузьменков отмечает необходимость установления строгих границ лексем. В случаях адъективизации, субстантивации, адвербиализации важно придерживаться единства семантического поля слов.

Таким образом, Д.А. Алексева, критикуя основные положения всех работ проф. Г.Д. Санжеева, показал себя как адепт традиционной классификации частей в монгольских языках. Д.А. Алексева опирался в своих статьях на теоретические установки русистов, что видно из цитируемых им трудов академиков И.И. Мещанинова, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова и других. На первый взгляд может показаться, что Д.А. Алексева слепо следует за русистами. Ясно, что это не так. Н.Н. Поппе⁹ выделял две группы классификаторов частей речи в монгольских языках: тех, кто следует за классификацией акад. Я.И. Шмидта, и тех, кто придерживается классификации А.А. Бобровникова. Таков раскол в классификации частей речи в монгольских языках, давший зерна для дискуссий поздних времен и имевший не только теоретическое, но и практическое значение.

Я.И. Шмидт, составитель первой «Грамматики монгольского языка» (1831; 1832), работая над своим трудом, воспользовался готовой классификацией частей речи в индоевропейских языках, заимствовав ее из «Общей грамматики» (10), основным источником, которой была «Всеобщая рациональная грамматика» К. Лансло и А. Арно, известная в мировой лингвистике «Грамматикой Пор-Рояль». Авторы последней были аббатами одноименного монастыря вблизи Парижа. Она была запрещена в советское время, оттого ряд современных лингвистов не знают ее. Лишь в наши дни «Грамматика Пор-Рояль» признана выдающимся достижением грамматической мысли в Европе.

Проф. Г.Д. Санжеев и Н.Н. Поппе были, по признанию Д.А. Алексева, большими поклонниками идей А.А. Бобровникова, первый позаимствовал многое из «Грамматики монгольско-калмыцкого языка», второй же – пользуясь всякими приемами научности. Проф. Г.Д. Санжеев был более всего востоковедом, потому больше склонялся к идеям и мыслям А.А. Бобровникова, оставаясь адептом знаменитого грамматиста XIX в.

А.А. Бобровников также воспользовался некоторыми идеями античных и средневековых грамматистов, которые делили морфологию любого языка на имена, глаголы и частицы. Античные лингвисты утверждали, что в грамматике есть имя, или наименования, также при-

знавали действие, или глаголы. Используя эту схему классификации частей речи в монгольских языках, А.А. Бобровников стал новатором в монгольском языкознании первой половины XIX в., оказав огромное влияние на развитие лингвистики у монгольских народов XX в. Однако классификация А.А. Бобровникова имела слишком общие контуры, поэтому его сторонники в силу сложности и нерешенности поставленных им проблем в морфологическом строе монгольских языков, не смогли развить ее должным образом.

Е.А. Кузьменков, пытавшийся разубить гордиев узел запутанных вопросов частей речи в монгольских языках, так и не смог найти оптимальный вариант решения проблем природы класса слов, или разряда слов в изучаемых им языках.

Поскольку сторонники Бобровникова не сделали кардинально существенного, то старая классификация частей речи в монгольских языках, идущая еще от Я.И. Шмидта, несмотря на свои недостатки, применяется в грамматической теории в современных монгольских языках и в наши дни. Таким образом, критик концепции проф. Г.Д. Санжеева по частям речи в монгольских языках свою правоту доказал уже тогда, когда писалась теоретическая «Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология» (1952), в которой части речи в этом языке были описаны в целом по схеме Я.И. Шмидта. В многотомном энциклопедическом издании «Языки мира» (1997) есть раздел «Монгольские языки», написанный группой монголистов-лингвистов на основе новых материалов новейших достижений общего монголоведения и его отраслей – бурятоведения и калмыковедения. В этом же издании части речи в монгольских (письменных, бесписьменных и ныне мертвых) языках была принята традиционная классификация частей речи в монгольских языках. Все эти факты подтверждают в какой-то мере правоту Д.А. Алексеева, борющегося за сохранение старой системы классификации частей речи в бурятском языке. Очевидно также, что классы, или разряды слов, не охватывают всю лексику монгольских языков. Поэтому основательное изучение всех классов слов в монгольских языках нужно считать делом будущего.

Основные работы Д.А. Алексеева:

Категория наречий в бурят-монгольском языке. Канд. дисс. Л., 1940. 141 с.

Наречие в монгольском языке. Улан-Удэ, 1941.

Части речи в бурят-монгольском языке (имя прилагательное) // Записки Государственного института языка, литературы и истории. № 5–6. Улан-Удэ, 1941. С. 152–190.

Грамматика бурят-монгольского языка. Ч. II. Синтаксис. Учебник для VI–VII классов бурятской школы. Улан-Удэ, 1946. 120 с. (в соавторстве с М.Н. Имехеновым, Д.Д. Дугар-Жабомом, на бурят-монгольском языке).

О некоторых показателях множественности в бурят-монгольском языке // Сборник трудов по филологии. Вып. 1. Улан-Удэ, 1948. С. 121–135.

Синтаксические функции падежей в бурят-монгольском языке // Там же. С. 136–155.

Диалекты бурят-монгольского языка // Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып. 1. 1949. С. 161–202.

Именные части речи в монгольских языках // Вопросы языкознания. 1955. № 3. С. 35–47.

О «территориальных» диалектах бурят-монгольского языка // Материалы научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1955. С. 74–97.

Обогащение словарного состава бурят-монгольского литературного языка за советский период // Записки Бурят-Монгольского НИИ культуры. № 20. Улан-Удэ, 1955. С. 69–80.

Грамматическая категория отрицания в монгольских языках // Вестник ЛГУ. № 8. Серия истории языка и литературы. 1957. Вып. 2. С. 114–122.

Деепричастия в сложноподчиненном предложении в бурятском языке // Ученые записки ЛГУ. № 282. Серия востоковедческих наук. 1959. Вып. 11. С. 170–184.

Изучение монгольских языков в Ленинграде // Ученые записки ИВ АН СССР. Т. 25. М., 1960. С. 127–133.

Обстоятельство в бурятском языке // Вестник ЛГУ. № 14. Серия истории языка и литературы. 1960. Вып. 5. С. 67–77.

Наречие. Послелог. Частицы // Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. Кн. 1, М., 1962. С. 293–322.

Деепричастие в простом предложении в бурятском языке // Вестник ЛГУ. № 20. Серия истории, языка и литературы. 1963. Вып. 4. С. 96–106.

Причастие прошедшего времени и его функции в бурятском языке // Вестник ЛГУ. № 8. Серия истории, языка и литературы. 1967. Вып. 2. С. 132–139.

Литература о жизни и трудах:

- Алексеев Д.А. // Азиатский музей – ЛО Института востоковедения АН СССР. М., 1972. Именной указатель. С. 580.
- Матхеев Б.В., Хомонов М.П. Лингвист Д.А. Алексеев (К 50-летию со дня рождения) // Свет над Байкалом. 1959. № 1. С. 152–153.
- Алексеев Д.А. // Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов. Кн. 1 (А-Н). М., 1995. С. 53.
- Алексеев Дмитрий Андрианович (1908–1973) // Ученые-исследователи Бурятского института общественных наук СО РАН. Улан-Удэ, 1997. С. 9–10, портр.
- Алексеев Д.А. // Юдакин А.П. Алтайское (тюрко-монгольское) языкознание. М., 2001. С. 21–22.

¹ Бобровников А.А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, с. 54–55.

² Грамматика бурят-монгольского языка. Ч. II. Синтаксис. Учебник для VI–VII классов бурятской школы. Улан-Удэ, 1946. 120 с. (В соавторстве с М.Н. Имехеновым, Д.Д. Дугар-Жабаном, на бурят-монгольском языке).

³ Санжеев Г.Д. Грамматический строй бурят-монгольского языка в свете учения И.В. Сталина о языке // Материалы научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1955, с. 6.

⁴ Цыдендамбаев Ц.Б. [Выступление] // Материалы научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1955, с.46.

⁵ Именные части речи в монгольских языках // Вопросы языкознания. 1955. № 3, с.35–47.

⁶ Санжеев Г.Д. К проблеме частей речи в монгольских языках // Вопросы языкознания. 1952. № 6, с. 77, 89–90.

⁷ Алексеев Д.А. Именные части речи в монгольских языках // Вопросы языкознания. 1955. № 3, с. 35–47.

⁸ Кузьменков Е.А. Именные классы слов в монгольских языках // Вопросы грамматики монгольских языков. Новосибирск, 1991, с. 12, 50–52.

⁹ Поппе Н.Н. О частях речи в монгольском языке (опыт классификации) // Советское языкознание. Вып. 1. М.-Л., 1940, с. 148–149, 158.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЭДУАРДА МАКАРОВИЧА МУРЗАЕВА (1908–1998)

Монголоеды, чья учеба в Московском институте востоковедения пришлась на вторую половину 40-х годов прошлого века, помнят увлекательные лекции превосходного учителя Эдуарда Макаровича Мурзаева. Старший научный сотрудник Института географии АН СССР после окончания командировки в МНР он был приглашен на работу по совместительству в качестве преподавателя на кафедру истории, экономики, географии стран Дальнего Востока и читал лекции по Восточной и Центральной Азии и Монголии. В нашем новом учителе привлекал его облик. Необычайно открытое лицо, неизменно оживлявшееся, когда он делился с нами своими любопытными наблюдениями, интересными открытиями, поглощающими всё внимание рассказами о редких явлениях монгольской природы, о необыкновенном радушии монголов. Знакомясь с нами, Эдуард Макарович, наверное, чтобы снять наш немой вопрос, естественно возникавший при взгляде на молодого еще мужчину, запросто с улыбкой сообщил, что худонские монголы, услышав его имя, стали величать по-своему: *Халзан Ядуу-Ард*, что означало «лысый Эдуард» или буквально – «лысый бедный арат». Кажется, в таком признании была скрытая приятная сторона. При его тяготении к раскрытию секретов ономастики, к занятиям еще с 30-х годов топонимикой такой отклик на необычное имя чужестранца было благодатной встречей с носителями древних традиций. И в ней – прямое указание на пути сложения топонимических систем, на образование личных имен и прозвищ людей, к которым далее могут восходить названия географических объектов.

По признанию ученого-географа, в Институте востоковедения для него открылся новый мир ориенталистики и ориенталистов, среди которых было немало интересных, образованных людей. Иногда лекции Эдуарда Макаровича проходили в помещении кафедры. Там у стены на одном из столов стоял макет монгольской юрты, ее деревянный остов. Наверное, этот экспонат остался с тех недавних тогда времен, когда институт был закрытым учебным заведением и среди его студентов были также монголы. (В нем, например, учились такие

известные впоследствии государственные и общественные деятели МНР, как Джагварал и Удвал). Та юрта просто завораживала. И было большой радостью на занятиях по этнографии узнавать от Эдуарда Макаровича многие обычаи сооружения, освящения, поведения гостей, повседневного пребывания людей в этом жилище. Он сам был чрезвычайно любознательным и увлеченным предметом своих исследований человеком. Поражала его эрудиция и любовь к изящной словесности. К слову сказать, Эдуард Макарович всегда был готов делиться всем, что почитал в художественной литературе. Всё это вместе взятое со всей очевидностью питало вдохновение, с которым он работал.

Нам посчастливилось несколько лет слушать лекции Э.М. Мурзаева. Он увлек нас Монголией, этой солнечной страной, открывая сохранившуюся первозданность её земли, удивительную самобытность монголов, разжигая в наших сердцах желание познать как можно шире историческое прошлое монгольского народа, приобщиться к его культуре, поддерживая наши смелые мечты поскорее увидеть своими глазами яркие контрасты необыкновенной природы. Потом всю жизнь, не переставая, можно было учиться по его книгам, по его живому слову, стараясь следовать его примеру любви к избранному делу, преданности науке, почитанию предшественников во всех поколениях, уважению к коллегам.

Эдуард Макарович, подводя итоги работы среди востоковедов, пришел к выводу, что его старания не прошли бесследно. В своих воспоминаниях он писал: «В процессе подготовки курсов мне пришлось освоить новый большой материал по странам Восточной Азии, которые я до этого знал только в пределах учебных программ. Общение с востоковедами расширило горизонт моих знаний, а общение со студентами дало мне ясное понимание того, что важно, что менее важно и несущественно, что интересно, а что серо и буднично и не вызывает эмоций. Все это сразу угадывалось по аудитории, которая чутко реагировала на течение лекции. Стало понятным, как необходимо учиться искусству избирательности. Ведь сказать всё, не выделяя главного – верный способ вызвать скуку у слушателей, перешептывание и полное падение интереса у них к преподавателю и к предмету»¹.

Через четыре года с появлением новых обязанностей ученого секретаря Московского филиала Географического общества Э.М. Мурзаев вынужден был покинуть институтскую кафедру. Но это не означало прекращения научной деятельности, обращенной к Монголии.

Сохранялся интерес к истории географического исследования Монголии, к людям, участвовавшим в разных экспедициях, работавшим в Монголии по командировкам Монгольской комиссии АН СССР. Одними из первых, с кем Эдуард Макарович познакомился, были участники знаменитой экспедиции П.К. Козлова.

Энергичный, чрезвычайно работоспособный и организованный человек он не любил тратить время попусту. Никогда не отступал от однажды выработанного для себя правила: исчерпывающе обработать и обдумать материал, собранный в экспедиции для научного труда, подготовить его для публикации, потом – по возможности – издать накопившиеся на маршрутах путевые заметки.

Так, со страниц книг Э.М. Мурзаева приоткрывается возможность узнать, как формировалось его влечение к будущему делу, и как этим делом стала наука, позволяющая проникнуть в мир природы; ни с чем не сравнимая творческая обстановка на географическом факультете в Ленинградском государственном университете.

Эдуард Мурзаев, окончив среднюю школу, покинул родной Крым в 1927 г. К этой поре уже было решено, что станет профессиональным географом. Он родился в Симферополе, первые маршруты школьника-туриста проложил по горным тропам Крымской Яйлы на Южном побережье, по долинам и горам Восточного Крыма, где особенно радостной была Воронская долина, что в 20 км на запад от Судака. «Эта долина, – писал Э.М. Мурзаев, – окаймлена сухой и каменистой, причудливых форм Верблюд-горой, создающей неповторимое обрамление.<...> Я много читал, – вспоминает далее Э.М. Мурзаев, – в литературе не было недостатка, стал собирать библиографию по географии Крыма, завел тетрадь, куда записывал меткие характеристики его природы, встречающиеся в произведениях писателей»².

Неповторимая университетская среда, создаваемая лекциями и личным общением с выдающимися профессорами и академиками. Какое там и тогда было сияние имен, какое созвездие ученых! С теплотой и благодарностью Э.М. Мурзаев вспоминал преподавателей на факультете – старейшем центре высшего географического образования в стране. Это были Л.С. Берг, В.Г. Богораз-Тан, А.А. Григорьев, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, А.Е. Ферсман, Ю.М. Шокальский, Я.С. Эдельштейн. В ту пору студенты-географы могли в Географическом обществе слушать доклады, которые читали о своих исследованиях знаменитые русские географы и путешественники П.К. Козлов, Г.Е. Грумм-Гржимайло, В.Ю. Визе, А.П. Герасимов, В.Л. Комаров. Шел процесс упорного постижения трудов великих предшественников, овладения

навыками практических занятий по топографической съемке, полевой этнографии, фотографии с натуры. Будущие географы приучались к полевым геологическим работам, познавали методы коллекционирования. С летней практики начинались пути по длинным дорогам в разных землях. Тогда же у Э.М. Мурзаева возникла – и не прошла с годами – увлеченность географическими науками и любовь на всю жизнь к сопутствующим им ономастике и топонимике. Многие студенты-географы, естественно, мечтали о путешествиях, об исследованиях в далеких странах.

Можно сказать, что будущий ученый, начиная со студенческих лет на географическом факультете Ленинградского государственного университета, в широком смысле учился долгие годы жизни. Он поддерживал связь со своими учителями, был внимателен ко всем их новым трудам, отмечал каждое новое открытие. Одним из первых Эдуард Макарович называет имя Бориса Леонидовича Личкова, под руководством которого в университетские годы работал в экспедиции, снаряженной Академией наук СССР в Армению. Центром работ была высочайшая вершина Закавказья – гора Арагац (Алагез). В 1956 г. по просьбе бывшего ученика, а теперь коллеги, Б.Л. Личков прислал написанную им от руки библиографию, в которой признавался, что кульминационной в его работе была тема, над которой он начал работать в 1927–1931 гг. В результате профессор Личков пришел к выводу, что в целом в геологической истории Земли ярко проявляется четкий и ясный параллелизм между тремя группами явлений: явлениями тектоническими, т.е. изменениями структуры Земли, изменениями климатов и, наконец, изменениями органической жизни. «Кто теперь не понимает взаимосвязи между горообразованием, изменениями климата, почвенно-растительного покрова и животного мира! – восклицает профессор Мурзаев. – Ныне любой географ принимает эту цепочку явлений, зависящих друг от друга, как аксиому. А между тем она стала очевидной не так уж давно...»³.

Э.М. Мурзаева давно влекла Азия. Зная, что в Центральной и Средней Азии наблюдается большая этнографическая пестрота, что ее населяют разные народы, относящиеся к тюркской, монгольской и иранской языковым группам, в университете он стал изучать тюркские языки. Ему хотелось продолжить исследования Азиатского материка, прославленного многими российскими учеными, поработать в высоких горах и его бескрайних пустынях. По случаю окончания университета один из друзей, хорошо зная об увлечениях Эдуарда Макаровича географией и этнографией Азии, неожиданно сделал

ему интересный подарок – альбом. «В те годы, – уточняет обладатель подарка, – во многих кинотеатрах демонстрировался нашумевший фильм “Потомок Чингис-хана”. В разных журналах печатались иллюстрации отдельных кадров из фильма. Альбом состоял из таких иллюстраций, подобранных умело и в определенной системе. Тема альбома: молодой географ едет в Монголию; медленно идут караваны верблюдов, скачут лошади; географ вместе с “потомками Чингис-хана” путешествует по Монголии.

Подарок оказался пророческим. Спустя десять лет я действительно поехал в Монголию и в течение четырех с половиной лет путешествовал там вместе с молодыми монгольскими научными работниками – моими учениками»⁴.

Но прежде были годы работы в Средней Азии, куда Э.М. Мурзаева направлял Институт географии. Рабочие маршруты проходили по малонаселенным областям. По возвращении из очередной экспедиции год-два уходило на обработку собранных материалов, составление отчетов, написание литературно-географических текстов. К Средней Азии, результатам полевых работ на ее просторах обращался еще не раз. Ей была посвящена не одна монография⁵. Опыт среднеазиатских изысканий понадобился, когда Академия наук КНР обратилась в Академию наук СССР с просьбой помочь в проведении комплексных полевых исследований некоторых окраинных провинций Китая. Вместе с Э.М. Мурзаевым в Комплексных экспедициях по Китаю участвовали его спутники по предыдущим экспедициям в Средней Азии доктора наук В.Н. Кунин, Б.А. Федорович, а также «товарищ по экспедициям в Монголии» доктор биологических наук А.А. Юнатов. Полевые сезоны пришлись на 1956 г. (в Синьцзяне) и на 1957–1959 гг. (Маршруты экспедиций простирались от Алтая на севере до границ Тибета на юге, охватив таким образом весьма различные географические области: горы Монгольского Алтая и Восточного Тянь-Шаня, равнины Джунгарии, песчаную пустыню Такла-Макан и ее южное горное обрамление Куньлунь)⁶. Итоги и впечатления от работы в этих экспедициях нашли свое выражение в выходящих одна за другой книгах⁷. В первой половине 60-х годов Э.М. Мурзаеву предстояло поработать в экспедициях вместе с профессором Белорусского университета В.Г. Завриевым и научными сотрудниками Комитета наук ДРВ, чтобы провести исследования по теме «Природное районирование Северного Вьетнама». Как обычно, Эдуард Макарович повседневно делал записи географа. С ними в серии «Рас-

сказов о природе» знакомит еще одна его книга⁸. Затем следует обобщающая монографическая работа⁹.

В годы нашей учебы в Институте востоковедения, разумеется, не было учебников по географии Монголии. Пособиями служили труды русских путешественников по Центральной Азии. Особенной стала книга «Монголия и страна тангутов» Н.М.Пржевальского, выпущенная в 1946 г. стараниями Э.М. Мурзаева. Он был редактором и автором обширной вступительной статьи.

Нет нужды говорить о необходимости ее первого переиздания. Э.М. Мурзаев сохранил в нём своеобразный и свежий язык оригинала и последовательность изложения. В то же самое время снабдил книгу примечаниями и комментариями, необходимыми при возросшем объеме знаний о Центральной Азии благодаря трудам учеников и продолжателей дела Н.М.Пржевальского. Добавим: в том числе и Э.М. Мурзаева.

Выступая в качестве редактора, Э.М. Мурзаев по праву учено-географа пишет, что книга Н.М.Пржевальского, вышедшая в 1875 г., явилась эпохой в географии. Далее читаем: «Можно без преувеличения сказать, что из всех работ Пржевальского, посвященных Центральной Азии, “Монголия и страна тангутов” занимает особое место. Это лучшее произведение автора, полное новаторства и оригинальности, богатое научными данными, обработка которых привела к поразительным результатам. <...> Книга говорит о большом таланте ее автора, писателя большой руки, благодаря чему она интересна всем, а не только специалистам-географам или натуралистам»¹⁰. Попутно читатель обнаруживает откровенное признание редактора: «Что может быть приятнее для путешественника, чем узнать, увидеть, побывать, описать? Эта благородная мысль живет в исследователе и двигает его на смелые, отважные поступки, на долгие и тяжелые лишения в суровой страннической жизни»¹¹. Редактор Э.М. Мурзаев, сам недавно побывавший в Монголии, где маршрут одной из его экспедиций пролегал по гобийской земле, имел особое право на подтверждение гениального определения Н.М. Пржевальским характера сложения пустыни Гоби как впадины с разнообразными ландшафтами, опровергнувшего теорию Гумбольдта, что Гоби есть плоское вздутие, покрытое песками.

Э.М. Мурзаев обращает внимание на исключительную ценность результатов метеорологических наблюдений Пржевальского, которые он вел с большой тщательностью и аккуратностью. И снова – достоверное своим опытом понимание того, насколько сложно

вести подобные наблюдения методично. Он делится им с читателем: «Кто путешествовал и работал в экспедициях, в далеких и трудных маршрутах, тот знает, как трудно проводить систематические наблюдения в одни и те же часы суток. Жизнь в экспедициях полна лишений, физическое утомление порою связывает инициативу ученого; к тому же очень часто в пути, по характеру маршрута, бывает необходимым идти без задержек, быстрым темпом или по ночам. В такие дни приходится забывать о необходимости в определенный час повторить измерения или наблюдения. Многие из путешественников, начиная с Пржевальского, жаловались на то, что труднее всего регулярно вести маршрутную съемку пути, особенно в горах»¹².

Как редактор он позаботился еще и о том, чтобы в книге были выверены названия растений и животных. В связи с этим обратился за помощью к специалистам, побывавшим в Монголии. Это были ботаник Н.В. Павлов и зоолог А.Г. Баранников, имена которых названы с большой благодарностью. В примечаниях и комментариях к труду Н.М. Пржевальского легко обнаруживаются наблюдения, вынесенные Э.М. Мурзаевым из собственных экспедиций по Монголии и жизни в ее столице.

Э.М. Мурзаев поехал в Монголию после обращения Комитета наук МНР к советской стороне с просьбой о командировании к ним учено-географа. До 1939 г. Кабинет географии в Комитете наук возглавлял А.Д.Симуков, больше десяти лет трудившийся на этой ниве. В 1939 г. он был незаконно арестован органами НКВД, и без него в его деятельности этого научного учреждения оголилось не одно направление. (А.Д.Симуков был реабилитирован в 1956 г. за отсутствием состава преступления).

В Академии наук СССР решение вопроса о командировании учено-географа в МНР было передано в Монгольскую комиссию. Выбор пал на прекрасно зарекомендовавшего себя работами по Средней Азии, одаренного ученого Э.М. Мурзаева, к тому времени хорошо известного географа, пользовавшегося авторитетом среди членов Географического общества СССР. Перед поездкой в Монголию Э.М. Мурзаева благожелательно напутствовали академики О.Ю. Шмидт (в ту пору вице-президент Академии наук) и Л.С. Берг. Слова последнего: «Вы едете в Центральную Азию – область столь увлекательную и заманчивую для географа, что Вам можно только позавидовать», – навсегда остались в памяти Э.М. Мурзаева.

Э.М. Мурзаев приехал в Улан-Батор в сентябре 1940 г. Он был по-житейски молод – ему пошел 33-й год – но за плечами имел весь-

ма солидный опыт научной работы и веский багаж исследователя-географа. «Первое, с чего я начал в Улан-Баторе, – привел в порядок все географические карты Монголии и большое количество рукописей, написанных различными исследователями страны в разное время. Рукописей набралось более двухсот, и значительная часть их не публиковалась, тем более сохранение этого рукописного фонда мне казалось необходимым и важным.

Среди рукописей на русском языке выделялись отчеты о путешествиях А.Д. Симукова и С.А. Кондратьева <...> Они показали себя пытливыми исследователями, проникли в самые глухие и отдаленные уголки Монголии и написали немало интересных работ»¹³. Далее Э.М. Мурзаев более подробно пишет об обоих, сначала о С.А. Кондратьеве и затем о Симукове А.Д., отмечая, что он дольше всех работал в Монгольской Народной Республике. «Андрей Дмитриевич Симуков увлекся изучением малоизвестных окраин Монголии и в ряде мест оказался первооткрывателем. Он остался в Улан-Баторе и после отъезда Кондратьева в Москву. За годы жизни в Монголии Симуков настолько овладел монгольским языком, что свободно говорил на нем.<...> Симуков был энергичным и трудоспособным человеком. Он опубликовал несколько работ (напечатанных в улан-баторских журналах и оставил большое рукописное наследство (довольно пестрое по содержанию), как будто понимая, что все сведения о глухих районах Центральной Азии будут с благодарностью использованы»¹⁴.

Есть еще одно важное уточнение Эдуарда Макаровича о работе в Комитете наук МНР: «По приезде в Улан-Батор мне и сотрудникам кабинета географии пришлось составить планы дальнейших работ, обобщить первые необходимые справочные данные по географии МНР. Одновременно я проводил занятия с молодежью по общему землеведению. Во всех этих начинаниях мне помогали двое юношей – Цэвэгжавын Пунцагноров и Шагдарын Цэгмид»¹⁵.

Вот как об этом вспоминает Ц. Пунцагноров: «Это было летом 1940 г. Председатель Комитета наук Б. Джаргалсайхан, повстречав меня, неожиданно предложил: “К нам из Советского Союза приезжает ученый-географ. В ученики к нему пойдешь?”

Через некоторое время состоялась моя встреча с Мурзаевым-багши в Кабинете географии Комитета наук. После знакомства он подвел меня к беспорядочному нагромождению всяких бумаг, сваленных в кучу в одном из углов большой комнаты; в папках и без папок лежали рукописные, машинописные тексты, всевозможные карты, – и сказал: “Итак, разберем и упорядочим вдвоем эти фонды”.

Я надел такой же, как у учителя, синий халат и вместе с ним начал разбирать бумаги, оказавшиеся богатыми материалами, собранными учеными, изучавшими географию Монголии. За этим занятием в пыли мы провели много дней. Мы определяли принадлежность материала к тому или иному фонду, расправляли, подклеивали, приводили в порядок, атрибутировали и раскладывали в шкафу в соответствии с должной классификацией. Среди материалов, написанных на разнообразной бумаге – обыкновенной, меловой, му-тоу (сорт китайской бумаги. – К.Я.) – было довольно много работ А.Д. Симукова, написанных по-монгольски и по-русски. Мы разбирали и также классифицировали карты, выполненные на кальке или на просвечивающейся насквозь желтой бумаге. В науке нужно учиться аккуратно делать и черновую техническую работу. Через несколько месяцев наш кабинет стал очень уютным, и вся обстановка звала к работе над разобранными материалами.

В работе географа чрезвычайно важное место занимают экспедиционно-полевые работы. Наша экспедиция проделала путь в много тысяч километров по земле Монголии летом и осенью 1941 г. Мурзаев-багш, Ш. Цэгмид и я – втроем на “трехтонке” ездили по западным аймакам. Перевалив Эгийн-даваа, продолжая свой маршрут, мы работали в районе Их Богд уул, озера Орог. Захватив Шаргын Гоби, Кобдоский и Баян-Улегейский аймаки, от озера Увс через Хан-Хөхий вышли к Хубсугулу, и через Булган вернулись в Улан-Батор. <...> Та прекрасная экспедиция, когда на каждый вопрос, возникавший при открывавшихся что ни день новых картинах, можно было получить научно обоснованный ответ, не уходит из памяти.

Мурзаеву-багши в ту пору было тридцать с небольшим. Ясно помнится его хороший характер, поразительная наблюдательность, исключительная работоспособность... Он любит литературу, в особенности поэзию. Знает много стихов наизусть. Хорошо водит машину. В дороге заболел наш шофер, его пришлось госпитализировать в Улан-гоме. И наш багши по длинной непростой дороге от Убса до Улан-Батора сам сидел за рулем.

Э.М. Мурзаев не чурался, не откладывал никакой трудной работы. Наоборот он всех увлекал своим примером, был истинным лидером. Так было в песках Гоби, на болотистых склонах Хангая. Он был очень прост и скромнен в жизни.

Э.М. Мурзаев как ученый считал своим священным долгом распространять знания среди народных масс. Время от времени он сам читал лекции по географии в клубе им. Ленина, писал специаль-

ные статьи в журналы «Шинжлэх ухаан», «Современная Монголия». По совету своего багши я подготовил лекцию “Земля в просторах вселенной” и впервые прочитал ее в центре Гоби-Алтайского аймака в июне 1941 г. Статья же о путешествии по Алтаю была написана мной вместе с Ш.Цэгмидом и опубликована журнале “Шинжлэх ухаан”.

Два года работы с Мурзаевым-багши пролетели мгновенно. За это время я приобрел первый опыт научной работы и многому научился. Все это оказало мне огромную помощь во время учебы в Московском государственном университете»¹⁶.

Эдуард Макарович после Монголии продолжал интересоваться исследованиями по Монголии, рад был знакомству с учеными, прошедшими с экспедициями по монгольской земле. Среди них были сотрудники Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова ботаник Н.В.Павлов и почвовед, геохимик, географ Б.Б.Полынов. В 1945 г. Эдуард Макарович в доме профессора Н.В.Павлова увиделся и подружился еще с одним участником экспедиции, С.А.Кондратьевым, давно известным ему по трудам, прочитанным в Монголии. В конце 50-х годов в Москве состоялась встреча Эдуарда Макаровича с Юрием Николаевичем Рерихом. Они быстро нашли общие интересующие их темы. Эдуард Макарович утверждал, что Юрия Николаевича можно считать не только филологом и историком, но и географом. Потому что, будучи большим путешественником, он вместе с великим Николаем Рерихом, будучи правой рукой отца, проходил по самым труднодоступным маршрутам Азиатского материка, и потому что он 12 лет руководил Институтом гималайских исследований, где работало два отдела – ботанический и этнолого-лингвистический. Ю.Н.Рерих заслуженно был избран в члены географического общества СССР. В свои члены его избрало и Парижское географическое общество.

В 1946 г., когда вышел первый том переиздаваемых трудов Н.М. Пржевальского, была учреждена золотая медаль его имени. В 1947 г. ею был награжден Э.М. Мурзаев за географические исследования в МНР. Редкий ученый удостоивается такой награды. Еще через год из печати вышла книга Э.М. Мурзаева «Монгольская Народная Республика. Физико-географическое описание» (1948). Этот системный труд по заслугам был удостоен Сталинской (Государственной) премии. Достаточно познакомиться с оглавлением книги, как представится очевидной ее авторская научная структура. По первым же страницам книги проникаешься уважением ко всему, что

сделано предшественниками. Не было случая, чтобы Эдуард Макарович в своих трудах не назвал их – исследователей Монголии, не сослался на обработанные материалы, не упомянул даже самую маленькую статью, где освещалась в той или иной степени проблема, над которой размышлял, которую исследовал он сам. В кратком предисловии к книге читаем: «...работы, систематически производившиеся Комитетом наук МНР в г. Улан-Баторе, существенным образом углубили наши представления о физической географии Монгольской Народной Республики»¹⁷. И далее автор приносит искреннюю благодарность Комитету наук МНР «за возможность ознакомиться с тем богатым рукописным фондом, которым располагает Кабинет географии Комитета наук»¹⁸. Тот, кто знает историю этого научного монгольского учреждения, в курсе, что упомянутый фонд создавался с участием российских ученых – В.И. Лисовского, С.А. Кондратьева и, в особенности, А.Д. Симукова. Монография Э.М. Мурзаева через четыре года вышла вторым дополненным изданием. Интерес к ней был проявлен научными издательствами за рубежом¹⁹.

Книга, посвященная физико-географическому описанию Монголии, содержит множество редких сведений по топонимике, по одному из любимых разделов науки – истории географического изучения МНР. Каждый такой раздел написан на основе самых достоверных сведений, почерпнутых у предшественников, добытых самим автором, открытым в книгах по смежным наукам и всегда до мелочей проверенных и проконсультированных у специалистов. В числе последних часто был эрудит-филолог, писатель, ровесник Эдуарда Макаровича – Ц.Дамдинсурэн, с которым он был дружен.

Примечательны страницы книги, открывающие читателю, незнакомому с географией Монголии, или не знающему монгольского языка, ключ к системе монгольских географических названий и их чтению. Некоторые написаны как бы в помощь в преодолении трудностей с усвоением карты Монголии. На самом деле это чрезвычайно ёмкая по глубине знаний, насыщенная точной атрибутикой, красивая по своей структуре система терминов. В ней также можно обнаружить ссылки на фонетические особенности монгольского языка и его древнюю образность, хранимую народом. (Трудно удержаться от сетования на то, что и поныне в редкой публикации по Монголии, а то и в монголоведческом труде, в тексте на русском языке можно найти адекватную передачу отдельных, свойственных монгольской речи звуков). В этой своей системе географических монгольских тер-

минов Э.М. Мурзаев выделяет прилагательные, наиболее часто входящие в состав собственных географических названий МНР. Их точность, не случайность отбора не раз были подтверждены открытиями современной науки. Один пример. Распространенное в названиях прилагательное *цагаан* – белый – продолжим его семантический ряд: добрый, хороший, простой, изначальный и т.п. – в географическом названии *Цагаан агуй* получило великую огласку. В пещере с таким названием, что на юге Баян-Хонгорского аймака в горном массиве между хребтами *Их Богдо* и *Бага Богдо*, о которой археологам из советско-монгольской историко-культурной экспедиции под руководством акад. А.П.Деревянко сообщили местные жители, в 1987 г. были обнаружены редкие находки.

В предисловии к монографии в связи с главой «История географического изучения МНР» автором было высказано суждение о правомерности самостоятельного исследования по этой теме. Вспоминается в связи с этим заседание Комиссии по сотрудничеству АН СССР и АН МНР в области общественных наук (Улан-Батор, ноябрь 1988 г.), на котором, в частности, ставился вопрос о создании музея русских путешественников, чьи маршруты прошли по Монголии. Труд Э.М. Мурзаева словно специально был написан, чтобы лечь в основание содержания и экспозиции такого музея.

1948-м годом было отмечено еще одно важное событие в жизни Э.М. Мурзаева-ученого. Он представил к защите докторскую диссертацию. В ней рассматривались основные вопросы физической географии и палеографии четвертичного периода МНР. «И естественно, – позже делился воспоминаниями докторант, – мечтал о том, чтобы мою работу посмотрел Владимир Афанасьевич (Обручев). Где-то в глубине души надеялся на его благоприятный отзыв. Кто, как не В.А.Обручев, мог лучше других по существу оценить мою попытку обобщить полевые работы в Монголии, где он сам некогда путешествовал, а в 1947 г. опубликовал большую книгу по Восточной Монголии. <...>

Очень скоро Владимир Афанасьевич написал большой отзыв, в котором содержался исчерпывающий критический разбор моей диссертации и оценка тех или иных положений. Можно легко представить, что критика не огорчила меня»²⁰.

Почти одновременно были опубликованы записи, сделанные географом Мурзаевым на экспедиционных маршрутах в Монголии. Они вошли в книгу «Непроторенными путями». Она выдержала не-

сколько изданий (Москва, 1948; 1950; 1954), переведена на иностранные языки (Улан-Батор, 1956; Лейпциг, 1958; Братислава, 1962). Ее тексты, фотографии, карты приглашают читателя на маршруты по Средней Азии и Монголии. К последнему разделу ведет эпитафия – полюбившиеся строки из В. Яна:

*Вспомним,
Вспомним степи монгольские,
Голубой Керулен, Золотой Онон!*

В книге удивительным образом сплелись точные знания, образное видение природы и владение словом. Эдуард Макарович проявил в ней свой литературный дар. О нем, впрочем, свидетельствуют и серьезные научные труды, в которых главные предметы его исследований – горы, пустыни и воды, излюбленная топонимика. (Точность и всеобъемлющие сведения непременно находим уже в ранних его топонимических исследованиях (примером может служить термин *ТАЙГА*²¹). Размышления об образных географических топонимах Монголии нашли место в отдельном монографическом издании²². Много ссылок на связь с монгольскими и на чисто монгольские термины содержит Словарь народных географических терминов²³. Этот труд демонстрирует увлеченность автора не только географией, но и лингвистикой. Он щедро приводит иноязычные параллели разных народных географических терминов. Отдельные, вошедшие в корпус словаря статьи написаны как своего рода художественные этюды. Не случайно Эдуард Макарович в происхождении географических названий усматривал своеобразное народное творчество в создании топонимических образований. Упорная работа над словарем длилась 22 года.

Специального упоминания заслуживают рассыпанные по научным и научно-популярным трудам Эдуарда Макаровича эпитафии, цитаты, мысли, принадлежащие российским и иностранным писателям, философам, примыкающая к поэзии эссеистическая проза, играющая функциональную роль.

Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать книгу, написанную к столетию со дня рождения учителя всей его жизни. Так, главе о Л.С. Берге как ученом предшествуют строки, принадлежащие Александру Гумбольдту: *«Главным моим побуждением всегда было стремление объять явления внешнего мира в их общей связи, природы как целое... Но я рано убедился в том, что без строгого изучения отдельных частей естествознания всякое великое и общее мирозерца-*

ние будет прозрачно и неопределенно»²⁴. Представляя же Л.С. Берга как человека, Эдуард Макарович цитирует А.П. Чехова: «Надо поставить свою жизнь в такие условия, чтобы труд был необходим. Без труда не может быть чистой и радостной жизни»²⁵.

Вот уж правда, что классика многому учит. Эдуард Макарович вырос среди того старшего поколения, для которого аксиомой было исключительное отношение к художественной литературе, к серьезным книгам, которые пишутся для осмысления повседневной жизни, для серьезного к ней отношения.

В конце сороковых годов у академика Берга были трудные дни. Надо полагать, немалым утешением, опорой для него была твердая гражданская позиция ученика. Э.М. Мурзаев отказался принять участие в «обличении идеалистических концепций» трудов Л.С. Берга о ландшафтной географии и не оставил учителя в одиночестве.

Ровно в 60 лет Э.М. Мурзаев оставляет пост заместителя директора Института географии АН СССР, выходит на пенсию и целиком отдается научному труду. Пишет книги, статьи, рецензии, консультирует молодых ученых, выступает в качестве официального оппонента, иными словами – работает, работает, работает без устали.

Много десятилетий в экспедициях, в путешествиях по Монголии, Китаю, Вьетнаму рядом была горячо любимая жена Валентина Григорьевна, подарившая Эдуарду Макаровичу двух дочерей, друг и помощник во всех делах. Случилось так, что она безвременно ушла из жизни. Но по-прежнему оставалась рядом. В рабочем кабинете Эдуарда Макаровича ее портрет хранит добрую улыбку лучистых глаз. Как и прежде, каждый день вдохновляла на работу.

По случаю 60-летия Э.М. Мурзаева в периодических научных изданиях были опубликованы статьи о его жизни и трудах. Авторы статьи в Вестнике МГУ представили Эдуарда Макаровича как выдающегося исследователя Центральной Азии²⁶.

В постоянном труде над очередной рукописью прошли еще два десятилетия. Свое восьмидесятилетие Э.М. Мурзаев отмечать торжественно никак не хотел. Согласился лишь на заседание Ученого совета в Институте географии АН СССР, на котором предложил выступить с научным докладом «Слово на карте».

Естественно, он был посвящен проблемам топонимики. С большим удовлетворением Эдуард Макарович говорил о бурном развитии изучения географических названий за последние десятилетия, о том, что топонимика ныне обладает прочным фундаментом, о будущем этой увлекательной науки, являющейся важным источником

в постижении культуры и истории разных народов. Гений народа может поставить печать тысячелетней давности, как это случилось с именем города Самарканд. Другое становится названием-символом, как, скажем, Бородино.

Докладчик решительно выступил против подражательности в современных географических названиях и присоединился к голосу общественности, взывавшей к восстановлению утраченных в результате переименований старых образных оригинальных названий.

Зал ученого совета Института географии был переполнен. Ученые и коллеги юбиляра из разных городов страны собрались послушать и поприветствовать Эдуарда Макаровича со славной датой. Торжественные слова поздравлений по случаю юбилея Мурзаеву-багши прислали ведущие географы, ученые Монголии. В своем приветствии чл.-корр. АН МНР Ц. Пунцагноров писал: «Многие научные труды лауреата Государственной премии, заслуженного деятеля науки, доктора географических наук, профессора Э.М. Мурзаева, внесшего выдающийся вклад в изучение географии Монголии, получили признание во всем мире.

По случаю 80-летия высоко чтимого учителя от всей души желаю ему здоровья, долголетия, новых и новых книг»²⁷.

Это пожелание сбылось. Как любил говорить Эдуард Макарович, в науке есть начало и нет конца. Он еще одно целое десятилетие не оставлял своих научных занятий. Опубликовал ряд научных трудов, в том числе книгу «Топонимика и география» (1995). За два года до 90-летия выпустил новую монографию «Тюркские географические названия». Она открывается – не изменять же собственной традиции – эпиграфом. На этот раз из Дж. Стюарта: «По крайней мере еще не было открыто ни одного племени, настолько примитивного, чтобы оно не употребляло имен – и для людей, и для местности. Человека называют мыслителем, производителем орудий и т.п. Мы можем считать его человеком – создателем имен»²⁸. Многое в этой книге сделано впервые. Среди освещения нескольких неисчерпаемых тем систематизированы географические термины и географические названия, общие в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, а также тюркские географические термины, заимствованные в русский литературный язык и научную географическую литературу. В заключение, в который раз! Эдуард Макарович останавливается на вечных вопросах транскрипции.

Читая книги Э.М. Мурзаева, можно представить себе его облик, все человеческое, то есть нравственное значение его. Эдуард Макарович – ученый, воспитанный своей наукой. В его наследии – соединение отдельных дарований, энергичной деятельности и всех научных достоинств.

1 июня 2008 г. в Институте географии РАН отметили 100-летие со дня рождения Эдуарда Макаровича Мурзаева. Его имя вслед за академиком В.А.Обручевым было названо в ряду российских ученых-энциклопедистов.

Эдуард Макарович Мурзаев для меня был первым человеком, который открыл необыкновенную землю – Монголию задолго до того как довелось ступить на нее. Он остается любимым учителем. Это он подвел к воротам науки – монголоведению. Ничто не умирает с нашими учителями. Мы учились и учимся их науке.

Список научных трудов К.Н.Яцковской

- Канд.дис.: Дашдоржийн Нацагдорж (1906–1937). Жизнь и творчество. М.: 1972, 229 с. (АН СССР. Институт востоковедения.)
- Монгольская литература / АН СССР. Институт востоковедения. М.: Наука, 1969. Совм. с Г.И. Михайловым (Литература Востока).
- Дашдоржийн Нацагдорж / АН СССР. Институт востоковедения. М.: Наука, 1974. – 133 с. – То же: Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1976. – 164 с. (На монг. яз).
- Публикация; введение; ст. Певец-импровизатор и его песни; перевод с монгольского; коммент. // Сто песен дархата Г.Давааджия / АН СССР. Институт востоковедения. М.: Наука, 1978. – 104 с. – То же: КАЗакпарат, – Алматы.: 2001. – 126 с. (На казах. яз).
- Народные песни монголов / АН СССР. Институт востоковедения. «Наука» ГРВЛ. – М.: 1988. – 255 с.
- Сост.; Введ.; Монгольская литература и ее изучение. С. 5–17. Ст. Новая литература. С. 273–292. Примечания. С. 293–309. // Монгольская литература. Очерки из истории XIII – первой половины XX вв. / РАН. Институт востоковедения, АН Монголии Институт языка и литературы. Изд-во «Современный писатель». – М.: 1997. – 338 с.
- Поэты Монголии XX в. / РАН. Институт востоковедения. Изд-во «Экслибрис-Пресс» – М.: – 2002. – 248 с.
- Вступительная статья // Дашцэвэгийн Сэнгээ. Голубь. Стихи и поэмы. Гос. издательство художественной литературы. – М.: 1961. – С. 3–7.

- Песня в творчестве Д.Сэнгээ // Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников (23–25 июня 1964 г.). Тезисы и планы докладов. М.: Издательство «Наука», 1964. – С.89.
- Гражданская лирика Д.Сэнгээ (1916–1959) // Краткие сообщения ИНА. Вып. 84. Литературоведение. – М.: 1965. – С. 48–53.
- Монгольская литература // Детская энциклопедия. Т. IX. 1966. – С. Новые исследования монгольских филологов (Экспедиция 1966 г.) // Вестник Академии Наук СССР. – № 7. – М.: 1967. – С.105–106.
- Лирическая поэзия Монголии. С. 3–11. Сост. Биографические справки. // К солнцу! Стихи монгольских поэтов. Изд-во «Художественная литература». – М.: –1969.
- Монголын уянгын яруу найраг // Гадаадынхан монголын тухай. – Улаанбаатар.: 1971. – С.426–434.
- Предисловие // Б.Ринчен. «Заря над степью». Издательство «Прогресс». – М.: 1972. – С. 3–8.
- Живое слово поэзии // Вопросы литературы, 1973. – № 12. – С. 200–207.
- Советская литература в Монголии // Народы Азии и Африки, 1974. – № 4. – С. 76–85.
- Старые и современные песни, записанные у дархата Г.Даваажия // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы докладов шестой научной конференции. – М.: 1974. – С. 92.
- Список печатных трудов Г.Д.Санжеева [Сост.] // Исследования по восточной филологии. К семидесятилетию профессора Г.Д. Санжеева. Издательство «Наука». – М.: 1974. – С. 12–21.
- Монголия. Литература. // БСЭ. – Т. 16. М.: 1974. – С. 514–515.
- Три пьесы Д.Нацагдоржа (1906–1937) для эпического театра // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы докладов седьмой научной конференции. – М.: 1976. – С. 104.
- К вопросу о жанре песни в современной монгольской литературе // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. Т. 2. – Улаанбаатар.: 1977. – С. 261–265.
- Монголын зохиолчид Лениний тухай // Гадаадынхан монголын уран зохиолын тухай. – Улаанбаатар.: 1977. – С.253–261.
- «Үүрийн туяа» роман болон түүнийг зохиогчийн тухай // Гадаадынхан монголын уран зохиолын тухай. – Улаанбаатар.: 1977. – С. 261–269.
- Дашцэвэгийн Сэнгээгийн иргэний уянга // Гадаадынхан монголын уран зохиолын тухай. – Улаанбаатар.: 1977. – С.269–276.
- Монголын зохиолч Лодонгийн Тудэв // Гадаадынхан монголын уран зохиолын тухай. – Улаанбаатар.: 1977. – С.276–292.

Зохиолч Сономын Удвал // Гадаадынхан монголын уран зохиолын тухай. – Улаанбаатар.: 1977. – С.292–302.

Чухал үе (Гучаад оны монголын уран зохиолын тухай (Монгольская литература 30-х годов). Цог. № 6. 1978. – С.

Предисловие; составление // Новые горизонты. Литературно-художественная критика в МНР. – Издательство «Прогресс». – М.: 1979. – С. 5–13.

Автор «Солнечного журавля» // Предисловие к книге С. Эрдэнэ. Солнечный журавль. – Издательство «Прогресс». – М.: 1980. – С. 223–228.

Цэндийн Дамдинсурэн – писатель и ученый. // Иностранная литература, 1981. – № 7. – С. 175–179.

Дашдоржийн Нацагдорж и Бертольт Брехт. // *Literaturen Asiens und Africas. Theoretische Probleme.* Akademie-Verlag. – Berlin.: 1981. – С. 177–182.

Становление новой монгольской литературы и проблема взаимного сближения литератур // Особенности формирования национальных литератур народов, миновавших стадию капиталистического развития. / Материалы международного симпозиума. Улан-Батор, 1980. – М.: 1982. – С. 27–33.

Проза Сэнгийн Эрдэнэ. // С. Эрдэнэ, Д. Мягмар. Избранное. Издательство «Радуга». – М.:1982. – С. 7–15.

Молодо и мудро. (Штрихи к портрету Д.Цэвэгмида). // Литературная газета. –№ 27, 01.07. 1981. // На монг. яз. – «Утга зохиол урлаг». Улаанбаатар: 1982. – № 31, 10.07. – С. 4.

Образцы из «Синего дэбтэра» народных песен дербетов. // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. / Тезисы десятой научной конференции. Ленинград, 1982 год. – Ч. 2. – М.: 1982. – С. 292–294.

Новая книга о литературе Монголии. – Рец. на: Л.Тудэв. Национальное и интернациональное в монгольской литературе. М.: 1982. // Иностранная литература – 1983. – № 5. – С. 236–237.

Монголын зураг, яруу найрагчийн хөрөг (Пейзаж Монголии и портрет поэта) // «Утга зохиол урлаг» Улаанбаатар: 1983. – № 15 08.04. – С. 4. / М. Цэдэндорж. Бурханбуудайн хөх салхи. Улсын хэвлэллийн газар. Улаанбаатар.: – 1988. – С. 422–424.

Останется песня на свете: Заметки о монгольской поэзии 80-х годов.// Иностранная литература. – 1983, – № 8. – С. 179–183. На монг. яз.: Яруу дуугаар хүний ертөнцөд мөнхөрнө: Наяад оны монг олын яруу

найргийн тухай тэмдэглэл // Гадаадынхан Монголын тухай. Улаанбаатар.:1986. – С. 194–206.

Изучение монгольской литературы в СССР // 4 Международный конгресс монголоведов. – Улаанбаатар, 1984 – Т. 2. – С. 31–39.

Характер изменчивости монгольских народных песен [На примере из «Образцов монгольской народной словесности (С.-3. Монголия) и их новых записей»] // Всесоюзная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения акад. Б.Я.Владимирцова. Тезисы докладов. Издательство «Наука» ГРВЛ. – М.: 1984. – С. 165–166.

Образ коня в народных песнях монголов (С.-3. Монголия) // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы двенадцатой конференции. Москва, 1986 год. – М.: 1986. – Ч. 2. – С. 453–454.

Мартагдашгүй үйл явдлууд // Гадаадынхан Монголын тухай. – Улаанбаатар.: 1986. – С. 190–206.

Изучение литературы и фольклора. // Советское монголоведение (1917 – 1987). М.: Изд-во «Наука», – 1987. – С. 159–171.

Литературоведение и фольклористика. [Сост.]. // Библиография по советскому монголоведению. ИВ АН СССР. / Изд-во «Наука». – М.: 1987. – С. 72–90.

Дашдоржийн Нацагдорж в контексте современности // V Международный Конгресс монголоведов (Улан-Батор, сентябрь, 1987). Доклады Советской делегации. – Ч. III. Издательство «Наука» ГРВЛ. – М.: 1987. – С. 197–204.

Сотрудничество советских и монгольских ученых // АН СССР Всесоюзная ассоциация монголоведов. Бюллетень. Вып. I Издательство «Наука» ГРВЛ. – М.: 1987. – С. 23–27.

Монгольская литература. // Литературный энциклопедический словарь. «Советская энциклопедия». – М.: – 1987. – С. 228.

Персоналии. Там же. – С. 74; 86; 106; 205; 565; 590; 639; 660 –661; 687; 707; 715; 733 –734; 749.

Дэрбэт Хархуугийн Гунзэн и его песни // Актуальные проблемы современного монголоведения. – Улан-Батор.: 1987. – С. 234–239.

Зохиолч, эрдэмтэн Цэндийн Дамдинсурэн // Гадаадынхан Монголын уран зохиолын тухай. Улсын хэвлэллийн газар. Улаанбаатар.: 1987. – С. 142–154.

Сэнгийн Эрдэнийн үргэлжилсэн үгийн зохиолын тухай. Улсын хэвлэллийн газар. Улаанбаатар.: –1987. – С. 155–164.

Новые грани // Голоса молодых. Поэзия и проза. – Издательство «Радуга». – М.: 1988. – С. 207–214. (Библиотека монгольской литературы).

Результаты сотрудничества СССР и МНР в области общественных наук (в соавторстве с В.М.Солнцевым) // Двустороннее сотрудничество обществоведов социалистических стран: итоги, проблемы, перспективы. 1981–1986 гг. – М.: 1988. – С. 74–81.

Важный этап в развитии культурных связей СССР и МНР // Развитие связей между СССР и МНР в области культуры. 1971–1985. Библиографический указатель. – М.: 1988. – С. 7–14.

К проблеме изучения художественных особенностей «Сокровенного сказания монголов» // Владимирцовские чтения. II Всесоюзная конференция монголоведов. Тезисы докладов и сообщений. Издательство «Наука» ГРВЛ. – М.: 1989. – С. 188–191.

Народная песня в ее связи с традициями древней монгольской поэзии // История и культура монголоязычных народов: источники и традиции. Межд. «круглый стол» монголоведов. Тезисы. докл. и сообщ. – Улан-Удэ, 1989. – С. 88–90.

Монгольская литература // История всемирной литературы. Первая половина XIX в. / ИМЛИ. РАН. – Т. 6. Издательство «Наука». – М.: 1989. – С. 638–640.

Материнский ряд в образной системе «Сокровенного сказания монголов». // *Mongolica. An Intern. Annual of Mong. Studies.* – Ulan-Bator: 1990. – Vol. 1(22). – P.265–275.

Motives from “Secret History of the Mongols” in the “Heroic Epic of Genggis Khan” according to the Jagatai XVII Century Manuscript // The Intern. Conf., Dedicated to the 750th Anniversary of the “Secret History of the Mongols”. Abstracts of the Papers of the Conf. Participants. – Ulan-Bator.: 1990. – P.16–18.

Монгольская литература // История всемирной литературы. Вторая половина XIX в / ИМЛИ им. А.М.Горького РАН. – Т. 7. Издательство «Наука». – М.: 1991. – С. 686–688.

Элементы эпоса в народных песнях западных монголов // Взаимосвязи и закономерности развития литератур Центральной и Восточной Азии. – М.: 1991. – С. 15–23.

Поэзия и проза А.С.Пушкина на монгольском языке: переводы Ц.Дамдинсурэна и Д.Нацагдоржа // Творчество А.С.Пушкина и зарубежный Восток. – М.: 1991. С. 96–103.

Дашдоржийн Нацагдорж в контексте современности // Олон улсын монголч эрдэмтний V их хурал. – Т. 2. – Улаанбаатар.: 1992. – С. 135–140.

Элементы архаики в бытующих ныне монгольских *уртын дуу*. // VI Международный конгресс монголоведов. Доклады российской делегации. – Ч. 2. – М.: 1992. – С. 217–223.

Элементы архаики в бытующих ныне монгольских *уртын дуу*. // Олон улсын монголч эрдэмтний VI их хурал. – Илтгэлүүдийн товчлол. – Улаанбаатар.: 1992. – С. 166–167.

Заметки участника VI Конгресса монголоведов // Бюллетень Общества монголоведов РАН. – М.: 1993. – С. 29–36.

Послесловие [к публикации Отчета Ю.Н.Рериха о поездке в МНР 20.07–2.08.1958 г.] // Бюллетень Общества монголоведов РАН. – М.: 1993. – С. 99–102.

Из личного архива Н.П. Шастиной (1898–1980). // Бюллетень Общества монголоведов РАН. – М.: 1993. – С. 102–104.

Публикация: Шастина Н.П. «Из истории древних изречений монголов». Там же. – С. 105–117.

Предисловие (в соавторстве с Кляшторным С.Г.). // *MONGOLICA*. К 750-летию «Сокровенного сказания». – М.: 1993. – С. 3–6.

Памяти товарища. [И.Т.Кунавин (1933–1993)] // Бюллетень Общества монголоведов РАН. – М.: 1993. – С. 211–212.

Монгольская литература. // История всемирной литературы. Конец XIX – начало XX в. / ИМЛИ РАН. – Т.8 – М.: Издательство «Наука». 1994. – С. 616–619.

Неопубликованные материалы 20-х годов из личного архива Н.П. Шастиной.(1898–1980). // *MONGOLICA*–III. Из архивов отечественных монголоведов XIX– начала XX вв. Изд-во «Фарн».– СПб.: 1994 – С. 23–25.

Публикация: Шастина Н.П. «Китайцы-иконописцы в Улан-Баторе». – С. 26–27.

«Фрагменты статьи об аймачном храме «Орлуд». – С. 28–34. [Там же].

Жанр устного рассказа в творчестве Ц.Дамдинсурэна // Владимирцовские чтения III. Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции. – М.: 1995. – С. 209–215.

Сатирические мотивы в монгольских народных песнях. // Аман зохиол судлал (Фольклористика), Т. XIX. Улаанбаатар.: 1995. – С. 19–23.

Монгольский ёрол: записи XX века // Российское монголоведение. Бюл. IV. – М.: 1996. – С. 17–21.

Публикация, предисловие, примечания / М.И. Клягина-Конд-ратьева. Из дневниковых записей. 1-я Кентейская (Ононская экспедиция) // Российское монголоведение. Бюллетень IV. –М.: 1996. – С. 125–142.

Пушкин в Монголии. // Пушкин и мир Востока. – М.: 1999. – С. 275–288.

К 100-летию Нины Павловны Шастиной (1898–1980) // РАН. Восток (ORIENTS) – М.: 1999, № 3. – С. 215–218.

Публикация, введение, примечания / М.И. Клягина-Кондратьева. Хангайская экспедиция 1928 // MONGOLICA-V. Посвящается К.Ф. Голстунскому. Издательство «Петербургское востоковедение». – СПб.: 2001. – С. 124–156.

Публикация, комментарий, послесловие. Клягина-Кондратьева М.И. Гобийская экспедиция 1929 г. // Российское монголоведение. Бюллетень V. – М.: 2001. С. 412–435.

Монгольский аллитерационный стих в контексте мировой поэзии: (к постановке проблемы). // Российское монголоведение. Бюллетень V. – М.: 2001. – С. 254–265.

Ж.Батмөнх гуайн гэгээн дурсгалд // Жамбын Батмөнх. «Хүч х эрэглэж хэрхэвч болохгүй». – Улаанбаатар.: 2001. С. 494–496.

Памяти Людмилы Васильевны Букиной (1950–1997) // Российское монголоведение. Бюл. V. – М.: 2001. – С. 510–514.

Монгольская литература. // Изучение литератур Востока. Россия, XX в. / РАН. Институт востоковедения. Изд. фирма «Восточная литература» РАН. – М.: 2002. – С. 335–361.

Встреча цивилизаций (на примере русской и монгольской литератур). // Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций. / РАН. Институт востоковедения. Общество монголоведов. – М.: 2002. – С. 258–270.

«Сокровенное сказание монголов» и «Слово о полку Игореве». // РАН. Институт востоковедения. Общество монголоведов РАН. VIII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 5–12 августа 2002 г.) Доклады российской делегации. – М.: 2002. С. 297–301.

Юрий Николаевич Рерих (1902–1960). // ALTAICA VII. / РАН. Институт востоковедения. – М. 2002. – С. 183–199.

Живое наследие (к 100-летию со дня рождения Ю.Н. Рериха). / РАН. Восток. 2002. – № 5. С. 209–216.

Джагатайская рукопись XVII в. «Богатырское сказание о Чингисхане» и «Сокровенное сказание монголов» (13 в.) // Международный конгресс востоковедов. Тезисы. – М.: 2004. – С. 930.

К 100-летию со дня рождения Анны Евгеньевны Глускиной (в соавторстве с Л.М.Ермаковой). /РАН. Восток (ORIENTS) 2004. – № 5. С. 200–205.

К 95-летию со дня рождения и 20-летию со дня смерти Льва Залмановича Эйдлина. / РАН. Восток (ORIENTS) 2005. – № 5. – С. 209–216.

Народные песни цаатанов. Тексты. Анализ // Владимирцовские чтения-V. Доклады Всероссийской научной конференции (Москва, 16 ноября 2005 г.) – М.: 2006. – С.236–251.

Монгольское государство в трудах Н.П. Шастиной // IX Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8–12 августа 2006 г.) Доклады российских ученых. – М.: 2006. – С. 188–194.

Из рода «хранителей тайны огня» // MONGOLICA-VII (к 100-летию со дня рождения Д. Нацагдорджа). Издательство «Петербургское востоковедение». СПб., 2007. С.10–19.

Публикация, введение, примечания / Из воспоминаний М.И. Клягиной-Кондратьевой // MONGOLICA-VII (к 100-летию со дня рождения Д. Нацагдорджа). Издательство «Петербургское востоковедение». – СПб.: 2007. С. 88–101.

Четки с кораллами // Цэндийн Дамдинсурэн. К столетию со дня рождения / РАН. Институт востоковедения. Изд. фирма «Восточная литература» РАН. М.: 2008. С. 533–538.

Публикация, введение: Из личного архива Н.П. Шастиной // Страны Востока: история, культура, международные отношения. Доклады международной конференции, 26 ноября 2008 г. / Вестник международного центра азиатских исследований. Вып. 15. – Иркутск: 2008. – С. 34–44.

Вспоминая Нину Павловну Шастину (к 110-летию со дня рождения). // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Н.П. Шастиной. Иркутск, 26 ноября 2008 (в печати).

¹ Мурзаев Э.М. Рассказы об ученых и путешественниках. М., 1979, с. 95–96.

² Мурзаев Э.М. Указ. соч, с. 6.

³ Мурзаев Э.М. Указ. соч, с. 8–9.

⁴ Мурзаев Э.М. Непроторенными путями. М., 1948, с. 6.

⁵ Мурзаев Э.М. Средняя Азия. М., 1947; он же. Средняя Азия. Физико-географический очерк. М., 1957; 1961; Пекин, 1959 (на кит. яз.).

⁶ См.: Мурзаев Э.М. Рассказы об ученых и путешественниках. М., 1979, с. 97–100.

⁷ Мурзаев Э.М. Северо-Восточный Китай: Физико-географическое описание. М., 1955; То же. Пекин, 1959 (на кит. яз.).

⁸ Мурзаев Э.М. Путешествие в жаркую зиму. М., 1967.

⁹ Мурзаев Э.М. Годы исканий в Азии (XX в.: Путешествия. Открытия. Исследования). М., 1973.

- ¹⁰ Мурзаев Э.М. От редактора // Н.М. Пржевальский. Монголия и страна тангутов. М., 1946, с. 5.
- ¹¹ Мурзаев Э.М. Указ. соч, с. 6.
- ¹² Указ. соч, с. 25.
- ¹³ Мурзаев Э.М. Рассказы об ученых и путешественниках. М., 1979, с. 73.
- ¹⁴ Мурзаев Э.М. Указ. соч, с. 77.
- ¹⁵ Мурзаев Э.М. Указ. соч, с. 82.
- ¹⁶ Пунцагноров Ц. Э.М. Мурзаев багшийн төрсний 80 жилийн ойд зориулан // Шинжлэх ухаан амьдрал. 1988. № 5, с. 63–65.
- ¹⁷ Мурзаев Э.М. Монгольская Народная Республика. Физико-географическое описание. М., 1948, с. 4.
- ¹⁸ Мурзаев Э.М. Указ. соч, с. 5.
- ¹⁹ Мурзаев Э.М. Указ. соч. Gotha: Geographisch-Kartographische Anstalt. 1954 (на нем. яз.); Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1957 (на польском яз.); Пекин: АН КНР, 1958 (на кит. яз.).
- ²⁰ Мурзаев Э.М. Рассказы об ученых и путешественниках, с. 141.
- ²¹ Мурзаев Э.М. Известия АН СССР. Серия геогр. и геофизич. 1940, с. 6.
- ²² Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М., 1974, с. 235–253.
- ²³ Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- ²⁴ Мурзаев Э.М. Жизнь есть деяние. К 100-летию со дня рождения академика Л.С. Берга. М., 1976, с. 6.
- ²⁵ Мурзаев Э.М. Указ. соч, с. 82.
- ²⁶ Глазовская М.А., Рябчиков А.М. Выдающийся исследователь Центральной Азии. К 60-летию Э.М. Мурзаева // Вестник МГУ. 1968. № 3, с. 152–153.
- ²⁷ Пунцагноров Ц. Указ. соч, с. 63–66.
- ²⁸ Мурзаев Э.М. Тюркские географические названия, с. 3.

V. Библиография

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ИНСТИТУТА МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ СО РАН ЗА 2003–2009 гг.*

- Чимитдоржиев Ш.Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII-XVIII вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 215 с. (12,45 п.л.).
- Базаров Б.В. Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. 68 с. (4,0 п.л.).
- Бадмаева Ю.Д. Грамматические категории языка «Сокровенного сказания монголов» (в сопоставлении с бурятским языком). Улан-Удэ: Издательский дом «Буряад унэн», 2003. 108 с. (5,25 п.л.).
- Цыбикдоржиев Д.В. Происхождение древнемонгольских воинских культов (по фольклорно-этнографическим материалам). Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2003. (20 п.л.)
- Монголоведные исследования. Вып. 4. Сб. научных статей. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 2003. 231 с. (10 п.л.).
- Санжеевские чтения – 5. Материалы научной конференции. В 2-х частях. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. (44,6 п.л.)
- Буддизм в контексте истории, идеологии и культуры Центральной и Восточной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 198 с.
- Чимитдоржиев Ш.Б., Лыскокова В.Ц. Георгий Никитич Румянцев – ученый-востоковед. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 70 с. (4,19 п.л.).
- Базар Барадин. Жизнь в тангутском монастыре Лавран. Дневник буддийского паломника (1906–1907 гг.) / Подготовка к публикации, предисловие и комментарии Ц.П.Ванчиковой. Научный редактор Ш.Чоймаа. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. 256 с. (17,5 п.л.).
- Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. (8 п.л.)

* Список публикаций ИМБит СО РАН подготовлен к.ф.н. Б.-Х.Б. Цыбиковой.

- Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып.6. Сб. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. (10 п.л.)
- Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 546 с. (32 п.л.)
- Дашибалов Б.Б. На монголо-тюркском пограничье (этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 202 с. (23,71 п.л.)
- Чимитдоржиев Ш.Б. Академик Б. Ринчен – выдающийся ученый и писатель (1905–1977). Улан-Удэ, 2005. 96 с. (7,55 п.л.)
- Древние кочевники Центральной Азии. Материалы международной конференции. Улан-Удэ. 2005. 171 с. (20 п.л.)
- Монгольская империя: этнополитическая история. Улан-Удэ. Издательство БНЦ СО РАН. 2005. 190 с. (11 п.л.)
- Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ. Издательство БНЦ СО РАН. 2005. 295 с. (17,2 п.л.)
- Письменное наследие монгольских народов: актуальные проблемы информационного обеспечения востоковедных исследований. Мат-лы I Международного семинара. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 201 с. (12,11 п.л.)
- Этногенез народов Центральной Азии. Отв. ред. Б.Р. Зориктуев, А. Очир. Улан-Батор. 2005. (15 п.л.)
- Абаева Ю.Д. Интонация побуждения в монгольских языках и диалектах северо-восточного ареала Центральной Азии. Улан-Удэ, 2006. 168 с. (9,76 п.л.)
- Базарова Б.З. Монгольские летописи – памятники культуры. М., 2006. 368 с.
- Базарова В.В. Латинизация бурят-монгольской письменности в 1920–1930 гг. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. 238 с. (15,02 п.л.)
- Герасимова К.М. Вопросы методологии исследования культуры Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 341 с. (28 п.л.)
- Скрынникова Т.Д., Крадин Н.Н. Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006. 557 с. (36,5 п.л.)
- Чимитдоржиева Л.Ш. Русские посольства к монгольским Алтан-ханам. XVII в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 156 с. (9 п.л.)
- Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 7. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. (14,2 п.л.)
- Монгольские языки и диалекты северо-восточного ареала Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 198 с. (11,50 п.л.)
- Земля Ваджрапани: Буддизм в Забайкалье. Коллективная монография. М.: Изд-во ДИК, 2008. (97,5 п.л.)
- Пространство в традиционной культуре монгольских народов / Нанзатов Б.З., Николаева Д.А., Содномпилова М.М., Шагланова О.А. М.: Вост. лит., 2008. 341 с. (24 п.л.)
- Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): Сб. документов: в 2 ч. М.; Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. Ч. 1. 349 с. (44 п.л.); Ч. 2 326 с. (41 п.л.)
- Базаров Б.В., Жабаева Л.Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 376 с. (23,3 п.л.)
- Коллектив авторов. Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2008. (30 п.л.)
- Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в XX в.: Сб. науч. ст. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. 332 с. (21 п.л.)
- Императивы России в транспортную систему Восточной Азии. Сб. науч. ст. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. 167 с. (12 п.л.)
- Этнокультурные и фольклорные традиции монгольских народов в контексте истории и современности. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 284 с. (33 п.л.)
- Мир Центральной Азии-2: Сб. науч. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 441 с. (25,5 п.л.)
- Гомбожаб Цыбиков – выдающийся ученый и путешественник: Сб. науч. ст. Вып 1. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2008. 192 с. (11,1 п.л.)
- Гомбожаб Цыбиков – выдающийся ученый и путешественник: Сб. науч. ст. Вып 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2008. 198 с. (11,2 п.л.)
- Буддийские тексты в Китае, Тибете, Монголии и Бурятии. Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 187 с. (11,5 п.л.)
- Монголын төмөр зам (1937–1957). Баримт бичгийн эмхтгэл (Монгольская железная дорога (1937–1957). Сборник документов). Улан-Батор, 2009. 215 с.

Научное издание

**Российское монголоведение
Бюллетень VI**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор М. С. Грикурова

Корректор Л. В. Хохлова

Верстка П. Л. Перепелкин

Подписано 03.09.2012
Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 17,6. Уч.-изд. л. 15,7.
Тираж 200 экз. Зак. №

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, Рождественка, 12
Информационно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано «2x2 PRINT», г. Москва,
Б. Черкасский пер., д. 4, стр. 1, тел.: (495) 661-26-77